

НОВЫЕ
ГЕРОИ

НАШ ЧЕЛОВЕК
В СССР

СЕРГЕЙ ДЕВОЙНО
*Курт -
маленький
маг*

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

РЕВАНШИСТ

Annotation

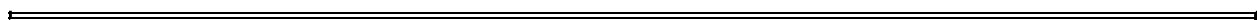
Современный и не слишком удачливый писатель Сергей Девойно получает шанс прожить жизнь заново. Его сознание переносится в 1975 год в тело... самого Сергея, тогда еще только мечтающего о литературе. Он снова слесарь Минского тракторного завода, сирота, живет в общежитии, беден. Незавидные стартовые условия. С одним лишь исключением – он помнит все, что произошло с ним, страной и миром в будущем, а значит, может попытаться изменить не только собственную судьбу, но и ход мировой истории. Для начала Сергею нужно стать человеком, к которому станут прислушиваться. А чем не способ прославиться, написав, к примеру, «Гарри Поттера» на русском языке и на сорок лет раньше?..

- [Анатолий Дроздов](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)

Анатолий Дроздов

Реваншист

© Дроздов А., 2018

©ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Светлой памяти родителей моих

Глава 1

Вокруг была тьма.

Но не ночь – та не бывает такой непроглядной. Как ты ни укрывай окна шторами, свет все равно пробьется, и привыкший к темноте глаз различит проступающие в серой мгле стены и мебель. На забытие мое состояние тоже не походило: ведь я размышляю? Сон? Сны не бывают черными, это миф. Спящий человек всегда что-то видит: людей, животных, дома, природу... Ничего подобного вокруг не наблюдалось: тьма стояла плотная, почти осязаемая. Я попробовал пошевелить руками, затем ногами – ничего не вышло. Я вообще не чувствовал своего тела – его будто и не было. «Значит, я умер, – пришло осознание. – Дочь обрадуется».

Странно, но эта мысль почему-то не взволновала. Да и с чего? Со дня, как меня вышвырнули на пенсию, я не шел, а бежал к могиле. Выбирался из квартиры лишь в магазин за очередной партией бухла и квасил до посинения, пропивая остатки сбережений и печень. Печень, на удивление, выдержала, а вот сердце – нет. Когда грудь сдавило и накатиł страх, инстинкт заставил меня уцепиться за жизнь. Я вызвал «Скорую» и открыл дверь. Затем упал – там же, в прихожей. Это было последним, что я помнил.

«Интересно, где я умер: дома или в больнице?» Мысль мелькнула, чтобы пропасть: какая разница? «Где меня похоронят?» Да не все ли равно? Дочь наверняка выберет кремацию – так дешевле. Урну с прахом забирать не станет – сейчас многие так поступают. Зачем возиться? Из крематория позвонят раз-другой и угомонятся. Урну где-нибудь прикопают. На колумбарий дочь тратиться не будет. Государство выделяет на погребение пособие, которого хватит и на колумбарий, но дочь постарается сэкономить. Еще и с холдинга помощь стрясет. В моем пенсионном удостоверении стоит штамп «Ветеран труда». В этом случае, в соответствии с законом, организация обязана участвовать в погребении. Дочь это знает: она у меня умная. Кандидат юридических наук как-никак. Холдинг потратится на автобус, от Союза писателей пришлют венок. У них это отработано. Большая часть членов Союза – старики, а те имеют обыкновение умирать. Союз пришлет делегатов, те посидят, выпьют, толкнут речь о заслугах усопшего, пожелают ему земли пухом. После чего обо мне забудут – как забыли и о других. Кому сегодня интересны писатели? Ведь есть Ютуб, компьютерные игрушки, фильмы, наконец. С

ними легче. Все для тебя разжевали, открывай рот и глотай. К чему утруждать мозг? Ну, или то, что у них в черепах...

Воспоминания накатывали солено-горькие, словно океанские волны. Еще там, за Гранью, я осознал: жизнь прожита зря. И ведь не бездельничал: пахал так, что кости скрипели. У меня было все, что составляло предмет гордости советского человека: семья, квартира, машина, дача... В 90-е все посыпалось. Сначала сбежала жена. «Милый, в Италии щедро оплачивают уход за стариками, я заработаю и вернусь». Ухаживать ей так понравилось, что решила не возвращаться. Дочь-подросток осталась с отцом. Ее нужно было выводить в люди, и я лез из кожи. Репетиторы, вуз, аспирантура, защита диссертации – все требовало денег. Зарплаты не хватало. Но тут выяснилось, что за книги в России стали платить. Для меня начался звездный сезон или каторга – это как считать. Приходя домой, я ужинал и садился за клавиатуру. Стучал по клавишам до глубокой ночи. Утром, невыспавшийся, бежал на работу. Эльфы, орки, гоблины, гномы – вся эта хрень путалась в мозгах, но пипл хавал, книги раскупали, а на мой счет капали вожделенные рубли. Их хватило, чтобы купить дочери трехкомнатную квартиру, а вот на мебель – уже нет. К тому времени в литературу пришел кризис, орки с гоблинами читателю надоели, а ничего другого в голову не приходило. Гонорары иссякли. Дочь с зятем обиделись. Как же, они рассчитывали! Я предложил им зарабатывать самим. Это возмутило их до глубины души. Дочь пыталась уговорить меня сменить мою трехкомнатную квартиру на однокомнатную, разницу, естественно, отдав ей, но тут я уперся. В этих стенах я прожил более тридцати лет, и они для меня много значили. Дочь с зятем ушли, хлопнув дверью, и более не появлялись. На звонки не отвечали. От чужих людей я узнал, что стал дедом, но внука мне не показали.

Оставалась работа. В 90-е, сообразив, что теряю моторность, я уговорил руководителя одной важной организации учредить журнал. К тому времени издания возникали одно за другим, но прогорали быстро. Мы выжили – команда была хорошей. Работалось интересно. Все фонтанировали идеями, и мы претворяли их в жизнь. Журнал толстел и рос в тираже. Мировой кризис нас не затронул – только окрепли. Журнал знали в стране и за рубежом. Главный редактор в моем лице ездил по конференциям, где выступал с докладами. Их растаскивали на цитаты. У меня брали интервью... А потом у директора холдинга, которому принадлежал журнал, образовался племянник – выпускник журфака. Родного человечка следовало пристроить. Для начала его посадили мне заместителем – набраться опыта. Для этого требовалось наличие мозгов, у

племянника они отсутствовали. Тем не менее через пару лет он решил, что созрел. Чем меньше человек знает, тем больше у него апломба. Последний контракт со мной продлили ровно до пенсии, после чего уволили.

Племянник угробил журнал за два года. Чтобы создать новое, требуется недюжинный ум, развалить может любой дурак. У племянника вышло блестяще. Для начала он уволил моих людей – они ведь осмеливались спорить! Взамен набрал каких-то мутных дружков. Те смотрели ему в рот и кланялись. Было за что. С их способностями максимум, что им светило, – метла дворника. А тут офис, тепло, уютно, нужно только не забывать вовремя лизнуть шефа в определенное место. Через год тираж журнала упал в три раза, издание село на дотации. Цитировать его перестали. Я видел агонию детища, но помешать не мог. Кто станет слушать списанного в тираж редактора? Оставалось пить...

Сколько времени я предавался размышлениям, понять было трудно. Наверняка долго. Я вспомнил многое. При этом ругался и плевал – фигурально, конечно. Странно, однако новая ипостась не мешала мне испытывать эмоции. В конце концов это надоело. Прошное осталось там, сейчас следовало подумать о другом. Например, где я и что будет дальше? Ответа не было, окружающее выглядело непонятно. В книгах, которые я читал, посмертие выглядело иначе. Темный тоннель, свет в конце, а там – ангелы и родственники, ушедшие раньше. Далее мнения авторов расходились. Каждый гнул свою версию, но общим было одно: с душой что-то происходило. Но мой комитет по встрече медлил. «Может, никто и не придет?» – мелькнула мысль, и мне стало жутко. Висеть в темноте, неизвестно сколько времени? Да я с ума тут сойду, загрызу себя воспоминаниями. «Господи! – взмолился я. – Великий и всеблагий! Сделай хоть что-нибудь!»

Меня услышали. Вдали показался светлячок. Он походил на пламя свечи, только в отличие от него был белым и прозрачным. Мельтеша, словно бабочка над цветком, он медленно приближался, пока не встал передо мной.

– Испугался? – спросил мужской голос.

Он прозвучал прямо в сознании – громко и отчетливо, по-человечески. Так, что я мог разобрать и оттенок, и тембр.

– Испугался! – признался я.

– Все пугаются, – равнодушно произнес голос. – Разве что праведники радуются. Но тех...

По его тону можно было понять, что праведников он давно не встречал.

– Ты – ангел? – спросил я. – Этот, как его, херувим?

– И шестикрылый серафим тоже! – хмыкнул собеседник. – Какой только хреню не пичкают вас на Земле!

«Надо же, грубит», – удивился я.

– Иначе не понимаете, – пояснил гость. – Стоит проявить милосердие, как сразу начинают кланяться. «А можно мне хотя бы одной ножкой в рай? Я только с краюшку постою», – передразнил он кого-то и тут же деловито спросил: – Просить будешь?

– Нет, – сказал я.

– Почему?

– Все равно не помилуете.

– По крайней мере, самокритично, – одобрил он. – Чего взывал?

– Нужно определиться.

– С чем?

– С местом пребывания.

– Так ты его занял, – сказал гость. Мне показалось, что он пожимает плечами. Интонация, по крайней мере, была такой. – Что заслужил, то и получил. Вот побудешь тут лет эдак двести по вашим меркам, каждый грех вспомнишь в мельчайших подробностях и за каждый покаешься, – в его голосе чувствовалось нескрываемое злорадство. – Тогда и поговорим о месте.

Я струхнул. Перспектива выглядела маловдохновляющей. Но паника, затопившая сознание, быстро ушла. Если б меня ждало то, о чем говорил посланец, он бы не явился. Тут что-то другое. Темнит «херувим».

«Умный! – раздалось в моем сознании. – Всегда им был. Догадался».

– Меня ждут мытарства? – спросил я.

– Раскатал губу! – хмыкнул он. – Мытарят тех, у кого есть шанс. Или сам оправдается, или за него заступятся. Тебе это не грозит.

– Тогда зачем пришел? – вздохнул я.

– Послали... – огорченно проронил он. – Ты – хитрый! Успел сказать.

– Что? – удивился я. – Когда? Постой... Перед тем как грохнуться на пол в прихожей, я что-то проговорил. Ну да! «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня грешного!»

– Да еще трезвый был, – подтвердил гость. – Молитвы пьяных Он не принимает. Так что будет тебе милость, раб Божий. Отправишься назад и проживешь жизнь, как заповедано Им. Если сможешь.

В его голосе читалось неприкрытое сомнение.

– Э-э, нет! – запротестовал я. – Умер так умер! Не хочу!

– А кто тебя спрашивает? – вновь хмыкнул он, и от белого облачка ко

мне протянулся луч. Он коснулся моего сознания и...

* * *

Я открыл глаза. Вокруг было темно. Но не так, как только что в непроглядной взвеси. В полумраке виднелась дверь и раковина умывальника в углу. Я поднял голову и осмотрелся. Узкая, как пенал, комната с одним окном. Напротив окна – дверь. По обеим сторонам длинных стен – койки, возле каждой – тумбочка и стул. Всех коек четыре, три из них заняты, включая мою. Больничная палата, это к гадалке не ходи.

«Все-таки меня откачали, – пришло понимание. – А то, что я видел и слышал, – галлюцинация. Вкололи какую-то дрянь...»

Я почувствовал облегчение. Хоть и не цеплялся за жизнь, но пережитое только что пугало. Пусть даже это был глюк.

Возле моей кровати не наблюдалось никакой аппаратуры. Даже капельницы. И вообще палата не походила на реанимацию. Значит, не инфаркт. В кардиологии мне доводилось бывать – друзей навещал. Обстановка там другая.

Я осторожно сел и прислушался к себе. Удивительно, но нигде не болело. Ни в груди, ни в колене (мой застарелый артроз), даже спина не ныла. Обезболивающих явно не пожалели. В диссонанс этой мысли внезапно засадил лоб. Я поднял руку и нащупал бинт. Ага! Суду все ясно. Падая, я, видимо, приложился лбом. Наверное, хорошо рассек, если забинтовали. И шов есть, иначе залепили бы пластырем. Это не беда. Я не модель, физиономией не торгую.

Подумав, я встал. Организм требовал кое-куда заглянуть. Меня не качнуло и не повело. Я вообще чувствовал себя прекрасно, если не принимать во внимание рассаженный лоб, конечно. Одежды на стуле не наблюдалось, и я в одних трусах вышел в коридор.

Здесь был свет. Тусклый и желтый. В подвешенных к потолку плафонах горели лампы накаливания. «Совсем не экономят электроэнергию, – мелькнула мысль. – Госконтроля на них нет. Они за энергосбережение глотку выгрызут».

Коридор выглядел убого. Крашенные голубой краской стены, беленый потолок, коричневый линолеум под ногами. Неподалеку виднелся стол дежурной, но ее самой не было. «Это куда меня завезли? – думал я, шлепая в конец коридора. – По уму должны были в «девятку», она ближе. Но там такого убожества точно нет, приходилось бывать». Туалет наконец нашелся,

и я протянул руку к двери. И замер: рука была грязной! Причем измазюкана капитально, как будто копался в моторе. Я поднес к глазам левую руку – та была точно такой. Это где ж меня угораздило? По асфальту, что ли, тащили?

Организм вдруг резко напомнил, зачем я здесь. Ладно, потом выясним. В туалете горел свет. Умывальник здесь был, так же как и мыло – розовое и размокшее. Ополоснув руки – грязь сошла с них удивительно легко, я вытер ладони о вафельное полотенце и скользнул в кабинку. Струя зажурчала в унитаз. Блаженство! Я подтянул трусы и вдруг замер. Это тело не могло быть моим! Где живот, закрывавший привешенные снизу причиндалы, где ноги с вылезшими венами? Я поднес к глазам ладони. Они были крепкими, с проступающими венами на тыльных сторонах, с подушечками мозолей под основаниями пальцев. Не мои. Черт!

Хлопнув дверью, я выбежал из туалета и помчался к столику дежурной. По пути в туалет я заметил на нем настольное зеркальце. Рядом еще красовался механический будильник с круглым циферблатом.

Зеркало я схватил почти на бегу. На меня глянуло смутно знакомое лицо. Слегка вытянутое, но не лошадиное. Не красавец, но и не урод. Прямой нос, тонкие губы, на подбородке – ямка. Лоб скрывает повязка, но и так видно, что высокий. Волосы – темные, острижены коротко. Тусклый свет помешал рассмотреть цвет глаз, но я и без того знал, что они зелено-серые.

– Что вы здесь делаете, больной?

Я оглянулся. Та-ак. Пухлая тетка лет сорока. Белый халат наброшен на плечи, лицо мягкое. Дежурная медсестра. Спала вместо того, чтобы бдить. Я разбудил ее, хлопнув дверью.

– Простите! – Я вернул зеркало на стол. – Хотел посмотреть. Вот! – Я коснулся пальцами бинта.

– Вам нельзя вставать!

– Мне этого не говорили.

– Так вас же без сознания привезли! – фыркнула она.

– Ходил в туалет...

– Под койкой есть утка. Могли б позвать.

Выпалив это, она сбавила тон. Ну да, дозволялся бы я...

– Извините, – вновь повинился я. – Не скажете, какое сегодня число?

– Седьмое, – ответила она, бросив взгляд на будильник.

– А месяц какой?

Она глянула на меня с жалостью.

– Июнь тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Идите в палату,

больной! Немедля!

– Слушаюсь! – отрапортовал я.

Сестра отконвоировала меня к койке. Затем исчезла, притворив за собой дверь. Наверное, пошла досыпать. Как только шаги смолкли, я встал. Над палатным умывальником я заметил зеркало. Щелкнув выключателем, уставился в него. Нет, не ошибся. Это я. Сергей Александрович Сامةц, собственной персоной. Только моложе на сорок лет.

– Эй! – донеслось с ближней койки. – Гаси свет! Днем насмотришься.

Я щелкнул выключателем и протопал к себе. Там прилег, устроив голову на тощую подушку. Гадский херувим! Удружил. Что теперь? Все по второму кругу? Рвать жилы? Биться лбом в те же двери? Завод, заочная учеба и, как подарок судьбы, приглашение в многотиражку. Как же я тогда радовался, дурак! Сколько фигни написал, тратя на это силы и время. Затем была ведомственная газета, потом республиканская. Первая книжечка в бумажном переплете... Ее никто не заметил и, кажется, не прочел. Зато книжечка помогла мне пробиться в Союз писателей. Даже не хочется вспоминать, чего это стоило. Печень едва выдержала. Жена, ребенок, квартира – «подменка», полученная от редакции. Гора счастья... Вторая книжечка, повторившая судьбу первой, зато выданные через Литфонд трехкомнатная квартира, автомобиль, участок земли. Сколько пришлось побегать, чтобы построить дачу! Сколько пришлось кланяться, писать лживых статей! И что в итоге?..

Ничего мне не изменить. Я винтик в огромном механизме. Где вкрутили, там и должен торчать. Попробуешь выскочить, смеют в пыль. Спасти СССР? Ага! Союз сгнил, хотя делает вид, что крепок. И сгноила его партия – та самая, которая КПСС. При Хрущеве она встала на путь автаркии^[1]. Спряталась за высоким забором и стала жить для себя. Спецклиники, спецсанатории, спецраспределители... В командировке мне рассказывали: жена первого секретаря обкома, директор школы, поручила учителям купить конфеты «грильяж». Хотела угостить зарубежных гостей. И очень удивилась, когда ей ответили, что в магазинах таких конфет нет. Не бывает. Партия избавилась от контроля общества, преследует за критику в свой адрес. Это мешает ей строить коммунизм – для себя любимой. У меня был одноклассник, который захотел поступить в МГИМО^[2]. Мечтал о карьере дипломата. Умница, золотой медалист, он подступал к высоте трижды. Потерпев поражение, вновь готовился. Штудировал книги, занимался с репетиторами. Пока наконец кто-то не сжалился. Однокласснику объяснили, для кого существует МГИМО. Кто там числится

в студентах. Чей сын, внук, племянник, деверь... Одноклассник не поверил. Такого не могло быть! Ведь он живет в самой справедливой стране! Пути открыты для всех. Он тешил себя этой иллюзией, пока не увидел списки зачисленных. Все названные ему фамилии там были, а вот его – нет. Рассказывая это мне, одноклассник плакал...

Как я могу спасти СССР? Обратиться в ЦК? «Уважаемые члены Политбюро, я знаю, что случится со страной в будущем. Первым делом избавьтесь от Горбачева! Закопайте его поглубже...» Они избавятся... В Новинках^[3] одним пациентом станет больше. О нынешнем Политбюро можно сказать кратко: маразм крепчает. Сулов в своем кабинете спускает брюки – жарко ему – и забывает их натянуть. Брежнев через полгода перенесет клиническую смерть и подсядет на наркотики. Через семь лет он умрет. Наступит пятилетка великих похорон. «У вас есть пропуск на прощание с генеральным секретарем? О чем вы? У меня абонемент...» Выбрать в руководстве СССР самого вменяемого? А как донести до него информацию? Чтобы руководитель прочел письмо, оно должно к нему как-то попасть. Почту сортирует секретариат. Там трудятся люди, ценящие свои должности. Они не станут подносить шефу откровения сумасшедшего.

«Ладно! – сказал я себе. – Утро вечера мудренее». И с этой мыслью уснул.

* * *

Разбудили нас довольно рано. Я умылся, пригладил пятерней волосы (расчески не было) и познакомился с соседями. Слесарь Миша (это он кричал на меня ночью) попал в больницу со сломанной ногой. Возвращался после работы домой и поскользнулся на ступеньках крыльца. Ага, летом, в сухую погоду. Лицо Миши в цветах флага СССР давало ясное представление, как это произошло. Другой обитатель палаты, дядя Коля, неловко поднял диван. В анамнезе – перелом отростка на позвоночнике, постельный режим, уколы.

Завтрак нам принесли в палату. Овсяная каша на воде, два кусочка хлеба (один – белого), кусочек масла, чай. Не зажируешь. Организм у меня молодой, мяса хочет. Можно сбегать в магазин, он неподалеку, но нет одежды. Меня привезли сюда прямо из цеха – это сказала медсестра. Потому и руки были грязные. Спецовку сняли, она в кладовой. А вот кошелек оставили – нашел в тумбочке. В кошельке – тринадцать рублей, восемь копеек. Не так мало для этой реальности. Вареная колбаса стоит от

1,9 до 2,8 рубля за килограмм. Сыровяленая («сухая») – больше пяти. Ее, правда, не купить, когда «выбросят» – очереди. С полукопченой проще. Она бывает четырех видов: «Одесская», «Краковская», «Ветчинная» и «Тминная». Цена где-то 3,5 рубля за килограмм, точно не помню. Водка – 3,62 за бутылку, это самая дешевая – «коленвал». «Столичная» – 4,12, если не ошибаюсь. Вполне можно выпить и даже друзей угостить.

Осталось узнать, как получил травму. В той жизни у меня ничего подобного не было. Как-то уронил на ногу плиту от штампа. Перелом пальца, лечился амбулаторно. А вот чтоб прилетело в голову... Гадом буду – «херувим» постарался. Ладно, врач разберется.

Он появился после завтрака. Лет сорока, с залысынами на высоком лбу, в белом халате и со стетоскопом на шее. С порога направился ко мне и сразу присел на стул у койки.

– Как чувствуете себя, больной?

– Замечательно, – ответил я.

– Говорили, что вставали.

– Ходил в туалет.

– Надо было позвать сестру.

– Зачем?

– У вас травма головы. Привезли без сознания. Скорее всего, сотрясение.

– Был бы мозг, было бы сотрясение.

Врач, видимо, этой шутки не знал, поскольку хохотнул.

– Хорошо, что вы шутите. Но... – Он покачал головой: – Голова болит?

– Нет.

– Что, совсем?

– Чему там болеть? Сплошная кость.

Миша за спиной доктора заржал.

– Но-но! – Врач погрозил мне. – Головокружение, тошнота?

– Ничего нет. Честное слово!

– Странно.

Врач достал из кармана молоточек.

– Сядьте и смотрите сюда!

Я подчинился. Он поводил молоточком перед моим лицом, затем простучал им руки и ноги. Поднялся со стула.

– Встаньте! Закройте глаза и вытяните руки вперед. Растопырьте пальцы. Так... Не открывая глаза, указательным пальцем правой руки коснитесь кончика носа. Теперь левой...

– Удивительно, – сказал он, когда я сел. – Все в норме. Если не считать

трех швов на лбу. У вас правда нет тошноты?

– Честное комсомольское! – заверил я.

– И что с вами делать?

– Выписать! – предложил я.

– Не пойдет, – покачал он головой. – Травмы головы коварны. Надо понаблюдать. Так что лежите. И постарайтесь не вставать. Закружится голова, упадете, ударитесь головой. Она у вас крепкая, но лучше не усугублять. А вот посещения я вам разрешу. Уже звонили...

Глава 2

Посетитель нарисовался ближе к ужину. К тому времени я успел отобедать (молочный суп, макароны с куском рыбы, компот) и обдумать свое нынешнее положение. Днем все виделось не так грустно, как ночью. Да, попал. Ну, так в свое тело, а не в какого-нибудь неизвестного индивидуума. Никаких проблем с совмещением психоматриц. Я – это я! И тело, и биография, и воспоминания – все мое. Что-то подзабылось, конечно, но это ерунда. На память я никогда не жаловался – вспомним. Почему «херувим» выбрал именно этот период моей жизни, я догадывался. 1975 год стал поворотным в моей судьбе, точкой бифуркации, если говорить по-научному. Я бросил заочное отделение Политехнического института и поступил в Литературный – тоже на заочное. Вернее, еще не поступил, это случится в будущем году. Направление было выбрано правильное. А потом я свернул... Поправим.

Итак, план действий. В политику мы не лезем – глупо. Сжуют и не поморщатся. Но кое-что попытаемся. Чернобыльская АЭС... В моем времени эта катастрофа положила начало крушению СССР. А потом... Заболевшие раком дети, переселенные деревни, загрязненные территории... Тридцать лет небогатая Беларусь, отрывая последний кусок, минимизировала последствия аварии. Вбуханы миллиарды долларов. Если направить их на другие цели, страна легче переживет распад СССР. И националисты обломятся. В той жизни они прорвались в парламент, спекулируя на чернобыльской теме. Правда, потом Батяка их разогнал. Но в этой реальности может пойти по-другому, и моя Беларусь станет задворками Европы. Как та же Болгария.

Чтобы ко мне прислушались, нужен статус. Но не журналиста. Здесь они в авторитете и даже становятся лауреатами Ленинской премии^[4]. Но... Аграновских^[5] мне не потеснить – уровень не тот. А с меньшим статусом к власть предержащим нечего и соваться. Зря потрачу время. В той жизни я кинулся в журналистику, потому что не верил в себя. Боялся, что в литературе потеряю время. В принципе, был прав. Тогда я ничего умел. А вот сейчас... Талант, как известно, не пропьешь. И пусть писатель из меня слабенький, не Лев Толстой и не Гоголь, чего уж там, но слова в строчки я складывать умею. В той жизни критики хвалили мой стиль. Были и тиражи, и восторженные отзывы читателей. Значит, смогу.

В литературе, так же как в журналистике, очень важно оказаться в

нужном месте в нужное время. Здесь у меня колоссальное преимущество. Я знаю, что нужно читателю. Так что – в путь! Все остальное – побоку, даже Литературный институт. Нет, вуз классный. В том времени он превратил провинциального паренька в отменного специалиста, затмевавшего своими знаниями не сподобившихся в нем учиться коллег. Но зубрить по второму кругу? На фиг, на фиг! Для писателя диплом не обязателен. Успех Шолохова с его четырьмя классами гимназии и Пикуля, отчисленного из военного училища «за нехваткой знаний», тому пример. Шолохов – живой классик, а книгами Валентина Саввича сейчас зачитывается страна. Его романы издаются миллионными тиражами, и расходятся они влет. Решено!

Где будем пробиваться в литературу? Минск отпадает. Я неважно знаю белорусский язык, а здесь он в тренде. Из трех толстых литературных журналов два выходят на белорусском языке. Третий – «Неман» – публикует переведенные на русский «творы», напечатанные в первых двух. Можно, конечно, подтянуть «мову», но это притормозит путь к признанию. Пока напечатают на белорусском, затем переведут на русский... «Перевести», конечно, могу и сам, Василь Быков так делает, но время, время! У меня его и без того в обрез. До Чернобыльской катастрофы меньше одиннадцати лет. Отнести рукопись в издательство, минуя журнал? Они там лежат годами. К тому же книга, изданная без публикации в журнале, – могила неизвестного писателя. Здесь пока так. Поэтому – в Москву, в Москву!

Я пребывал в размышлениях, когда отворилась дверь. В палату шагнул мужчина лет пятидесяти – высокий, худой и со смуглым лицом. Надо же! Сам товарищ Мамай пожаловал. И не надо лыбиться: в Беларуси татары живут со времен Витовта. Не один век охраняли западные рубежи княжества Литовского. В Грюнвальдской битве уконтрапупили великого магистра. С веками татары потеряли язык, но сохранили веру. Их священные книги написаны на старобелорусском языке. По ним, к слову, восстанавливали древнее звучание «мовы».

Мамай встал на пороге и зашарил взглядом. Увидев меня, заулыбался и направился к койке. Блин! Забыл, как его зовут. Столько лет прошло. Неудобно. Хотя... За глаза мастера дразнили «Буденный». Спрашивается, из-за чего? Усы? Лицо у Мамаея гладко выбрито. Значит, имя-отчество...

– Здравствуйте, Семен Михайлович!

– Привет, Сергей!

Мамай опустился на стул, поставив у тумбочки холщовый мешок. Не пустой, между прочим, пришел. Передача прибыла. Сам мастер принес!

Горжусь...

– Как ты?

– Нормально, Семен Михайлович! Скоро выпишут. А у вас?

– Ну... – Он сморщился.

– Дело шьют?

– Нарушение правил техники безопасности, приведшее к травме работника, – процитировал он. – В мою смену, значит, я виноват. Выговор – это в лучшем случае.

Печаль. За производственные травмы в СССР спрашивают строго. Жаль Михайловича – хороший человек. А выговор – это лишение квартальной премии. И о тринадцатой зарплате можно забыть.

– Что там произошло? Не помню. – Я тронул рукой забинтованную голову.

– Ты затачивал штамп на шлифовальном станке. Перед этим менял пуансон. Коснулся его кругом, отлетел кусок... Хлопцы видят: упал. Подбежали, а ты без сознания и голова в крови...

– А где тут нарушение?

– Ну... – Он задумался. – Ты же его боковой стороной круга резал.

Разумеется, боковой. Так удобнее и быстрее. Все так делают. Но правилами запрещено.

– Кто это видел?

– Никто. Но на осколке остался след от круга, так что сразу поймут.

– Осколок нашли?

– Не искали. Не до того было.

– Вот и хорошо. Комиссии скажете: уборщица замела. А мусор вывезли.

– Все равно не поверят, – вздохнул он. – При шлифовке сверху осколок ударяет в щиток.

– Не факт. Излом пуансона видели? Ровный?

– Наискосок. – Мастер заинтересовался.

– Вот! – сказал я. – В пуансоне могла быть микротрещина. Или перекалили. Надо выпрессовать остаток и отдать в лабораторию. Пусть проверят. В том штампе пуансоны часто выкрашивались, значит, перекалены. А теперь смотрим. Я впрессовываю в штамп новый пунсон. Ставлю его на плиту шлифовального станка. Подвожу круг. Бац – отлетает кусок и летит в щиток. Но не прямо, наискосок. Из-за этого рикошет мне в голову. На щитке вмятина есть?

– Нет.

– Плохо искали. Должна быть.

Я подмигнул.

– Сережа! – Мамай протянул мне сухую ладонь. – Сделаем. Спасибо!

– Не за что. – Я ответил на рукопожатие. – Так и напишите в объяснительной: обстоятельство непреодолимой силы.

– Как, как? – заинтересовался он.

Я повторил.

– Запомню. Я тут кое-что принес. – Мамай придвинул к кровати сумку. – Может, еще чего?

– Одежду. Она в шкафчике в раздевалке. Номер шкафчика – восемьдесят два. Не идти же домой в робе.

– Прямо сейчас и сбегать! – кивнул он. – Тут рядом.

Ну да, до тракторного завода – рукой подать. Можно даже пешком – одна остановка. Шестая больница Минска.

– Сергей! – прицепился ко мне Миша, когда Мамай ушел. – Что такое пуансон? И штамп?

– Ну... – Я почесал в затылке. – Представь, что то, что у тебя между ног, называется пуансоном. А то, что у жены, – матрицей.

Миша хихикнул.

– Ты ведь вставляешь пуансон в матрицу?

– Конечно! – Миша обиделся. – Я же не импотент!

Дядя Коля заржал.

– Что будет, если между пуансоном и матрицей положить, скажем, носовой платок?

– Ну...

– Пуансон втянет его в матрицу. По такому же принципу работает штамп. Бац – и пуансон выдавил в металле деталь. Миску, к примеру. Или вырубил отверстие, скажем, под болт. Так изготавливают многое. Со временем пуансоны и матрицы тупятся. Их требуется подточить или заполировать края, если штамп гибочный. Этим я и занимаюсь.

– Мы так вырубам прокладки в краны, – сказал Миша. – Из листовой резины. Но я не знал, что вырубка – пуансон. Умеешь ты объяснять!

А то! Меня за это в редакциях ценили. Написать сложно может любой дурак. А ты сделай так, чтобы домохозяйка поняла...

Мамай сдержал слово. Пока он ходил, я обревизовал передачу. Деревенская колбаска, домашняя булка, конфеты и даже бутылка коньяка. Фруктов нет – их в июне не продают. Свои не выросли, а из-за границы не завозят. Не поспешил мастер! Ну и я не остался в долгу. Квартальная премия у Мамай рублей двести. По нынешним временам – сумма! А бутылка коньяка стоит чуть больше пяти. Нормальный обмен.

После ужина я отнес бутылку врачу. Поначалу тот заартачился, но конфеты склонили чашу весов в нужную сторону. Я получил разрешение покинуть больницу на предстоящие выходные под железное обязательство вернуться вечером в воскресенье. Перед этим доктор вновь провел тест с доставанием носа пальцами и убедился, что пациент в порядке.

– Наверное, просто болевой шок, – пробормотал он задумчиво. – Оттого и сознание потерял. Ладно. Застрахован?

Я кивнул.

– Справку составлю как нужно, – пообещал доктор.

Я поблагодарил.

Больницу я покинул в сумерках. К остановке шел, неся в правой руке сумку Мамаю. Колбасу и выпечку я зажал. Есть захочется, а в магазин заходить лениво. Да и к вечеру на прилавках шаром покати.

Улицы города выглядели пустынно. Вечер пятницы. Народ сидит по домам или рванул в деревни: Минск – город приезжих. Сам такой. Личного транспорта здесь мало, государственный стоит в гаражах.

В воздухе стоял кислый запах горелой земли. Литейка... На тракторном она работает в три смены. Рядом – заводы автоматических линий и шестерен. Тоже не легкие планеты. Промышленный район. Подошел автобус, и я, запрыгнув в полупустой салон, сел у окна. Талончик пробивать не стал: в кошельке проездной. «Икарус» медленно катил по безлюдной улице. Я смотрел, узнавая забытые места. Парк 60-летия Октября – так его назовут два года спустя. Пока – «Корчи». Прозван народом за торчащие на дорожках корни деревьев. Гостиница «Турист», улица Плеханова. В моем времени здесь пустят трамвай и настроят высоток. Но пока – двухэтажные «сталинки» и частный сектор. Панельные дома начинаются в Серебрянке. В этом микрорайоне я живу.

Автобус свернул на проспект Рокоссовского, затем – на улицу Малинина. Все герои Отечественной войны. В Минске их именами названы десятки улиц. В моем времени ни одну не переименовали, даже новые появились. В Беларуси не забыли, кому обязаны освобождением. В той жизни я жил на улице Рафиева – азербайджанца, танкиста, Героя Советского Союза. Что бы он сказал, узнав, что через шестьдесят лет после его подвига на Украине в таких, как он, будут плевать? А в Прибалтике снесут памятники павшим воинам? Националисты, мать их!..

Автобус подкатил к остановке. Я вышел и зашагал к комплексу зданий, стоявшему на возвышении. Два девятиэтажных жилых корпуса, соединенных двухэтажным переходом. Малинина, 28 – общежитие тракторного завода. Один корпус мужской, второй – женский. По четыре

сотни женихов и невест с каждой стороны. Вечерами из корпуса в корпус идет бурное встречное движение, за которым присматривают бдительные вахтерши. От них не скроешься – знают все. Посетителей пропускают только до 23 часов. После чего гостей из общежития выдворяют. Как-то один из изгнанных решил влезть к подружке через лоджию. С внешней стороны женского корпуса они низкие. Мимо шел милицейский патруль. Он засек нарушителя и стал свистеть. Испугавшийся парень успел скрыться, потеряв при этом ботинок. Милиционеры подобрали его и предъявили вахтерше. Та выдала полную информацию: как зовут парня, к какой девушке он ходит и в какой комнате он сейчас. Чекистки...

Вахтерша, увидев меня, ойкнула.

– Все в порядке, Юзефа Ивановна, – успокоил я. – Бандитская пуля. Но враг не прошел.

– Сказали, несчастный случай, – не поверила она. – Железякой пробило голову, в больницу без сознания отвезли. Девчата плакали.

– И зря! – сказал я. – Нет железяки, способной пробить лоб советского человека.

– Как тебя только из больницы выпустили? – покачала она головой.

– А чтоб не мешал, – просветил я. – У них там праздник. Юбилей.

– Какой?

– Сотого больного похоронили.

– Тьфу на тебя! – плюнула Юзефа. – Нашел чем шутить! Иди отсюда!

– Слушаюсь! – Я вскинул ладонь к виску.

– К пустой голове руку не прикладывают! – уязвила она.

– А кто сказал, что она полная?

– Трепло! – заключила Юзефа. – И за что тебя девки любят?

– Я добрый, – сообщил я. – Они это сердцем чувствуют. Или другим местом.

Юзефа потянулась к венику, стоявшему у стола, и я ретировался. А то ведь махнет сгоряча. Наша вахтерша – женщина суровая, в войну служила в НКВД. Ее группа в числе первых врвалась в освобождаемые города. Задачей чекистов был арест коллаборационистов, которые не успели сбежать. Нужные адреса у них были.

Мне Юзефа благоволит. Во-первых, я сирота, а она – детдомовская. Родственные души. Во-вторых, я пришел со службы с медалью. У фронтовиков к «За отвагу» отношение особое. Просто так ее не давали. Юзефой я был допрошен и признан достойным. Теперь вхожу в список особо доверенных лиц. Могу даже оставить девушку на ночь. Правда, Юзефа этого не одобряет, так что льготой я не пользуюсь. Пока...

Я поднялся на седьмой этаж и открыл дверь с номером 707. Планировка в общежитии блочная, в каждом блоке две комнаты. Каждая рассчитана на двоих обитателей, итого их в блоке – четверо. Однако на каждом этаже есть блок, не имеющий второй комнаты. Ее «съел» лестничный пролет. Жить в таком считается удачей – всего один сосед. В комнаты с цифрами 07 селят лиц, приближенных к руководству, то есть блатных, или особо заслуженных. Я – из вторых. Кавалер боевой медали... В комитете комсомола похлопотали.

Соседа дома не оказалось. Все ясно – свинтил в деревню. Там у Коли родители и дружбаны. Завтра отправятся на Щару^[6], где будут купаться и ловить рыбу. Был я у Коли. Родители у него замечательные, да и сам он – парень что надо. Футболист, кандидат в мастера спорта. Заочно учится в физкультурном институте. В 90-е Коля пойдет в бизнес и его убьют. Бандитский наезд. Все сделаю, чтобы этого не случилось...

Встав на пороге, я некоторое время обозревал место моего прошлого и нынешнего обитания. Аскетично. Две койки с железной сеткой и спинками из шпонированного ДСП. Стол, на нем лампа. Купили в складчину. И Коле, и мне нужно готовиться к сессии. Хотя мне уже нет. Стул один. Если приходят гости, они сидят на койках. На окнах – шторы из плотного льна. Стенные шкафы, дверь в туалет... Душ – в подвале.

Я снял ботинки, брюки, рубашку и переоделся в спортивный костюм. Затем, кинув полотенце на плечо, отправился в душ. Там осторожно ополоснулся, стараясь не мочить голову. После купания захотелось есть. Я выложил колбасу на деревянную доску и нарезал ломтиками. Нож пластал мясо играючи. Ну, так сам делал. Инструментальщики мы или кто? Ножи мы изготавливаем из расклепанных моторных клапанов. Их сталь хорошо держит заточку и не ржавеет. Заготовки поставляет кузнечный цех. По бартеру – за готовые ножи или за деньги. Дальше – просто. Из полос на наждаке формируется контур – лезвие и рукоять. Затем будущий нож вставляется в самодельную оправку и кладется на стол плоскошлифовального станка. Спускаем «конус», затем шкурка и полировальный круг. Лезвие получается зеркальным – смотреться можно. Остается просверлить твердосплавным зенкером отверстия под заклепки в рукояти и прикрепить накладки. Для них используют органическое стекло. Здесь каждый изгаляется как может. Можно просто поместить под накладку цветную фольгу. Ее предварительно мнут, затем расправляют. Получается красивый узор. Один слесарь засунул под накладку фотографию тещи. С другой стороны – свою. Пришел домой, положил на стол своим фото кверху. Теща заметила и стала ругать зятя. Дескать,

самовлюбленный болван. Затем перевернула нож... Слесарь уверял, что после этого отношения с тещей наладились. Есть любители, которые делают наборные рукоятки. Но это сложнее. К лезвию нужно приварить шпильку, на которую нанизать куски оргстекла. Зажать навершием и сформировать рукоять. Морока. У меня рукояти простые. Строгать продукты это не мешает.

Уполовинив колбаску, я сбегал на кухню и вскипятил чайник. Сыпнул в заварник из бумажной упаковки. Чай грузинский, сено-соломенный. Индийского в магазинах нет. Дефицит. Дают только в продовольственных заказах, да и то – к праздникам.

Попив чаю с выпечкой, я помыл посуду и достал из шкафа стопку бумаги. Как плохо, что нет компьютера! Даже пишущей машинки. Они в этом времени продаются, но цена! Уродская «Москва» стоит 135 рублей – это моя месячная зарплата. Но за такое убожество и рубля жалко. Этой «Москвой» только гвозди заколачивать. Из портативных машинок самая лучшая – «Эрика». Ее делают в ГДР. Чудо, а не агрегат. Тихая, эргономичная, писать – одно удовольствие. Но и цена соответствующая – 280 рублей. В прошлой жизни у меня была югославская «Юнис», обошлась в 220. Тоже хорошая модель. Но ни «Эрики», ни «Юниса» в Минске не купить. В Москву ехать надо.

Машинка сейчас не требовалась. Я взял шариковую ручку и вывел: «Паважаныя таварышы! Даколи наша милицыя будзе сажаць у турму не тых? У нашай вобласці гвалцяць і забіваюць жанчын. Кагосці за гэта ўжо пасадзілі. Але яны невіновныя. Гвалціць і забіваець Михасевіч Генадзь з вёскі Салонікі ля Полацка. Ёе сам, п'яны, аднойчы мырмытаў сабе нос, што вось які разумны. Ён гвалціць і душа жанчын, а садзяць іншых. Ён думаў, што ніхто не чуе. Але я пачув. Разбярэцеся. І не глядзіце, што ён такі прымерны, нават у дружыну ўступіў. Бандыт і забойца, вось хто ён! Сваё імя не пишу, бо калі вы яго не арыштуеце, будзе мне помсціць.

Добры чалавек».

(Перевод. «Уважаемые товарищи! Доколе наша милиция будет сажать в тюрьму не тех? В нашей области насилуют и убивают женщин. Кого-то за это уже посадили. Но они невинные. Насилует и убивает Михасевич Геннадий из деревни Салоники около Полоцка. Он сам, пьяный, однажды бормотал себе под нос, что вот какой умный. Он насилует и душит женщин, а сажают других. Думал, что никто не слышит. Но я услышал. Разберитесь. И не смотрите, что он такой примерный, даже в дружину вступил. Бандит и убийца, вот кто он! Свое имя не пишу. Если вы его не арестуете, будет мне мстить. Добрый человек».)

Я взял конверт – у заочников они всегда есть – и написал адрес: «Минск, КГБ». Затем полюбовался на текст. То, что нужно. Стереть отпечатки пальцев я не стал. Зачем? Таких анонимок в органы приходят сотни. Сообщение об уголовном преступлении? Ерунда. Вот если бы я написал, что собираюсь убить Брежнева... Хотя не факт, что нашли бы. У многих людей кинематограф и детективы сформировали неверное представление о возможностях правоохранительных органов. Дескать, не успеешь пукнуть, а люди в штатском – уже за спиной. Ерунда. В ночь на четвертое июля 2008 года во время празднования Дня независимости у стелы «Минск – город-герой» произошел взрыв. Расследование показало, что это теракт. Около 50 человек были ранены. На празднике был президент, можно представить, что он сказал органам. За два года они перевернули страну. Дактилоскопировали практически все мужское население. (На второй, неразорвавшейся бомбе у стелы остался отпечаток пальца.) Результат? Террорист со средним образованием, троечник, легко проскользнул в расставленную сеть. Изготовил новую бомбу и 11 апреля 2011 года взорвал минское метро. Погибли 15 человек, более 300 пострадали. Некоторые стали инвалидами. Гада поймали и расстреляли, но сам факт... Искала милиция и КГБ, приезжали консультанты из-за границы – все без толку. Если бы не видеокамеры в метро...

В КГБ в мое письмо вцепятся. Михасевич разбойничает пятый год. Не одну женщину спровадил на тот свет. Милиция сбилась с ног. Посадили нескольких невиновных. Сигнал возьмут в работу. Михасевича расколют – психика у него неустойчивая. Сделают обыск, найдут вещи жертв – маньяк их грабил, а это – улики. Почему КГБ? Комитет за милицией присматривает. Если получится раскрыть тяжкое преступление, да еще ментов рожей в грязь сунуть, сильно обрадуются. Отношения между ведомствами не лучшие. Откуда знаю? В той жизни я контактировал с органами. Журналист... И о деле Михасевича я писал. Заклеив конверт, я положил письмо на стол. Завтра брошу.

С наслаждением почистив зубы (индийская паста «Kolynos» – это вам не болгарский «Поморин»), я отправился спать. С чувством глубокого удовлетворения. Один долг прошлому я вернул.

Глава 3

Утром я съездил в библиотеку и набрал журналов. Свежие номера были на руках, но я не стал заморачиваться – какие были, такие и взял. Разницы нет. На обратном пути забежал в гастроном, купил продуктов, заодно заглянул в аптеку. Приобрел бинт, марлевые салфетки, пластырь и перекись водорода. Дома размотал повязку и осмотрел рану. Она тянулась от лобной кости к виску. Три шва. На вид страшно, но на деле – ерунда. Рана сухая, кожа вокруг несет следы йода, но видно, что воспаления нет. Заживет.

Я обработал раневое поле перекисью, приложил салфетку и закрепил ее пластырем. Совсем другой вид! А то на улице и в библиотеке на меня посматривали. «Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве...» Нефиг привлекать к себе ненужное внимание.

Пообедав, я устроил себе литературный день. Первоначальную селекцию изданий я провел в библиотеке. Например, не стал брать журналы «Нева» и «Москва». Первый печатает ленинградских писателей, второй – московских. Нечего и соваться. «Дружба народов» сориентирована на переводную литературу из национальных республик. Не мой случай. Остаются «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Юность». К вечеру у меня устали глаза, и я, бросив чтение, плюхнулся на койку. М-да... В том времени у меня остались лучшие воспоминания о литературе советского периода. Как же, классика! Так-то оно так, но классиков в СССР немного. И писали они не по роману в месяц. Здесь вообще считается неприличным выдавать крупноформатное произведение чаще чем раз в два года. А журналы выходят ежемесячно, страницы надо заполнять. Вот и идут в печать авторы второго эшелона. Талантливые и не очень, нередко – близкие к руководству Союза писателей или же к главным редакторам. Впрочем, здесь это одно и то же.

Тексты в журналах были серенькими, даже очень. Нет, язык грамотный и запятые на месте – редакторы в СССР хорошие. А вот содержание... Мелкотемье, искусственные конфликты, примат идеологии. Поэтому здесь так популярна фантастика. Для читателя это отдушина... Зато литературному начальству фантастика не нравится. В самом деле! Тут уважаемые люди пишут идеологически выдержанные книги, а какие-то Ефремов со Стругацкими печатают «Час Быка» и «Трудно быть богом».

Как это согласуется с линией партии? Фантасты в СССР – изгой. Их терпят и издают, но всерьез не принимают. Так что с этого жанра начинать не будем. Реализм, и только реализм! Но не такой, как здесь.

В той жизни я увлекался балетом. Не пропускал премьер, был вхож за кулисы, знаком с артистами. Журналист как-никак. Так что театральную жизнь знал хорошо. Даже написал роман «Черный лебедь» – задолго до одноименного фильма. Роман не напечатали. На дворе были 90-е, балет мало кого интересовал. Читатель требовал эльфов и орков с гномами. А вот в этом времени балет в тренде. Гастроли за рубежом, переполненные залы, восторженные рецензии... и сбежавшие за границу артисты. Об этом не пишут. Восполним пробел. Разумеется, текст переработаем. В том варианте в балерину влюбился журналист. Здесь будет рабочий, будущий инженер. Спор о смысле жизни, разность взглядов на мир, разрыв... Остро и идеологически правильно. Цинично? Отнюдь. Классиком мне не стать, а кушать хочется. Поэтому требуется паровоз, который втащит меня в литературу.

Какой журнал выбрать? Разумеется, «Юность». Во-первых, он печатает молодых. Во-вторых – тираж. Два миллиона экземпляров! Заткнитесь гики, получившие тысячу «лайков» и раздувающие по этому поводу щеки! Такого вам не видать. Два миллиона! А ведь многие номера читают по несколько человек. Библиотечный экземпляр «Юности» затерли до дыр. Выглядит журнал скромно. Неказистая печать, неровный шрифт, но здесь на это не обращают внимания. Единственный минус: «Юность» – журнал тонкий. Роман предлагать стремно. У маститого, конечно, возьмут и напечатают с продолжениями. Но где я и где маститые? Поэтому повесть объемом не более шести авторских листов. Для дебюта самое то...

В дверь стукнули, в проем всунулась вихрастая голова. Лицо незнакомое.

– Кто здесь Семец?

– Я.

– К тебе пришли.

Бух! Ни «здрасьте», ни «до свидания». Вот молодежь! Сообразив, о чем только что подумал, я рассмеялся. Нашелся «старик». В марте мне исполнился двадцать один год. Никак не привыкну. Кто, интересно, пришел?

Я встал и переоделся. Встречать гостя в трениках негоже. Хотя здесь не стесняются. Но мы писатели или кто? Я запер за собой дверь и стал спускаться по лестнице. По пути спохватился. Посыльный прибежал не зря. Система пропуска в общежитие работает так. Возле вахтерши дежурит

двое-трое жильцов. Приходит гость, называет фамилию, к кому пришел. Дежурный идет вызывать. Хозяин спускается, сдает свой пропуск, гость тоже оставляет документ. Это гарантия, что гость не «заблудится» и выйдет вовремя. Рационально.

Свой пропуск я забыл в комнате, но возвращаться не стал. Плохая примета. Понадобится – сбегаю.

Юзефа свой пост сдала, дежурила Степановна. Старая гримза! У этой мышь не проскочит. Возле стола болтаются двое парней – это дежурные, – и стоят три девчонки. Которая из них ко мне?

– Сергей!

Ко мне шагнула стройная девушка. Овальное лицо, точеный носик, карие глаза. Темно-каштановые волосы, стрижка «каре». Хороша, чертовка!.. Мать! Я едва не выругался. Это ж надо было забыть! Передо мной стояла Галя, моя первая жена. Через полгода мы поженимся, через три месяца разбежимся. Вернее, убежит она. Стать женой прапорщика ей покажется перспективнее, чем начинающего писателя. Он то ли пробьется в литературу, то ли нет, а с прапорщиком надежнее. Сытнее. Через четверть века мы встретимся. Я забегу в пригородный магазин и увижу ее за прилавком. Рано постаревшую, с железными зубами во рту. Мы узнаем друг друга. Я замечу ее оценивающий взгляд. Дорогой костюм, модные туфли, швейцарские часы на руке. К магазину я подъехал на «Мерседесе». Тот был служебным, но она этого не знала. Я направлялся на переговоры с инвестором, а он жил за городом. Автомобиль через огромное стекло магазина Галина явно увидела. Мы обменялись парой фраз. Говорить было не о чем: прошлое сгорело. Я купил, что мне требовалось, и ушел. О встрече скоро забыл. Эта женщина меня более не интересовала.

Здесь я буду страдать. Запью, начну курить. От последней привычки не избавлюсь никогда. Ну и на фиг мне такое счастье?

– Привет! – выдавил я.

– Говорят, ты попал в больницу, – сказала она, глянув на мой лоб.

А то не знаешь! Галя так же, как и я, работает в прессовом корпусе. Смена у нее другая, но весть донесли. Такие новости расходятся мгновенно. Однако в больницу она не пришла. Мастер прибежал, а возлюбленная не спешила. И сегодня выбралась лишь к вечеру. Наверное, гладила, стирала, наводила красоту. А Сергей? Он никуда не денется...

– Как ты себя чувствуешь?

Вопрос дежурный. Мое самочувствие ее волнует, как зайца Интернет. И как я этого ранее не замечал?

– Спасибо, хорошо.

– Погуляем?

В глазах Гали читается предвкушение. Сейчас тип с пластырем на лбу обрадуется и побежит за кошельком. Отведет ее в кино, купит мороженое... Вечер нужно провести с пользой. Счас! Только шнурки поглажу.

– Извини, занят.

Вахтер и дежурные насторожили уши. Скандальчик. Отказали самой красивой девушке общежития. Теперь будут перетирать.

– И чем же? – язвительно спрашивает Галя. Лицо насупленное, глаза злые. Не привыкла к такому. А придется...

– Лечусь. Всего доброго.

Разворот – и к лестнице. Отношения нужно рвать, как бинт с раны, – резко и без жалости. Тогда не так больно. Гале это только на пользу. Возможно, найдет себе лейтенанта, а не прапорщика. Тот, как мне рассказывали, ее поколачивал...

* * *

В воскресенье я дисциплинированно вернулся в больницу, а в понедельник меня выписали – состояние больного не вызывало у врачей тревоги. Еще неделя амбулаторного лечения, и я вернулся в прессовый корпус. Там написал объяснительную, изложив в ней придуманную самим же легенду. Мастер ходил довольный – от него отстали. На щитке шлифовального станка нашлась вмятина (интересно, чем делали?), так что версия прокатила. Виновным назначили пуансон. Проверка показала, что тот перекален. В термическом цехе кому-то объявили выговор. И поделом – нефиг халтурить. Парни с участка мне подмигивали и пожимали руку. Мама у нас любят – хороший мужик. Что зря наказывать?

Дни потянулись скучные. Я работал, приходил в общежитие, ел и снова работал – уже за столом. Засиживался за полночь. Придя со второй смены, вскакивал в семь и садился писать. В 2000-е от такого темпа я бы загнулся. Здесь – хоть бы хны. Юность – сил полно. Пару раз Коля вытянул меня на футбол, но в последующем я отказывался. Коля поначалу обиделся, но после махнул рукой. Пусть пишет, контуженый!

Сосед у меня хороший. Если не играет в футбол, то оттирается в женском корпусе. Коля – завидный жених. Высокий, стройный, красивый. В институте учится... Девчата вьются возле него, как мошकारа. Стоит Коле прийти со смены, как его утаскивают в женский корпус. Там кормят, поят, ну, и ласкают, наверное. Подробностей не знаю – Коля не делится. Только

улыбается, словно кот, съевший сметану...

Ночевать Коля приходит домой. Здесь с этим строго. Ночь в женском корпусе грозит неприятностями. Случай зафиксируют, после чего потребуют жениться. Откажешь – пойдут жаловаться в профком, в комитет комсомола. Дескать, поматросил и бросил. Уволить не уволят, конечно, но из института выпрут. Распутным не место среди строителей коммунизма. Моральный Кодекс, ёпть!

Девчонки не оставляют попыток уложить Колю в постель, поэтому, зазвав в гости, поят вусмерть. Не раз, выйдя в коридор, я заставлял соседа в живописном состоянии. Цепляясь за стенку, он полз к комнате. Увидев меня, махал рукой и улыбался. Дескать, все нормально, корабль держит курс в гавань. А то, что говорить не может, – ерунда. Я подхватывал обмякшее тело, буксировал к койке, где укладывал и раздевал. Сам Коля сделать это был уже не в состоянии. Страшная вещь – женская любовь!

В свое время я тоже посещал женский корпус. В этот раз завязал – некогда. Ко мне тоже не ходили. Как поведал Коля, девушки опасались. Если завернул первую красавицу... Мне это было на руку. Взрыв гормонов хорошо гасит физкультура. В той жизни, вернувшись из армии, я забросил спорт. А вот выпить и поесть любил. К тридцати годам обзавелся брюшком. К пятидесяти сел на таблетки. Гипертония, холецистит, гастрит, артроз... Не собираюсь это повторять.

Через дорогу от общежития тянется заброшенный яблоневый сад. За ним плещется Чижовское водохранилище. Отличное место для занятий! Пробегка, затем силовые упражнения. В саду кто-то соорудил турник – дай бог ему здоровья! Подтягивания, выходы силой, подъемы переворотом... Приятная усталость и мышечная радость назавтра. По лестнице на свой этаж я поднимаюсь, прыгая через ступеньку. Хорошо быть молодым и здоровым!

К сентябрю повесть была закончена. Справился бы и быстрее, но писать от руки... Жуть! Я перечитал текст, внес необходимые правки – все. Осталось перепечатать. В редакциях принимают только машинописные тексты, никто не станет разбирать твои каракули. Не проблема. Машинисток на заводе полно, и все рады подзаработать. В той жизни я отдавал им курсовые работы и помнил тариф – двадцать копеек за страницу. Деньги у меня имелись. Монашеская жизнь позволила кое-что скопить. К тому же Госстрах заплатил за травму. Врач в больнице не обманул – справку составил хорошую. Мне выплатили двести рублей – живем!

Предложение отпраздновать завершение работы Коля воспринял с

энтузиазмом. На календаре – суббота, самое время отдохнуть. Мы сбегали в магазин и в обед вдумчиво, со вкусом посидели. К вечеру добавили и отправились на дискотеку. По субботам ее устраивают в общежитской столовой. Колонки, проигрыватель, магнитофон... Технику приобрел завод, диск-жокеи работают бесплатно – из любви к искусству. С посетителей денег не берут. Коммунизм...

Мы с Колей ввалились в столовую, когда веселье было в разгаре. Гремела музыка, народ прыгал. К соседу тут же подлетели девчонки и утащили танцевать. Меня не тронули. Я отошел в сторону. Осмотрюсь. Народ самозабвенно плясал, хотя некоторые, так же как я, подпирали стены. Чего, спрашивается, пришли? Ладно, я, забывший, как веселятся в этом времени, а вы? Музыка стихла, и ко мне подлетел Коля. Лицо его покрывали капли пота – плясал от души.

– Чего стоишь? – спросил, блеснув зубами.

– Отвык танцевать, – признался я.

– Счас вспомнишь! – ухмыльнулся он.

Словно подтверждая его слова, колонки прогремели:

– Белый танец! Дамы приглашают кавалеров!

Я не успел сообразить, как к Коле подлетела девушка и утащила его в центр зала. Ну и пусть. Я собирался прислониться к стене, как сбоку прозвучало:

– Можно вас пригласить?

Я присмотрелся. В столовой царил полумрак, но кое-что разглядеть удалось. Девушка, совсем молоденькая. Невысокая, мне до бровей. Не красавица. Лицо прыщеватое, хотя черты правильные. Волосы светлые. Где-то я ее видел... Черт, что делать? Столько лет не танцевал. Но и девчонку обижать не хочется: смотрит испуганно.

– Буду рад!

Она заулыбалась: видимо, опасалась, что откажу. Даже парню такое неприятно, а уж девушке... Мы вышли к танцующим. Она положила мне руку на плечо, правой взяла мою левую. Я осторожно положил ладонь ей на талию. И что теперь?

– Как вас зовут?

– Лиля.

– Хорошее имя! – одобрил я. – А я – Сергей.

– Знаю, – сказала она. – Мы в одном корпусе работаем.

То-то лицо показалось знакомым...

– Я совсем разучился танцевать, Лиля!

– Ничего! – Она встряхнула головой. – Я поведу.

Некоторое время мы медленно топтались под музыку. Скоро я освоился и перехватил управление. Лиля улыбнулась. Я почувствовал себя настолько уверенно, что стал смотреть по сторонам. Среди танцующих заметил Галю. Она кружилась с каким-то высоким парнем. Поймав мой взгляд, торжествующе улыбнулась и прижалась к партнеру. Дескать, вот тебе! Нашлись кавалеры и получше... Я только плечами пожал – пусть радуется!

Лиля смотрела на меня снизу вверх, и я сообразил, что веду себя по-свински. Если танцуешь с девушкой, нефиг разглядывать других.

– Кем вы работаете? – спросил, дабы отвлечь.

– В приемной начальника корпуса. Машинистка.

Оп-па! Это меня удачно пригласили. На ловца и зверь бежит.

– У меня к вам деловое предложение. Нужно отпечатать один текст. За деньги, конечно.

– Курсовая работа?

– Повесть.

– Вы – писатель?

В серых глазах плеснулось изумление.

– Начинаящий, – буркнул я, и тут музыка кончилась. Я отвел партнершу в сторонку. – Возьметесь? Сколько берете за страницу?

– Не знаю, – сказала она. – Никогда не печатала прозу. Нужно увидеть, разборчив ли почерк.

– Хорошо, – согласился я. – Сделаем так. Я дам вам рукопись, вы посмотрите и определитесь. Если договоримся, ударим по рукам. Идет?

– Да, – кивнула она. – Пойдем!

– Куда? – удивился я.

– За рукописью. Она ведь здесь? Или вы хотите танцевать?

«Хм-м! – подумал я. – Деловая девочка. Но, в принципе, она права. Сдались эти пляски!»

– Идем! – кивнул я.

На вахте дежурила Юзефа. Она встретила нас подозрительным взглядом.

– Пропуск!

– Юзефа Ивановна! – прижал я руки к груди. – Не брал. Мы на пару минут. Человеку надо папку отдать, – я указал на Лилю. – Честное слово! Если не выйдем спустя полчаса – можете расстрелять. Десять раз подряд.

Дежурные у стола заржали.

– Иди уж! – вздохнула Юзефа. – Шут. И можете не спешить. Но чтоб к одиннадцати – как штык! Лично проверю.

Я поблагодарил и повел гостью к лифту. Подниматься по лестнице было лень. Да и девочке, наверное, тяжело. Только поворачивая ключ в замке, я вспомнил, что мы с Колей ушли на танцы, оставив стол неприбранным. Черт! На мнение этой пигалицы мне плевать, но неудобно.

– Лиля, – сказал я. – Вы не пугайтесь. Мы тут с Колей отмечали завершение моей работы. Гостей не ждали, так что в комнате беспорядок.

– Ничего! – улыбнулась она. – Вы ведь парни.

«Ну да! – пришло осознание. – Это девушкам стыдно за бардак в комнате. Парням разрешается».

Я пропустил ее вперед и щелкнул включателем. Усадив гостью на койку, я сунул ей папку с рукописью и стал прибирать со стола. Краем глаза видел, что она увлеклась чтением. Так. Пустые бутылки – в шкаф. Грязные тарелки – туда же. После помою. Наконец следы пиршества исчезли, и я с облегчением опустился на стул. Лилия пробежала глазами текст, складывая прочитанные страницы справа от себя.

– Разборчиво? – спросил я.

– Нормально, – кивнула она. – Бывает хуже. Хочу спросить. Печатающая курсовые, я исправляю ошибки, в том числе стилистические. Здесь можно?

Я задумался. С одной стороны, неплохо, если текст выправит. С другой – неизвестно, что посчитает ошибками. Переделает на кацелярит...

– Давайте так. Вы берете рукопись и карандашом делаете правку. После чего мы сядем и пройдемся по тексту. Как согласуем, начнете печатать. Договорились?

Она закивала. Мне показалось, что обрадованно. Это с чего? Хотя... Заплачу-то я ей не менее двадцати рублей. С ее зарплатой – сумма.

– Тогда пошли. А то меня расстреляют.

Она засмеялась и стала собирать листки. После чего, прижав папку к груди, встала. Мы вышли, спустились к вахте, где и распрощались.

– Вот, – сказал я Юзефе, бросив взгляд на часы. – Как вам и обещал. Полчаса не прошло.

– Мог и не спешить, – хмыкнула она. – Я не торопила. Между прочим, девочка очень хорошая. Порядочная, не то что некоторые...

Я не стал уточнять, кого Юзефа имеет в виду под «некоторыми», – и без того ясно. В общежитии об обитателях знают все. В свое время меня предупреждали насчет Гали. Только я пер к свадьбе, как лось на гоне. Ну, и огреб...

На танцы идти желания не было, и я отправился к себе. Сейчас – в душ и спать. Хочется отдохнуть. Вымотала меня эта повесть. Трудно шла. Зато получилось. Я это знал.

Глава 4

С малых лет Лиля усвоила: чтобы в жизни чего-то достичь, нужно много работать. Так трудились ее родители – в колхозе и дома. Колхоз выращивал сахарную свеклу. Ее сдавали на завод, где перерабатывали в желтоватый, сладкий песок. Мешки с ним привозили в дом осенью: колхоз помимо зарплаты поощрял работников натурой. Так что можно было зачерпнуть из мешка горсточкой и отправить в рот лакомство, медленно рассосать, а потом облизать пальчики...

Двор их дома был полон живностью: корова, поросята, куры... Время от времени появлялись индюки и гуси: родители то заводили их, то отказывались, то снова заводили. Их всех надо было обиходить и накормить. А еще огород и «сотки» с картошкой... Зато и жили они сытно. В доме Девойно всегда было сало, масло, яйца и картошка. Молоко пили все, включая кота. На Рождество и в другие праздники родители накрывали большой стол, который ломился от еды. Приходила многочисленная родня, соседи, все пили и ели, но все равно оставалось так много, что наготовленное доедали несколько дней.

Как все деревенские девочки, Лиля рано приобщилась к труду. Пасла гусей, кормила поросят, давала поило корове и рано научилась ее доить. Подростком ходила «на бураки». Свеклу на колхозных полях сажала и убирала техника, а вот пололи вручную. Дело тяжелое, муторное, но за него хорошо платили.

Работа не мешала учиться. Школу Лиля окончила на пятерки. До золотой медали не дотянула совсем чуток. Получив аттестат и отгуляв выпускной, Лиля поехала в Минск – поступать. Выбрала филфак университета. Она любила книги и обожала читать. Родители не возражали. Дочь станет педагогом – хорошо. В деревне учитель – уважаемый человек.

На дневное отделение Лилия не прошла – не хватило балла. Конкурс оказался большим. А вот на заочное ее взяли. Домой возвращаться Лиля не захотела – город манил. Устроилась прессовщицей на тракторный завод – там принимали всех. Поселилась в общежитии и стала привыкать к столичной жизни.

Платили ей хорошо, но работа не нравилась: грязная, шумная. В прессовом корпусе стоял неумолчный грохот. Здесь рубили, гнули металл. Работникам выдавали беруши, без них можно было утратить слух. Лиля подавала в штамп металлическую полосу и нажимала педаль. Ползун

пресса прижимал верхнюю плиту штампа, пуансон вырубал деталь, и та по желобу скользила в короб. Когда короб наполнялся, приезжал электрокар и увозил его на склад. Взамен доставлял пустой. И так изо дня в день.

Когда монотонный ритм становился невмоготу, Лиля говорила себе: «Сейчас я сделаю очень красивую деталь. Такой у меня еще не было». Это помогало. Еще она искала возможность сменить работу. Будучи приметливой, обратила внимание на машинисток, сидевших в кабинетах заводоуправления и в приемной начальника их корпуса. Лилия записалась на курсы машинописи и успешно их окончила. И надо же было случиться – уволилась секретарша их корпуса. Она вышла замуж за офицера и отбыла к месту его службы. Лилия, захватив удостоверение об окончании курсов, отправилась к начальнику. Тот сидел в кабинете и листал бумаги.

– Чего тебе? – спросил хмуро.

– У вас освободилось место, а я – вот! – Лилия протянула удостоверение.

Начальник пробежал его глазами и хмыкнул.

– Держи! – Он протянул ей пару рукописных листков. – Машинка в приемной, бумага и копирка – в столе. Там же найдешь образцы. Отпечатай в двух экземплярах. Посмотрим, какая из тебя секретарша!

Через десять минут Лилия вошла в кабинет и протянула листки.

– Уже? – удивился начальник и взял их. Пробежав глазами, покачал головой: – Надо же! Ни единой ошибки. У твоей предшественницы хватало. Ладно, беру. Только учти – оклад девяносто рублей. Еще премия, но все равно меньше, чем у прессовщицы. Жалеть не будешь?

– Нет, – ответила Лилия.

Она знала, что говорит. Студентов-заочников на тракторном работало много. Они писали курсовые и дипломные. В институтах нередко требовали подавать их в печатном виде. К машинисткам стояли очереди. 20 копеек за страницу не так уж много. Но если страниц набирается сто-двести в месяц? Лилия не бедствовала. Денег хватало даже на подарки родным.

С общежитием ей повезло. У Маши Кутырло из заводского КБ вышла замуж соседка. Освободилась койка. В общежитии Маша жила давно и всех здесь знала. Она попросила коменданта подобрать ей хорошую девочку. Работящую, умную и желательно – заочницу. Лилия этим критериям вполне соответствовала. Так она поселилась в однокомнатном блоке на втором этаже.

С Машей они ладили. Соседке по комнате было под тридцать. Старуха, что скажешь? Костлявая и некрасивая, Маша не привлекала взоры мужчин.

К тому же имела острый язык. Кто такую возьмет? Маша ходила в походы и филармонию, но умный и интеллигентный жених все не попадался. Маша ждала, пока подойдет ее очередь на квартиру. «Тогда заживу!» – говорила она, и Лиля догадывалась почему. Невесты с квартирами в Минске были наперечет.

Лилю соседка взяла под крыло. Первым делом просветила насчет парней. Учила не верить их обещаниям. Со слов Маши, каждый из них только и ждал, чтобы воспользоваться неопытностью девушки. Лиля кивала, но не верила. Парни в общежитии жили хорошие. Многих она знала – печатала им курсовые. Однако ею они не интересовались. Приносили работы, забирали готовые, платили – и все. Лиля осознавала, что она не красавица, но ведь и не уродина? Фигура у нее нормальная, разве что рост маленький. Может, поэтому не замечают?

...В первый раз Лиля увидела Сергея в прошлом году. Он заглянул в корпус сразу после «дембеля». Пришел в форме, весь в значках и медалях. Был обеденный перерыв, девчата сбежались поглядеть. Многие знали Сергея до призыва – он работал в корпусе. Сергей смеялся, шутил и позволял потрогать медали. А вот за что наградили, не сказал. Говорил: «Военная тайна!» – и загадочно улыбался. На Лилю он внимания не обратил, возможно, даже не заметил.

Потом он вышел на работу. Пробегая мимо его участка, Лиля видела Сергея у верстака или у шлифовального станка. Ей сказали, что Сергей крутит любовь с Галькой. «Бл..!» – говорила про нее Маша, и в этой характеристике был резон. Галька пользовалась в общежитии определенной репутацией. «Мог бы и порядочную найти!» – осуждала его Лиля. Порядочная в корпусе имелась, только Сергей ее не замечал.

Потом с ним случилась беда. Узнав, Лиля едва сдержалась, чтобы не полететь в больницу. Сходила б, конечно, не утерпела, но мастер Мамай принес известие, что Сергей поправился. Она и сама увидела его в субботу. Несмотря на забинтованную голову, выглядел он бодро.

Назавтра общежитие облетел слух: Сергей дал Гальке отставку. Эту новость перетирали в комнатах. Девчонки гадали: с чего? Сошлись во мнении: узнал, с кем водится. Кто-то просветил – в общежитии с этим просто. Лиля обрадовалась, но ненадолго. Порвав с Галькой, Сергей исчез. То есть не появлялся на дискотеках, перестал играть в футбол. Днями сидел в своей комнате – переживал, как поняла Лиля. Еще он ходил на работу и бегал в саду. Там Лиля его и видела. Сад – место общественное, всякий может гулять. Только он опять не обратил на нее внимания.

Наконец, Сергей явился на дискотеку, и Лиля обрадовалась. Похоже, с

переживаниями он справился. Выглядел Сергей довольным. Она набралась храбрости и пригласила его на танец. Он не отказал, хотя и сказал поначалу, что разучился. Скромничал, конечно. В танце он вел ее уверенно. Они поговорили. От Сергея пахло спиртным, но Лилию это не смутило. Многие парни являлись на дискотеку с запашком. На ногах стоит твердо, говорит четко – чего же еще?

И тут выяснилось, что в последние месяцы он отнюдь не переживал разрыв с Галькой. Писал повесть. У Лили от этой новости перехватило дыхание. Он – писатель! Когда Сергей предложил напечатать рукопись, Лиля немедленно схватилась. Такой повод сойтись ближе!

Она не обратила внимания на беспорядок в его комнате – у парней это обычное дело – и вцепилась в текст. Прочитав пару страниц, поняла: хорошо! Поэтому и заторопилась к себе, хотя планировала задержаться. Ей хотелось остаться с его рукописью наедине. А с Сергеем они встретятся – он же пообещал.

Читала она допоздна. Маша стала ворчать, Лиля выключила верхний свет и пересела к столу с лампой. И лишь закончив, легла. Сон не шел. «Невероятно! – думала Лиля. – Неужели это он написал?»

В многотиражке завода время от времени публиковали стихи и рассказы начинающих авторов. При редакции работало литературное объединение. Лиля читала эти выпуски. Стихи и проза были слабыми. Лиля относилась к этому с пониманием – начинающие. Сергей сказал, что и он такой. Но из рукописи этого никак не следовало. Текст писала уверенная рука. «Неужели он у кого-то заимствовал?» – мелькнула мысль. Подумав, Лиля отвергла ее. Во-первых, рукопись несла следы работы. Много правки, нередко вычеркнуты целые куски. Новые вписаны на обороте страницы. Так не заимствуют. Кроме того, Лиля не представляла, у кого он мог списать. Повесть даже в малой степени не походила на знакомую ей литературу. Лиля в этом разбиралась – читала много. Студентка филфака как-никак. История о любви балерины и рабочего навевала грусть. В то же время по прочтении оставалось светлое чувство. «Как это ему удалось? – размышляла Лиля. – Откуда он знает балет? И ведь видно, что разбирается. Неужели он любил балерину? – Лиля почувствовала укол ревности. – А как же Галя?..»

Ответов на эти вопросы Лиля не находила. Она долго ворочалась, но все же уснула. На завтра перечитала повесть. В этот раз заметила в тексте шероховатости, и это ее успокоило. Сергей явно писал сам. Значит, он талант. Самородок, как Максим Богданович^[7]. Помогать такому – счастье. Она не пожалеет сил...

Всю оставшуюся неделю Лиля работала. С ошибками она справилась быстро – это не составляло труда. А вот редактирование... Основные словари у нее были – будущему филологу без них никак. Лиля взяла в библиотеке еще. Словари синонимов, антонимов, эпитетов... Она просеивала текст, как золотоискатель песок, пробуя слова на вкус и запах. И радовалась, когда находила замену. К пятнице она справилась. О чем и сказала Сергею, заглянув к нему на участок.

– Приходи вечером, – сказал он, – часам к шести. Попьем чаю, посмотрим текст...

– Буду! – ответила Лиля, мысленно обрадовавшись этому «приходи». Он перешел с ней на «ты»!

Ровно в восемнадцать она подошла к вахте с папкой в руках. Сергей ее ждал. Они оставили пропуска и прошли к лифту. Подошла кабина, открылась дверь, и Лиля шагнула внутрь. Не подозревая в тот миг, что выбрала судьбу...

* * *

После того как мы закончили, я некоторое время сидел, буквально охренев. То, что эта пигалица сотворила с моей рукописью, не поддавалось определению. Есть люди с абсолютным музыкальным слухом. Один на десять тысяч населения. Но есть и обладатели абсолютного литературного слуха. Как музыкант безошибочно определяет ноту, так и они чувствуют слово в каждом его оттенке. В том времени я знал такого человека. Одного за всю жизнь...

Второй, вернее, вторая сейчас сидела напротив и тревожно поглядывала на меня. Девочка явно не понимала, что сделала. Она не просто выбросила из текста наиболее расхожие и затертые слова, но и нашла им точную и единственно верную замену. Поясню. Написать «изящная фигурка» применительно к балерине правильно, но банально. А вот заменить на «воздушная» – это уже создать образ. Балерина, она же в пачке – легкой и невесомой. «Летит, как пух от уст Эола...» Такого «пуха» в правке было много, и он кардинально менял текст, превращая его из просто грамотного в художественный. В том времени я слышал о редакторах, которые делали из посредственных писателей великих. Слышать-то слышал, но не встречал – до сегодняшнего дня.

«Черт! – сказал я себе. – Черт! И что бы мне в том времени найти эту девочку? Жили в одном общежитии, работали в одном корпусе... Мог ведь

обратить внимание, заинтересоваться. Нет, выбрал Галю. Идиот! А ведь я Лиле нравлюсь – по лицу видно. Даже дыхание затаила».

– Лиля! – произнес я торжественно. – Ты – чудо! Самая лучшая из всех!

Она залилась краской.

– После того, что ты сделала с моей повестью, я не могу отпустить тебя просто так. Подожди меня. Я скоро!

Схватив кошелек и холщовую сумку, я выбежал из комнаты. Вниз по лестнице неся, перепрыгивая через ступеньки, – чуть ноги не сломал. До магазина добежал вмиг. Так... Вино. Выбор небольшой, но марочное есть. Возьмем «Фетяску», оно легкое. С молдавского переводится как «девичье». Колбаска... Надо же, повезло: «Тминная» и «Докторская» в наличии. В пятницу вечером? Хотя... Сентябрь, народ в деревни копать картошку рванул. Национальная забава белорусов, даже в моем времени сохранилась. Коля тоже уехал, что весьма кстати. Из-за этого колбаску и не разобрали. Берем! Сладкое... Тортов нет, а вот конфеты имеются. Не «грильяж», но хорошие, шоколадные. Значит, килограмм...

Затарившись, я заглянул в аптеку. В окошке скучала девушка.

– Презервативы есть?

– Вам какие? – оживилась она. – Наши или импортные?

– Что, есть импортные? – изумился я.

– Индийские, вчера завезли. Но стоят четыре копейки за штуку. Наши – две.

– Пятьдесят штук импортных!

– Не более двадцати в руки, – покачала она головой.

– Эх, девушка! – выдохнул я. – Вы мне испортили такую ночь!

Она прыснула. Этот анекдот здесь пока не знают.

– Ладно, – сказала она, понизив голос. – Дам сорок. Выбейте два чека по восемьдесят копеек.

Я смотался к кассе и вернулся с чеками. Мне протянули завернутый в бумагу товар.

– Спасибо! – сказал я, беря сверток. – Вы спасли мне жизнь.

Она улыбнулась и глянула заинтересованно. Симпатичная девушка. И профессия хорошая: провизор. В другое время я бы не устоял... Нет, нет, нельзя. В комнате меня ждет чудо, которое нельзя упустить ни при каких обстоятельствах. И я ее обаяю и соблазню. Я старый повеса, мне это как два пальца об асфальт.

Цинично? Разумеется. Но я журналист. В этой профессии без цинизма не выживешь. Жаль Лилю? Это с чего? Что ее ждет? Муж инженер – это в

лучшем случае скитание по квартирам. Своей будет ждать годами, затем копить деньги на мебель... Люди здесь небогатые. Покупка «стенки» – событие. Далее – дети, вечная нехватка денег, в конце жизни – нищенская пенсия...

Я дам ей обеспеченную и интересную жизнь. Она будет отдыхать на лучших курортах страны. В 80-е я ездил с семьей в Пицунду в Дом творчества. Пили местное, удивительно вкусное, вино, ели шашлыки и лобио. На пляже хватали горячие хачапури, запивали их ледяным пивом. Побывали на озере Рица и в Сухуми. Предположить не могли, что совсем скоро здесь развернется кровопролитная война...

Как женитьба отразится на моей цели? Существенно. Я не планировал обзаводиться семьей. Но по-другому нельзя. Здесь не приняты «гражданские» браки. Или женись, или не пудри девчонке мозги. Выбора нет. Я хочу, чтоб эта девочка правила мои рукописи. Чтобы язык их звенел и переливался, как вода в роднике летним днем. И чтоб он был сладок на вкус... Решено!

За столиком у входа в корпус сидела Юзефа. Ага, вахта сменилась. И вокруг никого, что просто замечательно. Я подошел и высыпал перед Юзефой горсть конфет.

– Угощайтесь!

– Это с чего? – подозрительно покосилась она.

– Вы добрый и хороший человек.

– Lüge!^[8] Колись! Что нужно?

Вот ведь чекистка! Раскусила...

– У меня гостья. Могу забрать пропуска?

Юзефа выдвинула ящик, взяла наши книжечки. Раскрыла Лилину и нахмурилась.

– Сергей! Это очень хорошая девочка. Ее нельзя обижать!

– Пусть только кто попробует! – мрачно заявил я. – Лично убью! С особой жестокостью.

– Ну, если так... – Она протянула мне документы и смахнула конфеты в ящик. – Смотри, проверю!

Я кивнул и сунул пропуска в карман. Получилось!

* * *

Пробуждение вышло ужасным. Открыв глаза, Лиля мгновенно вспомнила, где она, а также то, что произошло ночью. Волна стыда

затопила ее, и она едва удержалась, чтобы не застонать.

А ведь поначалу было так хорошо! Сергей вернулся быстро, она соскучиться не успела. В четыре руки они занялись приготовлением ужина. Сергей попросил ее нашинковать капусту и огурцы. Мелко, мелко. Лиля удивилась такому заданию, но сделала. Он похвалил.

– У тебя ножи хорошие, – сказала Лиля, – острые. Не то что у нас с Машей.

Он хмыкнул, сходил к шкафу и принес ворох новеньких ножей.

– Выбирай! – сказал, ссыпав их на стол. – Какие глянутся.

– Откуда столько? – удивилась Лиля.

– Сам делал. У нас работа повременная, не всегда есть чем заняться, вот и развлекаюсь.

Ножи Лиле понравились. Острые, блестящие – смотреться можно. Рукояти красивые и удобные.

– Можно я у тебя для родителей куплю? Сколько?

– По копейке за нож, – улыбнулся. – Дарить нельзя – дурная примета, так что копеечка.

Лиля пересмотрела ножи и отобрала пять штук. Себе с Машей – два, в деревню – три. Маленькие – чистить картошку, средние – резать колбасу, большие – хлеб. Достала из кошелька и выложила на стол пятак. Он смахнул его в карман. Пока Лиля выбирала, Сергей помял рукой нашинкованную ею капусту, добавил огурцы, соль и подсолнечное масло. Перемешал и, зачерпнув ложкой, протянул Лиле.

– Пробуй!

Лиля пожевала и удивилась:

– Вкусно! И ведь из ничего.

– Здесь главное – мелко нарезать и помять, – сказал он. – Капуста отдаст сок и станет мягче. Огурцы придадут салату свежий оттенок.

– Надо же! – удивилась Лиля. – Не знала.

Затем они занялись колбасой. Сергей взял «Докторскую» и нарезал ее тонкими-тонкими, прямо воздушными ломтиками.

– Так вкуснее, – сказал, уловив ее взгляд. Взяв сковороду и продукты, он отправился на кухню. Вернулся со скворчащей глазуньей. Они сели за стол. Пили вино, заедали его необычным салатом и горячей яичницей. Сергей приготовил ее по-своему. Бросил на сковороду мелко нарезанную «тминную», забил яйцами и поджарил. Желтки остались сырыми. Они растекались по тарелке и перемешивались с маслом. Лиля собирала их кусочком хлеба, получалось вкусно. Затем был чай и конфеты. Они разговорились. Сергей шутил и рассказывал анекдоты. Он знал их

множество. Лиля смеялась, как никогда в жизни. В ответ она рассказывала ему о родителях, братьях, деревне. Он слушал и светлел лицом. Лиля не понимала почему. Семья у нее самая обыкновенная, деревенская. Она не минчанка с квартирой... Дальше все произошло само собой. Они стали целоваться и неожиданно оказались в койке – голые...

К сокровенному она его не пустила. Уперлась – и все. Настаивать он не решился. Зато принялся гладить в разных местах. В том числе – ТАМ. Лиле стало необыкновенно хорошо. Она стонала, вскрикивала, а затем блаженство затопило ее всю. Очнувшись, она стала гладить его – он показал как. Теперь стонал и вскрикивал он. Потом они вытирались полотенцем и вновь ласкали друг друга. Пока не уснули, обессиленными.

И вот теперь, вспоминая это, Лилия сгорала от стыда. Что он о ней подумает? В первый раз пришла в гости к парню и сразу – в постель! Трогала его за всякие места, как какая-нибудь б... Чем она лучше Гальки? Все пропало! Он обольет ее презрением и выгонит. Она заслужила.

Не в силах сдержаться, Лилия всхлипнула. Он услышал и завозился. Лилия чувствовала спиной его горячее тело, но не повернулась. Страшилась взглянуть ему в глаза.

Он погладил ее по плечу. Она не отозвалась. Тогда он постучал пальцем ей в лопатку.

– Тук-тук! Можно войти?

Лилия в ответ вздохнула.

– Ну вот! – сказал он. – Такие они, девушки. Вчера объяснялась в любви, сегодня смотреть не хочет.

От возмущения Лилию аж подбросило.

– Я?! Объяснялась?

Она повернулась к нему.

– Разве нет? – спросил он, и Лилия увидела, что глаза его смеются. – Значит, мне показалось. Впрочем, это не важно. Объяснимся сейчас.

Он погладил ее грудь.

– Ты!.. – Лилия отбросила его руку.

– Зачем ты обижаешь меня? – нахмурился он.

– Я? – изумилась Лилия. – Обижаю?

– Конечно! – сказал он. – Разговариваешь, будто я подлец. Скотина и соблазнитель невинной девушки. А это не так. У меня, между прочим, матримониальные намерения. Короче, – вздохнул он. – Замуж за меня пойдешь?

Лилия от неожиданности опешила.

– Ты это всерьез?

– Нет, шутки шучу! – насупился он. – Зачем ты так?

– Прости! – поторопилась Лиля. – Так неожиданно. Совсем не ухаживал – и вдруг замуж.

– А нужно ухаживать?

– Конечно! – сказала Лиля. Он задумался.

– Твой отец долго ухаживал за матерью?

– Целый год, – сказала Лиля. – Мама не хотела за него выходить. Так он лежал в снегу под окнами и кричал, что замерзнет. Она и пожалела.

– Да! – почесал он в затылке. – Шекспир отдыхает. Ладно, исправлюсь. Начинаем ухаживать. Но предложение остается в силе. Идет?

Лиля кивнула.

– Тогда встаем и быстро приводим себя в порядок. Времени в обрез. В девять Юзефу сменит Степановна. Увидит тебя выходящей из мужского корпуса и развоняется. В десять встречаемся внизу. У нас выходной, и нужно провести его так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Успеешь?

– Да! – сказала Лиля...

На вахте ее тормознула Юзефа:

– Погоди!

Лиля встала и повернулась.

– Не обижал тебя?

– Пусть бы только попробовал! – задрала нос Лиля.

– Ну-ну! – сказала Юзефа. – Знаешь, что он сирота?

– Нет, – растерялась Лиля.

– Мать умерла, когда он служил в армии. А отца не было: у него в метрике прочерк^[9]. И еще он спас человека в армии. Не говорил?

Лиля покрутила головой.

– Были учения, солдаты бросали боевые гранаты. Сергей – командир отделения, присматривал. Один из молодых от страха уронил гранату прямо под ноги. Сергей отбросил ее сапогом, затем сбил молодого с ног и закрыл его своим телом. Граната взорвалась, и его покорябало осколками. К счастью, не сильно.

– Откуда вы знаете? – удивилась Лиля.

– Когда человека хотят наградить, пишут представление в двух экземплярах. Командир части заверяет их своей подписью и ставит печать. После вручения награды второй экземпляр отдают герою. Сергей мне его показывал.

Юзефа помолчала.

– Знаешь, девочка, я войну прошла. Но даже там не каждый закрыл бы

человека собой. Сергей даже не задумался. Он хороший и правильный парень. Будь с ним поласковой.

– Буду! – пообещала Лиля.

Глава 5

Нет, я идиот. Конченный. Нашел способ привязать девчонку к себе! Казанова советского разлива, ёпть! Маразматик... Забыл, какие здесь отношения с девушками. Это в будущем половую распущенность введут в норму. Будут учить этому детей, выдавая за сексуальное просвещение. Здесь девственность хранят до свадьбы. Секс ранее – ни боже мой! Если жених сомневается в непорочности невесты, ему принесут справку. В поликлиниках их выдают на раз. Если, конечно, девственность присутствует. В противном случае – извините. Купить справку нельзя: врач не подпишется. Чревато. Жених обидится и станет писать жалобы. Придет ведомственная проверка, а за нею – ОБХСС^[10]. Десятому закажешь...

В этом времени фата на невесте символизирует невинность. Жених снимает ее на свадьбе. Обычай настолько укоренившийся, что нарушать боязно. Галя в той жизни побоялась. Прицепила к прическе белый венок, дескать, понимай как хочешь. То ли символ невинности, то ли украшение.

Разумеется, секс в СССР есть, в том числе добрачный. И Галя такая в общежитии не одна. Но, во-первых, это не слишком распространено. Во-вторых, негде. В общежитии неудобно, а квартир на сутки здесь не сдают. В гостиницу с минской пропиской не селят, к тому же потребуют свидетельство о браке. Да и нравы другие. В той жизни у меня имелись приятели-«ходоки». Они окучивали замужних женщин, разведенки и девиц определенного сорта. Девственниц не трогали. Если кто нарушал этот принцип, с ним брезговали дружить. Скотина, ломает девушкам жизнь...^[11]

Повезло, что Лиля уперлась, а я вовремя сообразил. И без того утром девчонка устроила мне истерику. Едва уболтал. Могла плюнуть и уйти. Бегай потом за ней, оправдывайся. Нет, мы теперь как пионеры...

Так что к десяти часам я стоял в холле, отглаженный и принаряженный. Прикид – самый писк, куплен по возвращении из армии. Мама, пока я служил, собрала мне денег. На мне была голубая рубашка с узором в индийский огурец, индийские же джинсы, замшевые туфли. Как там в «Калине красной»? «Интеллигенты в замшевых туфлях обычно помалкивают»? В карманах кошелек и холщовая сумочка. Без последней никак. Это в моем времени в каждом магазине дают пластиковые пакеты. Здесь этого нет. Придешь без сумки – понесешь продукты в руках.

Девочки на вахте поглядывали на меня с любопытством. Принаряженный парень кого-то ждет. Ясен пень, что девушку. Только вот

кого?

Лиля опоздала на десять минут. Здесь так принято: девушка должна прийти позже. Десять минут – это по-божески. Могла и полчаса зарядить. Лиля тоже принарядилась. Кремовая блузка, коричневая юбка, на ногах – босоножки. Сентябрь в этом году теплый. В руках она держала сумочку. Увидев меня, улыбнулась.

Я двинулся навстречу:

– Здравствуй, милая!

Я чмокнул ее в щеку.

– Сергей! – Она толкнула меня в грудь. – Ты что? Смотрят!

– Пускай! – сказал я. – Я жених или куда?

Она покачала головой:

– Не могу привыкнуть к твоим словам. Их и в повести полно. Где только берешь?

– Здесь! – Я постучал пальцем по виску. – В заднице.

Она прыснула. Я взял ее за руку и повел к двери. У порога оглянулся. Дежурные у вахты смотрели нам вслед. Глаза девочек были по блюдцу. Перемоют нам косточки! Пускай! Чистенькими будем.

Автобус привез нас к железнодорожному вокзалу. Старому, а не тому красавцу, что возвели в моем времени. Мы перешли к площади Ленина. Я крутил головой, разглядывая здания. Площадь не сильно изменилась за сорок лет. Нет здания управления метрополитеном (метро в Минске начнут строить только через два года) и торгового комплекса под площадью. Сейчас здесь закатанное в асфальт пространство и сквер. Памятник Ленину у Дома правительства – он сохранится, несмотря на все веяния, – здания университета и пединститута, Красный костел, напротив него – горисполком. Последний напоминает лежащий небоскреб. Его архитектор, как говорили, требовал костел снести – дескать, дисгармонирует с его творением. Действительно, дисгармонирует. Но я бы снес исполком...

Подошла «единичка», мы вошли в салон. Я вложил в прорезь компостера купленные в киоске Союзпечати талончики – на себя и Лилу – и, дернув рукоятку, пробил. Талончики здесь разные по цвету и цене. На троллейбус стоят четыре копейки, на автобус – пять. Мы встали на задней площадке и взялись за руки – Лиле это понравилось. Троллейбус медленно катил по проспекту. Я разглядывал здания. Почтамт, кинотеатр «Центральный», здания МВД и КГБ, ГУМ, жилые дома... В моем времени все останется на прежних местах. Проспект дважды переименуют, но перестраивать не станут – архитектурный памятник. На Октябрьской площади глаз порадовал просторный сквер. В моем времени здесь возведут

Дворец Республики, копирующий Дворец съездов в Москве. Строить будут десять лет. Лучше б не начинали...

– Ты что крутишь головой? – спросила Лиля.

– Давно не был здесь, – признался я.

– Я – тоже, – вздохнула она. – Месяца два.

«А я – сорок лет».

Троллейбус катил, я разглядывал. Минск нынешний выглядел уютным и домашним. Не было потока машин, суетливости в движениях людей, рекламы на зданиях и перетяжек поперек проспекта. Тротуары асфальтные, а не из плитки, как в моем будущем, нет ярких вывесок и витрин магазинов. Сонный, провинциальный город. Но мне он нравится.

Мы вышли у парка Челюскинцев и двинулись по аллее. Очереди к аттракционам стояли небольшие – рано. К полудню набегут. Мы покатались на «супере», каруселях, электрических автомобильчиках, поели мороженого. Пломбир в вафельном стаканчике оказался необыкновенно вкусным. Я не удержался и съел две порции, Лиле хватило одной. Мы перешли проспект и по бульвару Толбухина дошагали до кинотеатра «Партизан». В моем времени его переименовуют в «Дом кино». У касс было пусто – ближайший сеанс начинался через час. Я купил билеты, мы вышли на бульвар и присели на лавочку из деревянных брусьев с чугунными боковинами. Я скосил взгляд. Лилия сидела, подставив лицо солнцу, и улыбалась, закрыв глаза. Мечтает. Солнечные лучи пронизывали пшеничного цвета волосы, высвечивая розовую кожу головы. Моя будущая жена блондинка, причем натуральная. Волосы здесь красят редко – нечем. В магазинах лежит хна, басма, в парикмахерской могут обесцветить волосы пергидролем. Но последнее дорого и не полезно для волос. Помню это по рассказам первой жены – она жаловалась. Та-ак. А с чего это я взял, что Лилия некрасивая? Фигурка у нее ладная, все выпуклости на месте. Ножки точеные, узкие в лодыжке. Даже странно видеть такие у деревенской девушки. Грудь, правда, небольшая, но это хорошо. Сисястых я никогда не любил. И личико симпатичное. Прыщики его слегка портят, но с началом семейной жизни они исчезнут. Лилия просто не яркая. Есть такой тип женщин. В обычной жизни они не бросаются в глаза, но стоит обстоятельствам измениться... В нашей редакции работала бухгалтерша Таня. Мышь серая. Лицо тусклое и печальное, как погода в осенний день. Ходила в каких-то балахонах, с вороньим гнездом на голове. И вот как-то возвращаюсь из отпуска, смотрю и не узнаю. Глазки подведены, губки подкрашены, глаза горят. Платье фигурку обтягивает... Что случилось? А всего лишь нашелся мужчина, который ее полюбил...

Лиля почувствовала мой взгляд и открыла глаза.

– Что смотришь?

– Любуюсь.

– Не ври! – фыркнула она. – Сама знаю, что некрасивая.

И вот что ей сказать? Начнешь уверять, не поверит. Ресницами возмущенно хлопает. Они у нее длинные и пушистые.

– В древней Персии жил великий поэт. В своих стихах он воспевал красоту девушки, которую любил. Стихи были так хороши, что привлекли внимание шаха. Он повелел привести поэта и его избранницу – хотел посмотреть на ее необыкновенную красоту. Но перед правителем предстала обычная девушка. Шах рассердился. «Ты обманул меня! – сказал он поэту. – Писал о неземной красоте, а ее нет!» – «Ты не прав, шах! – ответил поэт. – Чтобы узреть красоту моей возлюбленной, надо посмотреть на нее моими глазами».

– Ох, Сережа! – Пшеничная головка ложится мне на плечо. – Все так неожиданно. Еще вчера у меня не было парня, а уже сегодня – жених.

– Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож! Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга... – процитировал я.

– Кто это написал? – воскликнула Лиля.

– Михаил Булгаков, роман «Мастер и Маргарита».

– Не читала...

– Книга вышла два года назад, можно поискать в библиотеке. Если не найдешь, то журнал «Москва» за тысяча девятьсот шестьдесят шестой – тысяча девятьсот шестьдесят седьмой годы. Он должен быть.

– Прочту! – пообещала Лиля. – Это о любви?

– Вообще-то о приходе Сатаны в Москву тридцатых годов.

– Ого!

– Но и о любви тоже. Пожалуй, главным образом о ней.

– Расскажи! – потребовала Лиля.

– Главные герои – писатель, написавший роман о Христе, и замужняя женщина Маргарита. Они встретились и полюбили друг друга. Все было против того, чтоб им быть вместе, но Маргарита не остановилась ни перед чем. Она даже стала ведьмой. *(Сдавленное восклицание.)* Они обрели друг друга, хотя для этого им пришлось умереть.

Молчит, только взор пылает.

– Считается, что прообразом Маргариты стала Елена Сергеевна

Шиловская, третья жена писателя. История их любви сама по себе роман. К моменту знакомства оба были женаты. Оба не дети – за тридцать. Муж Елены Сергеевны был генералом. Двое детей, сытая, обеспеченная жизнь. И тут встреча... Они влюбились друг в друга. Генерал, узнав об увлечении жены, ездил к Булгакову с пистолетом, грозил застрелить. Влюбленные расстались на 15 месяцев. Но потом встретились и поняли, что не могут друг без друга...

Ладонь Лили теребит мою руку. «Что ж ты замолчал, продолжай!»

– Они развелись и поженились. Последовавшие годы стали самыми счастливыми в их жизни. Елена Сергеевна была музой и ангелом-хранителем Булгакова. Она перепечатывала его рукописи, бегала по издательствам и театрам, пристраивая его прозу и пьесы. Получала его гонорары, вела дом, создавала писателю условия для работы. А потом Булгаков попал в опалу. Его перестали печатать, пьесы – ставить в театрах. Его травили. Но она не оставила мужа, была рядом. Он заболел и умер на ее руках. Потом была война, эвакуация, но Елена Сергеевна бережно сохранила литературное наследие мужа. Благодаря ей роман «Мастер и Маргарита» увидел свет.

– Сережа...

В серых, огромных глазах – слезы. Надо отвлечь.

– Откуда у тебя такое редкое имя? Лилия...

Заулыбалась. Человеку приятно слышать свое имя. Об этом еще Карнеги писал.

– Папа назвал. Ксендз был против, крестить не хотел. Говорил: «Лилия – то квят!»^[12] Но папа настоял...

Так она еще католичка! Очень хорошо. Католики умеют воспитывать дочерей. Те вырастают хозяйственными и ценят семью. Повезло мне, ох как повезло! Девочка из многодетной семьи, значит, не избалована. Деревенская, следовательно, работающая. Да еще католичка. Эта не бросит семью ради подачек итальянских стариков...

– Суровый у тебя отец!

– Ага! – смеется она. – Но ты не бойся: это только с виду. Он добрый. Тебя примет как сына.

– Ну-ну... – Подношу ее ладошку к губам, одновременно бросая взгляд на часы. – Идем! Не то опоздаем.

Давали «Афоню». Зал был полон. Не приди мы заранее, билетов не купили бы. Свет погас, фильм начался. Зал то и дело разражался хохотом, Лилия тоже смеялась. Мне было грустно. Разумом человека из другого времени я видел то, что не замечали здесь: сдвиг ценностей. Формально в

СССР сегодня герой – человек труда. Производитель материальных благ и ее защитник. Рабочий, инженер, ученый, офицер... Но на деле – тот, кто распределяет товары и услуги. Начальник, торгаш или тот же сантехник. Данелия, как художник, показал правду, пусть в форме комедии. Не удивительно, что скоро массы захотят перемен. И они их получают. Только вот не обрадуются...

– Понравилось? – спросила Лиля, когда мы вышли из кинотеатра.

– Хороший фильм! – кивнул я. – Жизненный.

Здесь это высшая оценка. Лилия притихла. Мы шли, она задумчиво поглядывала на меня. «Примеряет к нам историю Кати и Афони, – догадался я. – У тех свидание тоже кончилось постелью».

– Откуда ты знаешь балет?

Я мысленно вздохнул. Ожидалось.

– После школы я приехал в Минск. Здесь жил мой сосед по улице – учился в театрально-художественном институте. Старше меня на четыре года, большой любитель балета. Одному на спектакли ему ходить было скучно, брал меня с собой...

Так и было. Только сосед учился в военном училище. А сейчас совру.

– У него завелись знакомства в труппе. Несколько раз мы попадали на посиделки за кулисами. Пили вино, болтали... Вернее, болтали актеры, а я слушал. Писателю нужно уметь слушать. И запоминать.

– Значит, с балериной у тебя ничего не было?

– Они мной не интересовались. Работяга...

– Дуры!

– Точно.

Я посмотрел в сторону. Мы шли мимо кафе.

– Зайдем? Есть хочется.

– Там дорого! – помотала головой Лилия. – Дома поедем. И так сколько денег потратили!

Хозяйственная. Мои деньги бережет...

На вокзале мы съели по беляшу. Толстая тетка доставала их из обитого жестью ящика. Сколько видел таких продавщиц – и ни одной худой. Наверное, работа влияет... Беляши оказались теплыми и жирными. Мы вытерли пальцы о бумагу, в которую их вложили, и пошли к остановке. Не доезжая до общежития, вышли к гастроному. В этот раз ассортимент был скуден. Ни «Докторской», ни «Тминной», одна «Любительская». Но последнюю я не люблю – в ней сало. Чем же мое чудо пшеничное накормить? В молочном отделе продавали сметану на разлив. Расфасованной здесь нет. Приноси баночку, и тебе нальют...

Присмотревшись, я увидел рядом с весами прозрачные полиэтиленовые пакеты. Продавец фасовала в них сыр.

– Можно налить сметаны в пакет? – Я указал пальцем.

– Порвется, – ответила продавец и добавила: – Наверное.

– Возьмите два и вставьте один в другой.

Она пожала плечами и сделала.

– Двести граммов.

Взгляд продавщицы выразил удивление. Ну да. Тара обойдется в десятую часть стоимости продукта. Здесь это расточительство.

– И «Российского» триста граммов...

Я выбил чеки, уложил сыр и сметану в сумочку. Добавил пачкупельменей и бутылку марочного «Каберне». Лиля следовала за мной, но в процесс не вмешивалась. Похоже, оценивала жениха.

В общежитии я поручил Лиле строгать салат, а сам отправился на кухню. В свое время я читал воспоминания об СССР. Авторы дружно хвалили советские продукты. Дескать, натуральные компоненты, вкус – неземной. Так-то оно так, но пельмени здесь – бр-р-р... При варке тесто расходится, начинка вываливается. Есть это неприятно. Так что будем жарить. Но с умом.

Я плеснул масла на чугунную сковороду, раскалил и высыпал в нее пельмени. Они зашипели и вскоре зарумянились. Я перевернул их лопаткой, залил сметаной и уменьшил огонь. Пусть доходят. Забежав в комнату, помог Лиле нарезать сыр и сервировать стол. Расставил тарелки, бокалы для вина. У нас с Колей они есть. К нам ведь девушки в гости ходят.

Я вернулся на кухню. От сковороды шел неземной дух. Готово. Я сглотнул и взялся за ручку. В комнате плюхнул сковороду на подставку, лопаткой разложил угощение по тарелкам. Открыл вино и разлил по бокалам.

– За наше случайное знакомство!

Лилия рассмеялась, мы чокнулись. Молодец девочка, чувство юмора у нее есть. Мы выпили и набросились на еду. Некоторое время в комнате было тихо – оба жевали. Время от времени я подливал в бокалы. Терпкое «Каберне» хорошо оттеняло вкус жаренных в сметане пельменей. Мы и не заметили, как прикончили их.

– Вкусно! – сказала Лилия, кладя вилку. – Почему у тебя так? Вроде обычные пельмени, а не оторваться.

– Талантливый человек талантлив во всем, – ответил я. – У тебя будет замечательный муж. Цени!

– Хвастун! – сказала она.

– Себя не похвалишь, от других не дождешься, – заметил я.

– Когда мы поженимся?

Правильный вопрос, своевременный.

– Думаю, не сейчас, – сказал я. – Твои родители не поймут. Сочтут нас легкомысленными. Не успели познакомиться – и сразу в ЗАГС.

Она кивнула. Молодец!

– После свадьбы нам придется искать квартиру. Женатых из общежития выселяют. Понадобятся деньги. А мы получаем мало...

Лицо ее погрузнело.

– Так что придется подождать. Месяцев шесть.

– Через полгода у нас будут деньги?

Лицо ее выражало скепсис.

– Вот! – Я взял с койки папку с рукописью. – Это стоит полторы тысячи рублей.

– Сколько?!!

– Здесь шесть авторских листов. Примерно. За каждый – двести пятьдесят рублей. Могут заплатить и по триста.

– Сережа...

– Этого хватит, чтобы оплатить съемную квартиру за пару лет. Дальше – посмотрим. Кстати... – Я развязал тесемки, достал титульную страницу с названием. Фамилия автора пока не значилась. Я взял ручку и вписал над названием «Сергей Девойно». Протянул Лиле. Лицо ее выразило изумление.

– Почему?

– При регистрации брака возьму твою фамилию. Она древняя и красивая. Так что пусть привыкают.

От неожиданности она не нашлась что сказать. Неудивительно. Здесь не принято переходить на фамилию жен, даже если сам Педик. Не удивляйтесь, в свое время я знал человека с такой фамилией. Женатого, между прочим. И он всем объяснял, что Педик – это не то, что думают. У фамилии другие корни. Так-то оно так, но... Самец – тоже не муж самки. В белорусском языке моя фамилия означает «самостоятельный», «самодостаточный». Но объяснять это каждому?

– Сережа!..

Лист падает на пол, а на моих коленях оказывается упругое девичье тело. Целуемся – раз, другой... Рука сама ложится к ней на колено и ползет вверх.

– Я разрешу тебе все, – шепчет она. – Кроме...

– Понял! – отвечаю таким же шепотом. – Фата и все такое.

Горячие губы заклепляют мне рот...

Через пару часов я уверился, что не разбираюсь в девственницах. В католических – тем более. Мне действительно разрешили ВСЕ. Ну, кроме... Набравшись наглости, я предложил Лиле попробовать кое-что из арсенала двадцать первого века. Лилия подозрительно сощурилась: откуда знаю? «Видел в порнографическом журнале», – признался я. Она кивнула. Парни – они такие, тянутся, к чему не нужно. Однако любопытство пересилило. Словом, мы попробовали. Неопытность партнеров не сказалась на результате. На нас накатило любовное безумие. Когда последняя судорога сотрясла наши тела, Лилия переместилась мне на грудь и заглянула в глаза.

– После свадьбы будем так делать?

– Как скажешь, – сказал я.

– Скажу! – пообещала она. – Мне понравилось.

Лицо ее приняло мечтательное выражение. М-да... Правку рукописей мне придется отрабатывать. Ну и пусть. Не кирпичи таскать... Я чмокнул ее в носик, затем – в губы. Мне тут же ответили. Мы занимались этим, пока я не почувствовал, что готов к подвигам. Предложение закрепить навыки восприняли на «ура»...

* * *

Из мужского корпуса Лилия вышла без десяти одиннадцать. Сергей проводил ее до вахты. Они распрощались, целомудренно чмокнув друг друга в щечки. Дежурные смотрели на них во все глаза. Лилия задрала голову и, прижимая к груди рукопись, направилась к себе. Пусть завидуют! Их так не приласкают...

Маша была дома. Утром Лилия ее не видела. Соседка чуть свет убежала в магазин, где, по секретным сведениям, ожидался выброс дефицита. Звала и Лилию, но ей было не до того. Увидев подругу, Маша вскочила с койки и уперла руки в бока.

– Явилась! Рассказывай!

– Что? – удивилась Лилия.

– Как – что? – Маша всплеснула руками. – Дома не ночевала, весь день где-то шлялась. Колись!

– Не буду! – сказала Лилия. – Это личное.

– Какое личное?! – Кровь бросилась Маше в лицо. – Ты что творишь, пацанка? Общага гудит. Какая слава пойдет? Тебе замуж выходить!

– Уже, – сказала Лиля.

– Что уже?

– Выхожу.

– Вот как... – Маша убрала руки с боков. – Как честный и порядочный человек он сделал тебе предложение?

– Но не потому, о чем ты подумала! – фыркнула Лиля. – Да, я ночевала в его комнате, но ЭТОГО, – она выделила голосом, – не было.

– Но он приставал? – уточнила Маша.

– Конечно! – подтвердила Лиля. – Но я не дала.

– Молодец! – одобрила Маша. – Моя школа. Ладно. Ты уверена, что это всерьез? Говорят, он балабол.

– Он? – Лиля засмеялась. – Иногда я чувствую себя рядом с ним как дочь с отцом. Серьезней некуда.

– Возможно, – сказала Маша. – Но ты торопишься. Можно найти лучшего. Не спорь! – подняла она руку, заметив ее возмущение. – Я все про него выведала. Не спорю, парень хороший. Не пьет, не курит, занимается спортом. Но тебе не пара. Работяга, институт бросил. О чем с ним разговаривать?

– О литературе, – сказала Лиля. – Сегодня весь день мы говорили о литературе. Вернее, говорил он, а я слушала. Я студентка филфака, хожу на лекции, но такого не знают даже наши преподаватели.

– Неужели? – удивилась Маша.

– Вот! – Лиля потрясла папкой. – Повесть. Это он написал. Талант! Читала и плакала.

– Дашь посмотреть?

– Сначала перепечатаю. – Лиля прошла к своей койке. Положив папку на стол, она прилегла на койку. Мысленно она была в объятиях Сергея. И вспоминать это было необыкновенно приятно. Внезапно сетка кровати скрипнула, приняв на себя еще одно тело.

– Лиля... – Ладонка погладила ее по щеке. – Не сердись. Если все, как ты говоришь, то ладно... Но учти – могут быть неприятности. Галка в ярости. Грозится выцарапать тебе глаза. Мол, увела жениха.

– Облезет! – Лиля употребила одно из словечек Сергея. Они ей нравились. – Нашлась невеста! Кошка драная... Пускай ищет себе других. Он не для нее.

– Пусть, – согласилась Маша. – Расскажи, а?

– Что? – спросила Лиля, не открывая глаз.

– Ну... Как это у вас было? Ночью?

– Не скажу, – ответила Лиля. – Это личное.

– Но хоть в двух словах! – взмолилась Маша.

– В двух? – Лиля задумалась. – В двух скажу. Я очень счастлива, Маша. Очень, очень...

Глава 6

Дина Аркадьевна повернула ключ в замке и толкнула дверь. Скрипнув петлями, та отворилась. Дина прошла к маленькому окошку и потянула на себя форточку. Воздух осенней Москвы, пахнувший прелой листвой и выхлопными газами автомобилей, ворвался в узкую, как пенал, крохотную комнатку. Раньше здесь была техническая, где уборщицы держали свои швабры. Дина уговорила главного редактора отдать комнатку ей. Она много курит, а выходить постоянно на лестничную клетку с ее протезом... Главный распорядился. Уборщицы поворчали, но смирились. Дина купила им конфет и бутылку шампанского, они успокоились.

На столе лежала стопка вскрытых конвертов и бандеролей. Дина поморщилась. Сегодня ее очередь читать самотек. Нелюбимая работа, но что сделаешь? В редакции и без того шепчутся, что главный ей благоволит. Отдает лучших авторов, хвалит на летучках, не обижает премиями. С Борей они и вправду дружат. Только молодым не понять, что за этим стоит. Они оба прошли войну в действующей армии. Боря – как журналист, она – сестрой медсанбата. Ему судьба благоволит, ей не повезло. Огневой налет немцев, и осколок снаряда срезал ногу ниже колена... Боря знает, что значит жить на протезе. Он написал «Повесть о настоящем человеке»...

Дина достала из пачки папиросу, постучала мундштуком по столу, вытряхивая крошки табака, примяла его, сунула в рот и чиркнула спичкой. Поехали...

К полудню стопка с рукописями заметно похудела. Дина работала, как самый настоящий автомат. Пробежать глазами первые страницы, заглянуть в середину, затем – в конец. Все, мнение составлено. Пусть авторы считают, что их нетленные произведения в редакциях изучают, не отрывая глаз. «Для того чтобы понять, что рыба испорчена, не обязательно съедать ее целиком», – писал Чехов. Рукописи в самотеке были как раз такими – тухлыми и несъедобными. Графоманы, эпигоны и просто больные на голову люди почему-то считали, что их тексты осчастливят журнал. Занялись бы лучше чем-нибудь полезным... На просмотренных рукописях Дина делала карандашом пометку «В», что означало «возврат». А как же? В Советском Союзе рукописи рецензируются и возвращаются. Каждому нужно разъяснить, почему его нетленное произведение не может быть напечатано. Причем сделать это вежливо и по возможности не обидно. Не то станут жаловаться в ЦК. Объясняйся потом...

За внутренние рецензии в редакции платили. На этом деле кормились многие. Сами редакторы, писатели, студенты Литературного института... Дина в подобном не участвовала. Привыкшая на фронте рубить сплеча, она не могла заставить себя махать хвостом перед кончеными графоманами. Да пошли они!..

Эта рукопись выглядела как обычно. Коричневая оберточная бумага, перевязанная шпагатом. Торец бандероли врезан ножницами. Работа секретарши. Ее задача – определить, что прислал автор: прозу или стихи? Затем раскинуть самотек по отделам. Дина вытащила из бандероли рукопись. На стол выпал листок с биографией автора и прикрепленным к ней скрепкой фото. «Надо же! – усмехнулась Дина. – Позаботился. Уже видит свой текст опубликованным». Листок с фото она отодвинула в сторону – даже смотреть не будет. Все равно «В». Взяла первый лист рукописи. Так. Сергей Девойно, «Черный лебедь», повесть. «Про природу, наверное, – подумала Дина. – Точно «В». В следующий миг она поняла, что ошиблась.

«Фуэте не задалось. Алла сбилась и перешла на туры кругом...»

Следующий час Дина Аркадьевна просидела, не отрываясь от чтения, пока желудок не напомнил, что он пуст. Дина с усилием отодвинула рукопись, встала и, прихватив чайник, проковыляла в туалет. Там наполнила его водой и, вернувшись к себе, поставила на электрическую плитку. Перекусив захваченными из дому бутербродами, выпила чаю и, бросив кружку немытой, вцепилась в рукопись. Время от времени она доставала папиросу, прикуривала и выпускала дым, но не чувствовала его вкуса. Окружающее исчезло. Она видела сцену с танцующими балеринами, восхищенно наблюдающего за ними паренька, слышала его разговор с возлюбленной и переживала вместе с ним. Когда текст закончился, Дина некоторое время сидела, глядя перед собой. Затем поднесла к глазам последнюю страницу.

«– Значит, хочешь танцевать на Западе? – спросил Артем.

– Да! – ответила Алла.

– Не передумаешь?

– Нет.

Он замолчал, и некоторое время шел рядом, глядя прямо перед собой.

– У тебя есть мать?

– Конечно, – ответила Алла.

– Готова бросить ее?

Алла замялась.

– Все правильно, – с горечью сказал он. – Зачем она? Тебя она

вырастила, дала образование, теперь можно и обойтись. Отработанный материал.

Алла хотела возмутиться, но не нашлась что ответить.

– Знаешь, – сказал он, – а у меня нет матери. Родители погибли в автомобильной аварии. Я рос в детдоме. Время от времени к нам приезжали шефы с подарками. Мы бежали к ним и заглядывали в глаза: вдруг кому-либо приглянемся и они заберут нас к себе. Некоторым везло, но у меня не вышло. Я вырос, получил специальность, работаю, учусь в институте. Страна сделала все, чтобы я был счастлив, и я благодарен ей. Но матери у меня нет... Иногда я вижу идущую навстречу немолодую женщину и начинаю вглядываться. Вдруг это моя мама? Вдруг она уцелела в аварии и сейчас ищет меня? И мы наконец встретимся? Я бы полжизни отдал, чтобы такое произошло...

Он помолчал.

– Думаю, нам надо расстаться. Мы говорим с тобой на разных языках, хотя выросли в одной стране. Прощай! Будь счастлива!

Он повернулся и пошел прочь. Алла хотела его окликнуть, но крик замер в горле.

...Вечером был спектакль. Алла в пачке черного лебедя выбежала на авансцену и замерла. Из оркестровой ямы воспарила музыка. Пришло время ее фуэте. Алла завертелась, выбрасывая ногу параллельно сцене. В зале вспыхнули аплодисменты. После каждого оборота Алла находила взором узор на ограждении бельэтажа. Для балерины во время исполнения фуэте важно иметь перед собой одну точку. Иначе закружится голова и она потеряет равновесие. Раньше точкой было лицо Артема. Он специально покупал место в центре зала. Танцуя, Алла находила его глазами, и ей становилось спокойно и хорошо. Но сегодня в зале Артема не было – не пришел. И никогда более не придет...

Алла закончила фуэте и вскинула руки. Зал взорвался овацией и криками «браво». Она кланялась и улыбалась. Через силу...

А Артем в это время сидел на лавочке в парке и смотрел в небо. Там, вытянувшись вдоль Млечного Пути, улетал прочь Лебедь. Ему, гордому и далекому, не было дела до человека, наблюдавшего за ним с Земли. «Ладно, – подумал Артем, – это всего лишь созвездие. Настоящие лебеди возвращаются...»

– Подлец! – сказала Дина Аркадьевна, кладя лист. – Сукин сын!

В ее устах это было высшей похвалой. Дина отодвинула рукопись и взяла лист с биографией. С фото смотрел юный паренек в рабочей одежде. За спиной кирпичная кладка стены – похоже, снялся у цеха. Лицо

уверенное, с упрямой ямочкой на подбородке. На лбу слева – заметный шрам. «Старая фотография, – решила Дина Аркадьевна. – Хочет выглядеть молодым. Зачем?»

Она взяла листок с биографией и пробежала его глазами. Что? 21 год? Не может быть! Среди авторов «Юности» встречались двадцатилетние. Но, во-первых, их было мало, во-вторых, у них не могло быть столь зрелой прозы. Розыгрыш? Но кому он мог понадобиться? И для чего?

Еще раз прочитав биографию, Дина сняла трубку телефона. Сейчас она проверит. Если это розыгрыш, автору не поздоровится. Линия оказалась свободной, и Дина набрала «07».

– Пожалуйста, Минск, – сказала откликнувшемуся оператору. – По справке, прессовый корпус Минского тракторного завода. Любой, кто ответит. Нет, телефон не квартирный, редакция журнала «Юность». Спасибо.

Она успела выкурить две папиросы, когда телефон зазвонил, Дина сняла трубку.

– Алло, – раздался в наушнике девичий голосок.

– Здравствуйте, девушка! – сказала Дина. – Это прессовый корпус тракторного завода? Я верно попала?

– Да, – подтвердила девушка.

– У вас работает... – Дина придвинула ближе листок. – Сергей Александрович Семец?

– Зачем он вам?

– Я редактор отдела прозы журнала «Юность», – сказала Дина. – Моя фамилия Хаютина, зовут Дина Аркадьевна. Этот ваш Семец прислал нам повесть. Я хочу с ним поговорить.

– Подождите! – воскликнули на другом конце провода. – Я сейчас позову!

Дина услышала стук брошенной на стол трубки. «Надо же! – улыбнулась она. – Похоже, испугала девочку».

Ждать пришлось минут пять. Наконец в трубке раздался сочный баритон.

– Слушаю.

– Сергей Семец? – уточнила Дина.

– Он самый, – ответил баритон.

– Хаютина Дина Аркадьевна, редактор журнала «Юность».

– Очень приятно, – сказал Семец.

«А он чувствует себя уверенно. Не то что девочка».

– Я прочла вашу повесть, Сергей. Скажите... – Дина замялась. – Это

вы писали?

К ее удивлению, на другом конце провода рассмеялись.

– Я сказала что-то смешное? – обиделась Дина.

– Простите! – извинился собеседник. – В первый раз этот вопрос мне задала учительница литературы в шестом классе. Прочитала мое сочинение. Не беспокойтесь, Дина Аркадьевна, писал я.

– Но... – Дина поискала слова. – Текст очень зрелый. А вам двадцать один год.

– Я рано повзрослел. Так вышло.

– Сирота? – догадалась Дина.

– Круглый.

«Детдомовец?» – хотела спросить Дина, но не решилась.

– И еще, Сергей. Текст идеально вычитан – ни одной ошибки.

– Это Лиля.

– Какая Лиля? – не поняла Дина.

– Моя невеста. Вы с ней уже разговаривали. Лиля учится на филфаке. Она правила и печатала мою повесть. У нее талант редактора. Сам я пишу с ошибками.

«Понятно», – подумала Дина. Наверняка девочка помогала ему и в работе с текстом.

– Вы пишете, что удостоены медали. «За отвагу» – боевая награда. А сейчас мирное время.

– Меня наградили в армии.

– В каких войсках вы служили?

– Пятая бригада специального назначения в Марьиной Горке.

«Черт! – подумала Дина. – Дернуло же за язык. Неизвестно, где воевал этот парень. Это же секрет!»

– Я буду рекомендовать вашу повесть к печати, Сергей!

– Спасибо! – сказал он. – С меня причитается.

«Все вы так говорите», – подумала Дина и положила трубку. Подумав, она сложила рукопись в папку и, не забыв фото с биографией, вышла из комнатухи. В приемной главного скучала секретарша.

– У себя? – спросила Дина.

– Да, – кивнула секретарша. – Но я бы не рекомендовала. Ездил в ЦК, вернулся злой. Велел никого не пускать.

– Мне можно, – сказала Дина и проковыляла к двери кабинета.

Главный встретил ее хмурым взглядом.

– Хреново выглядишь! – сказала Дина.

– Тебя бы туда! – буркнул он. – «Печатаете незрелые вещи,

противоречащие курсу партии», – передразнил он кого-то. – А где эти «зрелые» взять? Приносят черню... Чего надо?

– Почитай! – Дина положила на стол папку. – Настроение улучшится.

– Уверена? – сощурился он.

– Я когда-нибудь ошибалась?

– Ну... – Он придвинул к себе папку. – Ладно, иди. Не то начну ругаться.

– Как будто я мата не слышала! – улыбнулась Дина, но вышла.

...Борис позвонил ей вечером домой.

– Привет! – сказал, не подумав извиняться за поздний звонок. Впрочем, их отношения это позволяли. – Прочел. Это не розыгрыш?

– Проверила, – ответила Дина. – Звонила по межгороду в Минск. Парень именно тот, за кого себя выдает. Все, что он сообщил о себе, правда. Что тебя смущает?

– Возраст, – буркнул Борис.

– Он сирота, детдомовец, поэтому рано повзрослел. Писать ему помогала студентка филфака, поэтому рукопись грамотная. Он просто талант, Боря! Вспомни себя. Первую книгу издал в девятнадцать лет. А Шолохов? Тот начал опубликовать «Тихий Дон» в двадцать два года.

– С Шолоховым был скандал, – сказал главный, но по его тону Дина поняла, что сравнение ему понравилось.

– И что? – не смутилась Дина. – Еще в тридцатые годы создали комиссию. Она подтвердила, что писал Шолохов. Потом это вновь раздули. Вопрос: кто? Враги, которым наша страна – кость в горле.

– Этот парень не Шолохов.

– Я этого не утверждала.

– Балеруны, мечтающие танцевать на Западе, – сварливо произнес главный, – Главлит^[13] зарубит.

– А ты отправь рукопись в ЦК с сопроводительным письмом. Если там примут положительное заключение, Главлит заткнется. В ЦК поддержат, поверь! У них тоже проблемы. Люди слушают «голоса», шепчутся на кухнях, ругают партию. А прояснить ее линию в литературе по-настоящему некому. Те, кто пытается, делают это убого. Здесь как будто свежим ветром пахло. Никаких секретов Семец не выдает. О сбежавших балерунах писала «Правда», общественность их осудила. Послушай моего совета, Боря! Парень прислал два экземпляра. Отправь первый в ЦК, второй запускай в работу. И ставь эту вещь как можно скорее.

– В январский номер?

– Ноябрьский.

– Тот сверстан.

– Выбрось кого-нибудь к хренам! Ты что, не понимаешь? В феврале будущего года – съезд КПСС. Доклад Генеральному секретарю уже пишут. К январю он будет готов, и «Черного лебедя» не заметят. Ноябрь – последний срок. Не хочу, чтобы «Юность» попала в доклад как образец безыдейности и отхода от генеральной линии партии.

– Ладно! – сказал Борис и положил трубку.

«Перестраховщик!» – подумала Дина, но ругаться не стала. Боря – хороший человек и талантливый писатель. Его «Настоящий человек» – сила. Книга на все времена...

Глава 7

Отправляя повесть в журнал, я рассчитывал, что ею заинтересуются. Но червячок сомнения грыз. Сколько моих знакомых литераторов в той жизни надеялись прославиться в веках! Надували щеки, потрясали законченными рукописями. И что? Не всех даже напечатали. Планировать успех в творчестве – дело пустое. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»

Звонок из редакции меня воодушевил, но и посеял тревогу. Вдруг не срастется? Есть ведь такая организация – Главлит. Она присматривает за соблюдением генеральной линии партии в печати. А повесть – острая...

В начале октября пришли гранки. То есть сверстаный и отпечатанный текст, присланный автору для согласования. Темп работы меня изумил. Это в мое время верстали на компьютере – быстро и легко. Закидываешь текст в программу, и та сама его расставляет по заданному шаблону. Остается только поправить. Здесь по-иному. Текст набирают на линоTYPE. Этот аппарат отливает строки из свинцового сплава. Верстальщик собирает их в столбцы и зажимает в рамке. Затем накатывает краску валиком и делает оттиск. Из последних собирают гранки, которые вычитывает корректор. Для исправления ошибки строку отливают заново. Верстальщик находит дефектную, вытаскивает ее шилом и вставляет новую. Можно представить себе скорость процесса...

В «Юности» спешили, и мне было непонятно почему. Это радовало и тревожило одновременно. Подумав, я сходил на почту и позвонил в редакцию. Номера телефонов нашлись в журнале. Дина Аркадьевна ответила не сразу. Телефон оказался параллельным, к ней бегали, чтобы попросить поднять трубку.

– Здравствуйте! – сказал я, услышав знакомый голос. – Это Сергей Девойно, он же Сامةц. Я вычитал гранки и отправил их в редакцию.

– Спасибо! – поблагодарила Дина Аркадьевна. – Мы торопимся.

– В каком номере запланирована публикация?

– В ноябрьском.

«Ого! – мысленно охнул я. – Ни фигу себе скорость! Чем же им я так угодил?»

– Главлит не прицепится?

– Приятно иметь дело с информированным человеком! – хмыкнули на другом конце провода. – Не беспокойтесь, Сергей! Публикацию

согласовали с ЦК.

– Поражен, – признался я.

– Ваша повесть понравилась Борису Николаевичу. В ЦК – тоже. Так что не беспокойтесь.

– Дина Аркадьевна! – сказал я торжественно. – Я ваш должник. Как только получу гонорар...

– Ну, ну! – в наушнике засмеялись. – Посмотрим. Кстати, хочу спросить. Откуда такой псевдоним?

– Это фамилия моей невесты. После женитьбы перейду на нее.

– И когда свадьба?

– Как только напечатаете повесть.

– Это она так потребовала? – заинтересовалась Дина Аркадьевна.

– Сам решил. Семью надо содержать. Гонорар лишним не будет.

– Приятно слышать, – одобрила она. – Вы действительно взрослый человек. А насчет гонорара поговорю с Борей. Пусть разметит побольше.

– Дина Аркадьевна!..

– Слышала уже, – вновь засмеялась она. – Век не забудете. Над чем работаете?

– Пишу рассказы.

– Почему не повесть? У вас неплохо получается.

– Напишу, но чуть позже. Хочу издать книгу. Повесть и рассказы – стандартный формат для молодого автора.

– Хм! – сказали в наушнике. – Формат... Непривычно, но понятно. Вы странно употребляете слова, Сергей, я это и в повести заметила. В Белоруссии так говорят?

– Ага! – соврал я.

– Интересно было бы послушать. Никогда не бывала в ваших местах, даже в войну. – Она вздохнула. – Ладно, Сергей. Рассказы, как закончите, тоже присылайте. Возможно, возьмем. Если не все, то парочку. Или хотя бы один.

Я поблагодарил, и мы распрощались. В общежитие я летел на вмиг выросших крыльях. Получилось! Срослось, вашу мать! Йес! Ай да Семец, ай да сукин сын! Орел! Красавчег...

По этому поводу мы с Лилей закатали банкет – в нашей комнате, конечно. Коля принял в нем участие как член семьи, то есть свидетель на свадьбе со стороны жениха. Здесь это не формальная должность. В роли свидетелей выступают близкие друзья. Отношения с ними сохраняют годами, если не десятилетиями. Лиля привела соседку по комнате Машу. Та, в свою очередь, согласилась стать свидетельницей. Для незамужней

девушки – приятная миссия. На свадьбах свидетели в центре внимания публики, им даже «горько!» кричат, правда в шутку. Некоторые, впрочем, целуются. Так что Маша посматривала на Колю с интересом.

– Об одном попрошу, – сказал я свидетелям. – О публикации пока ни слова. Не то сглазим.

Оба кивнули – дело понятное.

– Журнал подаришь? – спросила Маша. – С надписью от автора.

– Непременно! – кивнул я. – Если раздобуду.

– В комитете комсомола попроси! – посоветовала Маша. – Помогут.

Я хлопнул себя по лбу – точно! В этом времени люди читают много и жадно. Спрос на книги и периодику бешеный. Бумаги не хватает, поэтому тиражи лимитируют. На «Правду» это, конечно, не распространяется и на «Советскую Белоруссию» – тоже. А вот литературные журналы – в лимите. С началом подписки на почте выстраиваются очереди. Многим не достается. Что журналы? В том времени я работал в ведомственной газете белорусского МВД. Тираж – 400 тысяч экземпляров при жестком лимитировании. Обычному гражданину выписать газету не светило – только сотрудникам МВД и их помощникам. Так ради подписки люди в дружину записывались. Комитет комсомола – орган идеологический. С Союзпечатью наверняка сотрудничает.

– Ты умница, Маша! – произнес я прочувственно. – Дай поцелую!

– Но-но! – взволновалась Лиля.

– Не пыли! – отмахнулась Маша. – Не уведу я твоего жениха. Даже если б и захотела.

Она залепила мне жаркий поцелуй. Коля захохотал, Лиля надулась. Впрочем, ненадолго. В знак примирения мы с ней расцеловались, причем Коля с Машей в этот момент скандировали: «Горько!» Репетировали, словом. Душевно посидели...

В комитете комсомола новостью восхитились и обещали помочь. Не каждый день работников завода печатают в союзном журнале! Даже не каждый год. В комитете вообще не смогли вспомнить прецедента. С меня взяли обещание выступить перед читателями в заводской библиотеке, я согласился. А что, приятно.

В конце ноября вышел журнал. Текст повести практически не правили. Имелась моя фотография. Я подрядил на съемку фотокора из заводской многотиражки, заплатив ему три рубля. Присутствовала кратенькая биография. О медали упомянули. В свое время я ее стеснялся. Все было не так, как написали в представлении. Шевко действительно уронил гранату под ноги. Но это был мой косяк – не сумел научить молодого. И

спасал я не его – себя. Отшвырнув гранату ногой, сбил с ног пацана и шлепнулся рядом. Собой я его не накрывал, просто оказался к взрыву ближе. Шевко не задело, чему я очень радовался. За его смерть или тяжелое ранение с меня бы спросили. Самого меня слегка поцарапало. РГД-5 – граната слабенькая, осколками лишь поверху задело. На учениях присутствовал генерал из Москвы, это он приказал раздуть подвиг. Во-первых, это свидетельствовало о высоком моральном духе личного состава. Во-вторых, показывало выучку младших командиров. Командир части был только за. Он пролетал мимо наказания и становился воспитателем героев.

Здесь я стесняться не стал. Еще плюс в мою карму, чего сомневаться? Я же циник...

Комсомольцы сдержали слово. В Союзпечати мне продали десять экземпляров – с заднего хода, конечно. Половина из них улетела тут же. Один – Маше, второй – Коле, третий – библиотеке... Экземпляр пришлось презентовать мастеру Мамаю, а там выяснилось, что и начальник корпуса не против... Пожелание его мне передала Лиля. Куда денешься? Из заводской многотиражки прибежала корреспондентка. Слушая ее, я вздыхал – детский сад! Где родился, где крестился, кто родители, как в школе учился?.. Пришлось брать инициативу в свои руки. Биографию я с ходу отсек и перешел к литературе. Журналистка в ней не разбиралась совсем, так что я диктовал, а она записывала. Зато интервью вышло интересным. Корреспондентка даже ничего не перепутала, ну, почти...

На работе и в общежитии меня поздравляли, жали руку и желали творческих успехов. Причем искренне. Зависть здесь есть, но совсем малая по сравнению с моим временем. Там из-за нее ссорились с соседями, теряли друзей и даже родственников. Зато имели демократическое общество с рыночной экономикой. Передовое, ёпть!

Мы с Лилей отнесли заявление в ЗАГС и поехали представлять жениха ее родителям. Готовились неделю, покупали гостинцы. В обязательный набор входила городская колбаса и торт. Последний купить было проблемой. Заранее брать нельзя – испортится, а в нужный день можно не найти. Пришлось вставать затемно, ехать в центр, занимать очередь в «Лакомку»... Зато торт достался – шик-блеск. С кремовыми розочками и листиками. Лилия просветила меня насчет деревенских предпочтений.

Дорогой я волновался – вдруг не понравлюсь? Разумом понимал – глупость. Но на душе кошки скребли. Люди в деревне приметливые. Любовь перед ними сыграть трудно. К Лиле я, что называется, не пылаю. Нет, она мне нравится. Умная, симпатичная девчонка с абсолютным литературным слухом. И на ощупь приятная... Но с моей стороны это брак

по расчету – и только. В моем времени – дело обычное, а вот здесь не принято...

На автовокзале райцентра нас встретили. Высокий, широкоплечий мужчина с заметным брюшком шагнул к нам на перроне.

– Батька! – обрадовалась Лиля и, бросив сумки, полезла к высокому целоваться. Будущий тесть облапил ее и с удовольствием чмокнул в щечку. По лицу здоровяка было видно, что дочка у него – любимица. Покончив с поцелуями, Лиля указала на меня.

– Знакомься, батька! Это Сергей.

– Вацлав!

Здоровяк протянул мне руку. Я назвалсЯ и пожал ее. М-да, хватка у этого медведя еще та.

– Пойдем! – Вацлав подхватил сумки. – Я у старшины «уазик» пазычыв^[14].

– Дал? – удивилась Лиля.

– Мне – дав, – снисходительно произнес будущий тесть.

«УАЗ» обнаружился сразу за автовокзалом. Мы загрузили сумки и полезли внутрь. Вацлав сел за руль, я примостился рядом, в последний миг заметив движение глаз Лили. Ну да, рядом с водителем должен сидеть мужчина. Женщина только в случае его отсутствия или если начальница. Неписаное правило.

Мы выбрались из города и покатали по асфальту. Неплохие здесь дороги! Ну, так колхозы богатые, есть кому раскошелиться. Сахарная свекла – выгодная культура, это меня Лиля просветила. Дорогой я молчал. Лиля щебетала за спиной, вываливая на отца столичные новости и выспрашивая местные. Вацлав отвечал односложно, время от времени поглядывая на меня. Я делал вид, что поглощен пейзажем. Он был и вправду хорош. Снег выпал, его сгребли с шоссе на обочины. Мы ехали между сугробами. За ними торчали деревья и простирались поля. Время от времени посреди полей возникали одинокие рощицы. Кладбища... Неподалеку деревня, или она здесь когда-то была. Знаем.

На очередном перекрестке «УАЗ» свернул, и мы въехали в деревню. Хорошо живут свекловоды! Новые дома, некоторые – из кирпича. Крыши – шиферные, попадаются и железные. Ровные заборы, крепкие ворота. У одних из них «УАЗ» притормозил.

– Приехали! – сообщила Лиля.

Обочь ворот грудой лежали бревна. Ель, осина... Судя по виду, привезли недавно – снега сверху нет.

– Дрова? – спросил я Вацлава.

- Ага! – кивнул он.
- А что зимой привезли?
- Дык, леспромхоз...

Уточнять я не стал. Вацлав подхватил сумки, мы вошли во двор. Встречать нас высыпала вся семья. Мать Лили – невысокая, худенькая женщина лет сорока. Глянув на нее, я понял, как будет выглядеть моя супруга через двадцать лет. Мать с дочкой были один в один – как лицом, так и фигурой. А вот братья Лили пошли в отца – высокие и плечистые. Если старший Вацлава почти догнал, то младший обещал сделать это в скором времени. Лиля кинулась целоваться с родней, я скромно встал позади. Наконец очередь дошла до меня.

- Здравствуйте! – сказал я. – Меня зовут Сергей.
- Анна Станиславовна! Толик! Виталик!

Мы поручкались. Ладонь у тещи оказалась узкой и сухонькой, у братьев – широкие и сильные.

- Ладна, – сказал Вацлав. – Идзице у хату. А я машину адганю.

Мы пошли. Пока Лиля распаковывала сумки и оделяла родню гостинцами, я прошелся по дому. А что, неплохо живут. Фабричная мебель, в зале – телевизор. Черно-белый, конечно, но большой. Есть диван, в спальне – широкая кровать, плательный шкаф. Шкаф есть и в зале, на стенах – полки, полные книг. Я присмотрелся – большей частью учебники, но есть и художественная литература. На одной из полок обнаружился журнал «Юность» с моей повестью. Он стоял на видном месте. Это Лиля не утерпела и послала родителям – хотела похвастаться женихом.

Вацлав вернулся скоро, и меня позвали за стол. Тот ломился от еды. Ну, так будущий зять в гости приехал. Капуста, маринованная по-деревенски, то есть целыми кочанами, соленые огурцы, розоватое сало с прорезью, привезенная нами колбаска, вареная курица... Как финальный аккорд теща достала из печи и поставила на стол чугунок, откуда немедленно потянуло аппетитным запахом. Мне навалили тушеной с мясом картошки. Ее долго томили в печи, поэтому картошка рассыпалась в пюре и пропиталась мясным соком. Обожрись.

Из выпивки на столе была водка «Русская» под пробкой-«бескозыркой», бутылка ординарного виноградного вина, явно купленного в местном сельпо, и еще одна емкость без этикетки. Понятно.

- Ты як? – посмотрел на меня тесть. – Магазиною ци свойскую?
- Свойскую! – сказал я, заслужив одобрительный взгляд.

Напитки разлили по стопкам – рюмок здесь не водилось. Женщинам досталось вино, мне с Вацлавом и Толиком – самогонка. Виталику –

ничего. Мал еще, всего пятнадцать. Семнадцатилетнему Толику напустили полстопки. Как я понял – чисто символически. Правильно. Нечего детей спаивать.

– Будзем!

Хороший тост. Коротко и по существу. Я проглотил ароматный самогон – умеют гнать! – и набросился на еду. Умм! Язык проглотишь!

Некоторое время все сосредоточенно ели. Ненадолго прервались, чтоб выпить еще по стопке, затем продолжили. Мне было приятно и хорошо. Двести граммов крепкого самогона, обильная и вкусная еда... Хорошо сидим! Наконец, все наелись, и Вацлав отодвинул пустую миску. Так, сейчас будет допытываться.

– Вяселле дзе думаеце гуляць? У Минску?^[15]

– В Минске нет смысла, – ответил я. – Там пара друзей, а родни у меня нет. Лиля предлагает здесь.

– А як гэта у цябе няма радні?^[16]

Черт! Настроение стремительно поползло вниз.

– Да вот так, Вацлав Иосифович. Деревню, где жила моя мать, в войну немцы сожгли – вместе с жителями. Мать чудом уцелела: ходила в соседнюю деревню больную тетку проводить. Так у нее и осталась. Но тетка вскоре умерла, мать жила у чужих людей. После того как Белоруссию освободили, попала в детдом. Смогла выучиться, стать учительницей. Замуж не вышла. После войны это трудно было – мужчин мало. Чтобы не быть одинокой, к тридцати годам родила меня. В детстве много голодала, поэтому часто болела. Умерла, когда я служил в армии. Вот так и вышло... – Я встал. – Пойду подышу. Душно здесь...

Мороз обжег влажные щеки. Черт, не сдержался. Накатило. Это в моем времени мать-одиночка станет явлением привычным. Здесь это моветон. Сколько в детстве наслушался! Байстрюк... Как будто дети, рожденные вне брака, не такие же, как все остальные. Чтобы это доказать, я стремился быть первым – в спорте, учебе, работе... Сумел. Всем известный в моем времени Александр Лукашенко тоже через это прошел. Поэтому и стал президентом...

– Сережа?

Ко мне бежит Лиля в одной кофточке. Простудится ведь! Обнимаю.

– Пойдем! Там мать батьку ругает. Гляди, даст чапалой!^[17]

Да... Не хватало еще рассорить тестя с тещей.

– Идем!

Завидев нас, Вацлав поднимается из-за стола. Лицо виноватое.

- Сярожа, сынок, ты гэта...
- Ерунда, батька! Давай лучше выпьем!
- Правильна! – облегченно улыбается тесть. – Маци, няси бутельку!

Нарезались мы от души. И никто против слова не сказал. Теща только закуску подносила. Мы душевно поговорили. Я поведал о наших планах: где и на что будем с Лилей жить. Сумма будущего гонорара тестя впечатлила – только головой покрутил. В колхозе за такие деньги наломаешься. Я сообщил, что рассчитываю на кооперативную квартиру – после армии встал на очередь. Одинокому ждать долго, а вот семейному – три года максимум. Один год я уже простоял, осталось два. Деньги на квартиру за это время мы заработаем...

- Так и мы паможам! – встрепнулся Вацлав. – Дачка все ж.
- Я поблагодарил. Затем перешли к обсуждению будущей свадьбы.
- Шлюб брать будзете? – спросила теща.

На мгновение я завис. «Шлюб» – это брак по-белорусски. Ну, так про ЗАГС мы сказали... Дошло чуть позже. Так здесь называют венчание в костеле.

- А получится? Я православный, Лиля – католичка.
- Ксендз казав, што гэта не важна. Бог адзин. Так што павянчае.
- Они уже и справки навели. Почему бы и нет?
- Берем! – кивнул я.

Тесть с тещей довольно заулыбались. Лилия подарила мне одобрительный взгляд. Неудивительно. Какой девочке не хочется предстать в белом платье перед алтарем? Церемония в ЗАГСе – это суррогат. К тому же венчание в этом времени предполагает серьезность намерений жениха и невесты. Правда, могут быть неприятности. За венчание запросто выпрут из комсомола, что нежелательно. Я поделился своими сомнениями с родителями Лили. Меня заверили, что беспокоиться не о чем – с ксендзом договорено. В книгу венчаний нас не впишут. Именно эти записи в моем времени служили источником выявления заблудших овец. Представители партии их проверяли, делали выписки и посылали сведения по месту жительства нарушителей. Других забот у этих козлов не было...

- Тольки... – внезапно смутилась теща.
- Я сама ему скажу, мам! – поспешила Лилия.
- И сказала. Мы как раз вышли подышать свежим воздухом.
- Мама хочет, чтоб я венчалась в фате...

Понятно. Что люди скажут? Это же деревня. И не важно, что к тому времени мы будем мужем и женой. Говно вопрос, как говорили в моем времени. Расписываемся мы в четверг – на этот день очередь в ЗАГС была

минимальной. А вот субботы пришлось бы ждать три месяца – много в Минске желающих пожениться. В пятницу едем в деревню, в субботу венчание и свадьба.

– Думаешь, я не потерплю два дня?

– Сережа! Ты у меня...

Поцелуй. Как легко в этом времени сделать девочку счастливой! В моем они начнут требовать кольцо с бриллиантом, платье за тысячи долларов, роскошный лимузин напрокат. А то и машину в подарок. Оно-то не жалко, вопрос только: кому? И за что? Испорченную в будущем жизнь?

Мы вернулись в дом и продолжили. Словом, к кровати меня отвели. Коварный у тестя самогон. На вкус мягкий, голова от него светлая, и язык не заплетается. А вот ноги не идут.

Выспался я отменно. Лилю, естественно, уложили отдельно, так что никто не мешал. Когда открыл глаза, в комнате было светло. С учетом зимнего времени – часов девять. Так и оказалось. Нехорошо – в деревне принято вставать рано. Это подтвердил звук пилы за окном. Я отогнул занавеску на окне и выглянул. Толик с Виталиком пилили дрова. Рядом возвышалась гора чурбаков. Надо помочь, а то не поймут.

Я торопливо оделся, сбегал в сортир и умылся. Лиля накормила меня блинами со сметаной. Теща, по ее словам, возилась с живностью. У родителей Лили ее много. Корова, кабанчик, куры, индюки... Вацлав с утра отправился на мехдвор – какая-то срочная работа. Запив завтрак компотом – в деревнях чая не знают, я надел шапку и вышел во двор. Братья при виде меня прекратили пилить.

– Топор есть?

– Счас! – сказал Толик и принес из дома инструмент. Я осмотрел. Не колун. Они в этом времени редки. Лезвие не новое, видно, что его вдобавок оттягивали в кузнице. Разумно: зачем колоть новым топором. Я щелкнул по лезвию ногтем. Металл отозвался звоном. Отличная сталь, и топорище удобное.

Я выбрал чурбак помассивнее и поставил на него другой. В своем времени я любил колоть дрова. На даче у меня имелась банька, да и печь в доме требовала пицци. Правда, топор у меня был финский, но и этот неплох. Хэк!..

Поленья от чурбаков летели во все стороны. Елка и осина колются легко – структура древесины прямая. Хэк!.. Гора поленьев росла, когда ко мне подошла Лиля.

– Сережа...

– Что? – спросил я, отведя ее в сторону.

– Мама просит тебя не колоть.
– Почему? – изумился я.
– Что люди скажут? Не успел жених приехать, как его запрягли.
– Передай маме, что мне это нравится. А люди... Пусть видят, что муж у тебя работающий. И завидуют.

Лиля заулыбалась, ткнула меня в грудь кулачком и убежала в дом. Я вернулся к прерванному занятию. Работа шла споро. К обеду вернулся Вацлав. Окинул взглядом сделанное, одобрительно хмыкнул и прошел в дом. Вскоре Лиля позвала нас обедать. Мы с тестем выпили по стопке, поели и отправились во двор. В два топора быстро покончили с дровами. Толик с Виталиком только успевали пилить. Мы перекидали поленья в сарай и отправились в баню. Ее протопили, пока мы возились. От души выпарились. В доме женщины накрыли нам стол, а сами, в свою очередь, отправились мыться.

– Добра колиш! – похвалил меня тесть, напуская самогону в стопки. – Ня думаў, што ты, гарадски, можаш.

– Я много чего могу, – не стал скромничать я. – Вот! – Я взял со стола нож из числа подаренных мной Лиле. – Нравится?

– Добры, – согласился тесть. – Таких у дзярэуни ни у кого няма.

Мы выпили и закусили. Вскоре к нам присоединились женщины – помылись они быстро. После ужина Лиля предложила сходить в местный клуб. Суббота, танцы... Почему бы и нет?

Толик увязался с нами. Виталика оставили дома – мал еще. Он посмотрел на нас с завистью. Понятно. В свое время я тоже мечтал поскорей вырасти и пойти на танцы. Это казалось вступлением в новую жизнь. Мы шли вдоль домов, Лиля держала меня под руку, Толик шагал рядом. Несмотря на вечер, на улице было многолюдно. Исход из деревень уже начался, но на выходные молодежь приезжает под родительский кров. Отрыв от корней произойдет позже. Мы здоровались со встречными, Лиля представляла меня знакомым. Выглядела она при этом весьма довольной. Неудивительно. Девушке в этом времени выйти замуж – перейти в новую, более статусную категорию общества. Засидевшихся в девках не жалуют...

Колхозный клуб был выстроен по новейшему образцу – то есть с оштукатуренными стенами и без колонн. К крыльцу вела расчищенная от снега дорожка, ярко освещенная фонарями. Мы прошли между сугробами и поднялись по ступенькам. Внутри было весело. Гремела музыка, в просторном фойе кружились пары. Мы сняли верхнюю одежду и включились в процесс – ненадолго, впрочем. Набежавшие подружки утащили Лилу поболтать. Читай: выпросить про жениха. Я отошел к

стене. Внезапно передо мной возникла тень. Я присмотрелся. Парень лет двадцати. Моего роста, но худощавый. По лицу видно, что злоупотребляет.

– Ты с Лилькой прыйшов?

Ни «здрасьте» тебе, ни представления. И перегаром от него разит.

– Я.

– Яна мая дзевка.

– Это фигушки, – сказал я. – Мы с ней жених и невеста. После Нового года расписываемся.

– Кинь яе, гарадски!

– Счас! – хмыкнул я. – Только шнурки поглажу.

Он набычился.

– Выйдзем!

Это запросто. А то даже скучно. На крыльце нас догнал Толик.

– Адзин на адзин! – предупредил соперника.

Лилин ухажер скривился. В том, что Толик оказался прав, я убедился почти сразу. Нам навстречу шагнули две фигуры. В принципе не страшно. Рукопашник я не бог весть какой, но в армии кое-чему учили. Все же спецназ.

Толик нахмурился. Фигуры неохотно отступили. Мы с местным Отелло стали друг против друга. Краем глаза я увидел, как на крыльцо высыпают любопытные. Заметили. А что? Драка на танцах – это развлечение.

Ревнивец с ходу попытался засандалить мне между ног. Нет, это несерьезно! Стопой я подбил его ногу вверх. Он шлепнулся на спину.

– Вставай! – сказал я. – Простудишься.

Сбоку послышался хлесткий удар и шум падающего тела. Я повернул голову. Одна из фигур валялась на спине, Толик, морщась, дул на кулак. Хорош у братика Лили удар!

– Адзин на адзин, я казав! – напомнил Толик.

Второй из дружков отступил к крыльцу. Тем временем Отелло встал. Завопив, он ринулся ко мне с кулаками. Детский сад, честное слово! Я перехватил его правую кисть левой рукой, согнул книзу, присел и подхватил под бедро. Классическая «мельница». Вздернув ревнивца над головой, я сунул его головой в сугроб.

– Охолони!

На крыльце радостно закричали. Понравилось.

– Некоторым культурней надо быць! – наставительно произнес Толик, и мы двинулись к ступенькам. Навстречу метнулась Лиля.

– Что тут?

– Петька-прыблуда прыстав, – пояснил Толик. – Бицца палез. Вунь, ноги тырчаць.

Лиля глянула в указанном направлении и захохотала. Затем взяла меня под руку.

– У тебя еще есть ухажеры? – поинтересовался я. – А то даже не размялся.

– Нет! – засмеялась она. – Да и этот... С чего он взял, что я его девушка? Ничего между нами не было!

Это она оправдывается. Вдруг что подумаю? А что мне думать? И без того все ясно. Не было между ними ничего.

– Идем, я тебя с подругами познакомлю!

Почему бы и нет?..

Возвращались мы глубокой ночью. В чистом небе горели звезды. Под ногами скрипел снег. Лиля вновь держала меня за руку, Толик шел рядом.

– Ты приемы адкуль ведаешь? – спросил внезапно.

– А армии научили.

– Пакажэш?

– Запросто, – пообещал я.

Во дворе мы с Лилей притормозили. Толик ушел в дом, а мы некоторое время постояли. Целовались, как же без этого?

– Ты очень понравился моим родителям, – сказал Лиля. – Особенно батьке. Он грозился, что еще посмотрит, кому меня отдавать, поэтому был строг. Но потом разглядел...

– А подруги? – спросил я.

– Завидуют! – похвасталась Лиля.

То-то. Знай наших!

Глава 8

В Минск Лиля с Сергеем приехали поздно. В холле общежития быстро попрощались и отправились каждый в свой корпус. Оба устали, а завтра на работу. Маша встретила подругу радостно.

– Гостинцы привезла?

– Конечно! – сказала Лиля, ставя на пол сумку.

– Домашняя колбаска есть?

– И сало, – кивнула Лиля, – а также папина самогонка.

– Живем! – потерла руки Маша. – Давай так. Скоренько сходим в душ, ополоснемся и сядем за стол. А то после – лень.

Так и сделали. Обе в халатах, с полотенцами в руках спустились в подвал. В душевой на полу стояла огромная лужа мыльной воды – водосток в очередной раз забился. Но кто-то заботливый успел проложить деревянные трапы. Девушки прошли по ним к лавкам, сложили одежду и полотенца, сбросили тапочки и шмыгнули в кабинки. Людей в душе было немного: они вдвоем, да еще в крайней кабине кто-то плескался.

После вчерашней бани мыться особо не хотелось, поэтому Лиля не стала мочить голову. Быстро ополоснулась и вышла. Повернувшись к кабинкам, стала вытираться.

– Ага! – сказали сбоку. – Вот кто тут!

Лиля повернулась. Перед ней, уперев руки в бока, стояла Галька – голая и мокрая. «Это она мылась в крайней кабине», – догадалась Лиля. Взор Гальки не предвещал ничего хорошего. Лиля внутренне сжалась.

– И чего он в тебе нашел? – хмыкнула Галька, окинув ее оценивающим взглядом. – Ни рожи ни кожи.

– Зато не бл..! – не удержалась Лиля.

– Ах, вот как! – вспыхнула Галька. – Значит, это ты ему напела? Да я тебя!..

Она замахнулась. Лиля прикрыла глаза. Удара не последовало. Зато послышался звонкий шлепок, за ним – всплеск. Лиля открыла глаза. Галька сидела в луже. А рядом с Лилей стояла сердитая Маша.

– Ты чего дерешься? – всхлипнула Галька.

– А нечего руки распускать! – ответила Маша. – Нашла на кого!

– Она моего жениха увела!

– Это как? – усмехнулась Маша. – Да они познакомились через два месяца после того, как Сергей тебе отставку дал. При чем тут Лиля?

Думать надо головой, а не передком. Меньше бы его совала всяким и не упустила бы жениха. Рожа красивая, а мозгов нет. На что ты надеялась? Тут половина общаги Сергею глазки строила. Кто-то из них и рассказал. Идем! – повернулась Маша к Лиле. – Нечего тут!

Они поднялись к себе в комнату, скоренько накрыли стол и уселись за него прямо в халатах. Маша вдобавок с полотенцем на голове. Лиля разлила по рюмкам самогонку, они хлопнули, поморщились и скоренько закусили. После чего глянули друг на друга и рассмеялись.

– Ой, не могу! – причитала Лиля. – Думала, Гальяка глаза мне выцарапает. Открываю глаза – а она в луже. Спасибо тебе!

– Не за что! – ответила Маша и улыбнулась. – Тоже мне, сучка! Нашла кого обвинять. Хотя... – Она вздохнула. – Быстрее бы ты замуж выходила!

– Это почему? – удивилась Лиля.

– Тебе вся общага завидует.

– Так уж и вся? – не поверила Лиля.

– Притворяешься или не понимаешь?

– Чего?

– Не понимаешь, – заключила Маша. – Объясню. То, что он парень порядочный, это ерунда. Таких много. Но он у тебя писатель, к тому же – талантливый. Его повесть в Москве напечатали. Соображаешь?

Лиля покрутила головой.

– Дите! – вздохнула Маша. – Много белорусских писателей публикуется в Москве? Единицы. Значит, его заметят и примут в Союз писателей. А это... – Маша зажмурилась. – Квартиру дадут сразу. Писатели их не ждут, как мы. У них свои дома отдыха, путевки в санатории. Поездки за границу опять же. Будет привозить тебе дефицит, одевать как куколку. Машину купите, дачу... – Она вздохнула.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Лиля.

– Навела справки, – ответила Маша. – Он тебе не говорил?

Лиля покрутила головой.

– Скрывает, – заключила Маша. – Умный. Не хочет, чтобы его любили за богатство.

– Так я с ним не из-за этого, – сказала Лиля.

– Но квартира не помешает! – подняла палец Маша. – И дефицит – тоже. Повезло тебе, Лилька! Даже я завидую. Только не богатству. – Маша покрутила головой. – Он у тебя умница. Я была на его читательской конференции в библиотеке. Из любопытства пошла. Таких, как я, набралось столько, что в проходах между полками стояли. Два часа... Представляешь, два часа слушали, открыв рты. Я запойная читательница и

на конференциях бывала не раз. Обычно приходит писатель и начинает рассказывать о себе. Где родился, крестился, как ему в голову пришел гениальный замысел... Люди слушают и начинают зевать. А твой Сергей... Ни слова про себя и свою повесть. Все о литературе. Откуда знает? Со мной потом библиотекари делились. Даже для них было открытием, что Некрасов с женой Панаева прокутил наследство Герцена и поехал к нему в Лондон объясняться. А тот его не принял. Написал на визитной карточке: «Господин Герцен отказывает себе в удовольствии видеть господина Некрасова». И Некрасов эту карточку не порвал, как другой бы сделал, а сохранил. Теперь она в музее.

– Он и мне это рассказывал, – кивнула Лиля.

– Вот видишь! – вздохнула Маша. – А знаешь, чем конференция закончилась? Девочки рванули к нему, окружили и стали глазки строить. «Ой, Сергей, нам так интересно было! Можно с вами еще встретиться?»

– А он? – чувствуя ледок в груди, спросила Лиля.

– Отговорился занятостью. Но девочкам улыбался. Смотри, Лилька! Уведут.

– Нет, – сказала Лиля, подумав, – не получится.

– Это почему?

– Он меня любит.

– Это всего лишь слова.

– А он их и не говорил.

– Правда? – изумилась Маша.

– Напрямую – ни разу. Но зато другие... Говорит, что я – чудо. Что одна на миллион. Что я солнышко золотое, зайка пушистая, птичка певчая. На руках меня носит.

– Да ну? – не поверила Маша. – Не видела.

– Так он наедине. Говорит, что я как перышко и он готов так носить меня всю жизнь.

– Да-а... – завистливо протянула Маша.

– В деревне он за меня подрался. На танцах к нему прицепился один мой бывший ухажер. Ну, какой там ухажер? – Лиля сморщилась. – Это он за мной бегал, а я на него даже не смотрела.

– И что Сергей? – поторопила Маша.

– Воткнул его головой в сугроб.

Маша захохотала.

– Он очень заботливый, – продолжила Лиля. – Как приду в гости, накормит, напоит. Кто из парней так делает? Больше смотрят, чтобы их покормили да еще бутылку поставили. Сергей и готовит хорошо. Причем

видно, что ему это в радость. И так странно на меня смотрит! Как папа. Иногда мне кажется, что я ему дочь, а не невеста.

Лиля помолчала.

– Он очень скромный. Его медалью в армии наградили, а он не говорит, за что. Мне Юзефа Ивановна рассказала. В армии учения были, солдаты боевые гранаты бросали. Сергей – командир отделения, присматривал. Один молодой солдат с испугу уронил гранату себе под ноги. Сергей ее сапогом в сторону отбросил, сбил молодого с ног и собой прикрыл. Граната разорвалась, ему осколками спину раскорябало. Шрамы остались, я видела.

– Когда? – заинтересовалась Маша.

Лиля смутилась.

– Да ладно, – сказала Маша. – Заявление подали, с родителями его познакомила, теперь можно спать вместе. Даже я слова не скажу. Эх, Девойно! Ты четвертая, кого я из этой комнаты замуж выдаю. А сама... – Маша всхлипнула.

– Что ты? – Лиля пересела к подруге на кровать и обняла ее за плечи. – Будет и на твоей улице свадьба.

– Кому я нужна? – пожаловалась Маша. – Никто даже не смотрит.

– И на меня не смотрели, – сказала Лиля. – Забыла? Теперь завидуют.

– Твои бы слова да богу в уши! – вздохнула Маша. – Поделись счастьем, а?

– Запросто! – ответила Лиля. – Сколько хочешь.

В тот миг она даже не подозревала, насколько пророческими станут ее слова...

Назавтра в обеденный перерыв к ней в приемную забежала Инна из заводууправления.

– Вот! – Она шлепнула на стол газету. – Почитай! Жуть, что творится. Насилуют, убивают, а по телевизору говорят, что тишь да гладь.

Лиля взяла газету. «На страже Октября», орган МВД БССР.

– На третьей странице, – подсказала Инна.

Публикация называлась «Обжалованию не подлежит». Лиля углубилась в чтение. Репортаж из зала заседания Витебского областного суда знакомил читателей с процессом над насильником и убийцей, чьими жертвами стали шесть женщин. Читая, Лиля не могла отделаться от мысли, что нечто подобное она слышала. Но где? Эта страшная история ей была незнакома. Внезапно ее озарило: Сергей! Он рассказывал ей о маньяках, которые заманивают женщин в машины, завозят в глухие места, где насилуют и убивают. Он ее просил быть осторожной и не садиться в

машины к незнакомым мужчинам. Тогда она сильно удивилась этой просьбе. Откуда в СССР маньяки? Они же на Западе. Выходит, Сергей был прав.

– Можно взять почитать? – попросила она Инну. – Завтра верну.

– Нет! – закрутила та головой. – Самой дали. Это ведь «На страже Октября»! Только в ней еще что-то пишут, да и то – для своих. Простому человеку подписаться на эту газету невозможно, в киосках не продают.

– А на пару часов?

– На пару можно, – согласилась Инна. – Только сама принесешь!

Лиля кивнула. Когда Инна ушла, она встала и направилась к участку Сергея. Слесари встретили ее улыбками – об их предстоящей свадьбе знали. Лиле подсказали, где искать жениха. Он нашелся у стеллажей со штампами.

– Соскучилась? – улыбнулся Сергей, увидев Лилю.

– Я всегда по тебе скучаю, – подтвердила Лиля. – Поговорим?

Он кивнул и вытащил из ушей беруши. За стеллажами было не так шумно, как возле прессов, разговаривать можно, не повышая голос.

– Читай! – Лиля протянула ему газету.

– Руки грязные, – посетовал он. – Испачкаю.

– Я подержу.

Лиля сложила газету, чтобы ему было удобнее. Он впился глазами в текст и пробежал его на удивление быстро. Лиля давно заметила: читает он быстро, но при этом отлично запоминает прочитанное. Сергей кивнул, и она убрала газету.

– Хорошая новость, – сказал он задумчиво. – Значит, получилось.

– Что?

– Поймать.

– Ты знал об этом, да? Поэтому учил не садиться в машину к незнакомым?

– Да ты у нас Шерлок Холмс в юбке! – засмеялся он. – Эркюль Пуаро.

– Я серьезно! – насупилась Лиля. – Отвечай: знал?

– Да.

– От кого?

– У меня есть источники информации.

– Какие?

– Что ты на меня набросилась? – удивился он.

– Мне непонятно, – сказала Лиля. – Никто ничего не слышал, а ты – пожалуйста!

– Это в Минске не знали, – хмыкнул он. – А вот Витебщина гудела.

Мне знакомый рассказал.

– Какой знакомый?

– Вместе в бригаде служили. Он родом с Полоцка. После армии в милицию пошел. Нас, спецназовцев, туда берут – только заикнись. В мае мы с Гришей случайно встретились. Он здесь обучение проходил. Посидели, поговорили. Гриша и рассказал, что творится в их области. Про красный «Запорожец» упомянул. Этот Михасевич, – Сергей ткнул пальцем в газету, – на таком ездил. По нему и нашли. Читала ведь.

– Да! – кивнула Лиля.

– Вот и вся загадка. Чего, спрашивается, прибежала?

– Когда я чего-то не понимаю, то пугаюсь, – сказала Лиля. – Оказалось, все просто. Тебе многие удивляются, знаешь?

– Например? – сощурился он.

– Маша рассказывала про твою конференцию. Как тебя там слушали, открыв рты. Даже библиотекари поражались.

– М-да, – вздохнул он, – косяк. Первая встреча с читателями, не устоял. Перышки распустил. От радости в зубу дыханье сперло...

– А еще она рассказывала про девушек, которые хотели с тобой познакомиться, – добавила Лиля.

– Ревнуешь? – сощурился он.

– Конечно! – кивнула Лиля.

– Зря.

– Почему?

– Я не собираюсь тебе изменять.

– Все так говорят! – хмыкнула Лиля.

– Ладно, – сказал. – Объясню. Про любовь умолчу – это само собой. Попробую рационально. Как жена ты меня устраиваешь по всем статьям и параметрам. А раз так, зачем кого-то искать? Это первое. И второе. Я собираюсь стать известным писателем. Популярным, маститым, успешным – выбирай любое. Я изучал историю литературы. Все авторы, которые добились успеха, очень много работали. Помнишь, я рассказывал тебе о Пушкине?

– Да, – подтвердила Лиля. – Все думали, что он пишет легко, а он исчеркивал свои рукописи.

– Вот! – кивнул Сергей. – Когда мне бегать за юбками? К тому же измена мужа рано или поздно становится известна жене. Ты ведь не простишь?

– Убью! – пообещала Лиля. – С особой жестокостью.

– Могу представить, – улыбнулся Сергей. – У меня богатое

воображение. Тогда зачем изменять? Но и тебе следует понять: поводов для ревности будет много.

– Это как? – насупилась Лиля.

– О чем моя повесть?

– О любви.

– А кто читает журнал «Юность»?

Она помедлила с ответом.

– Преимущественно молодые люди, – ответил он сам. – А теперь представь. Восторженная юная девочка прочла повесть о любви. Она ей понравилась. Девочка смотрит на фотографию автора. Тот молод и недурен собой. Ей в голову приходит замечательная мысль: стать музой полюбившегося писателя.

Лиля засопела.

– Что делает девочка? – продолжил Сергей. – Садится и пишет письмо. «Дорогой Сергей! Я с восторгом прочла вашу повесть. С этого дня вы мой любимый писатель. Я мечтаю стать близким вам человеком, разделить с вами трудности и горести...» Про успех она не напишет, это как бы неприлично, но в уме держать будет. Дальше последует продолжение: «Готова жить с вами на любых условиях. Обещаю: вы не пожалеете!»

– Ты уже получил такое письмо? – разозлилась Лиля.

– Нет.

– А откуда знаешь?

– Читал об этом. Так что, думаю, письма будут. Их отправят в редакцию, оттуда перешлют мне или передадут по случаю. Что с ними делать?

– Порвать! – выдохнула Лиля. – Еще лучше – сжечь!

– Можно и так, – согласился он. – Но тогда девочка, не получив ответа, решит встретиться лично. Сядет в поезд и приедет. Представляешь, звонок в дверь. Открываешь, а там – она.

– Да я ее!.. – Лиля сжала кулаки.

– Вот это уже статья, – улыбнулся он. – «Побои» называется. Нельзя до такого доводить. Поэтому девочке нужно ответить. Тебе.

– Мне? – изумилась Лиля.

– Если отвечу я, она воспримет это как приглашение к переписке. Так что придется тебе. Примерно так... – Он наморщил лоб: – «Дорогая Лида, Валя или, скажем, Марина. Спасибо за внимание к творчеству моего мужа. Меня тронула ваша искренность и чистый порыв. Я понимаю, что они вызваны талантливой прозой Сергея. К сожалению, вынуждена вас огорчить: Сергей женат. Мы с ним знакомы со школьных лет, сидели за

одной партой. Там и полюбили друг друга...»

– Зачем врать? – удивилась Лиля.

– В противном случае девочка возненавидит тебя. Решит, что ты прибежала первой. А вот школьная любовь – это святое. Про нее песни поют.

Лиля подумала и кивнула.

– Ну, и дальше, – продолжил он. – «Уверяю тебя, что быть музой писателя – это трудно. Сергей рассеян, только и думает о своих книгах. Он забывает о моем дне рождения, не поздравляет Восьмого марта, а порой и вовсе бывает несносен. Я его, конечно, люблю, но никому бы не рекомендовала выходить замуж за писателя. Недаром поэт сказал: «Дай бог вам, девочка, мужа хорошего. Умного, доброго и не поэта...»

– Кто это написал? – заинтересовалась Лиля.

– Роберт Рождественский – как раз в ответ на такое письмо. Получив его от тебя, девочка поймет, что ошиблась в своих мечтах. Что у писателя Девойно есть жена и что жизнь с ним – не сказка. Одновременно она почувствует себя приобщенной к семейной тайне. Так мы получим преданного читателя.

– Жулик ты! – сказала Лиля. – Врун!

Он захохотал.

– Так я и в повести вру. Но тебе понравилось?

– Да! – призналась Лиля.

– Воспринимай это как литературный жанр – эпистолярный.

– Ты вправду забудешь меня поздравить? – спросила Лиля.

– Что ты! – покрутил головой Сергей. – Не переживай. Я засыплю тебя цветами и подарками. Я буду носить тебя на руках, душить поцелуями, холить и лелеять. Но зачем незнакомой девочке об этом знать?

Он подмигнул ей.

– Иногда я чувствую себя рядом с тобой маленькой, – вздохнула Лиля.

– Да, я и есть старик, – усмехнулся он. – Похитил юную деву и держу при себе. И не отпускаю.

– Так я и не хочу, чтоб отпускал, – сказала Лиля. – Ладно, старик! Побегу. Зайти вечером?

– Разумеется. Прочтешь мне сказку, споешь колыбельную. Погладишь... В разных местах.

Лиля покраснела и оглянулась.

– Пошляк!

– На том и стоим. Я люблю тебя, солнышко!

– И я тебя!

Лиля чмокнула его в щечку и побежала к себе. «Надо же, – радовалась она дорогой. – Сказал, что любит. Но какой он все-таки у меня... – Она подумала и нашла определение: – Необыкновенный. Хотя, чего я парюсь? – Она использовала слово Сергея и улыбнулась. – Он же талант. Они все такие...»

Глава 9

В конце декабря я отправился в Москву – за гонораром. Деньги требовались здесь и сейчас. Свадьба – затратное мероприятие. Жениху необходим красивый костюм, рубашка, галстук, туфли. Последние, впрочем, могли подождать: купленные после армии ботинки выглядели еще прилично. Но первые три предмета тянули на 150 рублей. Свадебное платье и белые туфли для невесты – на 200 по минимуму. А обручальные кольца? В ЗАГСе нам выдали талоны в салон новобрачных «Счастье», мы его навестили и приценились. По самым скромным расчетам требовалось 500 рублей. Лиля заикнулась, что платье она может купить сама, но эти разговоры я прекратил. И без того свадьбу организуют ее родители. Совсем голодранцем выглядеть не хочется.

Имелась и другая причина для посещения столицы. С редакцией журнала следовало установить тесный контакт. Это перед маститыми авторами у них открыты двери, начинающий должен наливаться. Иначе застынешь в очереди на публикацию.

С гостинцами мне помог тесть. Передал с оказией отменное сало, домашнюю колбасу. Подовый хлеб и «Беловежскую» в штофах я купил в Минске. Москвичам она нравится. Сколько в том времени я перевез этих квадратных литров! Сумка вышла тяжелая, едва поднять. На Белорусском вокзале я отнес ее в автоматическую камеру хранения. Запихнул в ячейку, с обратной стороны дверцы набрал код «Д 682». Номер моего автомата в армии. Наивные пассажиры пользуются годом своего рождения, дескать, не забудешь. Вокзальным ворам это нравится. Проследят, прикинут возраст – и легким движением пальцев... А вот хрен вам, а не деревенская колбаса с «Беловежской»!

Бросив в щель приемника 15 копеек, я захлопнул дверцу и вышел в город. Спешить мне некуда: поезд пришел рано. Я прогулялся по улице Горького, будущей Тверской. Полюбовался историческими зданиями, заодно зафиксировал в памяти здание редакции «Юности». В той жизни я сюда не заходил.

В редакцию было рано. Перед отъездом я созвонился с Диной Аркадьевной. Она посоветовала прийти после двух. И главный на месте, да и другие сотрудники в кабинетах. Работать в редакции начинают поздно. Еще Дина Аркадьевна подсказала, где получить гонорар. Его выплачивали в кассе издательства, а не журнала.

К издательству я прибыл к девяти. На вахте объяснил зачем. Мне рассказали, как пройти к кассе. Там я предъявил паспорт. В ответ мне сунули ведомость, где я немедленно расписался. Кассирша отсчитала деньги – 1482 рубля. Дина Аркадьевна сообщила, что разметили мне 1800. Однако 19 процентов съели налоги. 13 – подоходный, 6 – на бездетность. Последний уплачивают холостяки и замужние бездетные женщины в возрасте от 20 до 50 лет. В обиходе – «налог на яйца». Лиля, как только поженимся, тоже станет платить. А куда денешься?

Из издательства я вышел довольный. Живем! Теперь – по плану. На троллейбусе с табличкой «Б» я доехал до Центрального рынка на Цветном бульваре. В моем времени его снесут и построят торговый центр. Но сейчас рынок работал. Я прошелся вдоль цветочного ряда. На прилавках лежали гвоздики – красные, революционные. Других цветочков не наблюдалось.

– Розы есть? – спросил я продавца с характерной внешностью.

– Какой роз? – возмутился он. – Нет роз. Зыма, снэг, холодна.

– А гвоздики, значит, холода не боятся? В снегу растут?

– Растут, – кивнул он. – Хороший гвоздик, свежий. Отдам недорого, по семь рублей.

Я покачал головой и двинулся вдоль прилавков. Везде отвечали одинаково. Засада. Это в моем времени голландские розы можно было купить чуть ли не в каждом переходе. Гвоздики я брать не хотел. Не люблю этот цветок. Холодный он, официальный.

Я отошел в сторону и задумался. Как быть?

– Это ты искал розы?

Я оглянулся. Мужчина лет сорока. Наружность славянская.

– Я.

– Есть красивый букет. Один человек заказал. Обещал утром забрать, но не приехал. Сто пятьдесят рублей.

– Сколько?!

– Одиннадцать роз. Свежие. Неделью самое малое простоят. Букет разбивать я не буду. Если дорого, не бери.

– Покажи! – попросил я.

Меня отвели в какую-то подсобку. Провожатый нырнул за шкаф и появился с букетом в руках. Тот был завернут в целлофан и перевязан лентой. Не той, узенькой, что принята в моем времени, а широкой, капроновой. Из таких банты в косичках вяжут. И розы и лента были бордового цвета. Я присмотрелся к цветам – свежие, этим утром срезали с куста. В цветах я разбираюсь – сколько их в моем времени передарил! Не соврал мужик. Но цена... Жаба на миг овладела сознанием. Брысь! Надо,

парень, надо!

– Беру!

Я отсчитал деньги. Мужик сунул их в карман и завернул букет в старую газету.

– От мороза, – пояснил мне. – Если снова понадобятся, приходи. Меня Васей зовут. Спросишь у любого, меня здесь всякий знает.

Нет уж! С вашими ценами... Я сунул букет в сумку и вышел наружу. Времени – вагон. Что теперь? А наведемся мы в ГУМ! Может, на дефицит выбредем?

Дефицит был. В секции женского белья стояли две очереди. Я протиснулся к прилавкам. Так, лифчики и колготки, импортные. Потому и очереди огромные. Замечательный подарок по нынешним временам. Но стоят... Я присмотрелся. Других мужчин в очередях не наблюдалось, что неудивительно. Не принято здесь мужикам покупать женское белье. Если встану, буду как белая ворона. А что, если?..

– Женщины, дорогие! – попросил я. – Позвольте невесте подарок купить. Не могу стоять – поезд уйдет.

На меня уставились во все глаза.

– Не пускайте! – возбудила какая-то жирная тетка. – Это спекулянт. Сейчас купит, а за углом продаст. Знаю я таких!

– Спекулянт? – Я раскрыл сумку и извлек букет. Сорвал газету. – Вот! Спекулянты с розами ходят?

По очереди пронесся вздох. А то!

– Пустите его, женщины! – раздалось неподалеку. – По лицу видно, что невесту любит. Добыть розы зимой... Пусть хоть одной повезет!

Покупательница, стоявшая впереди, подвинулась. Я сунул букет в сумку и шмыгнул к прилавку. Бюстгальтеры, рассортированные по цвету и размерам, кучками лежали на расстеленной на полу бумаге. Такая вот незатейливая торговля. А что? Все равно через час разберут.

– Не более двух в руки, – предупредила меня продавец.

– Тогда белый и черный. Второй размер.

Продавец взяла лифчики из ближайших кучек, сложила и завернула в бумагу.

– Пятнадцать рублей!

Я расплатился и бросил сверток в сумку. Повернулся к очереди:

– Спасибо вам, уважаемые! Пусть вам всем повезет!

Меня проводили одобрительным гулом.

– Хороший парень! – сказали в спину. – Посчастливилось девочке. Чтобы мой мне лифчик купил...

К очереди за колготками я подошел с букетом в руках. Прокатило и здесь. Заминка вышла с определением размера. В колготках я не разбирался. Пришлось найти в очереди подходящую фигуру, предъявить продавцам. В поощрение я дал модели поддержать букет. Она с радостью взяла розы и понюхала.

– Как пахнут! И красивые.

– Вы лучше, – сказал я.

«Модель» зарделась. Я расплатился, бросил колготки в сумку и забрал букет. На улице облегченно вздохнул. Не люблю я наглеть. Но ведь не врал! Для невесты стараюсь. Лиля обрадуется. Колготки и бюстгалтеры здесь дефицит, а если еще импортные... Если меня не задушат в объятиях, то я олень. Северный...

На часах был полдень. Посетить Красную площадь? В том времени на нее насмотрелся, в Мавзолее дважды бывал. Чего там смотреть? Прогуляюсь лучше по знакомым с Литинститута местам. Двинулись! Всё, как в той жизни. Гостиница «Интурист», гостиница «Москва», Центральный телеграф... В моем времени «Интурист» снесут, «Москву» – тоже, но последнюю отстроят заново. На Пушкинской площади я остановился. Рассмотрел памятник, затем по какому-то наитию двинулся вправо. И внезапно зацепился взглядом за витрину. Пишущая машинка! «Эрика»!

Я шмыгнул в магазин канцелярских принадлежностей, указал пальцем.

– Продается?

– Последняя осталась, – сообщила продавец. – Будете брать?

– Да! Да!

Продавец сняла «Эрику» с подставки. Валик был заправлен бумагой – витринный экземпляр. Поставив сумку, я пробежался по клавишам, поднял регистр – и простучал во второй раз. Красота! Буквы оттискиваются четко, клавиши ходят мягко, звук тихий. Каретка движется плавно, при подходе к концу строки раздается звонок.

– Сколько?

– Двести восемьдесят рублей.

Гулять так гулять!

– Запасные ленты есть?

– По два пятьдесят за штуку.

– Две!..

В камере хранения я поменял сумки местами. Тяжелую извлек, легкую поставил в ячейку. Только букет сменил место пребывания. 15 копеек,

щелчок замка. В путь!

К редакции я доехал на троллейбусе. Идти пешком – руки отвалятся. На нужной остановке вышел и перешел улицу. Вахты в редакции не было. Я достал из сумки букет и остановил пробегавшую мимо девушку.

– Мне нужна Дина Аркадьевна.

Девушка с любопытством уставилась на букет.

– Идемте!

Мы поднялись на второй этаж, прошли коридором, спутница потянула на себя дверь. Так. Большая комната, столы, заваленные бумагами. У одного стоят человек пять женщин и о чем-то разговаривают. Одна грузная, в длинном, мешковатом платье. Из-под подола виден ортопедический ботинок. Заметно, что ей тяжело стоять.

– Дина Аркадьевна! К вам!

Грузная повернулась. Лицо полное, цвет нездоровый.

– Сергей?..

– Я, Дина Аркадьевна! – Я поставил сумку у порога, шагнул к ней и протянул букет. – Это вам. С наступающим Новым годом! Здоровья и счастья!

– Какая красота! – Она взяла букет и поднесла к лицу. – А как пахнут! Ну Сережа, ну угодил! Розы зимой мне еще никто не дарил!

– Еще есть сало, хлеб, домашняя колбаса, – сообщил я. – И «Беловежская» в штофах. Прикажете подать?

– Каков! – засмеялась Дина Аркадьевна. – Прикажу. Девочки, это наш автор Сергей Девоино. Пришел нас поздравить и угостить. Помогите ему! А я главного позову.

Прижимая букет к груди, она вышла из комнаты. «Девочки» уставились на меня.

– Нужно освободить столы, – сказал я...

Поляну мы накрыли быстро. Я резал сало, хлеб и колбасу (нож и разделочную доску я предусмотрительно захватил), женщины раскладывали угощение по тарелкам. Откуда-то набежали люди, видимо, по редакции прошел слух. «Халява» – звучит сладко. На стол выставили рюмки – разные, но в большом количестве. Пить на работе в этом времени не стесняются, период грозных указов еще не пришел. Я разлил по рюмкам «Беловежскую». Готово. В этот миг, как будто подгадав, в дверь вошли Дина Аркадьевна и немолодой мужчина с красивым лицом. Борис Полевой, тот самый...

– Вот, Борис Николаевич! – Дина Аркадьевна указала на меня. – Сергей Девоино.

– Здравствуйте! – Он пожал мне руку. – Приятно познакомиться.

– А мне с вами – вдвойне. Прошу! – Я указал на накрытый стол. – Все деревенское, свежее, вкусное.

– Деревенское я люблю, – сказал Полевой. Он прошествовал к столу, где взял рюмку. – Ну что, товарищи! Выпьем за дебют восходящей звезды? Успешный, замечу, дебют. Мы открыли стране замечательного автора. Пусть сопутствуют ему творческие удачи!

Он выпил, «товарищи» немедленно последовали.

– Попробуйте! – Я протянул Полевому тарелку с салом. – Будущий тесть солил.

Полевой бросил в рот ломтик, прожевал.

– Замечательно! Мягкое, как масло. Тает во рту. А аромат...

«Товарищи» за столом тоже пробовали и одобрительно гмыкали. Москвичей удивить трудно, в столице, как в Греции, всё есть. Но подобного здесь не купишь. Вацлав солит сало по какому-то семейному рецепту, с травами. А его колбаса – объединение! Куда до нее магазинной! Я наполнил опустевшие рюмки и взял свою.

– Дорогие товарищи! Позвольте поднять этот бокал за моих крестных в литературе – глубокоуважаемых Дину Аркадьевну и Бориса Николаевича! Благодаря им моя повесть увидела свет. Спасибо вам!

– Прямо уж крестные, – проворчал Полевой, но я понял, что тост ему понравился. – Талантам мы всегда рады, Сережа, а ваша повесть написана талантливо. Правильно, товарищи?

«Товарищи» подтвердили и немедля выпили. Полевой вскоре ушел, в комнате стало шумно. Компания разбилась на кучки, где выпивали уже сами по себе и по своим поводам. Знакомая картина. Скрипач сыграл и может уходить. Ко мне подошла Дина Аркадьевна.

– Когда твой поезд?

– В десять вечера.

– Уйма времени. Проводи меня! Это недалеко. Заодно поговорим.

Я помог ей надеть пальто, оделся сам и поднял с пола полегчавшую сумку. Но не пустую. Мы вышли и направились к остановке. Подошел троллейбус, я помог Дине Аркадьевне забраться в салон. Букет с розами лежал в сумке, Дина Аркадьевна попросила укрыть его от мороза.

– Проездной! – сказала она, опустившись на сиденье.

Я бросил в кассу четыре копейки и вытянул билетик. Мы проехали две остановки и вышли.

– Вот мой дом! – указала Дина Аркадьевна.

Мы миновали арку и вошли в подъезд. Моя спутница жила на первом

этаже. Щелкнув ключом, она открыла дверь и пропустила меня вперед. Я помог ей раздеться. Она прошла в комнату и опустилась на диван.

– Чуток посижу, – сказала устало. – Нога ноет. Протез... Если не трудно, поставь чайник. Кухня – там. – Она достала из сумки папиросы.

Кухня оказалась крохотной – метров пять. Ну, так и квартира однокомнатная. Зато потолки высокие, центр Москвы. В моем времени такое жилье будет стоить бешеных денег. Но пока здесь все очень скромно. Обстановка в комнате старая, да и на кухне – более чем аскетично. Стол, пара табуретов, холодильник, плита и два шкафчика: на стене и полу. Более и не поместится.

Чайник стоял на плите. Я вылил кипяченую воду, налил свежей из крана. Фильтров здесь нет, да и не нужны. Это в моем времени появятся. Разве думал я сорок лет назад, что буду покупать воду в магазине?

Спички лежали рядом с плитой. Я зажег конфорку и поставил чайник. После чего сходил в прихожую и принес сумку. Чай чаем, а поесть нужно. Мне еще в ночь ехать, да и Дине Аркадьевне не помешает – в редакции она как-то скромничала. Больше говорила о литературе. Непорядок. Я потянул вниз ручку холодильника «ЗИЛ». М-да... Мышь повесилась. Я перекидал на полки сэкономленные продукты. Сало, колбаса, кус копченого окорока, пара бутылок с «Беловежской». Для хороших людей не жалко. В редакции журнала мне интересны два человека: главный редактор и Дина Аркадьевна. Остальные – балласт, пусть радуются, что на халяву налили. Что делать, циник я. Во время пьянки заметил, что Полевому угощение понравилось. Но просить он не станет – не тот уровень. Понятно, что не нуждается, у литературного генерала есть все. Но как приятно в компании с себе подобными откупорить штоф «Беловежской», плеснуть в рюмки и кивнуть на накрытый стол: «Угощайтесь, друзья, это мне из Белоруссии подогнали!» То есть «привезли», конечно. В моем времени нувориши будут точно так же удивлять гостей односолодовым виски и испанским хамоном. Только и то и другое – фигня. Если вы пробовали настоящий буряковый самогон и копченный на осиновых опилках окорок, то поймете меня. Можно не сомневаться, что часть оставленных мной продуктов будут переданы Полевому. И правильно. Автору «Повести о настоящем человеке» я бы и не такое отдал.

Оставив часть продуктов, я достал нож и доску, нарезал сала, колбасы, хлеба. Разложил это на тарелки, обнаруженные в шкафчике. Там же нашлись рюмки и поднос, расписанный цветами. Жостовский, наверняка подарок. На подоконнике пылилась ваза. Я ополоснул ее под краном, наполнил водой и опустил в нее цветы. Затем отнес вазу в комнату.

Подтянул к дивану журнальный стол и поставил сверху.

– Спасибо! – поблагодарила Дина Аркадьевна. – Буду любоваться.

Я вернулся на кухню, сервировал поднос, водрузил на него «Беловежскую» и прошел в комнату.

– Надо же! – всплеснула руками Дина Аркадьева. – Прямо как в ресторане.

– Там такого не подадут, – сказал я, присаживаясь на стул. – Это натуральный, экологически чистый продукт.

– Как ты сказал? Экологически чистый? Надо будет запомнить.

Я наполнил рюмки.

– За ваше здоровье!

– Лучше за твой успех! – возразила Дина Аркадьевна.

Спорить я не стал. Мы выпили каждый за свое и закусили.

– Очень вкусно! – сказала она. – Причем все. Сало, колбаса, настойка и даже хлеб. Удивил ты нас, Сергей. Чем только авторы нас не угощали! И бастурму привозили, и икру с красной рыбой. Шампанское и конфеты – само собой. А вот сало с домашней колбасой не припомню. Да еще эта настойка.

– Больше печатайте белорусов! – посоветовал я. – Или украинцев. На сале будете спать и салом укрываться.

– Приму к сведению, – засмеялась она.

Тем временем вскипел чайник. Я пошел на кухню, нашел чай – индийский, крупнолистовой, и заварил. Отнес вместе с чашками в комнату. Затем достал из сумки пирог, уложил его на разделочную доску и, прихватив нож, вернулся к Дине Аркадьевне.

– Попробуете? Невеста пекла.

– Давай! – заинтересовалась она.

Я отрезал ломоть и протянул ей. Затем разлил чай в чашки. Дина Аркадьевна отхлебнула и откусила от пирога.

– Очень вкусно! Твоя невеста мастерица. Из-за этого ее выбрал?

– Нет. Она редкая умница и большой талант. У нее абсолютный литературный слух.

– Вправду? – удивилась она.

– Вы сами хвалили мой текст. Без нее он выглядел бы иначе.

– Так вот, значит, в чем дело! – засмеялась Дина Аркадьевна. – Теперь так выбирают невест? По литературному слуху?

– Это лучше, чем за красивую мордашку и сногшибательную фигуру. Хотя у моей Лили и это есть. Вот!

Я достал из кармана паспорт, извлек из него фотографию и протянул

Дине Аркадьевне.

– Симпатичная! – оценила она. – Повезло девочке.

– В смысле?

– Ты не знаешь себе цены, Сережа, – хмыкнула Дина Аркадьевна. – После выхода номера тобой очень интересовались. Девочки в редакции все спрашивали, когда приедешь. Примерялись к жениху.

– Не заметил, – удивился я.

– Так ты же про тестя сказал. Вот они и отстали. И правильно. А то, видишь ли, захотелось выскочить за готового писателя. Нет уж! Ты с ним по квартирам поскитайся, вытерпи нужду, капризы. И при этом создай ему условия для творчества. А то видят себя в Доме творчества в Переделкине или в ресторане ЦДЛ^[18]. Лиля твоя умница. – Она вернула мне фотографию. – Такого парня найти! Мало того что талант, так еще и хозяйственный. Стол накрыл – я опомниться не успела.

– Жизнь научила, – сказал я. – Мама растила меня одна. Пока она в школе, я еду готовлю. Или квартиру убираю.

– А отец?

– Даже не знаю, кто он. В метрике – прочерк.

– Дразнили? – спросила она.

– Да. – Я вздохнул. – Байстрюк... Из-за этого у меня нет школьных друзей.

– Теперь пусть локти кусают. – Она помолчала. – Мать давно умерла?

– В армии служил.

– Жаль, что не дожила. Сейчас бы гордилась тобой. Хорошая была, видно, женщина – такого сына подняла. Помянем!

Я плеснул в рюмки, мы выпили и закусили. Дина Аркадьева достала папиросу и чиркнула спичкой.

– Вы много курите, – заметил я.

– На войне привыкла. Врачи говорят бросить, но ради чего? Кому я нужна?

– Нам. Редакции, авторам, читателям. Мне лично.

– Для чего? – сощурилась она.

Я замялся.

– Говори, говори! – поторопила она.

– Вы рекомендовали мою повесть к печати. Думаю, что благодаря вам ее напечатали так быстро.

– Да, – кивнула она. – Но я сделала это для журнала.

– Но одновременно помогли мне. Эта публикация значит для меня очень много. Вы даже не представляете...

– Представляю, – перебила она и затушила папиросу. – Черт! – Она сморщилась и потеряла виски.

– Голова болит?

– Да. У меня где-то были таблетки...

– Погодите! – Я встал, обошел столик и нажал ногтями больших пальцев на хрящи ушей над ее мочками.

– Больно?

– Немного.

– Потерпите! Сейчас я уберу руки, и боль уйдет.

– И вправду, – удивилась она, когда я отступил. – Отпустило. Ты врач?

– Нет. Но в армии нам кое-что показывали. Вы можете это сделать сама. Хотя курить лучше бросить. Или хотя бы сократить.

– Я подумаю. – Она отодвинула папиросы. – Давай лучше о другом. Над чем работаешь?

– Обдумываю повесть. Название: «Экстрасенс».

– О чем? – заинтересовалась она.

– О человеке, обладающем экстрасенсорными способностями. Он может исцелить любую болезнь, даже рак. Из-за этого у него возникают проблемы.

– Это с чего? – удивилась она. – Да его на руках будут носить.

– Это в СССР. Но герой повести живет в капиталистическом обществе. И вот там он задевает интересы многих. Он добрый человек и лечит бесплатно. В результате страдают интересы платных клиник, фармацевтических компаний. К тому же герой не хочет лечить олигархов. Он считает их виновными в обнищании народа. Олигархи, естественно, злятся. Перед ними заискивают, а тут какой-то бедняк! Владельцы клиник хотят заставить героя работать на себя. На экстрасенса открывают охоту. Но у него много друзей... Короче, приключения.

– Удивил! – покрутила головой Дина Аркадьевна. – Я-то думала, продолжишь о рабочих. Тема востребованная, а пишут мало. Да и как пишут... – Она махнула рукой. – Твой «Лебедь» – как луч света в сером царстве. Недавно смотрела одну повесть. Так там автор пишет: «Он вставил деталь в станок и начал ее крутить». – Она засмеялась. – Даже я слышала, что у токарного станка есть патрон и суппорт. А ты знаешь производство изнутри.

– Не хочу быть писателем одного амплуа. Да и тема новая интересна.

– Справишься?

– Не сомневайтесь.

– А ты самоуверен. Хотя... Если вспомнить «Лебедя». Давай сделаем

так. Напиши с пяток глав и пришли мне. Может, что подскажу.

– Спасибо! – поблагодарил я.

– Ерунда! – Она махнула рукой. – Открою тайну. Редакторы любят хороших авторов. А уж если талант... При дележе рукописей до скандалов доходит. Никому не хочется возиться с графоманами. Хотя порою приходится. – Она вздохнула. – Так что присылай. Кстати, рассказы твои я главному показала. Пару точно возьмем. Опубликуем не раньше лета, иначе не поймут. И еще. «Молодая гвардия» заинтересовалась «Лебедем». Это я про издательство, а не журнал. Звонили, спрашивали, есть ли у автора еще что. Сообщила о рассказах. Просили показать. Ты правильно делаешь, что присылаешь два экземпляра. Я отдала второй. Не хочу обнадеживать, но, думаю, книга у тебя будет.

– Дина Аркадьевна! – Я прижал руку к груди.

– Не стоит! – Она махнула рукой. – Слышал, наверное: «Талантам нужно помогать, бездарности пробьются сами».

Я пошарил глазами по столу. Благодарность требовала выхода.

– Готовя закуску, я обратил внимание, что у вас отвратительные ножи, Дина Аркадьевна. Вот! – Я взял со стола свой нож. – Нравится?

– Красивый, – кивнула она.

– Сделал собственными руками. Клапанная сталь. Не ржавеет, отлично держит заточку. Если найдете копейку, он ваш.

– Где-то была...

Дина Аркадьевна взяла сумку, достала кошелек.

– Только двушка.

– Годится! – Я забрал монету. – Позвоню вам из автомата. Пользуйтесь!

– Ох, Сергей! – Она погрозила пальцем. – Шустрый ты парень. Ладно. Налей своей сладкой водочки! Обмоем...

* * *

В Минск я приехал утром. Автобус довез меня к общежитию. Я бросил сумку у порога, сходил в душ и завалился спать. А что, у меня отпуск – выпросил у начальства три дня. Отнеслись с пониманием. Спросонья я слышал, как пришел Коля и как чуть позже ушел. В женский корпус направился, куда же еще? Я провалился и проснулся от стука в дверь. Зевая, встал, накинул спортивный костюм и открыл. Лиля!

– Здравствуй, любимый! – Меня обняли и поцеловали. – Чего сонный?

- Сосед по купе храпел, – пожаловался я. – Глаз не сомкнул.
- Как съездил?
- Замечательно! Кое-кому подарки привез. Дефицит, специфический.
- Показывай! – заволновалась Лиля.

Я выложил из сумки сверток. Она схватила и развернула бумагу. На кровать выпали пакеты с колготками и оба лифчика.

- Сережа...
- Мы с тобой без двух минут муж и жена, – сказал я. – Почему бы не купить?

- Там же, наверное, очередь была. И ты стоял?
- Чего не сделаешь ради любимой! – развел я руками.

Меня немедленно поцеловали. Затем направились в туалет – примерить.

- Давай здесь! – возразил я. – Я хочу это видеть. Заслужил.

Лилия поколебалась и стащила кофточку. Я наблюдал за процессом с воодушевлением. Она не обращала на меня внимания – щупала и разглядывала покупку.

- Ой, да здесь кружева!
- Не жмет, не режет? – поинтересовался я. – С размером угадал?
- Немножко великоват, но я ваты подложу, – махнула рукой Лилия. – Я и с нашими так делаю. А это импорт. У меня такого никогда не было. Сереженька!

Меня еще раз поцеловали и убежали в туалет. Зеркало у нас только там. Из туалета Лилия вернулись за другим лифчиком и убежала вновь. Затем пришла очередь колготок. Ну, это не эротично. Пользуясь тем, что обо мне забыли, я достал «Эрику» и водрузил на стол. Снял чехол-чемоданчик и застучал по клавишам. Поначалу на это не обратили внимания. Но затем вихрь, что метался по комнате, застыл. Через мгновение в ухо мне задышали.

- Это что?
- Пишущая машинка «Эрика». Немецкая.
- Дай!

Меня буквально столкнули со стула.

- Эй! – возмутился я.

Меня не слышали. Лилия самозабвенно молотила по клавишам. Включала регистр, меняла интервал, устанавливала поля. Я присел на койку. Пусть натешится. Наконец Лилия перестала печатать и задумчиво посмотрела на меня. И этот взгляд мне не понравился.

- Это я себе купил, – поспешил я.

– Почему себе? – В ее голосе слышалось возмущение.

– Буду прямо на машинке писать. Как Хемингуэй.

– Ты не Хемингуэй! – Тонкий пальчик обличающе ткнул меня в грудь. – Кроме того, у него не было такой, как я. Будешь спорить?

– Не буду, – согласился я. – Такой, как ты, точно не было.

– Вот и хорошо! – Она застопорила каретку и накрыла «Эрику» чехлом. – Я ее забираю.

– Эй! – возмутился я. – Грабеж. Лифчики – тебе, колготки – тебе, теперь и машинка – тебе. А мы, что, не люди?

– Машинка – нам! – возразила она. – Я буду печатать твои рукописи. Если хочешь, под диктовку. А лифчики... Могу выделить тебе один. – Она прыснула.

– Ага! – вздохнул я. – Сейчас надену и пойду по общежитию. Мигом спецбригаду вызовут. Совести у тебя нет!

– Зато есть любовь.

Легкая фигурка порхнула на кровать и повалила меня. Теплые губы нашли мои. Чего только женщины с нами не делают! Да ничего они не делают. Мы все сами...

Лиля вернулась к себе в комнату поздним вечером.

– Ну? – встретила ее Маша. – Привез подарки?

– Вот! – Лиля поставила на стол футляр. – Портативная пишущая машинка «Эрика». Немецкая.

– А лично тебе?

Лиля развернула пакет и вывалила на койку лифчики и колготки.

– Ого! – Маша схватила черный лифчик. – Импортный. И как только купил?

– Говорит, в очереди стоял.

– Ну, он у тебя вообще, – покрутила головой Маша. – Не знаю ни одного парня, кто на это решился бы. Хотя... Москва. Кто его там знает? Можно померить?

– Давай! – махнула рукой Лиля.

Она села к столу и сняла с машинки чехол. Ласково провела пальцами по клавиатуре. Чудо! Никакого сравнения с ее «Украиной». Там по клавишам нужно молотить. А здесь так мягко. Хочется и хочется нажимать.

Маша сбросила халат и нацепила лифчик. Прошлась по застегкам, регулируя бретельки, затем, заведя руки назад, перецепила крючки.

– Чудо!

Лиля отвлеклась от созерцания машинки.

– Ничего не режет, не давит, – сообщила Маша. – На теле даже не

чувствуется. Умеют делать! И размер мой. Слушай, Лилька, продай! Зачем тебе черный? Белый ты к подвенечному платью наденешь, а этот к чему? А у меня под него кофточка есть. Ну?

– Забирай! – махнула рукой Лиля. – Только я не знаю цены. Спросить неудобно.

– Я знаю! – сказал Маша. – Наш стоит четыре рубля. Импортный – семь или восемь. Пусть десять. Спекулянты по двадцать пять продают, да и то не купить.

– Забирай за десять! – согласилась Лиля.

Маша метнулась к сумочке, достала кошелек и торопливо выложила перед Лилей червонец.

– Договорились!

Она накинула халат и поспешила к двери.

– Ты куда? – удивилась Лиля.

– Девкам покажу. Опишутся от зависти – им такого не привезут. Кстати. Помнишь, говорила: будет тебя одевать? Вот. Так что слушай старших! – Маша улыбнулась. – Все, невеста, пошла!

Она исчезла за дверью. «Одевать... – улыбнулась Лиля. – Ничего ты, Маша, не понимаешь! Разве в этом счастье?»

Глава 10

Новый, 1976 год отпраздновали весело. В деревню Лиля не поехала. Зачем, если у нас десятого января свадьба? По случаю праздника пропускной режим в общежитии сняли. Принаряженные парни и девушки сновали из корпуса в корпус. При этом поток в женский был куда более плотным – там лучше кормили. Вот и наша компашка собралась у Лили с Машей.

Я постучался к ним около одиннадцати вечера. Зашел, выставил на стол шампанское, бутылку сухого вина и коньяк. По договоренности с девочками мы обеспечивали выпивку, они – закуску.

– А где Коля? – спросила Маша.

– Потерялся в пути.

– Ясно! – поджала губы Маша.

– Просил начинать без него. Проводим год?

Мы расселись вокруг стола. Я открыл вино и коньяк. Разлил, чокнулись, выпили. И в этот миг в дверь постучали.

– Открою! – Я выскочил из-за стола, подбежал и широко распахнул дверь. За моей спиной восторженно завизжали. Еще бы! На пороге стоял Дед Мороз, самый настоящий. В красном тулупе, такой же шапке, с бородой, прицепленной на резинке под носом. В руках у деда был посох, за спиной – мешок. Только вместо валенок из-под края тулупа выглядывали ботинки.

– Здравствуйте, красавицы! – сказал Дед Мороз и, стуча посохом, прошел к столу. – С Новым годом вас, с новым счастьем!

– И тебя, дедушка! – захлопала в ладошки Лилия.

– Подарки принес? – спросила Маша.

– А вы хорошо себя вели? – прищурился дедушка. – Плохим подарки не положены.

Девушки засмутились.

– Они хорошо вели! – пришел я на выручку. – Но просто так дарить нельзя. Пусть стишок прочитают или песенку споют. Вот! – Я подхватил Лилию с койки и поставил ее на стул. – Начинай!

Лилия взялась за юбочку, поклонилась и запела:

– В лесу родилась елочка, в лесу она росла...

– Зимой и летом стройная, зеленая была, – подхватила подскочившая Маша. – Метель ей пела песенку: «Спи, елочка, бай-бай...» – надрывались

девушки. Выглядели они при этом чрезвычайно забавно. Мы с Дедом Морозом еле сдерживались от смеха. Полный текст песенки девушки не помнили и умолкли после второго куплета.

– Ладно! – сказал Дед Мороз. – Заслужили! – Он полез в мешок и достал два прозрачных полиэтиленовых пакета с конфетами. – Держите!

– Шоколадные! – завопила Маша, выхватив из рук Деда свой подарок. – Ой, мальчики, какие вы молодцы!

– А то! – сказал я и снял Лилю со стула. – Ну что, угостим дедушку?

Предложение было принято с восторгом. Мы расселись у стола. Я налил в рюмку «деду» коньяка. Тот взял, левой рукой задрал прицепленную к носу бороду и закинул коньяк в рот. После чего отправил туда же кусочек колбаски.

– Где раздобыли? – спросила Маша, ткнув пальцем в наряд Коли.

– Места надо знать, – со значением произнес друг. Костюм Деда Мороза он достал через одну из своих многочисленных подруг. Она работала в заводском Доме культуры.

Договорить ему не дали. Дверь распахнулась, и в комнату ввалилась толпа девиц.

– Вот он! – завопила одна, тыча пальцем в Колю. – Хватай его, девки!

– Но, но! – запротестовал я. – Это наш Дед Мороз.

– Почему ваш? – подбоченилась девица. – Он всехный. Вас поздравил? Я кивнул.

– А нас – нет! Взяли!

Прежде чем мы успели опомниться, Колю подхватили под руки и вытащили из комнаты. Последняя из уходящих девиц подобрала посох и мешок.

– Замучат парня, – сокрушенно проговорил я. – Напоят и затискают. Еще и женят.

– Не получится, – успокоила Маша. – Их слишком много. Передерутся. Но жаль, что увели. – Она вздохнула.

– Ладно, празднуем! – предложил я. – Все равно не отдадут...

Под бой курантов по радиоточке мы встретили Новый год и спустились в столовую, где гремела музыка.

– Шизгара! – надрывались динамики. – Шизгара...

Мы немедленно пустились в пляс. А то – самая популярная танцевальная мелодия 70-х. На самом деле песня называлась Venus, и никакой «шизгары» в ней не было. Но кого это интересовало? Музыка на мгновение умолкла, и диск-жокей поставил «Звездочку ясную». Сегодня крутили только хиты. Мы с Лилей обнялись и закружились по залу. И я

вдруг почувствовал, как начала отпускать меня пружина, которую я взвел при появлении в этом времени. С чего я себя накручиваю? Пора расслабиться и получать удовольствие от случившегося. Я молод, здоров, по утрам просыпаюсь от ощущения неизъяснимой радости, а сейчас танцую с замечательной девушкой, которая смотрит на меня влюбленными глазами. Чего тебе, старому хрычу, еще надобно?..

Мы вдоволь наплясались. Затем оделись и вышли на улицу. Там было полно народу. Парни и девушка бросались снежками, валяли друг дружку в сугробах. Отовсюду слышался смех и радостные крики. Встречные поздравляли нас, мы – их. В моем времени на Новый год будет много фейерверков, но такой всеобщей радости – уже нет.

К себе я вернулся под утро. Коля обнаружился в комнате, где мирно спал. Надо же, вырвался! Как я узнал потом, злобные девицы в отместку забрали у Коли костюм Деда Мороза. Ему пришлось собирать его назавтра по разным комнатам. Где ему, естественно, вновь наливали, так что к вечеру мой сосед приполз на бровях. Зато при костюме. Страшная вещь – женская любовь!

Восьмого января мы с Лилей зарегистрировали брак. На церемонии присутствовали лишь мы да свидетели. Вечером компания отметила событие, а назавтра отправилась в деревню к Лиле. Свадьба мне запомнилась урывками – волновался, к моему удивлению. Но все прошло как по нотам. В субботу утром мы отправились в костел. Там быстро исповедовались. Церемония вышла формальной. Я сказал: «Грешен, батюшка!» Ксендз сделал вид, что не заметил неправильного обращения и отпустил мне грехи. Затем мы так же скоренько повенчались – у католиков это не так долго, как принято у православных. При выходе из костела нас осыпали зерном. В ответ мы бросили в собравшуюся толпу конфеты. Дети кинулись их собирать. Мы сели в «УАЗ», который отвез молодых в колхозный Дом культуры. Столы накрыли в зале, где мы с Лилей не так давно танцевали, а я выяснял отношения с ее ухажером. Гостей собралось море. Родственники невесты, соседи по улице, коллеги по работе родителей, подруги и школьные товарищи невесты... На торжество заглянул даже председатель колхоза. Поздравил молодых, выпил рюмку за их счастье и убежал. Вацлав при этом выглядел чрезвычайно довольным – не каждому оказывают такую честь!

Свадьбу играли по деревенскому обычаю. Я в этом ничего не понимал и ощущал себя болванчиком. Зато Коля чувствовал себя как рыба в воде. По пути из костела нам дважды перегораживали дорогу – вымогали деньги и выпивку. Коля урегулировал это быстро. Когда свадьба перешла к танцам,

невесту, как водится, украли, о чем присутствовавшим сообщили во всеуслышание. Коля отправился на переговоры с похитителями и вскоре вернулся с Лилей. При этом моя супруга едва удерживалась от смеха.

– Знаешь, что он им сказал? – шепнула мне на ушко. – Требовали двадцать пять рублей и три бутылки водки. Он ответил, что сейчас заберет жениха и уедет. И они будут иметь дело с моим папой. – Лиля не выдержала и расхохоталась. – Папу в деревне боятся. Согласились на две бутылки со стола...

Застольем командовали специально назначенные сваты. Они вели церемонию, давая слово присутствующим в только им известном порядке. К концу застолья один из них вынес большое блюдо, обернутое рушником.

– А зараз адарым маладых! Им на кватэру!

Первым встал Вацлав.

– Ад нас с маці – пяцьсот рублёў!

На блюдо упали купюры. Я едва не рухнул со стула. Ничего себе зачин!

– Тетя Гэля – сто рублей! Тетя Фрэнк – сто рублей!..

Каждую сумму сват озвучивал на весь зал. Деньги сыпались. Как я быстро сообразил, одаривали по родству. Чем ближе – тем больше. Меньше всего давали подружки невесты и ее школьные друзья, но и они клали по десять рублей минимум. К концу церемонии сваты на глазах у всех пересчитали деньги.

– Дзве тысячы пяцьдэсят рублёў! – озвучил один из них сумму.

Ни фиги себе! Взнос на кооперативную квартиру, считай, есть. Деньги с поклоном вручили мне. Я сунул их в карман.

– Здымай з нявесты фату! – велел сват.

Я подчинился. Лиля пошла румянцем.

– Праводзім маладых!

Мы с Лилей встали и вышли из зала. В гардеробе набросили на себя верхнюю одежду. Какая-то незнакомая мне женщина отвела нас в чужой дом.

– Почему не к вам? – спросил я Лилю, когда женщина ушла.

– Не спрашивай! – покраснела она. – Так нужно.

Кровать в спальне была расстелена, и я не стал настаивать. Устал. Впрочем, не настолько, чтобы отрубиться с ходу. То, что мне не позволяли несколько месяцев, случилось. Мы уснули почти сразу. Утром нас разбудила та же незнакомая женщина и мать Лили. Мы встали и умылись. Женщины тем временем убрали постель. К нам они вышли с довольными лицами. Только тут я просек. На простыне осталось кровавое пятно.

Носить ее и показывать всем, конечно, не будут, но сообщат: невеста до свадьбы сохранила девственность. Родителям из-за этого уважение – правильно дочку воспитали. А женщина, в чьем доме мы ночевали, – свидетель.

Свадьба продолжилась и в воскресенье, но в меньшем составе. Коля выглядел, как налижавшийся сметаны кот. Его таланты в деревне заметили и оценили, так что ночевал он у какой-то подружки невесты, и похоже, что в одной постели. А вот Маша хмурилась – ей такого не перепало. Еще ночь – и мы отправились в Минск. В дорогу нас нагрузили выпивкой и закуской, так что ехали мы весело. Я ощущал себя счастливым. План, который я разработал, вернувшись в это время, успешно выполнялся – даже с опережением графика. Рядом со мной сидела женщина, которая, как я с изумлением ощутил, была мне далеко не безразлична. Все складывалось как нельзя лучше. Тьфу, тьфу! Не сглазить бы...

* * *

По возвращении в Минск мы сняли квартиру. Не комнату с хозяевами, как здесь принято, а отдельную, однокомнатную. Здесь это редкость – предложение никакое. Жилищная проблема в Минске сложная. Строят много, но народу в столицу приезжает еще больше. Машеров решил сделать Минск миллионным городом, поэтому распахнул двери для приезжих. Заводам требовалась рабочая сила, в общежитиях прописывали всех. А вот в квартире для этого требовалось иметь двенадцать свободных метров жилой площади. Если учесть, что давали ее из расчета девять метров на члена семьи, то попробуй найди.

Квартиру нашла Лиля – сорвала объявление на столбе. Мы созвонились и отправились смотреть жилье и хозяйку. Ситуация прояснилась с ходу. Хозяйка – алкоголичка неопределенного возраста, квартира – притон. Оборванные обои, серые от табачного дыма потолки, а на подоконник в кухне ставили горячие кастрюли и тушили об него «бычки». В ходе переговоров я понял, почему квартиру не спешили снимать. За жилье требовали за полгода вперед из расчета 55 рублей за месяц. Итого 330. Большие деньги! Но при этом в квартире имелась не новая, но вполне приличная мебель и даже телевизор, правда, неисправный. И до завода нам с Лилей рукой подать.

– Вот что, Тамара, – сказал я хозяйке. – Денег я дам. Но, во-первых, вы напишете расписку, где укажете, за что их взяли. Второе. Пять рублей к

плате – это за коммуналку?

Она кивнула.

– Вы дадите мне квитанции, я буду платить сам. Вы соответственно имеете право проверить.

– Почему так? – насупилась она.

– Потому что сами вы платить не будете. Из домоуправления придут меня выселять, оно мне надо?

Она попыталась возразить, но я остановил ее жестом.

– Согласен только на таких условиях. В противном случае – нет. А деньги – хоть сейчас!

Я достал из кармана кошелек. Она поколебалась и кивнула. Мне написали расписку, я отсчитал триста рублей. Тамара схватила их и убежала, отдав перед этим квитанции. Они нашлись в буфете. Плата за два месяца оказалась просроченной. Ладно, переживем. Пять рублей в месяц за коммуналку – смешные деньги даже по этим временам.

– Ты думаешь, мы поступили правильно? – спросила Лиля.

– Не сомневайся, солнышко! – ответил я.

На тракторном имелись свои строители. Парни и девушки жили в общежитии, и я их знал. За 80 рублей они привели квартиру в жилое состояние. При этом крутили головами и горячо высказывали мнение о хозяйке. Я поменял в дверях замок. А вот нефиг, чтобы ходили всякие и копались в моих вещах. Мы переехали. И в первый же вечер в дверь позвонили. На площадке стоял мужичок блатной наружности.

– Позови Томку!

– Она здесь больше не живет, – сообщил я. – Съехала. Мы – квартиранты.

– Да, ладно! – Он попытался протиснуться внутрь. – Здесь она.

Я без размаху дал ему под дых. Затем добавил по печени.

– Ты чего?! – заверещал он.

– А нехрен переться в квартиру, – пояснил я. – Сказано: нет здесь Томки, значит нет. Вали! Не то с лестницы спущу.

– Кто здесь? – слышалось за моей спиной. На шум прибежала Лиля.

– Гражданин ошибся адресом, – объяснил я.

– Так уж и гражданин! – обиделся блатной. – Я свой срок отсидел, так что нечего обзывать. Теперь вижу, что квартиранты.

– И другим сообщи, – посоветовал я. – А то я – человек нервный. Не люблю, когда беспокоят.

«Беспокоили» еще пару раз. В последний – какой-то дальнобойщик. Я работал во второй смене, и он здорово напугал Лилю, ломаясь в полночь в

дверь. Я застал это, вернувшись с работы. Дальнобойщика я отметелил прямо на площадке. Бил от души. Он охал, но не сопротивлялся – понял, что будет хуже.

– Может, снимем другую квартиру? – предложила Лиля. – Заберем у хозяйки деньги?

– Их уже пропили, – сообщил я. – Так что не получится. Не волнуйся, зайчик! Думаю, ухажеры кончились.

Так и оказалось. Мы познакомились с соседкой по площадке, еще не старой вдовой-пенсионеркой. Евдокия Ивановна, как ее звали, и поведала историю непутевой Тамары. У нее было все: муж, дочь, трехкомнатная квартира. Но Тамара работала в ресторане официанткой. Чаевые, халявная выпивка... Покатилось. Муж с ней развелся, квартиру разменяли. Тамаре досталась однушка в хрущевке. Год здесь процветал притон, участковый приходил чуть ли не каждый вечер. Собирался оформить Тамару в ЛТП^[19]. Но та ускользнула, найдя сожителя. Перебралась к нему, а свое жилье решила сдавать.

– Хорошо, что теперь здесь вы, – сказала Евдокия Ивановна. – Хоть поживу спокойно.

Мы с ней согласились, за что и выпили. Человеком соседка оказалась душевным. В ее квартире имелся телефон – редкость по нынешним временам. Я взял это на заметку и попросил разрешения время от времени пользоваться – за плату, конечно. Разрешение мне дали. Я написал письмо Дине Аркадьевне, в котором сообщил новый адрес и телефон соседки. Как вскоре выяснилось, не зря.

Двадцать четвертого февраля открылся XXV съезд КПСС. Я встретил это событие равнодушно – экая невидаль. Ритуальное мероприятие. Похожим было отношение к съезду и у других рабочих. Город украшали плакаты и растяжки, призывавшие труженников достойно встретить великое событие. Об этом же говорили партийные чиновники на повсеместно проводимых митингах. Слушали их равнодушно. Партия оторвалась от народа, ее внутренние дела население не интересовали. К тому же надоело вранье, льющееся с экрана телевизоров и воспроизводимое в газетах.

Вечером первого дня съезда к нам в дверь позвонила Евдокия Ивановна.

– Тебя к телефону, – сообщила с порога. – Москва.

В прихожей соседки я взял лежавшую на тумбочке трубку.

– Алло!

– Сережа?

– Я, Дина Аркадьевна.

– Съезд смотришь?
– Некогда мне. Только с работы вернулся.
– А зря, – сказала она торжественно. – Брежнев упомянул в докладе твою повесть.

– Что?!!
– Не прямо, конечно, – засмеялась она. – Так не делается. Обычно генеральный секретарь о литературе говорит иносказательно, а потом все гадают, кого он имел в виду. Но в твоём случае все понятно. «Острый и принципиальный разговор о любви к Родине ведут балерина и рабочий», – процитировала она. – Никто в стране, кроме тебя, о таком не писал. Нам в редакцию уже звонили, поздравляли. А я решила поздравить тебя.

– Спасибо, Дина Аркадьевна! – сказал я. – Это ваша заслуга.
– И моя тоже, – согласилась она. – Но написал ты. Главный просил передать: рассказы поставим в ближайший номер. И не два, как планировали, а сразу четыре. Насчет книги можешь не беспокоиться. Думаю, уже летом выйдет.

– Нет слов.
– Ты, главное, не зазнавайся, Сережа!
– Не буду! – пообещал я. – С меня причитается.
– Да хватит уже! – засмеялась она. – Я твои гостинцы целую неделю ела. Это при том, что половину Боре отнесла – он любит деревенское. Будешь в Москве, заезжай! Не забывай старуху!

– Не забуду! – пообещал я и положил трубку.
Дома я сообщил Лиле о состоявшемся разговоре. Глаза у нее стали огромными. Пришлось доставать коньяк и отпаивать любимую.

– Как же это, Сережа? – бормотала она. – Сам генеральный секретарь!
– Он прочел, что ему написали помощники, – пояснил я. – Думаешь, у Брежнева есть время смотреть «Юность»? Помощники посчитали, что помянуть повесть молодого писателя будет идеологически правильно. Только и всего.

– И что теперь будет?
– Хорошо будет, – заверил я. – Если ковать железо, пока горячо.
«Железом» я занялся завтра. По дороге на работу купил в киоске «Правду». Пришлось заплатить четыре копейки – номер с речью генерального секретаря вышел толстым. В разделе о литературе я обнаружил нужную фразу. Дина Аркадьевна процитировала ее точно. Я подчеркнул нужное и ближе к обеду отнес газету в комитет комсомола.

– Правда, про тебя? – засомневался секретарь.
– Никто больше в СССР про балерину и рабочего не писал, – сообщил

я. – К тому же мне из Москвы звонили, поздравляли.

– Подожди здесь! – сказал секретарь, схватил газету и убежал. Я догадался куда. Не ошибся. Через пять минут меня пригласили в партком. Рядом с секретарем сидел сияющий «комсомолец». Его можно было понять. Заводской комсомол вырастил писателя, которого оценили в ЦК КПСС. То, что сам секретарь не имел к этому ни малейшего отношения, «комсомольца» не смущало. «У победы много отцов...»

– Присаживайтесь, Сергей Александрович! – Секретарь парткома пожал мне руку. – Николай сообщил мне радостную новость. – Он ткнул в лежавшую на столе газету. – Поздравляю!

– Спасибо! – поблагодарил я.

– Замечательно, что в коллективе нашего орденоносного завода вырос такой талантливый писатель. Будем рады помочь. Есть просьбы?

– Есть, – сказал я. – Недавно женился, снимаю квартиру. Я и супруга прописаны в общежитии. Но там требуют выписаться, а нам не к кому обратиться, чтобы сохранить минскую прописку: родственников в Минске нет.

– Вопрос – ерунда, – сказал секретарь и бросил взгляд на «комсомольца». Тот в ответ закивал головой. – Решим. А вот жилье обещать не могу – трудно с ним. Очередь большая.

– Жилье не прошу, – успокоил я. – Стою в очереди на кооператив. Отнес в исполком копию свидетельства о браке. Обещали, что ждать придется не более двух лет.

– Замечательно! – обрадовался секретарь. – Мы, в свою очередь, подумаем, как помочь вам с супругой. Она ведь на тракторном работает? Секретарша начальника прессового корпуса?

Я подтвердил.

– Ей поднимем оклад, вам повысим разряд. Все ж легче за квартиру платить. А вы, если вопросы возникнут, обращайтесь!

Я поблагодарил и откланялся. Ну вот, «железо» начало приносить пользу. Плюшки, полученные на заводе, мелочь. Ждем больших. Партком тракторного завода имеет статус райкома. Это площадка для старта в большие кабинеты. Секретарь тракторного в той моей жизни возглавил минский горком. Дальнейшую карьеру прервал распад СССР. Не воспользоваться возможностью доложить наверх об успехах в идеологической работе он не может. Похвастается обязательно. Дальше – по цепочке. Машерову обо мне, конечно, не сообщат, но в профильный отдел ЦК новость дойдет. Нам это и нужно.

Глава 11

Скурко^[20] отложил журнал, снял трубку с аппарата и набрал номер.

– Заходзь! – бросил коротко и положил трубку.

Секретарь Союза по работе с молодыми писателями материализовался в кабинете практически мгновенно. Осторожно присел напротив.

– Чытав? – Скурко подвинул к нему «Правду».

– Так, – подтвердил секретарь, опознав номер с докладом Брежнева.

– И вось гэта? – Председатель правления отчеркнул строчку ногтем.

– «Острый и принципиальный разговор о любви к Родине ведут балерина и рабочий», – прочел вслух секретарь. – Чытав.

– А хто гэта напсав, ведаеш?

Секретарь покрутил головой.

– Вось! – Скурко положил перед ним раскрытый журнал.

– Сергей Девойно, живет в Минске, работает на тракторном заводе, – прочел секретарь. – Ня ведав.

– Як и я, – зло произнес председатель. – А цяпер зразумей! У Маскве у ЦК КПСС ведають – сам Брежнев пра яго казав, а мы – не. Што пра нас падумаюць? Чым мы тут займаемся? Мне з ЦК телэфанавали, пыталися пра Дэвойно. А мне адказаць нечаго. Сорам! Вось што, Микола! Самое большае праз тыдзень хлопец павинен быць в Саюзе. Ниякого абмеркавання на сэкцыи, прыем на прэзидыуме. И яшчэ. З ЦК паведамили, што ён жыве на кватэры. Трэба падтрымаць талент. Пашукайце там чаго-небудзь.

– Зробим! – пообещал секретарь...

* * *

Плюшек я, конечно, ожидал, но чтоб так скоро... Не прошло и двух дней после разговора в парткоме, как в корпус позвонили из Союза писателей. Лиля прибежала ко мне на участок встрепанная. Я поднялся в управление.

– Сергей Девойно? – уточнили в наушнике.

– Он.

– Меня зовут Николай Иванович, я секретарь правления Союза писателей БССР по работе с молодыми авторами. Мы прочитали вашу повесть, опубликованную в журнале «Юность». Есть мнение принять вас в

Союз писателей. Согласны?

– Да, – подтвердил я.

– Тогда не будем терять время. Когда заканчиваете смену?

– В пятнадцать тридцать.

– Сразу после работы подъезжайте к нам на Фрунзе, пять. Мой кабинет...

Я подъехал. Секретарь, мужчина лет пятидесяти, попросил меня написать заявление и составить список опубликованных произведений. С последними было просто: повесть «Черный лебедь», журнал «Юность», номер 11 за 1975 год. Всё. Я заикнулся о рекомендациях членов Союза – их требовалось три. Мне ответили, что это не моя забота. После выходных меня пригласили опять, и сам Максим Танк вручил мне удостоверение члена Союза. Лично. Человек-легенда, чьим именем в мое время назовут улицу в Минске и Педагогический университет, жал мне руку и говорил теплые слова. Я охреневал. Нет, я рассчитывал, конечно, на членство в Союзе, но собирался ждать выхода книги, а после стучаться в дверь. По журнальным публикациям в Союз писателей принимали в исключительных случаях. А тут – раз и готово. «Лебедь» стал для меня не паровозом, а линкором, растолкавшим выстроившиеся в очередь суда.

Из кабинета председателя меня отвели в Литфонд. Там поинтересовались моими жилищными условиями и предложили «подменку» – однокомнатную квартиру в старом доме. А вот на фиг! «Подменка» – дело опасное: влезть легко, выбраться трудно. Стоит вселиться, и о тебе мигом забывают: не на улице человек живет. А что в тесноте, так и другим трудно. Знаю, проходили.

– А можно кооперативную квартиру? – спросил я.

– Возьмешь кооператив? – удивился глава Литфонда.

– Если можно, – попросил я.

– Кольки комнат?

– Три. По одной на нас с женой и кабинет мне, как члену Союза.

– Не пытанне, – сказал глава и снял трубку с телефонного аппарата.

Назавтра я пришел в горисполком, где предъявил наши с Лилей документы и справку из Союза писателей. Здесь я охренел снова. Мне предложили на выбор квартиры сразу в нескольких домах. Как в уже готовых, так и в пребывающих в стадии строительства. В своем времени я ждал в очереди на кооперативную квартиру много лет. Когда родилась дочь, побежал в исполком и схватил первый же вариант. Жизнь в «подменке» достала до печени. И никакого выбора этажа – что вытянул при жеребьевке на собрании жильцов, там и жил.

– А есть ли с отдельными комнатами и с санузлом у спальни? – обнаглел я, вспомнив свою «чешку».

– Есть, – сказала принимавшая меня чиновница. – Экспериментальная серия, чешский проект. Но это Юго-Запад, улица газеты «Правды»^[21]. Не самый лучший район. Да и сдадут только к июлю.

Чиновница проговорила это пренебрежительно. Я едва сдержал смех. В том времени я жил на Юго-Западе, только в другом микрорайоне. В будущем как раз у проспекта «Правды» появится станция метро, и непрестижное сегодня место станет весьма востребованным.

– Беру! – сказал я и достал из сумки коробку конфет. – Это вам в знак внимания.

– Что вы? – делано засмушалась чиновница, но коробку взяла.

Мне вручили квитанцию для оплаты первого взноса за квартиру – две тысячи восемьсот рублей. Пришлось выгрести все наши с Лилей сбережения. Свадьба помогла, не то щелкнул бы клювом. Две тысячи восемьсот для обычного человека – это о-го-го! Не каждый может собрать. Поэтому очередь на кооператив движется быстрее, чем на государственную квартиру. Я отвез квитанцию в исполком. Через неделю мне позвонили и попросили приехать за ордером. Та же чиновница вручила мне узкий листок бледно-лилового цвета. Я отдал ей еще одну коробку и поехал домой. Лиле я об ордере не сказал: решил сделать сюрприз. В субботу предложил ей кое-что посмотреть. Она потребовала объяснений, но я загадочно молчал. Она поколебалась и согласилась. Троллейбус привез нас на окраину Минска. Выглядела та неприглядно. Стройки, подъемные краны, грязь.

– Вот! – Я указал на недостроенную панельку. – Здесь мы будем жить. Первый подъезд, третий этаж, квартира двенадцать.

– Не шути так! – вздохнула супруга.

– Эйн, цвей, дрей! – голосом кота Бегемота сказал я и достал из кармана ордер. – Смотри!

– Девойно Сергей Александрович, Девойно Лилия Вацлавовна, – вслух прочла она. – Улица газеты «Правда», двадцать четыре, квартира двенадцать. Жилая площадь тридцать восемь квадратных метров... Сережа, это правда?

– Подделками не занимаюсь! – гордо ответил я. – Нравится район?

– Да я... – Она задохнулась. – Да хоть за городом...

Глаза ее заблестели.

– Все, все! – сказал я и обнял ее. – В июле заселяемся.

Обратной дорогой она смотрела на меня влажными глазами. Я

чувствовал себя неловко. В моем времени жилье перестанет быть хрустальной мечтой. Можно выбрать в любом районе, любой площади. При хорошей зарплате, конечно. Но здесь даже при наличии денег не купишь. Что там квартиру? Автомобиль попробуй приобрести! Десятилетиями в очередях стоят...

Дома мы отпраздновали событие, пригласив Евдокию Ивановну. Та искренне порадовалась за нас. Вот ведь люди! Ни капли не завидуют.

«Железо» продолжало искриться. В течение недели я получил три письма. Издательство «Молодая гвардия» приглашало подписать договор на издание книги. С выплатой аванса, естественно. Меня это не удивило. А вот предложение киностудии «Мосфильм» снять фильм по «Лебедю» стало неожиданным. Мне предлагали написать сценарий (невнятно) или продать студии права на экранизацию (настойчиво). Я выбрал второе. Писать самому – на фиг, на фиг. Переделаешь раз десять – денег не захочешь. Знаем. Но всего более поразило меня письмо из театра Ленинского комсомола. Художественный руководитель Марк Захаров предлагал поставить мою повесть на сцене. Бинго!

В Москву следовало ехать и ковать железо, пока не остыло. Раздумывал я недолго. В СССР все должны работать. Уклоняешься – признают тунеядцем и впают срок. Или отправят в ссылку на Севера. Бродского по этой статье в 60-е сослали. Но я официальный писатель, мне даже годы пребывания в Союзе в пенсионный стаж идут. Я написал заявление об увольнении, объяснил причину, и мне пошли навстречу, не заставив отрабатывать месяц. Проводили тепло и без зависти. Вырос человек, чего уж? Я позвонил Дине Аркадьевне, попросил помочь с гостиницей (через редакцию это запросто) и отправился в Москву.

В «Юности» меня встретили тепло. Гостинцев в этот раз я привез мало, но их и не спрашивали. Я выпил коньячку с Полевым, посидел вечер у Дины Аркадьевны, а на завтра отправился по адресам. «Молодая гвардия», договор 1500 рублей аванс, на руки – 1215. Киностудия «Мосфильм»... Здесь попытались надуть провинциала, предложив за право на экранизацию тысячу рублей. Ага! А потом кто-то из своих напишет сценарий и загребет шесть-восемь тысяч. Повесть моя кинематографичная, работа левая. Плавали, знаем!

– Три тысячи, – потребовал я.

– Столько мы не платим! – вскинулся сотрудник сценарного отдела.

– Как хотите. – Я встал. – В Минске тоже есть киностудия. «Беларусьфильм» называется. А можно съездить в Одессу. Думаю, им нужны сценарии на злободневную тему.

– Пойдите! – сделал умоляющий жест мой визави. – Давайте обсудим! У вас уже есть предложения?

Я сделал загадочный вид. Последующий час шел торг. Меня попытались заболтать, уверяя, что экранизация – огромная популярность для молодого писателя. Сценарий отдадут лучшему режиссеру, он снимет замечательный фильм... Ага, сейчас! Моя повесть – конъюнктурная однодневка, через год ее забудут. Хороший режиссер снимать фильм по идеологической чепухе не станет. Сценарий и вовсе могут не запустить в производство. Это сейчас, после съезда, они зашевелились. Со временем ажиотаж сойдет на нет. А мне деньги нужны. Новую квартиру следует обставить, да и на жизнь требуется. Зарплаты у меня больше нет. Я стоял твердо. В результате стал богаче на 1620 рублей. Две тысячи в договоре минус налоги. Живем!

Но самыми сложными выдалась переговоры в Ленкоме. Принял меня лично Марк Анатольевич. Рядом с ним сидел неопределенного возраста мужчина, который назвался Семеном Иосифовичем.

– Наш известный драматург, – представил его Захаров. Выглядел режиссер моложаво и совсем не звездно. Ну, так рано еще. «Обыкновенное чудо» он снимет в 1978 году, «Мюнхаузена» – спустя год. – Мы предлагаем вам, Сергей Александрович, уступить право на театральную постановку вашей повести. Пьесу напишем сами.

При этих словах Семен Иосифович оживился. Очередной развод. В СССР самые богатые из литераторов – драматурги. Богаче только авторы шлягеров, но тех мало. Даже слабые драматурги заколачивают огромные бабки. С каждого спектакля они получают отчисления. Театров в СССР сотни. Стоит пьесе быть поставленной в половине из них – и ты реально богат.

– Пьесу напишу сам.

– Да вы представляете!... – вскинулся драматург. Захаров остановил его жестом.

– Вы уверены, что получится?

– Да! – сказал я. А что? В своем времени я написал две пьесы. Одну даже поставили – в Театре юного зрителя. Драматурги любят рассуждать на тему, насколько труден их жанр. На самом деле ничего сложного. По сути, пьеса должна отвечать двум критериям. Быть сценичной и соответствовать составу труппы. Например, женских ролей должно быть много. Актрис в труппах больше, чем актеров, их следует занять. Хорошо, когда действующие лица разновозрастные – пожилые актеры тоже хотят играть. И так далее.

– Поймите нас правильно, – сказал Захаров. – Мы предлагаем помощь не потому, что хотим вас надуть. Просто есть сомнения... Спектакль мы собираемся ставить в этом сезоне, пьеса нужна быстро. Вы молодой автор, без должного опыта...

– Десять дней хватит?

– Ого! – Захаров посмотрел на меня с уважением. – Справитесь?

– Гарантирую.

– И все же я рекомендовал бы не отказываться от помощи Семена Иосифовича. Текст потребует правки, а вы живете в Минске. Согласовывать долго. Семен Иосифович профессионал, сделает все быстро и отнесется бережно. К тому же мы берем на себя обязанность залитовать пьесу, избавив вас от лишних хлопот.

– Сколько? – спросил я.

– Сорок процентов! – выпалил драматург.

– Пятнадцать! – сказал я.

– Да это...

– Тридцать – и покончим с этим! – вмешался Захаров. – По рукам?

– Идет! – согласился я. Грабеж, конечно, но пьесу поставят в этом сезоне. Отчисления пойдут сразу. К тому же залитовать пьесу, то есть провести ее через инстанции, – геморрой еще тот. Куда ни плюнь – партийные наблюдатели и профсоюзные идеологи. Молодого автора заклюют. Расстались мы дружески. Драматург на прощание долго тряс мне руку. Было с чего. Работы для него чуть, а денег много. Текст ведь пишу я.

– Как только закончите, дайте знать! – попросил Захаров. – Пришлем нарочного. Время не ждет...

Пьесу я сварганил в срок. Это вам не роман. В стандартной пьесе – 60 страниц. В прошлой жизни я писал по десять страниц в день. На ноутбуке, конечно. На «Эрике» получалось меньше, но ненамного. В отсутствие Лили я стучал по клавишам сам. С приходом супруги принимался диктовать. Лили ловила текст на лету и тут же правила. Сочинялось легко. Сюжет повести я изменять не стал, но ввел новых героев. Действующих лиц, как говорят в театре. Подруг Аллы – занять молодых актрис, ее матери – роль для пожилой, мудрого мастера-резонера, наставника Артема... Нормальный комплект для театральной труппы. Закончив, позвонил Захарову. Нарочный приехал назавтра. Забрал пьесу и укатил. Через два дня позвонил сам Марк Анатольевич.

– Начали репетиции! – сообщил он радостно. – Текст – замечательный, чувствуется рука профессионала. Честно признаюсь, не ожидал. Поправили совсем немного. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

– Я тоже! – сообщил я. На этом разговор кончился. А что время зря терять? Деловые люди...

Я вернулся к «Экстрасенсу». Писалось легко. В той жизни у меня была повесть с таким названием. Действие происходило в 90-х, то есть при диком капитализме. Оставалось перелицевать реалии. Вместо Москвы – Нью-Йорк, вместо улиц – авеню, бандитов сменили гангстеры. Набросав десять глав, я послал их Дине Аркадьевне. Она позвонила через несколько дней.

– Не могла оторваться, – призналась в трубку. – Так хочется продолжения! Умеешь ты удивить. Каков будет финал?

– Не знаю, – признался я. – Есть три варианта. Главный герой перебирается в СССР – это раз. Его убивают – это два. И третий – открытый, то есть неопределенный...

– Лучше открытый, – посоветовала Дина Аркадьевна. – Переезд в СССР – это слишком в лоб. Агитка. Убивать жалко – хороший у тебя герой. Оставь людям надежду...

За работой незаметно подошел мой день рождения. 22 года – пацан. В той жизни в это время я пребывал в мечтах о славе. В этом времени она уже есть. Пусть небольшая, но... Хорошо, когда знаешь, что делать!

День рождения отметили скромно. Пришли Коля и Маша. Выпили, посидели, поговорили. Лиля похвасталась орденом.

– Что я говорила! – хмыкнула Маша. – И в Союз приняли, и квартиру выделили. Повезло тебе, Лилька! Слушай, Сергей, у вас там в Союзе холостые есть? Или хотя бы разведенные?

– Не узнавал, – сказал я. – Но могу навести справки. Тебе помоложе или постарше?

– Побогаче! – встрял Коля.

– Богатые – старые! – возразил я. – Такому не отдадим.

– Мне хоть какого! – вздохнула Маша. – Завидую я вам, ребята. Но не квартире вашей и не гонорарам. На вас даже смотреть больно – так светитесь. Лиля чудо как похорошела, Сергей возмужал. Видно, что счастливы. А я... – Она всхлипнула.

– Но, но! – Я обнял ее за плечи. – Еще не вечер. Найдешь и ты свое счастье.

– Обещаешь? – Она шмыгнула носом.

– Гарантирую. Хочешь, расписку напишу?

– Пиши! – согласилась Маша. – Только срок поставь.

– До конца года устроит?

– А раньше нельзя?

– Раньше будет дороже.

Все засмеялись. Я представить не мог, что моя шутка окажется пророческой. Да еще при каких обстоятельствах!..

В мае в нашем доме начались отделочные работы. Я навестил будущее место жительства. Без отделки квартира выглядела жутко. Серые стены, серые полы, пустые дверные проемы. Панель. Но даже такая квартира – мечта. Ради них идут на такие гадости! Пишут доносы, кляузы, забрасывают инстанции жалобами. Из-за жилья люди теряют совесть и человеческий облик. Знаем...

Работавшие в доме строители подсказали, где найти прораба. Он обнаружился в бытовке. Меня встретили хмурым взглядом.

– Что нужно?

Я положил на стол сторублевую купюру. Прораб хмыкнул и спрятал ее в карман.

– Какая квартира?

– Двенадцатая.

– Ванну и унитаз отберем получше, – сказал прораб. – Окна и двериотрегулируем. Линолеум постелем ровно. Обои... Есть неплохие, и наклеим аккуратно.

– А плитка?

– Голубая, без рисунка. Прямо скажу: никакая. Другую не завезли. На кухне – «фартук», в ванной на высоту полтора метра. В туалете – окраска стен. Так по проекту.

– А если по-другому?

Прораб потер большим пальцем об указательный и средний.

– Сколько?

– Зависит от объема работ.

– В ванной плитку до потолка. В туалете – тоже. В кухне – метра полтора.

– Обычно заказывают до потолка, – удивился прораб.

– Будет как в морге. Не хочу.

– Полы?

– В ванной и туалете – плитка, на кухне линолеум.

– Почему не плитка?

– Во-первых, скользко. Прольешь воду или суп, нога поедет и навернешься. Во-вторых, упадет кастрюля и расколется плитка. Как ее потом выковыривать?

– Грамотно, – согласился прораб. – Приятно иметь дело с умным человеком. А то требуют... – Он на мгновение задумался. – Еще двести

рублей, и будет вам счастье. Плитку лично с завода привезу, есть у меня знакомый. Белая с голубым рисунком. Новая серия, очень красивая.

– Идет! – сказал я и достал деньги...

К моему удивлению, дом сдали к сроку. Домоуправление организовало собрание кооператива, мы выбрали председателя и бухгалтера, получили ключи. После чего народ побежал к дому. Пошел и я. Прораб ждал у меня у подъезда.

– Смотрим?

Я кивнул. Мы поднялись на третий этаж, я открыл ключом дверь. Так, замок сменим сразу, этот всего лишь вежливое напоминание, что хозяев нет дома. Мы прошлись по комнатам. Все было сделано аккуратно.

– Класс! – похвалил я.

– В деньги не вписались, – пожаловался прораб. – В раствор для плитки добавляли клей ПВА. Просто так его не купить, брали у спекулянтов. Зато стоять будет век.

– Сколько? – спросил я.

– Еще двадцать пять.

Я заплатил, прораб убежал довольный. Наверняка меня развели, но я не расстроился. Пусть! Еще раз прошелся по комнатам. С точки зрения человека из будущего, квартира смотрелась убого. Двери из соснового бруса, покрытого ДВП и окрашенного в белый цвет. Ручки из дюралялюминия, жуткие. Но что делать, если других нет? Стройматериалы в этом времени дефицит, да и качество их... Танки и самолеты производим лучшие мире, а приличную дверь сделать не в состоянии.

Последующие пару недель я доводил жилье до ума. Лиле сказал, что сдача дома затягивается – хотел сделать сюрприз. Сам отправился в мебельные магазины. Мебель здесь – дефицит, за ней стоят в очереди. Но пообещай грузчику десять процентов от стоимости – и выбирай чего душа хочет. Моя душа захотела чешскую кухню. 640 рублей, плюс доставка, плюс десять процентов грузчику. Понятно, что деньги пойдут директору, грузчик – посредник. Кухню смонтировал я сам. Мы слесари или кто? Электрическая дрель и сверла с победитовыми наконечниками сделали этот процесс быстрым. Гарнитур выглядел богато. Светло-серые шкафчики со вставками из натурального дерева, мойка из нержавеющей стали и мягкий уголок в комплекте со столом и стульями. По этому времени – шик. В Доме мебели на Комаровке мне подогнали румынский гарнитур: спальня и гостиная одним комплектом. Без малого три тысячи рублей плюс доставка и проценты сверху. Предложили и сборку, но я решительно отказался. Отдать триста рублей? Лучше холодильник куплю! А гарнитур сам соберу, руки

имеются.

Деньги текли как песок меж пальцев. Хорошо, что пьесу заливали и мне прислали по почте полторы тысячи рублей. Я купил и навесил карнизы, шкафчик в ванной, приобрел кое-какую посуду, постельное белье и прочие необходимые для жизни мелочи. На этом деньги иссякли. Хватило на скромную прихожую, после чего – все! Вместо люстр в квартире висели провода с патронами, не было стиральной машины, девственно-пустой стояла одна комната. Ну и фиг с ней! В той жизни у меня гостиная два года пустовала. Дочке очень нравилось там бегать...

Я заполнил холодильник продуктами и поехал за хозяйкой гнездышка.

– Получил ключи? – обрадовалась Лиля.

– Ага! – подтвердил я. – Поедем смотреть?

– Конечно! – подпрыгнула она.

К улице «Правды» мы добрались на троллейбусе. Возле дома уже заасфальтировали проезд, так что босоножки супруги даже не запылились. Лифты были заняты – народ таскал мебель, и мы поднялись по лестнице.

– Почему столько дверей? – удивилась Лиля.

– Незадымляемый подъезд, – объяснил я. – В случае пожара лифты встанут, люди будут спускаться по лестнице. Дым сюда не проникнет – двери отсекут. Предусмотрено правилами для домов от двенадцати этажей.

Мы зашли в тамбур и подошли к своей двери.

– Почему она утеплена? – удивилась Лиля. – И глазок есть.

– Потому что я заплатил за это тридцать рублей.

Я открыл замок, распахнул дверь и подхватил Лилю на руки. Она ойкнула.

– Жену в будущий дом нужно вносить на руках, – объяснил я.

В прихожей я поставил ее на ноги и распахнул дверь справа.

– Начнем с кухни! Прошу!

Лиля шагнула за мной, глаза ее стали по блюдцу.

– Это точно наша квартира?

– Можешь сверить с ордером, – предложил я. – Не сердись, солнышко, но я тебя обманул. Дом сдали две недели назад. Все это время я приводил в порядок и обставлял квартиру. Хотел сделать тебе сюрприз. Нравится?

Лиля подбежала к шкафчикам и захлопала дверцами. Затем унеслась смотреть другие комнаты. Я включил конфорку электроплиты, поставил сковородку и плеснул в нее растительного масла. Есть хочется.

Сквозь распахнутую дверь до меня доносились звуки. Хлопали дверцы, шумела открываемая вода, бурно выдохнул унитаз. Я перевернул на сковородке колбаску и разбил поверх яйца. Глазунья заискрилась. В этот

момент в дверях показалась Лиля. По щекам ее бежали слезы. Я метнулся к ней.

– Что случилось?

– Сережа, – бормотала она сквозь всхлипывания. – Это дворец. Я не заслужила...

– Но, но! – Я погладил ее по плечикам. – Как это не заслужила? А кто печатал и правил мои рукописи? Когда в последний раз мы были в кино или театре, помнишь? Жили затворниками, пахали как проклятые. Нет, любимая! Мы заслужили каждый сантиметр этой бетонной клетки. Каждый шкафчик из ДСП, который по недоразумению зовут мебелью. Присядь, не то яичница сгорит.

Я поместил ее на диванчик, плюхнул на стол подставку и разместил сверху сковороду.

– Тарелок нет, будем есть прямо так. И пить из стаканов.

Я открыл бутылку и разлил вино.

– С новосельем, любимая!

Мы выпили и закусили. Ела она с аппетитом – тоже проголодалась. Вот и славно! А то слезы... С яичницей мы покончили быстро. Лиля глянула на меня и вдруг рассмеялась.

– Ты что?

– Вспомнила, как ты в первый раз пригласил меня в гости. Мы пили вино и ели яичницу. Года не прошло. Ох, Сережа, все как в сказке...

– Эта сказка обошлась нам дорого, – буркнул я. – Я потратил все наши деньги. В кошельке три рубля. Гонораров не ожидается, отчисления за пьесу придут не скоро. На что будем жить?

– Нашел из-за чего расстраиваться! – хмыкнула она. – Перехватить денег я смогу хоть сейчас, а там родители подвезут. Они обещали помочь с мебелью. У меня есть предложение. – Глаза ее озорно блеснули. – В общежитии после ужина мы опробовали твою кровать. Как насчет новой?..

* * *

Тесть с семейством приехали в следующие выходные. В подарок нам притащили перину и две подушки, набитые гусиным пухом. Они весили словно кирпичные – и как только дотянули? И главное, кто будет на этом спать? Мне ответили, что перина с подушками – это приданое Лили, его несколько лет готовили. Раньше везти было некуда, поэтому отдали сейчас.

Гости осмотрели квартиру, все потрогали, пощупали и понажимали.

После чего, довольные, уселись за стол. Уместились мы с трудом. Стол усталили деревенскими гостинцами, Лиля тоже кое-чего приготовила.

– Вось! – сказал Вацлав, подняв рюмку буряковой. – Давно казав, што дачка у нас золота.

– Прычым тут дачка? – возмутилась теща. – Кватэру зятю дали.

– А хто яго такога знайшов? – не согласился тесть. – Ён, можа, адзин таки на увесь Минск, а папав Лиле. Самага лепшага абрала. Разумная у нас дачка.

– Не в цябе! – сязвила теща.

– Не в мяне, – согласился Вацлав. – Але ж мая. Ци не?

Теща от возмущения сплюнула, Вацлав захохотал. Мы выпили и закусили. К концу застолья Вацлав захорошел и полез обниматься.

– Сярожа, сынок, – бормотал он, шмыгая носом от полноты чувств и плававшего внутри бурякового. – Цябе нам сам пан Езус паслав. Одна у мяне дачка. Баяуся, што абяре якога-небудзь п'яницу. А ты вось яки! Лиля у нас золота. Бераги яе и николи не пашкадуешь.

Я обещал. Пьяненького тестя отвели спать. Для этого бросили на пол в пустой комнате привезенную им же перину, сунули под голову подушку. Вацлав захрапел. Мы с тещей вернулись на кухню, где она протянула мне тысячу рублей.

– Верну! – пообещал я, пряча деньги. – К Новому году.

– Не надо! – замахала она руками.

– Надо! – возразил я. – У вас двое сыновей. Толик осенью в армию пойдет, вернется – потребуется одежду купить. Мне в свое время семьсот рублей еле хватило. Виталик подрастает, ему тоже одеться-обуться... За Лилю не беспокойтесь. Я заканчиваю новую повесть, будет гонорар. Пойдут отчисления и за пьесу. Ее несколько театров для постановки взяли. Деньги будут. Квартира у нас есть, мебель – тоже, а на жизнь много не требуется.

– Правильна батька казав: пасчастлила Лиле, – вздохнула теща. – Таки зять! Дзе тольки яна цябе знайшла?

– В общежитии, – просветил я.

Глава 12

В августе вышла моя книга. Я съездил в Москву, откуда привез авторские экземпляры и оставшуюся часть гонорара. «Лебедя» выпустили массовым тиражом – «Молодая гвардия» держала нос по ветру. В результате автору заплатили 200 процентов гонорара при ставке 300 рублей за лист. Невзрачная книжка в бумажном переплете принесла свыше шести тысяч рублей! За вычетом ранее выплаченного аванса и налогов в руки упало больше трех тысяч. Хо-хо!

Я вернул тестю долг, мы купили стиральную машину, обставили мебелью мой кабинет, повесили люстры, шторы. Гостиную украсил цветной телевизор «Рубин-714». Стоил он целое состояние – шестьсот рублей, но все равно продавался по очереди. Десять процентов сверху решили вопрос. Денег было не жалко – телевидение в СССР хорошее. Масса интересных, развивающих передач. «Клуб путешественников», «Очевидное – невероятное», «В мире животных», «Кинопанорама»... Это в моем времени телевизор превратится в зомбоящик, делающий из людей дебилов.

Несмотря на траты, денег осталось вагон. Счет в сберкассе пополняли отчисления от спектаклей. Премьеру в Ленкоме зрители встретили благожелательно, и, к моему изумлению, пьеса давала сборы. Спектакль повезли на гастроли. Почувствовав запах денег, оживились другие театры. Пьесу ставили, впрочем, немногие. Спектакль сложный. В Ленкоме на сцене танцевали настоящие балерины. Где взять их в областном городе? Марк Анатольевич рассчитал точно. Балерины в спектакле исполняли танец маленьких лебедей, главная героиня – фуэте. Хитовые номера из «Лебединого озера». Остроумно решил Захаров и проблему главной героини. Балерина выходила на сцену в черной полумаске. С одной стороны, это избавляло зрителя от когнитивного диссонанса: драматическую часть роли играла другая актриса. Одновременно это усиливало негативный образ «черного лебедя». Гений, что скажешь?

Мы с Лилей побывали на премьере. По окончании спектакля меня пригласили на сцену и представили публике. Я кланялся, зрители хлопали, но шквал оваций достался артистам. Я тоже аплодировал от души. Сделать из дерьма конфетку... Вот где настоящие таланты! Глаза Лили блестели, в течение спектакля она не выпускала моей руки. После премьеры нас пригласили на банкет. Здесь моя половинка и вовсе потеряла дар речи.

«Какие люди в Голливуде, сплошные звезды, а не люди...» Я едва привел ее в чувство. Объяснил, что эти «звезды» танцевали и страдали на сцене, потому что мы (я специально выделил это «мы») сочинили пьесу. Не было бы ее, кто бы аплодировал? Эта простенькая мысль поразила Лилю. Она даже отказалась от намерения взять автографы у «звезд». И правильно. Сдались нам их подписи! Солить их, что ли?

Я продолжал собирать плюшки. В прихожей нашей квартиры появился телефон – единственный в доме. АТС Юго-Запада еще строили, номера были жутким дефицитом. Но письмо за подписью Максима Танка на имя министра связи сыграло роль. Представляю, как матерились связисты, получив указание сверху! Звиняйте, хлопцы, но мне телефон нужен для дела, а не деревенские новости подругам рассказывать.

Сознательно или нет, но подлянку связисты бросили. Номер нам дали от бывшего домоуправления. Теперь нам звонили жильцы, требуя починить кран или проводку. Некоторые отказывались верить, что это квартира, и грозили жалобой. В ответ я предлагал посылать ее в трех экземплярах – туалетная бумага в стране в дефиците. Почему-то этот аргумент оказывался действенным – на другом конце провода бросали трубку. Но на смену одним больным приходили другие.

Звонок разбудил меня в восемь утра. Матерясь, я метнулся в прихожую. Такой сон обломали! Накануне я работал до трех ночи – «Экстрасенс» выходил на финишную прямую. Лили не было – ушла на работу, и аппарат трезвонил.

– Алло! – раздался в наушнике женский голос.

– Это не домоуправление! – рявкнул я. – Комитет государственной безопасности БССР. Мы определили номер вашего телефона. Диктуйте сообщение!

На другом конце провода послышалось растерянное дыхание.

– Я набирала номер писателя Сергея Девойно... Не туда попала?

– Туда, – вздохнул я. – Извините за глупую шутку, но реально достали. Мой номер некогда принадлежал домоуправлению.

На том конце провода рассмеялись.

– Вам «ха-ха», а мне спать не дают, – обиделся я. – Работал допоздна, только прилег.

– Это вы извините меня, – сказала женщина. – Не утерпела, позвонила рано. Хотелось быть первой. Меня зовут Ядвига Юферова, я собственный корреспондент газеты «Комсомольская правда» по Белоруссии. Хочу взять у вас интервью.

– В честь чего? – удивился я.

– Вашу книгу выдвинули на соискание премии Ленинского комсомола. Вчера пришло сообщение. Я нашла ваш номер через Союз писателей.

Оп-па! Теперь ясно, почему так спешили в издательстве. В ЦК ВЛКСМ «Лебедя» заметили, но давать премию за журнальную публикацию не кошерно. Нужна книга. Успели, но в последний вагон. Премии Ленинского комсомола присуждают в октябре. Обычно за публикации прошлого года, но «Лебедь» в «Юности» вышел в 1975-м. Хитропопые ребята, эти комсомольцы, вывернулись. И перед партией прогнутся, и правила не нарушат.

– Приятно слышать, – сказал я. – Разумеется, с удовольствием побеседую с корреспондентом любимой газеты. Где и когда?

– Если можно, у вас дома. Интересно посмотреть, где работает известный писатель. Я возьму фотокамера. Не возражаете?

– Да хоть телегруппу! – сказал я.

Она вновь засмеялась.

– Будем через час.

Я положил трубку и отправился приводить себя в порядок. Ядвига с фотографом прибыла точно в назначенное время. Через порог шагнула молодая, стройная и очень красивая женщина. Глаза умные. Пока гости ехали, я покопался в памяти. Юферову я знал. В той жизни она сделает блестящую карьеру. Из Минска переедет в Москву, станет заместителем, затем – первым заместителем главного редактора «Комсомолки». С развалом Союза не пропадет. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, академик Академии российской прессы, почетный гражданин родного города... В моем времени националисты будут ворчать: дескать, «империя» высасывала кадры из республик. А США? Они как? СССР, по крайней мере, тратил на образование и воспитание этих специалистов немалые средства. А сколько платили американцы? Халявщики... У националистов в отношении собственной страны черно-белое зрение. Цветным оно становится при виде звезд на флаге в красно-белую полосу...

Ядвига с ходу подтвердила первое впечатление.

– Вы знаете, что на вас обижены в Большом театре?

– У нас вообще страна обиженных, – парировал я. – Стоит написать или снять правдивый фильм о педагогах, обижаются учителя. Затронешь врачей, обидятся медики. В моем случае возмущены балеруны. Встречный вопрос: те из них, кто сбежал на Запад, подвергались преследованиям в СССР?

Ядвига подумала и покрутила головой.

– Вот! Что бы там они ни говорили «голосам»... У них было все: слава, деньги, квартиры, поклонники. Но им было мало, хотелось больше. В принципе, нормальное желание. Но на Западе, чтобы пробиться в звезды, нужно платить. За обучение, продюсирование и так далее. Сначала вкладываешь, потом получаешь. А сколько потратили на свое продвижение «бегуны» из СССР? Ноль. Здесь их нашли, помогли раскрыть талант, создали условия для творчества. В ответ получили плевков в лицо. Мерзость даже по западным меркам.

– А вы интересный человек, – сказала Ядвига.

– К другому вы бы не приехали.

– Пожалуй, – согласилась она. – Расскажите о себе? Как стали писателем, над чем работаете сейчас?

– Не вопрос, – кивнул я...

В беседе я быстро перетащил инициативу на себя. Мне ли не знать, что нужно журналистам? Услышав про медаль, Ядвига подобралась. А когда сказал, за что наградили, глаза ее загорелись. Такой факт! Как он заиграет на газетной полосе! Меня попросили показать медаль. Я принес – жалко, что ли? Фотограф попросил положить ее на ладонь и так снял. На полосе, отведенной под интервью, впоследствии опубликовали два снимка: самого автора и его медали на ладони. Получилось трогательно. Ну, так «Комсомолка». Замечательная газета! Разумеется, нынешняя, а не из моего времени – желтая в полоску.

После беседы Ядвига умчалась: в Москве ждали интервью. Даже от кофе отказалась. Интервью «Комсомольская правда» опубликовала на следующий день. Предупрежденная мной Лиля купила несколько номеров. Текст вышел блестящим. Отличный язык, умные вопросы и не менее умные ответы. Прозаик Девойно предстал перед читателем образованным, смелым, любящим Родину молодым человеком. Удивительно зрелым для своих лет. Это Ядвига уловила с ходу. Ну, так за красивые глаза в Москву не сманивают...

Публикация имела неожиданные последствия. Мне пришлось выступать в трудовых коллективах. Правила требовали обсуждения общественностью выдвинутых на премию соискателей. Формальность, наверху уже все решено, но куда денешься? К тому же за выступления платили. Советская власть заботилась, чтобы писатели не нуждались. Есть Литфонд, куда издательства отчисляют процент от выпущенных книг. Богатейшая организация! У нее можно попросить (и получить!) материальную помощь. Та может составить тысячу и более рублей. Размер помощи зависит от близости писателя к литературному генералитету, но

даже рядовому члену СП получить двести-триста рублей – запросто. А есть еще Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы с его отделениями в республиках. Оно организует встречи членов Союза с читателями. Писателям за это платят. Пять рублей за выступление – минимальная ставка. Маститым могут и червонец отвалить. Пять рублей в этом времени – дневной заработок молодого инженера. Желающих встретиться с писателями – море. СССР – самая читающая страна в мире. Есть школы и библиотеки, которым нужно отчитываться за проведенную работу. Писатели нарасхват, их всего-то триста человек на десятиmillionную БССР. Поэтому существует такое явление, как писательский чёс. Группа членов Союза – вместе веселее – выезжает в какой-нибудь райцентр. За счет Бюро, естественно. В районе их кормят, поят, возят по сельским клубам и библиотекам. Сказал пару слов – получи пять рублей! Не сказал – не важно, в путевке отметят. Окучили один район, переехали в следующий. За неделю легко можно заработать 150–200 рублей. В том времени я знал авторов, написавших одну-единственную книгу и живших за счет этих выступлений. Неплохо живших!

Вернувшись после очередной встречи с читателями домой, я увидел на коврике в прихожей незнакомые мужские туфли. Модные. Насторожившись, я шагнул в кухню. За столом пили чай Лиля и неизвестный мне мужчина лет пятидесяти. Увидев меня, он встал. Несколько мгновений мы рассматривали друг друга. У гостя было хорошо знакомое мне лицо. Так я буду выглядеть лет через тридцать. Догадку подтверждала «Комсомолка» с моим интервью, лежавшая на столе. Рядом стояла коробочка духов. Французские, похожие я дарил Лиле в день рождения. Я почувствовал, как к горлу подкатил комок.

– Здравствуй, сын! – вымолвил гость.

– Так! – сказал я. – Обулся, забрал духи – и вон отсюда!

– Сережа!.. – вмешалась Лиля.

– Не встревай! – рявкнул я.

Лиля всхлипнула и вылетела из кухни.

– Ну вот! – вздохнул гость. – Обидел девочку.

– Не твоя печаль. Вперед! Повторять не буду.

– С чего так?

– С чего?! – Я почувствовал, как меня затрясло. – Где ты был, такой красивый, когда мы с матерью считали копейки до зарплаты? Когда дети кричали мне: «Байстрюк!»? Когда, окончив школу с золотой медалью, я поступал на заочное отделение института, потому что мать не могла содержать студента? А?

– Я все объясню, – засуетился он.

– Нечего тут объяснять! Пока сын нуждался, был не нужен. Теперь, когда знаменит и богат, понадобился. Есть к кому присосаться и тянуть деньгу. Папашка...

– Ну, ты! – Он сжал кулаки.

– Драться полезешь? – хмыкнул я. – Не советую. Спецназ ГРУ. Отметелю и спущу по лестнице – пикнуть не успеешь!

– Ладно. – Он разжал кулаки. – Я уйду. Одна просьба. Посмотри сюда! Он достал из кармана серенькую книжицу, раскрыл и протянул мне.

– Что это?

– Моя сберкнижка. Взгляни на сумму!

Я сфокусировал взгляд. Восемнадцать тысяч шестьсот пятьдесят два рубля. Однако...

– Выгляни в окно! – продолжил гость, спрятав сберегательную книжку. – У подъезда белая «Волга». Это моя. В Речице у меня кирпичный дом со всеми удобствами. Я буровой мастер, работаю на Севере. В месяц зарабатываю до тысячи рублей. Не нужны мне твои деньги!

– Тогда что нужно?

– С ходу не объяснишь...

– А ты попробуй! – предложил я.

Мы сели. Он устроился напротив.

– Столько лет готовился к этому разговору... – Он потер ладонью лицо. – А слов не найду.

– А ты попытайся!

– С Леной мы познакомились в санатории, – начал он. – Она приехала по профсоюзной путевке, я свою просто купил. Деньги уже тогда были. Она мне глянулась, да и я ей. Завязалось... Обычный курортный роман, никто никому ничего не обещал. Да и старше она была на пару лет... – Он помолчал. – Срок путевок кончился, мы разъехались. Адресами, правда, обменялись. Через год я получил письмо: «Если интересно, у тебя есть сын. Назвала Сергеем, отчество Александрович...»

Он вздохнул.

– Мое у тебя отчество, Сергей, меня Александром Ивановичем зовут. Я сразу поверил, что ты мой. У Лены я первым был. Понимал, чего она от меня ждет. Но к тому времени я был женат. Жена красивая, но стерва стервой. Письмо прочла, закатила скандал... – Он завозил пальцем по столу. – Словом, не откликнулся. Спыхватился, когда развелись. Письмо Лене написал, но она не ответила. Поехал в Осиповичи. Она не стала со мной разговаривать. Просил разрешения помочь сыну, ответила, что не

нуждается. Вот!

Он достал из кармана и выложил на стол несколько ветхих бумажек. Я подтянул их к себе. Корешки переводов. На каждом пометка «Адресат от получения отказался». А суммы! Пятьсот, тысяча рублей... Как же не хватало нам этих денег в то время! Эх, мама! Но кто я, чтобы тебя судить?

– Сохранил? – спросил я, придвигая корешки обратно.

– Сохранил, – кивнул он. – Я вообще аккуратный. Знал, что этот разговор когда-либо состоится. Решил ждать, пока повзрослеешь. Но потом закрутился. Вновь женился, очередной развод. Жена оказалась сучкой. Мы вахтовым методом работаем: два месяца на Севере, два – дома. Так она, пока я бурил, с любовниками крутила. У вахтовиков это беда, редкая ждет. Два года судились. Имущество пыталась оттяпать. Я адвоката хорошего нанял, тот доказал, что ее только тряпки в шкафу. Судья на мою сторону встала. В Речице, чтоб ты знал, я человек уважаемый. На городской Доске почета моя фотография висит. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знаком Почета», медалями... Когда спохватился, тебе уже двадцать. Поехал в Осиповичи. А в вашей квартире другие люди живут. Они сказали, что Лена умерла, а ты уехал неизвестно куда. Вроде как на Север.

– Сволочи! – Я грохнул кулаком по столу. – Менты поганые!

– Почему менты? – удивился он.

– Потом расскажу. Дальше!

– Пытался искать, слал запросы. – Он выложил на стол бланки ответов из адресных столов. – Весь Север прошерстил. Нигде не было Сергея Александровича Самца, тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года рождения. Подумать не мог, что ты в Минске. А тут возвращаюсь в Речицу, ребята показывают газету. «Глянь, Иванович, может, он? Лицом – в тебя, и отчество совпадает. Фамилию мог сменить». Парни знали, что я сына разыскиваю. Посмотрел – точно! Вылитый я в молодости. Приехал в Минск, взял справку в адресном столе, нашел дом. Здесь Лиля подтвердила, что ты тот, кого я ищу... – Он вновь помолчал. – Хорошую девочку ты выбрал, не то что я. Вот так, Сережа! Самому пятьдесят, семьи нет, две жены были, а детей не завел. Как-то не случилось. С одной стороны, не нуждаюсь, все есть, но с другой – родни никакой. Я ведь так же, как ты, сирота...

Он умолк, а я некоторое время думал, барабанил пальцами по столу. В той жизни мне не довелось встретить отца. Я даже понятия не имел, что он меня ищет. Думал о нем плохо. И что делать?

– Есть где остановиться?

– Друг у меня в Минске, – кивнул он. – Сюда ехал – позвонил. Не знал, как все сложится. У него переночую.

– Тогда до завтра. Приезжай... – я задумался, – часам к шести. Лиля с работы вернется. Сядем, поговорим. Сейчас не время. Слишком много всего.

– Хорошо! – Он встал. – Буду.

Я проводил его до прихожей. Расставаясь, мы пожали друг другу руки. Я вернулся в кухню и подошел к окну. Александр Иванович вышел из подъезда, подошел к «Волге», открыл ключом дверь. Затем посмотрел вверх. Увидев меня, помахал рукой. Я ответил. Он кивнул и полез в машину. «Волга» тронулась с места и скрылась за углом.

Лилю я нашел в спальне. Она лежала, уткнувшись лицом в подушку. Я осторожно погладил ее по плечу. Она дернула им, сбрасывая мою руку.

– Я не могу без тебя жить!

Мне и в дожди без тебя – сушь,
Мне и в жару без тебя – стыть.
Мне без тебя и Москва – глушь.
Мне без тебя каждый час – с год:
Если бы время мельчить, дробя!
Мне даже синий небесный свод
Кажется каменным без тебя...

– Николай Асеев, – вздохнула она и села. – Мог бы и сам что-нибудь сочинить!

Не вопрос!

– Мой пшеничный колосок,
Солнышко игристое!
Я люблю твой голосок
И глаза лучистые!
Я прижму тебя к себе,
Нежностью укрою.
Благодарен я судьбе,
Что свела с тобою.

– Это вправду ты сочинил?

– Только что, – сказал я. Затем поднял ее с покрывала и усадил себе на колени.

– Так ты еще и поэт?

– Нет! – Я чмокнул ее в макушку. – Поэты – это Асеев, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский... У них – стихи, у меня – стишата.

– Печатают и гораздо худшие, – не согласилась Лиля. – Стихи можно опубликовать, получить гонорар. Ведь так?

Хозяйственная она у меня...

– Платят мало. Рубль за строчку.

– Тоже деньги. Восемь строчек – восемь рублей. Мне за них полтора дня работать.

А это мысль! В том времени я писал стихи – в юности. Их даже печатали, причем в Москве. Но парни в Литературном институте разъяснили мне, кто поэт. Я не стал возражать, но стихи писал – в стол. Как говорится, для себя. Что ж...

– Сделаем так! Я дам тебе подборку стихов. Ты переведешь их на белорусский. Затем отнесешь в журнал «Маладосць» под своим именем. Весь гонорар – твой.

– Это неправильно, – покрутила она головой. – Стихи не мои.

– После перевода станут твоими.

– Но...

– Мы их что, украли? И вообще. Как ты видишь свое будущее? Собираешься всю жизнь работать в прессовом корпусе?

– Нет! – покрутила она головой. – Окончу университет, устроюсь в редакцию или издательство.

– А тебя там ждут? В редакциях и издательствах работают блатные. Чьи-то жены, дочери или любовницы. Поэтому бери стихи и неси в журнал. Дам совет: говори по-белорусски. Там это любят. Если стихи напечатают, напишу еще. Отнесешь в издательство. Выйдут книгой – вступишь в Союз писателей.

– Я?

– Я уже вступил. Члену Союза устроиться на работу гораздо проще. Но нам это не нужно. Я хочу, чтобы ты помогала мне. Гонораров нам хватит на двоих – с избытком. Согласна?

– Сережа! – Она чмокнула меня в губы. – Ты у меня такой... Согласна, конечно. Хотя страшно.

– Волков бояться – в лес не ходить. Мы с тобой и не то преодолели.

– Ага! – засмеялась она. – Как вспомню хозяйку-пьяницу... Как требовала она еще денег и грозила нас выгнать. А ты ее вытолкал и велел

больше не появляться. Я боялась, что она вернется с милицией.

– Она ее боялась.

– Все ты знаешь! – Она потерлась носом о мою шею. – О чем вы с Александром Ивановичем договорились?

– Он придет завтра вечером. Там и решим.

– Мне он понравился.

– Еще бы! Подкупил тебя французскими духами. Хитрый!

– Ничего не подкупил! – обиделась Лиля. – Я поначалу брать не хотела. Но он все рассказал...

– Документы показывал?

Она мотнула головой.

– Я же говорю: хитрый. Хотя его можно понять.

– Пойми, Сережа! – попросила Лиля. – Пожалуйста!

Пойму, конечно. Прекрасно знаю, что нужно моему внезапно приобретенному папаше. Страшно на склоне лет остаться одному. В том времени я через это прошел. Пусть хоть Александру Ивановичу повезет. Человек он, судя по всему, неплохой, хотя и не ангел, конечно. Как, впрочем, и я...

Глава 13

Александр Иванович приехал на завтра с бутылкой коньяка и тортом. Мы посидели, поговорили. Без особой душевности, но по-дружески. Я рассказал о себе.

– Хватка у тебя моя! – заключил отец. – За год в знаменитости пробился. Горжусь! Всем расскажу, какой у меня сын. Вот что, ребята. Как смотрите, если я переберусь к вам поближе?

– Это как? – спросил я.

– Продам дом в Речице и куплю другой, в пригороде Минска.

– Почему не в самом городе?

– Сложно, – махнул он рукой. – Я узнавал. Напрописывали людей в этих домах, возись с ними потом. Да и участки крохотные. Я люблю простор.

– А дом в Речице купят?

– Еще и спасибо скажут, – усмехнулся он. – Таких, чтоб с удобствами, мало, а деньги у людей есть – нефтяники. У нас дома стоят дороже, чем в Минске. Еще и выиграю.

– Работе не помешает?

– Кончилась моя работа, – ответил он. – У меня северный стаж, с ним на пенсию выходят в пятьдесят. Получать буду сто семьдесят рублей – северная надбавка. Можно и не работать, но я что-нибудь найду. Не привык сидеть сложа руки. Рублей триста в месяц, думаю, будет.

Я только головой pokrutil. Триста рублей в месяц – большие деньги по нынешним временам. Мало кто получает больше. Академики, профессора, крупные партийные чиновники... Отдельные представители литературы и искусства тоже.

– Будем рады! – сказал я.

Отец заулыбался. Переночевав у нас, он уехал. А я, отправив «Экстрасенса» в Москву, сел за стихи. Покопавшись в памяти, выбрал с десяток. Лиля перевела их на белорусский. Получилось неплохо. Она отнесла подборку в «Маладосць». Вернулась радостной.

– Меня попросили почитать, – рассказывала за ужином. – Потом повели к главному редактору. Ему тоже читала. А они все: «Талант! Талант!» Прямо неловко...

Я пожал плечами. Ничего удивительного в том, что Лилю приняли восторженно, нет. В ней распознали свою. Во-первых, стихи я отобрал

соответствующие: о любви к Родине, деревне, природе. Во-вторых, биография у супруги типичная для молодого белорусского поэта. Детство в деревне, филфак университета, стихи... Со временем даже термин появится – «филологическая поэзия». Это о мальчиках и девочках, шагнувших в литературу со студенческой скамьи. Раннее признание сыграет в их жизни дурную роль. Поэту так же, как и прозаику, необходим жизненный опыт. А где он у вчерашних студентов? Вот и будут мучиться, понимая, что небольшой запас исчерпан. Кто-то ударится в формализм, кто-то запьет, кто-то покончит с собой. Литература – вещь жестокая.

– Это надо отпраздновать! – сказал я...

В конце октября я отправился в Москву получать премию. Дипломы, нагрудные знаки и конверты с деньгами нам вручал в здании ЦК ВЛКСМ первый секретарь Тяжельников. Перед этим лауреатов попросили расписаться в ведомости. Не жалко. Пусть премия и невелика – всего 2500 рублей, но для этого времени это деньги. Еще более ценен статус лауреата. С ним легче открывать двери в редакции и издательства. Это немедленно подтвердилось. На банкете в честь награжденных ко мне подошел немолодой мужчина с открытыми залысинами над высоким лбом.

– Позвольте вас поздравить! – сказал, чокнувшись с моим бокалом своим. – Я Сергей Наровчатов. Слыхали о таком?

– Конечно! – кивнул я. – Ваши книги «Необычное литературоведение» и «Атлантида рядом с тобой» читал взахлеб. Невероятно интересно!

– Приятно слышать, – улыбнулся он. – Не ожидал, что так популярен у молодежи. Хочу поговорить с вами, как главный редактор «Нового мира». Почему вы не отдали «Черного лебедя» нам?

– Постеснялся, – признался я. – Такой авторитетный журнал! А я кто?

– Мы печатаем и начинающих, – возразил он. – Разумеется, не всех. Но вашу повесть взяли бы. Ладно, это дело прошлое. Не укорять вас подошел. Есть что-нибудь новенькое?

– Закончил повесть, – сказал я. – Отдал в «Юность».

– Опять! – покачал головой он.

– Так это фантастика, – поспешил я. – Вы такое не печатаете.

– Почему? – удивился он. – Фантастика фантастике рознь. Гоголь тоже фантаст. Придумать, что нос покинет лицо чиновника и отправится гулять по Петербургу... – Он улыбнулся. – А «Вий», «Ночь на хуторе»? Фантастика. Ладно, отдали так отдали. Но следующую вещь – нам! Договорились?

– Да! – пообещал я.

Вечером я пересказал этот разговор Дине Аркадьевне.

– Хитрый он, Сергей Сергеевич! – заключила она. – И враль. Не взяли бы они «Лебеда», не их это вещь. А подошел к тебе потому, что прочел «Экстрасенса». Понял, что журнал с ним из рук будут рвать.

– Как прочел? – удивился я. – Повесть не опубликована.

– Копии по Москве ходят, – вздохнула она. – Кто-то из редакции тайно перепечатал – и пошла гулять. Теперь не остановить. Ох, Сережа, будут у тебя проблемы!

– В связи с чем?

– Впечатлил людей твой герой. Нам уже звонят и просят свести с автором. Думают, что ты о реальном человеке написал. Знаешь, сколько людей страдает от неизлечимых болезней? Они за призрачную надежду цепляются.

Я завис. На «Экстрасенса» у меня был расчет. Время чумаков с кашпировскими еще не пришло, и я собирался снять сливки с темы. Понимал, что люди могут заинтересоваться «Экстрасенсом», потому и перенес действие за границу. Ищи его там! Но автор-то здесь...

В конце 1980-х газета, в которой я работал, опубликовала статью о бабке-целительнице. Тема упала на благодатную почву – Чумак с Кашпировским уже гремели. Бабку пригласили в клинику – проверить ее невероятные способности. Десятки дипломированных врачей наблюдали, как старушка машет руками над больными. С таким же успехом это мог делать любой дворник, что испытания и подтвердили. Бабка не смутилась. Заявила, что во всем виноваты врачи – давали больным лекарства. А эта «химия» мешает воздействию биополя.

Процесс освещался в прессе. Как водится, поверили не врачам, а бабке. В стране случился дурдом. Бабка жила в деревне. Но там соседи весьма критически отнеслись к целительству односельчанки. Бабка перебралась в Минск, где жила у знакомых. Позже она купит в столице квартиру, но пока было так. Адреса ее обитания продавали за 50 рублей. Какое-то время бабка жила у моего друга – фотокорреспондента. На тот период выпал его день рождения. Мы с супругой отправились в гости. Саша жил на пятом этаже «сталинки». Широкая лестница, просторные площадки перед квартирами... Все это было заполнено людьми. Они стояли плечо к плечу. Мы объяснили, зачем и к кому идем. Нас пропустили. В квартире именинника было многолюдно. С Сашей мы корешались давно, я знал его родню и друзей, но половину гостей видел впервые. Не только я. Жена Саши растерянно тормозила его в кухне:

– Кто эти люди? Я их не знаю!

– Не важно! – отвечал Саша. – Они хорошие...

Мы сели за стол, накрытый в зале. Комната располагалась против входной двери. Когда припоздавший гость входил в квартиру, толпа на лестничной клетке видела пьющих и жующих гостей. Я долго не мог забыть их взгляды. Эти люди, так же как половина гостей Саши, ждали бабку. У кого-то болели дети, кто-то мучился сам. Но бабка в тот вечер не появилась – заночевала в другом месте...

– Может, сопроводить повесть предисловием? – спросил я Дину Аркадьевну. – Пусть врач напишет, что экстрасенс и его лечение – это авторский вымысел. Что нужно верить не в чудеса, а в советскую медицину.

– Хм! – проронила моя покровительница. – Это мысль. Но не предисловие, а послесловие. Попросим кого-либо из знаменитостей: Углова или Амосова. Не согласятся – кого-нибудь еще.

На том и порешили. На вокзал я отправился довольный. Зря. Возраст не всегда добавляет человеку мудрости. В справедливости этого суждения я убедился скоро...

* * *

Лиля понимала, что ей необыкновенно повезло. Дело было даже не в том, что она жила в просторной, богато обставленной квартире, не нуждалась в деньгах и одевалась с иголки, то есть шила наряды в ателье. Рядом с ней теперь был любимый человек. Умный, талантливый, чуткий. Он любил ее и защищал.

В детстве, когда ее обижали, Лиля бежала к отцу. Большой и могучий, он сажал свою любимицу на колени, гладил по головке и утешал. Лиле становилось спокойно и хорошо. Повзрослев, она стала стесняться выказывать чувства, но потребность в защитнике не исчезла. И вот теперь он у нее появился – сильный, мудрый, уверенный в себе. Он оградил ее от ломившихся в дверь съемной квартиры алкоголиков. Охранял от волнений и ненужных забот. Занимался домашней работой. Стирал их вещи в машине, убирался в квартире, готовил еду. Лиле это смущало. Она пробовала это сказать, но Сергей отмахнулся:

– Ты на работе, а я дома. Почему б не сделать?

– Тебе нужно писать! – возразила Лиля.

– Так я и пишу, – улыбнулся он. – Когда руки заняты, голова хорошо варит. Домашний труд монотонный, думать не надо. Я работаю, а сам сочиняю. Хорошо ведь получается?

Возразить было нечего. Однако Лиля никому не говорила, что муж помогает ей по дому, – даже родным. Засмеют. Летом они поехали отдыхать к ней в деревню. Загорали, купались, ловили рыбу. Вернее, ловил Сергей. Он вырезал прут орешника, привязал к нему леску, крючок и поплавоч. Затем натаскал из воды песка, разгреб и выбрал из него розовых червячков. Насаживая их на крючок, заходил по пояс в реку и ногами баламутил речное дно. В эту муть и забрасывал снасть. Поплавоч почти сразу нырял. Сергей подсекал и вытаскивал пескаря. За час он наловил их большой кукан.

– Зачем столько? – удивилась Лиля.

– Увидишь! – подмигнул он.

Дома он почистил и выпотрошил рыбу. Мелочь отдал кошке. Та встретила их еще на улице и орала дурным голосом, пока ей не выделили долю. Нажравшись, кошка разлеглась на солнце и заурчала, как трактор «Беларусь». А Сергей попросил у Лили большую сковороду, нагрел ее на газу, плеснул подсолнечного масла и выложил обваленных в муке пескарей. Когда те подрумянились, перевернул и залил сметаной. К тому времени вернулись с работы родители и братья. Семья села за стол. Сергей гордо водрузил на него сковороду с рыбой.

– Угощайтесь!

Родители переглянулись. Пескарей в деревне не ели. Их ловили мальчишки – котам. Отец первым нацепил на вилку коричневую тушку и отправил в рот. Прожевав, одобрительно гмыкнул и подхватил другую. Его примеру последовали остальные, в том числе Лиля. Прожаренные до коричневой корочки, сдобренные мукой и сметаной, пескари оказались чудо как хороши. Они хрустели на зубах и растекались во рту мягким вкусом. Сковорода опустела вмиг.

– Где навучився? – спросил отец.

– От матери, – ответил Сергей. – Летом сбегая на речку, наловлю пескарей, мать зажарит – вот и ужин. Мы тогда бедно жили.

Отец поперхнулся, глянул на мать, та шмыгнула в комнату и принесла бутылку.

– Адразу бы так, – проворчал отец. – Гость у хате...

Но Лиля поняла, что ему неловко. Затронул то, что нельзя. Вечером она с родителями сумерничала в доме. Сергей с братьями вышел во двор – учить их приемам.

– Трымайся гэтага хлопца, – сказала мать. – А то звядуць.

– Пусть только попробуют! – вспыхнула Лиля. – Ноги переломаю!

– Мая дачка! – захохотал Вацлав. – Але маці слухай. Дзетак вам треба

завесци. Ад дзетак не пойдзе.

– Ходзяць! – не согласилась мать.

– Гэты – не! – покрутил головой отец. – Ня той чалавек. Я гэта зразу зразумев.

– Ну вас! – сказала Лиля. – Нашли о чем говорить! Ни к кому Сергей не уйдет. Он меня любит...

Однако разговор она запомнила. Лилия осознавала, что счастье мало найти, его нужно удержать. Поэтому делала все, чтобы быть полезной. Правила тексты, перепечатывала их, набивала на машинке под диктовку. Как бы ни уставала на работе, но садилась и работала. Он это видел и ценил. Кончив диктовать, снимал ее, умученную, со стула, сажал себе на колени и гладил по спинке. Лиле становилось необыкновенно хорошо – как тогда, с отцом. Она ощущала исходившую от него нежность. Это было даже приятней, чем в постели. Нет, там было хорошо, да что говорить, просто замечательно. Но нежность – лучше.

По возвращении из Москвы Сергей закатил банкет. Стол накрыли в кафе Дома литераторов. Шампанское, коньяк, икра, красная рыба... Горячих блюд подали три перемены. Гостей пришло много. Часть из них Лилия знала – заочно, конечно. Творчество этих людей изучали в университете. И вот сейчас эти живые классики говорили теплые слова ее мужу, пожимали ему руку, поднимали бокалы за его успех. Сергей благодарил, а потом вдруг попросил Лилию прочитать свои стихи.

– Ты что?! – испугалась Лилия.

– Давай! – подмигнул он.

– Не саромтесь! – поддержал его Максим Танк.

Лилия справилась с волнением, встала и прочла.

– Добрые вершы! – похвалил Максим Танк. – Вось яны якие, Дэвойно! Муж талант, и жонку сабе такую жа абрав. Друкавалась дзесь?

– Аднесла ў «Маладось», – призналась Лилия.

– Надрукуюць! – кивнул поэт. – А там, глядзи, и сборник выйдзе.

– Амаль гатовы! – сообщил Сергей. Он, как все присутствующие, говорил на «мове».

– Нясице яго на секцію, – сказал Максим Танк. – Абсудзяць и дадуць рэкамендацию для выдавецтва.

– Дзякуй! – поблагодарила Лилия.

Гости разошлись только к закрытию кафе. Выглядели они довольными – угостили их знатно. Официант принес счет. Глянув на цифру, Лилия почувствовала себя плохо. Почти тысяча рублей! Но Сергей молча достал кошелек и расплатился.

– Не жалеи! – успокоил ее позже. – Деньги мы заработаем. А эти на дело пошли. Тебя сам Танк одобрил и благословил. Его слышали и намотали на ус. Так что будет тебе и книга, и членство в Союзе.

– Так это ты для меня сделал? – догадалась Лиля.

– Не только, – сказал он. – Премия Ленинского комсомола – хороший повод. Следовало отблагодарить людей. За то, что в Союз приняли и с квартирой помогли. Да и в будущем хорошие отношения не помешают. Нас запомнят. Здесь не принято отмечать премии с такой помпой. Я имею в виду за свой счет. – Он рассмеялся. – Белорусы – народ прижимистый, копейку ценят, поскольку она им тяжело дается. Ладно, любимая. Предлагаю взять отпуск от писательства. Будем лениться целый месяц. Согласна?

– Да! – сказала Лиля.

Этот месяц она запомнила как сплошной праздник. Они ходили в кино, театры, посещали выставки и музеи. Побывали и на балете. В Большом шел премьерный показ «Сотворения мира» Андрея Петрова. В кассах билетов не было, но Сергей достал их через Союз писателей.

Прежде Лиля не бывала в оперном. Поэтому с любопытством рассматривала мраморные лестницы, колонны, лепные потолки. Сергей сразу потащил ее в буфет.

– Здесь вкусно кормят! – объяснил ей. – Нам лучше перекусить сейчас. В антракте не пробьемся – очереди.

Они съели по удивительно вкусному мороженому, запили его кофе-гляссе и пошли в зал. Места им достались хорошие, в партере. Сергей купил у служительницы программку, пробежал глазами список исполнителей.

– Хороший состав! – заключил довольно. – Будет интересно.

Прозвенел третий звонок, в зале мягко погас свет. Дирижер в оркестровой яме занял место у пюпитра, взмахнул палочкой. Полилась музыка. Половинки тяжелого занавеса поползли в стороны.

Спектакль захватил Лилу. Балет она смотрела впервые и опасалась, что ничего не поймет. Оказалось, ничего сложного, все ясно и наглядно. Она перестала тревожиться и наслаждалась танцем.

В антракт они вышли в фойе. Неожиданно к ним подошел молодой и чуть полноватый мужчина.

– Сергей Александрович? – обратился он к мужу. Тот кивнул. – Я Валентин Елизарьев. Рад видеть вас на спектакле.

– А я – с вами познакомиться! – заулыбался Сергей. – Не ожидал, что меня здесь знают.

– Вы достаточно известны в определенных кругах, – засмеялся

Елизарьев. – Я имею в виду балетных. Но, если честно, мне требовались места из квоты Союза писателей. Их не всегда выбирают, а у меня просили билеты. Позвонил в Союз, ответили: Девойно купил. Я понял, что это вы. Читал вашу повесть. А в журнале – фотография. По ней и узнал.

– Будете меня ругать? – сощурился Сергей.

– Почему? – удивился Елизарьев. – Вы все правильно написали. Таких, как ваша Алла, в балете хватает. Мне повесть понравилась. Наши писатели балет как-то не жалуют, а тут еще читать интересно. Я и книгу вашу купил. Не откажетесь дать автограф?

– С удовольствием! – сказал Сергей.

– Тогда встречаемся после спектакля. У меня к вам разговор.

– Кто это? – спросила Лиля, когда Елизарьев ушел.

– Балетмейстер. Он поставил спектакль, который смотрим.

– Такой молодой? – удивилась Лиля.

– Он гений. Легенда белорусского балета.

Лиля только головой покачала: надо же. И такие люди ищут знакомства с ее мужем! Он у нее тоже талант, хотя не любит, когда это говорят.

Елизарьев, как договаривались, встретил их после спектакля и отвел к себе в кабинет. Там выставил на стол коньяк, тарелку с бутербродами, рюмки. Разлил по ним коричневую жидкость, они чокнулись и выпили.

– Есть предложение, – сказал Елизарьев, – поставить «Черного лебедя» у нас. Что скажете?

– Умоляю! – Сергей прижал руки к груди. – У Захарова в Ленкоме на сцене балерины танцуют. А у вас? Главный герой будет изображать страсть с гаечным ключом в руках?

Елизарьев захохотал.

– Признаюсь, того же мнения, – сказал, отсмеявшись. – Но мне предложили, поэтому и спросил. Как бы ни нравилась мне ваша повесть, но ставить ее... Вводить в ткань спектакля сцены из «Лебединого озера»? Глупость! Спасибо, что поддержали. Я могу сослаться на ваши слова?

Сергей кивнул.

– Замечательно! – Елизарьев вынул из ящика стола книгу. – Пожалуйста.

Сергей вытащил из кармана ручку, раскрыл книгу и стал писать. Лиля скосила взгляд. «Гордости и славе белорусского балета Валентину Елизарьеву от его преданного поклонника, автора этой книги, на добрую память». Сергей поставил дату и расписался.

– Польстили! – заметил Елизарьев, прочтя надпись. – Прямо уж

«гордость». Да еще и «слава».

– Это правда, – ответил Сергей. – Поверьте писательской интуиции.

– Кстати, – сказал Елизарьев, отложив книгу. – Вы хорошо разбираетесь в балете – до мельчайших деталей. У нас даже думали, что писал свой. Откуда знаете?

– У меня есть знакомые в труппе, – сказал Сергей. – Но кто они, не скажу.

– А я и не спрашиваю! – заверил Елизарьев. – Расскажу историю. Номер «Юности» с «Лебедем» в театре зачитали до дыр. Некоторые обиделись на автора, подняли шум. Секретарь парткома предложил написать жалобу в ЦК. Я был против, но меня не слушали. Жалобу сочинили, стали собирать подписи. В разгар этого действа на съезде КПСС выступает Брежнев...

Елизарьев сделал паузу.

– И что? – поторопил его Сергей.

– Жалобу секретарь жег в туалете, пепел спускал в унитаз.

Теперь захохотал Сергей. Елизарьев поддержал.

– К слову, – балетмейстер сделал загадочное лицо, – некоторые молодые балерины выражали желание свести с автором «Лебеда» близкое знакомство. Дескать, замечательно понимает душу актрисы.

– Не говорите этого при моей жене! – закрутил головой Сергей. – Не то ваши балерины получают травмы, несовместимые с танцем.

Засмеялись все, в том числе Лиля.

– Приятно было познакомиться! – Елизарьев пожал им руки. – Заходите. Если будут трудности с билетами, вот! – Он протянул листок с записанным номером телефона.

Сергей поблагодарил, и они откланялись. К себе доехали на такси – попало свободное.

– Почему ты не захотел ставить «Лебеда»? – спросила Лиля в квартире.

– Ничего бы не вышло. Балет – это зрелище. Поэтому самые востребованные спектакли – сказки и легенды. Балет невозможен без музыки. А кто станет ее писать к идеологической чепухе?

– У тебя хорошая повесть, – не согласилась Лиля.

– Но для балета не годится. Поэтому Елизарьев склонял меня отказаться. Видимо, ему позвонили сверху и надавили. Я уважаю этого человека, поэтому не хочу создавать ему трудностей. Нам с тобой грех жаловаться: «Лебедь» дал нам столько, что хватит его щипать. Пусть улетает.

– Он мне нравится, – сказала Лиля.

– А «Экстрасенс»?

– Это совсем другое. Я его недавно перечитала. И вновь мурашки по коже. Ты вправду не умеешь лечить?

Он развел руками.

– Иногда мне кажется, что ты знаешь все. Но почему-то скрываешь.

– Во mnogой мудрости много печали, – вздохнул он. – Не всегда знание несет радость.

– Ты не уйдешь от меня к какой-нибудь балерине?

– С чего вдруг? – удивился он.

– Балетмейстер сказал: они тобой интересуются.

– Мало ли!

– После публикации «Экстрасенса» о тебе заговорит страна. Дина Аркадьевна это предсказала, да и я чувствую. Многие красивые женщины захотят быть с тобой. Те же актрисы. Кто я против них?

– А вот это зря! – сказал Сергей. – Ты говорила о моем знании. Его преимущество состоит в том, что не будешь менять золото на блестящие побрякушки. Это мне нужно бояться. Вот станешь поэтессой и членом Союза писателей и бросишь меня. Найдется кто-нибудь более успешный и богатый.

– Что я, дура? – обиделась Лиля. – А если найдется, ты нанесешь ему травмы, несовместимые...

– С творчеством? – предположил он. Они засмеялись. Сергей обнял ее.

– Удивительно, – сказал, чмокнув ее в носик. – Чем больше мы вместе, тем крепче тебя люблю. Странно, да?

– Ничего странного, – ответила Лиля, вернув поцелуй. – Так и должно быть.

Глава 14

Слова у моего нежданного отца не расходились с делом, и к декабрю он перебрался в Минск. Найдя покупателя на дом в Речице и решив вопрос с пенсией, он приехал к нам и занялся поисками нового жилья. Действовал просто. На «Волге» объезжал пригороды и интересовался в сельсоветах: продает ли кто дом? А как иначе? Риелторов в СССР нет, Интернета – тоже, а объявления о продаже в газетах пока не печатают, только некрологи.

Если дом на продажу находился, отец ехал его смотреть и разговаривать с хозяевами. Через неделю он собрал семейный совет.

– Присмотрел два дома, – сообщил нам с Лилей. – Один – в Ратомке, другой – в Тарасове. В Ратомке – дом кирпичный, с гаражом, но участок восемь соток. В Тарасове – деревянный, гаража нет, зато земли вдвое больше – пятнадцать соток. И просят за дом гораздо меньше. Какой брать?

– В Тарасове, – сказал я.

– Почему? – полюбопытствовал отец.

На мгновение я завис. Что ему ответить? Что в моем времени Тарасово станет вроде белорусской Рублевки? За участок в пятнадцать соток там будут давать столько, что хватит на две приличных квартиры в Минске.

– Ближе, – сказал я. – Деревня сразу за кольцевой. Работу ты будешь искать в городе, поэтому ездить проще. А гараж построить – не велик труд. Если нужно, помогу.

– Сам справлюсь! – махнул рукой отец. – Мне тоже Тарасово нравится. Сады, тихо. А вот через Ратомку железная дорога идет.

«Расширят кольцевую, тихо не будет, – подумал я. – Но этого ждать еще двадцать пять лет». Мы съездили в Тарасово, осмотрели дом. Тот был старым, но крепким. Продавец, мужчина лет сорока (дом он получил по наследству), в доказательство оторвал половицу. Снизу та отдавала желтизной.

– Смотрите! – нахваливал продавец. – Внизу черновой пол, проложен мох. Зимой тепло. Сам дом еще сто лет простоит. Сосну на него рубили, а не пилили, смолу не вытягивали, как сейчас. Поэтому дерево не гниет. Печь кафелем обложена, трубу в прошлом году чистили. Дров полон сарай. Заселяйся – и живи!

– Берем! – согласился отец.

В тот же день он уехал в Речицу и вернулся через два дня. Следом за его «Волгой» катил «ГАЗ-53» с мебелью и вещами. Я присоединился к

каравану, мы отправились в Тарасово, где перетаскали все в дом. Водитель, получив плату, уехал. Мы расставили мебель, приготовили ужин и сели за стол.

– С новосельем! – сказал отец, поднимая рюмку, и вдруг вздохнул.

– Ты чего? – удивился я.

– Теперь я пенсионер. Не заметил, как жизнь прошла.

– У тебя она только начинается! – возразил я, вспомнив сентенцию почтальона Печкина из еще не снятого здесь мультика. – Что ты видел в прошлом, кроме своих Северов? Приезжал с вахты, отдыхал – и обратно. Ну, на курорты в отпуск выбирался. Зато теперь вольная птица. Можешь работать, можешь не работать. Не понравилась работа – ушел, выбрал другую. Безработицы в СССР нет, люди везде требуются. Нет необходимости кланяться начальнику. Можешь послать его лесом, и тот только утрется. Что он в состоянии тебе сделать? А станет скучно – найдешь хозяйку. Ты у нас завидный жених. Не старый еще, работающий, при доме и машине, да и деньги водятся. Женщины в очередь встанут!

– Иногда мне кажется, что отец у нас – ты! – хмыкнул Александр Иванович. – Хотя сказал правильно. Это я немного расклеился. Тридцать лет прожил в Речице. Друзья-приятели, знакомые... На улице со мной здоровались. Зато теперь у меня есть семья. А вот насчет баб ты зря. Не нужны они мне, наелся!

«Заракалася свиння гавно ня есци!» – говорила в таких случаях моя теща из того времени. Теща у меня была хорошей, это жена – говно. И я его ел...

* * *

Новый год мы праздновали без Коли – женился. Произошло это неожиданно для всех. В один не прекрасный для женского корпуса день Коля собрал вещи и съехал из общежития. На свадьбу он нас позвал. Там я и увидел его невесту. Красотой она не блистала, но нам с Лилей понравилась. По глазам было видно, что умница. Зоя заканчивала консерваторию по классу скрипки и уже имела приглашение на работу в академический оркестр. За ее будущее можно было не волноваться: скрипачи – элита у музыкантов, не пропадет. Колю Зоя заприметила на соревнованиях, куда ее пригласили подруги. Она пришла и разглядела высокого красавца футболиста. Подруги их познакомили, а через месяц пара подала заявление в ЗАГС.

Чем Зоя прельстила друга, я не знал, но Коля смотрел на нее с обожанием. А невеста прямо лучилась. Еще бы! Такого парня срубила! Мечту женского общежития, можно сказать. Молодец, что тут скажешь?

В том времени Коля женился позже и на другой девушке. Это заставило меня задуматься. В этом мире происходили перемены, и не только со мной. Я стал писателем, нашел себе замечательную жену, наконец, у меня отыскался отец. По моему разумению, это никак не меняло главное направление событий. Выходит, я ошибался? Эффект бабочки? Неужели все в этом мире взаимосвязано и даже крохотная песчинка может повлиять на историю? Но если так, то куда она пойдет? Не найдя ответа на этот вопрос, я махнул рукой и решил жить, как сложится.

Новый год мы встречали вчетвером: я с Лилей, отец и Маша. У подружки жены родители жили на Украине. К ним она ездила в отпуск. Так что встречать праздник в знакомой компании Маша согласилась с удовольствием. Ну и мы не ударили в грязь лицом. Стол ломился от еды. Его накрыли в зале перед телевизором. Цветным, замечу. В этом времени они пока редкость. Мы посмотрели «Иронию судьбы, или С легким паром!». Фильм вышел к прошлому Новому году, но в этом его повторили – «по просьбам трудящихся». В моем времени повторять будут каждый год и по всем каналам. А что делать, если лучшего не сняли?

Больше всех фильм порадовал Машу. Она, видимо, примерила историю Нади к себе, поэтому оживилась и стала вести себя раскованно. Шутила, строила глазки отцу. Тот, к моему удивлению, откликнулся. Принялся ухаживать за гостьей: наполнять ей бокал, подкладывать в тарелку куски. А потом и вовсе разухарился. Вспомнил работу на Северах, различные забавные случаи. Рассказчиком он оказался великолепным. Даже Лиля слушала, открыв рот. Про Машу, к которой обращалось красноречие Александра Ивановича, и говорить нечего. Та просто цвела.

«Старый валацуга!^[22] – мысленно выругался я. – Зачем дурить девушке голову? Распустил перья!»

К счастью, начался «Голубой огонек», и все усталились в телевизор. Затем на экране возник Брежнев. Шлепая губами, он прочитал поздравление советскому народу. Брежнева сменили куранты. Под их бой мы чокнулись шампанским и выпили за новый, 1977, год. Лиля чмокнула меня в губы, Маша лихо поцеловалась с отцом. Я мысленно сплюнул и дал себе обещание поговорить с папашей. Нашелся донжуан с Севера...

К концу «Голубого огонька» все наелись и напились. Дальше смотреть было неинтересно. Передачи «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» еще нет, а слушать хор и Зыкину – чур меня, чур! Певица она, конечно,

хорошая, но не в новогоднюю ночь. Мы с Лилей решили погулять, отец с Машей отказались.

– Что-то я переел, – пожаловался предок. – Нет желания. Вы с Лилей идите. Я приберу со стола и поставлю все в холодильник.

– А я помогу! – вызвалась Маша.

Возражать я не стал. Хотят остаться вдвоем – их дело. Не дети...

– Захочешь спать, постель в диване! – сказала Лиля подруге. – Александр Иванович ляжет в кабинете Сергея. Договорились?

Оба кивнули, и мы пошли. Гуляли часа два. На улице было весело. Играли баяны, народ плясал, прохожим наливали и давали закусить. Деревня, переселившаяся в Минск, не забыла старых привычек. Мы с Лилей поплясали, выпили и даже расцеловались с совершенно незнакомыми нам тетками в цветастых платках. А что? Праздник. Домой вернулись замерзшие, но довольные.

Света в квартире не было: гости легли спать. Мы скользнули в кухню, согрелись коньяком и последовали их примеру. Устали. В спальне рухнули на кровать и провалились.

Встал я рано – на часах не было десяти. Однако спать больше не хотелось. Лиля посапывала, я выбрался из ее объятий и отправился в ванную. Через десять минут, умытый и посвежевший, варил кофе. Здесь он не дефицит. Есть молотый и в зернах. Это за растворимым выстраиваются очереди. Было бы за чем! Индийский порошок...

Когда кофе поспел, хлопнула дверь в ванную. Кто-то еще встал. Я выглянул в прихожую. Дверь в зал была распахнута. Маша? Я заглянул в комнату. Из-под одеяла на диване торчали ступни – женские. Рядом с укутанной с головой Машей красовалось смятое одеяло и подушка с вмятиной. Твою мать! Ну, папа!..

Дверь в ванную отворилась, в прихожую вышел отец. Поймав мой взгляд, он застыл. Я кивком пригласил его в кухню. Отец послушно двинулся следом. Я прикрыл за нами дверь.

– Кофе угостишь? – спросил отец. В голосе его не чувствовалось раскаяния. Вот жук!

Я плеснул ему в чашку и поставил на стол. Налил себе и устроился напротив. Он отхлебнул и поставил чашку.

– Горячий! Пусть остынет.

– Это ты у нас горячий! – не выдержал я. – Валацуга!

– Но-но! – погрозил пальцем. – Я тебе все-таки отец.

– Да ты...

– Не кипятись! – усмехнулся он. – Знаю, что думаешь. Только зря. У

нас с Машей серьезно. Я сделал ей предложение, и она его приняла. Кончатся выходные, пойдем в ЗАГС.

Я едва удержал чашку в руках. Подумав, поставил ее на стол.

– Тебе сколько лет?

– Пятьдесят, – сообщил он.

– А ей?

– На девятнадцать меньше.

– И?..

– Как думаешь, – спросил он, – Маше светит выйти замуж?

Я завис. Отец прав. В этом времени взгляды другие. Девушки идут замуж в двадцать два – двадцать четыре года. Это те, которые с высшим образованием. Прочие и раньше выскакивают. В двадцать пять лет невеста уже «старая». В тридцать даже не последний вагон – перрон отошедшего поезда.

– Ну... – выдавил я, – получит квартиру...

– В этом случае не выйдет вовсе, – хмыкнул отец. – Будет думать, что мужчине интересно ее жилье. Знаю я таких. А теперь слушай. У меня есть дом, деньги и машина. Я получаю хорошую пенсию и могу работать. Семью содержать не проблема. Это раз. А теперь два. Маша стоит в очереди на однокомнатную кооперативную квартиру. Ждать ей еще пару лет – однокомнатных строят мало. После того как поженимся, получит сразу – и двухкомнатную. Я оплачу взнос, куплю обстановку. Если вдруг разведемся, все останется ей. Делить имущество я не собираюсь.

– Тебе с этого какая радость?

– Хочу семью! – вздохнул он. – Насмотрелся на вас с Лилей. Хочу, чтобы у меня был дом. Чтобы меня там ждали и любили. Жена, а если получится, то и дети. Не возражаешь против братика или сестрички?

– Да нет. – Я поскреб в затылке.

– Вот! Мы с Машей решили не предохраняться. Ей нужно рожать – и как можно скорее. Время уходит. А я буду присматривать за ребенком, когда она выйдет из декретного.

– Когда вы успели? – поразился я. – Все обсудить, договориться да еще детей сделать? Всего на пару часов оставили.

– Уметь надо! – усмехнулся отец. – Все просто, сын. У нас с Машей сошлись интересы. Сразу. Ей нужен муж, мне – жена. Друг друга мы устраиваем. А женой она будет хорошей, поверь. Я в этом понимаю.

– Ага! – хмыкнул я.

– Ты на моих бывших не кивай! – сморщился отец. – Тех я по красоте выбирал. Дураком был, вот и нарвался. А на Машу мужчины не

заглядывались. Я у нее, если хочешь знать, первый. Так что за мужа она будет держаться обеими руками. Так же как я за нее. Для меня она юная девочка, последний шанс. Только ты ей этого не говори! – Он погрозил пальцем. – Не то начнет нос задирать. Пусть думает, что и я для нее последний.

– Сами разберетесь! – сказал я. – Может, коньяку? В кофе?

– Давай! – кивнул он. – За руль сегодня не сяду.

Коньяк из чашек плавно перетек в рюмки. Из холодильника на стол переместились закуски. Когда Лиля с Машей – обе в халатиках – заглянули в кухню, нам было уже хорошо. И душевно.

– Пьяницы! – Лилия ткнула в нас пальчиком. – Не успели встать – и за рюмки.

– Кто рано встает, тому Бог подает, – улыбнулся отец.

– Какой бог?! – возмутилась Лилия. – Не могли подождать нас?

– Но-но! – возмутился я. – Мы не просто так пьем. У нас важный повод. Отец, объяви!

– Ну... – Он прокашлялся. – В общем так, Лилия. Мы с Марией решили пожениться.

– Правда?! – Лилия глянула на Машу.

Та кивнула и залилась краской.

– Здорово! – Лилия захлопала в ладоши. А Маша вдруг всхлипнула.

– Ты чего? – удивилась жена.

– Все так неожиданно. Вчера у меня не было даже ухажера. А сегодня – жених.

– Так и у меня, – пожала плечами Лилия. – Пришла к нему, – она ткнула в меня пальцем, – знакомой, а вышла невестой. Это у них семейное. Как только увидят, сразу хватают.

– А чего долго думать? – прокомментировал я. – Промедлишь – убежит.

– А еще он колдун! – кивнула на меня Маша. – Сказал, что к Новому году найду свое счастье. Так и вышло. Или он у тебя пророк?

– Экстрасенс! – заявила жена. – Скоро прочтешь. Ладно, хватит плакать! Мы с тобой теперь родственники. Я для тебя сноха.

– А я тебе? – заинтересовалась Маша.

– Свекровь, – просветил я. – Мне – мачеха. Будешь хорошо себя вести, мамой назову.

– Еще чего?! – обиделась Маша. – Нашел старуху! Мамой я и без тебя стану. Мне Александр Иванович обещал.

Догадавшись, что сморозила глупость, она прикрыла ладонью рот. И

покраснела.

– Ага! – злорадно проронил я.

– Иди ко мне, солнышко! – вмешался отец. – Сын совсем оборзел. Никакого уважения к старшим. Мы его накажем – лишим конфет.

Маша скользнула к нему и зарылась лицом в грудь. Отец стал гладить ее по спинке, бормоча что-то ласковое. Я смотрел на это, раскрыв глаза. Пока не получил удар локтем в бок.

– Чего уставился? – прошептала Лиля. – Доставай шампанское из холодильника! Такая новость!

И я достал...

* * *

В феврале «Юность» напечатала «Экстрасенса». И наступил ад. Даже не так – АД. В редакции прислушались к моему совету и снабдили повесть послесловием. Но ни Углов, ни Амосов на это не подписались. «Юность» обратилась к какому-то онкологу, доктору наук, и тот выдал. Какая в СССР замечательная медицина, каких великих успехов достигла советская онкология. Кого он хотел убедить? Больных в термальной стадии рака, выписанных домой умирать? Онкология в этом мире ходит в ползунках. Главной ее проблемой является даже не отсутствие нужных лекарств. Нет скрининга, эффективных методов выявления заболевания на ранней стадии, когда даже простая операция спасает жизнь.

Первый сигнал тревоги пришел от Дины Аркадьевны.

– Нас завалили письмами, – сообщила она по телефону. – Их носят мешками. Люди требуют пригласить твоего экстрасенса в СССР или позволить им выехать за границу для лечения. Многие выражают желание встретиться с автором повести. Пишут, что умирают, и единственная надежда – мы. Читать это невозможно. Что делать?

– Не знаю, – признался я.

– Письма заберешь?

– Нет, – сказал я. – Стану читать, сойду с ума. Помочь этим людям не в моей власти.

– И не в нашей, – вздохнула Дина Аркадьевна. – Ладно, Сережа, держись!

Пожелание было высказано своевременно. Письма стали приходить и ко мне. С простым адресом: «г. Минск, писателю Сергею Девоино». И они доходили! Почтальонша приносила их и звонила в дверь – в почтовый

ящик конверты не вмещались. Лиля попыталась письма читать, но я запретил. Писатель Иван Шамякин в моем времени написал роман «Возьму твою боль». Боль одного человека на себя взять можно. Но тысяч людей... Крыша съедет.

Вслед письмам пошли звонки. Дозвониться до человека из другого города, не зная его номера, в СССР нетрудно. Заказываешь соединение по справке, называешь фамилию, имя и отчество абонента и ждешь. Желателен адрес, но если фамилия редкая, проблем не будет. Девойно оказалась именно такой. Более того, как выяснилось, в миллионном Минске имелся единственный абонент с этой фамилией. Естественно, я. Объяснять каждому позвонившему, что я не могу ему помочь, было не вмоготу. Подумав, я отключил телефон, предупредив об этом родственников и знакомых.

Не получив ответов и не дозвонившись, люди стали приезжать. В адресном столе на Привокзальной площади узнавали, где проживает искомый писатель, и ехали по указанному адресу. Было их немного, но и этого количества нам хватило. Жить стало невозможно, работать – тем более. Мы с Лилей перебрались к отцу.

Он с Машей расписался в сельсовете – через месяц после подачи заявления. Свадьбы не было. Отец решил, что для третьего брака это чересчур, Маша не возражала. Мы заказали столик в ресторане и отпраздновали событие в тесном семейном кругу. Теперь Маша свыкалась с ролью жены. Она то ворчала на отца, то летела к нему обниматься. Батя подыгрывал: то принимал соответственно виноватый вид, то распахивал объятия. Выглядело это забавно и трогательно. Маша сияла. Она удивительно похорошела и нисколько не напоминала прежнюю старую деву.

Несмотря на тесноту, жили мы дружно. По утрам отец вез женщин на работу, вечером забирал. В промежутке я стучал на «Эрике» и помогал по хозяйству. Топил печь, покупал у местных молоко, сметану, яйца, мясо. С продуктами в местном сельпо было совсем грустно. Многие жители Тарасова везли их из Минска. Я топил печь, метал в нее чугунки с «бабкой» или кашей, пек блины или драники. Отец с удовольствием перепоручил это мне – готовить он не любил. Понравилось это и женам. А что? Приезжаешь домой, а все готово. Садись и ешь! К тому же в русской печи блюда выходили на редкость вкусными. Что женщинам остается? Помыть посуду. Остальное? У отца есть стиральная машина, причем очень хорошая, с отжимом. Гладить – не проблема, убирать – тоже. Имеются утюг и пылесос. А делить кухню хозяйки не станут – в общежитии в одной комнате

жили, где и притерлись.

Квартиру в Минске я украдкой навещал. Во-первых, проверить, все ли на месте. Во-вторых, оценить поток страждущих. Соседей перед отъездом я предупредил, что уезжаем надолго. Просьбу присмотреть за квартирой подкрепил бутылками. Соседи слово сдержали – народ в тамбуре не толпился. В одно из таких посещений в дверь позвонили. Я выглянул в глазок – Юферова. Я открыл дверь.

– Куда вы пропали? – Ядвига шагнула за порог. – Звоню – телефон отключен, приезжала вчера – никто не открыл. Решила попробовать еще раз.

– Прячусь у родственников, – сообщил я. – Читатели достали.

– И нас тоже, – вздохнула она. – Забросали редакцию письмами, требуют разъяснить.

– Разъясните! – обрадовался я. – Очень прошу!

С Ядвигой мы посидели плодотворно. Выпили кофе, пожевали печенья и выработали концепцию интервью. Писатель Девойно просил у читателей прощения. Он невольно ввел их в заблуждение. Предполагал, что они поймут: главный герой «Экстрасенса» – лицо вымышленное. Но тот вышел таким живым (ну, талантлив Девойно, что возьмешь?), что некоторые поверили в существование этого человека. На самом деле это фантастика. А если кто назовет себя экстрасенсом и предложит исцелить вас от рака, то знайте: жулик!

Последнее добавили по моему настоянию. А вот нечего Чумаку и ему подобным дурить народ. Наверняка уже подтянулись. Обломитесь, прохиндеи!

Интервью опубликовали. То ли оно помогло, то ли ажиотаж сам по себе спал, но нас оставили в покое. Зато меня стали активно приглашать на встречи с читателями. Приглашения приходили не только из Белоруссии: звали в Москву, Ленинград, Горький и даже в Новосибирск. От дальних поездок я отказывался, но в Минске на встречи ходил. Не всегда можно отказаться – могут не понять. Людей набивались полные залы. Литература их не интересовала. Все хотели знать: есть ли в реальности экстрасенсы? А если есть, то где их искать? Я отвечал, что возможности человеческого организма изучены мало, но ученые над этим работают. Возможно, скоро услышим. Не желая разочаровать пришедших, показывал фокус. После распада СССР в том времени чем только я не занимался! Семью следовало кормить. Водил знакомство и с психиатрами. Они просветили меня насчет Кашпировского и научили паре приемов. Такой силой внушения, как была у них, я, естественно, не обладал. Но ввести человека в транс можно и

более простым способом.

Я раздобыл шарик, обернул его фольгой и подвесил на нитку. В зале находил желающего, усаживал его на стул и начинал раскачивать шарик перед его взором. Когда тот застывал, убирал шарик и начинал:

– Вы расслаблены. Ваше тело отяжелело, веки скользят вниз. Вам тепло и приятно. Голова начинает вертеться. Вы в любой момент можете это остановить, но вам этого не хочется. Потому что вам приятно.

Вид вращающего головой человека приводил аудиторию в изумление. Тем более что некоторые в зале следовали его примеру. Самые внушаемые, конечно. Психоз заразителен. Это отлично знают, к примеру, руководители сект. Думаете, просто выманить у человека деньги в качестве «добровольного» пожертвования? Или превратить его в живую бомбу? Вот и устраивают рдения и психологические накачки. Правильно, что в моем прошлом их бомбили. Жаль, что не всех...

– Видите! – обращался я к публике. – В таком состоянии психика человека воспринимает любую команду. Ей можно дать установку исцелиться, и организм отреагирует. Или же нет. Нам неизвестен механизм подобного воздействия. Он может принести как пользу, так и вред. Если бы я мог лечить таким образом, клиники пришлось бы закрыть. Врачи и медсестры потеряли бы работу. Куда бы мы их дели?

Этот пассаж публике встречала смехом.

– Разумеется, я желаю нашему добровольцу крепкого здоровья и всего самого наилучшего, так же как другим присутствующим в зале. Пусть все у вас будет хорошо! Удачи и любви!

Мне отвечали аплодисментами. Все это было, конечно, приятно, но мой первый роман в этом мире продвигался медленно. Встречи с читателями я стал сокращать. Изобретал поводы, чтобы отказаться. Но однажды пришлось пойти на конфликт.

Позвонили днем.

– Лейтенант Синельников, адъютант заместителя министра МВД, генерал-майора Дюжева! – представились на другом конце провода. – Мне поручили пригласить вас на встречу с читателями в клуб Дзержинского.

– Не приду! – сказал я.

– Почему? – растерялся адъютант.

– Я не буду выступать перед милицией. Всего доброго!

Перезвонили мне через десять минут. Голос в трубке был другой: басовитый и начальственный.

– Сергей Александрович?

– Я.

– Генерал-майор Дюжев, Петр Фомич. Мне доложили, что вы не хотите выступить перед милицией.

– Совершенно точно, – сообщил я.

– Могу я узнать причину?

– Можете. Три года назад умерла моя мать. Я в то время проходил срочную службу. Меня отпустили на похороны. Мы с матерью жили в однокомнатной квартире в Осиповичах. После похорон я запер квартиру и попросил соседей присмотреть. Оставил им деньги на квартплату. Но, вернувшись из армии, застал в своей квартире чужих людей. Мне заявили, что я не имею права на это жилье, поскольку до призыва жил в общежитии тракторного завода и был прописан там. Наши с матерью вещи выбросили на помойку. Среди них был альбом с семейными фотографиями. Других у меня не осталось. Когда я ставил матери памятник на кладбище, его сделали без фотомедальона – негде было взять снимок. Разумеется, я возмутился. Отправился в милицию, где пробился к начальнику. Но тот посоветовал мне уезжать из Осиповичей – как можно скорее. Если не хочу сесть в тюрьму. Позже я узнал, что человек, захвативший нашу квартиру, племянник этого начальника. Он служит в паспортном столе. Это еще не все. Через год в Осиповичи приехал мой отец. Так вышло, что мать воспитывала меня одна. Отец пытался меня найти. Обратился по адресу проживания, который он знал. И этот ваш паспортный козел заявил, что я уехал на Север. Отец искал меня там, но не нашел. Я ведь жил в Минске, и племянник начальника это знал. Но отцу соврал, наверное, боялся за квартиру. Если бы не мое интервью «Комсомольской правде», которое отец случайно прочел, мы бы не встретились. Теперь ясно, почему я не хочу выступить перед милицией?

– Более чем! – сказал генерал. – Спасибо, что объяснили.

Он положил трубку, а я отправился на кухню, где плеснул себе в стакан водки. Махнул, не почувствовав вкуса. Менты поганые. Ненавижу!

Глава 15

Телефонным разговором история с милицией не завершилась. В тот же вечер в дверь моей квартиры позвонили. На пороге стоял молодой милиционер.

– Лейтенант Синельников! – козырнул он. – Извините за беспокойство, но товарищ генерал просит вас изложить рассказанное ему на бумаге в форме заявления на его имя.

Я подумал и предложил лейтенанту войти. Раз просят, изложу. Может, хоть выговор тем козлам объявят. Заявление я напечатал на машинке. Лейтенант только попросил приписать от руки, что печатал я собственноручно. Сунув листок с заявлением в папку, он отбыл.

Дней через десять мне позвонили.

– Генерал Дюжев, – прозвучал в трубке знакомый бас. – Мы провели проверку вашего заявления, Сергей Александрович. Хочу познакомить вас с результатами. Не откажетесь приехать? Я вышлю машину.

– Не откажусь, – согласился я.

Все тот же Синельников привез меня к зданию МВД на улице Урицкого. В мое время ее переименовали в Городской Вал. Пропуск на мое имя у постового был, мы поднялись по лестнице на третий этаж и двинулись коридором. Я с любопытством вертел головой. В свое время я здесь побегал. Корреспондент милицейской газеты... Как же так, спросите вы? Милицию не любил, а работать пошел? Так семью требовалось кормить. Платили хорошо...

Мы зашли в приемную. Адъютант попросил меня подождать, скользнул в обитую дерматином дверь и почти сразу появился обратно.

– Вас ждут!

Я вошел. Из-за стола, заваленного бумагами, встал невысокий, кряжистый генерал. Короткая прическа, будто вырубленное топором лицо, пронзительный взгляд серых глаз. Наверняка из сыскарей, только они так смотрят. Навидался я их в том времени.

– Присаживайтесь! – указал он на стул за приставным столом и устроился напротив. – Не будем терять время. Информация, изложенная в вашем заявлении, подтвердилась. Меры приняты. Приказом министра МВД начальник Осиповичского ГРОВД подполковник Кнырович за нарушение социалистической законности уволен из органов внутренних дел по компрометирующим обстоятельствам. Это означает, что милицейскую

пенсию он не получит. Ему придется, как простому гражданину, работать до шестидесяти лет. Его племянник, старший лейтенант Бадылевич, обманным путем захвативший жилье вашей матери, тоже уволен. Горисполком аннулировал выданный ему ордер, из квартиры он выселен. Сейчас следствие разбирается, не присвоил ли он что-либо из принадлежавших вам вещей. Если подобное выяснится, сядет в тюрьму. Понадобится ваша помощь в опознании.

– Не нужно, – сказал я. – Достаточно, что уволили и выселили.

– Как скажете! – кивнул Дюжев. – Хочу заметить, Сергей Александрович, что если бы вы сразу написали нам заявление... Выбросить фотографии! Сволочь! – Он сжал кулаки.

– Спасибо! – сказал я.

– У меня к вам просьба. У одного из моих подчиненных беда. Выслушайте его и по возможности помогите. Не возражаете?

Я покрутил головой. Дюжев встал и нажал кнопку на коробке селектора:

– Заходи!

Через минуту в кабинет вошел подполковник. Высокий и поджарый.

– Товарищ генерал!..

– Проходи! – прервал его Дюжев. – Знакомьтесь! Сергей Александрович Девойно, писатель. А это Храмой Игорь Вячеславович, начальник управления.

Подполковник шагнул ко мне и протянул руку. Ладонь у него была сильной и сухой. Красивое, мужественное лицо. Глаза... Боль. Приходилось мне видеть такие в прошлом. Даже не хочется вспоминать...

– Расскажи, Игорь! – сказал генерал, когда подполковник сел.

Храмой сглотнул.

– Сын у меня умирает. Лимфогранулематоз. Последняя стадия. Врачи говорят: месяц-другой.

– Я не могу его спасти.

– Знаем! – вмешался генерал. – Люди, которые бывали на ваших выступлениях, рассказывали. Но вы там показывали гипноз, заставляли добровольцев крутить головой. Сделайте это для сына Игоря.

– Зачем? – удивился я.

– Жена с ума сходит, – вздохнул подполковник. – Сережа у нас единственный. Семнадцать лет... К кому только мы его не возили! Бабки, шептуньи – все без толку. А недавно жене кто-то «Экстрасенса» подsunул. Она загорелась – последняя надежда. Если не привезу вас... Сына я, считай, потерял, теперь боюсь за Ирину. Рассудок не выдержит.

Видели мы и такое – не один раз. «А подполковник неплохо держится, – подумал я. – Сильный мужик! Что ж...»

– Мне понадобится заехать домой, – сказал я. – Взять шарик.

– Бери машину! – кивнул генерал Храмому.

Дорогой я чувствовал себя погано. Был у меня в прошлом неприятный кусок жизни. В начале 90-х я усиленно искал подработку – семья бедствовала. Зарплаты журналиста не хватало на самое необходимое. Случай свел меня с мошенником, который выдавал себя за целителя-экстрасенса. Харизмой он обладал могучей, и я ему поверил. Писал о нем статьи, стал его помощником. Люди валили к нам толпами. Деньги текли рекой. Я получал свои десять процентов и радовался. Пока те, кого мы якобы исцелили, не стали приходить вновь. А мой шеф-целитель стал их выгонять. Мы с ним поскандалили, я ушел, но всю оставшуюся жизнь ощущал себя так, как будто вывалился в дерьме...

Подполковник жил в панельном доме на окраине Минска. Мы поднялись на девятый этаж. Храмой открыл дверь ключом. Навстречу нам выбежала худенькая женщина. Волосы растрепаны, глаза сумасшедшие. М-да...

– Вот, Ира! – сказал подполковник. – Это Девойно.

– Умоляю!.. – Женщина метнулась ко мне.

– Все будет хорошо, – горловым голосом произнес я и положил руку ей на голову. Резкий толчок в лоб основанием ладони... Она покачнулась и прикрыла глаза. Все, поплыла. Лжеэкстрасенс в той жизни был жуликом, но кое-что умел. И меня обучил. У хозяйки сейчас ощущение, будто ей в голову что-то влили. Я подхватил ее под мышки и усадил в кресло. Она откинула голову на спинку. Вот и пусть – не будет под ногами мешаться.

– Ведите! – велел я подполковнику.

Глянув на меня очумело, он протопал вперед. Мы вошли в комнату. На кровати у стены лежал парень. Бледный, исхудавший. При виде нас он присел, неловко сунув подушку под спину. Храмой не соврал: последняя стадия. Шейные лимфатические узлы уже булками выперли. Над кроватью висели иконы Николая Чудотворца, Пантелеймона-целителя. Можно не сомневаться, что еще несколько месяцев тому их здесь не было. «Як плоха, так да пана Бога!» – говорила моя квартирная хозяйка в той жизни.

– Здравствуй, тезка! – сказал я, присаживаясь на подставленный подполковником стул. – Сейчас я тебе кое-что покажу. Смотри!

Я вытащил из кармана шарик на ниточке и закачал им перед глазами больного. Спустя несколько секунд взгляд его застыл. Быстро. Ну, так организм ослабленный.

– Тебе хорошо. Тело налилось тяжестью, тебе тепло и приятно. Веки стали свинцовыми и неудержимо скользят вниз. Голова вращается на шее...

Пошло. Я сунул шарик в карман.

– Ты хорошо слышишь меня, Сергей?

– Да, – прошелестело в ответ.

– Даю установку. Твой организм начинает борьбу с болезнью. Ты молодой и сильный, поэтому справишься. Каждую минуту твой организм будет уничтожать взбесившиеся клетки и заменять их здоровыми. Прислушайся, процесс уже идет. Так будет продолжаться, пока ты полностью не выздоровеешь. Болезнь отступит и не вернется никогда. Ты должен верить в это, Сергей! Договорились?

– Да.

– А сейчас прекращаем крутить головой и открываем глаза. Хоп!

Я хлопнул в ладоши. Он прекратил крутить головой и посмотрел на меня.

– Мне лучше, – сказал удивленно.

– Так и должно быть.

Я встал и положил ему руку на голову. Толчок основанием ладони...

– Спи! Сон исцеляет.

В прихожей к нам метнулась хозяйка.

– Сергей Александрович!

– Верьте! Сходите в церковь и помолитесь о здравии раба божьего Сергея. Сами, своими словами. И свечку поставьте иконе Спаса Нерукотворного.

– Сделаю! – закивала она головой.

– Прощайте! Бог вам навстречу!

«Ходу отсюда! стыдно. Развел людей».

На лестнице подполковник догнал меня.

– Сергей Александрович, подождите! Я отвезу.

Обратной дорогой мы молчали.

– Спасибо! – сказал он у моего подъезда.

– Не за что. И вот еще. Сейчас ваша жена лихорадочно ищет, за что Бог наказал ее. Передайте ей: Бог не наказывает. Он вразумляет. Уныние – тяжкий грех в его глазах. Ей незачем убиваться. Ваш сын молод и не успел нагрешить. Поэтому там, – я указал на небо, – ему будет хорошо.

– Откуда вы знаете? – удивился он.

– А я там был.

Я повернулся и потянул на себя дверь в подъезд.

Разобравшись с шумихой вокруг «Экстрасенса», я занялся делами литературными. Сразу несколько издательств предложили мне издать повесть. Думаете, в СССР такого не было? Рукописи авторов ждали очереди годами? В основном так. Но издательства в этом времени – предприятия хозрасчетные. Им прибыль требуется. А книги многих писателей оседают в магазинах. Как раз тех, кто ждет в очереди. Потом эти «остатки» идут под нож. Убытки покрывают за счет популярных авторов. Это могут быть иностранные авторы или те же фантасты. Их читают. Как, например, Девойно. Так что ничего удивительного.

Я выбрал «Молодую гвардию». Они предложили бóльший тираж и соответственно гонорар. Авторский сборник, «Экстрасенс» и «Лебедь» под одной обложкой, 16 авторских листов. Ставку за лист определили в 450 рублей – автор лауреат премии Ленинского комсомола. Умножьте на два – массовый тираж, а затем на 16. Впечатляет? «Волгу» можно купить. Только хрен мне ее продадут. В очереди нужно стоять...

«Экстрасенсом» заинтересовалась и «Роман-газета». Я, естественно, не возражал – печатайте. Несколько тысяч рублей лишними не будут. И тираж у издания под два миллиона. Нарисовалась киностудия. «Лебедя», к слову, так и не сняли – сценарий лег на полку. Но в этот раз на меня вышел режиссер Меньшов. Он как раз выпустил фильм «Розыгрыш» и находился в простое. На переговоры в Минск Владимир Валентинович приехал сам. Мы плодотворно пообщались. Договорились, что сценарий пишет он, а я довольствуюсь платой за экранизацию. При этом даю режиссеру полный карт-бланш. Пусть делает с повестью, что хочет. Меньшов был поражен. Он ожидал, что автор станет капризничать. Не знает, что через четыре года фильм «Москва слезам не верит» получит «Оскар» и Государственную премию. А сам Меньшов из малоизвестных режиссеров шагнет в мэтры. Такому и бесплатно можно отдать...

Подтянулся и театр. Как я и ожидал, долго на сцене «Лебедь» не продержался. Но дебют признали успешным. Спектакль оценили театральные критики, авторам он принес денежку. Отчего бы не продолжить? Из Москвы приехал Семен Иосифович. Неделью он жил в гостинице. Я ходил к нему, как на работу. Мы намечали сцены и действия, писали основные диалоги. Остальное Семен Иосифович обещал дотянуть сам. О долях не торговались. Соавтор попросил те же 30 процентов, я не возражал. В этот раз он их отработает, с чего пальцы гнуть?

Разобравшись с «Экстрасенсом», я засел за роман. Пора ознакомить читающую публику с жанром попаданчества. Первооткрывателем здесь я не стану – похожие книги уже есть. Но их авторы слабо используют потенциал жанра. Стесняются. В литературе господствует социалистический реализм, который ставит рамки. А мы их сметем. Читатель любит рояли, без них книга неинтересна. И не надо брюзжать! Возьмем классику. Питер Блад из «Одиссеи» Сабатини не просто врач. Он морской офицер, воевавший под началом лучшего адмирала того времени де Рюйтера. В совершенстве знает испанский язык. Это что, не рояль? А захват двадцатью безоружными каторжниками сорокапушечного корабля испанцев? Да это целый орган! Сабатини не зря подпустил здесь иронию. Дескать, автор сам понимает, что невероятно. Читатель не обратил на это внимания.

Герой моего романа, сержант-десантник, попадал в прошлое вместе со складом вооружения роты. А чего стесняться? Воевать так воевать! Переместил я его в средневековую Русь. Почему не в 1941-й? Ага! Живы еще миллионы фронтовиков. Они покажут тебе, как громили Гудериана. И чего им это стоило... Активно творят авторы «лейтенантской» прозы: Быков, Бакланов, Бондарев, Воробьев, Кондратьев... Война – их тема, выстраданная и орошенная кровью. Не с моим рылом соваться в тот ряд. А вот в Средневековье – пожалуйста. Отстоит далеко, резвись – не хочу. Упрекнуть некому.

Писалось легко. В том времени у меня был похожий роман. Не самый удачный, к слову. Тогда меня понесло не в ту сторону. Сразу я этого не заметил, а когда роман напечатали, стало поздно. Сейчас можно исправить. Сделать героя полководцем и князем, объединителем Русских земель. А что? Пусть читатели спорят, ломая копья. Лучшая реклама книге.

Я заканчивал очередную главу, когда зазвенел телефон. Чертыхаясь, я метнулся в прихожую. Как же плохо без мобильных!

– Сергей Александрович? – раздалось в наушнике. – Это Дюжев, Петр Фомич.

Я похолодел. За работой забыл о несчастном мальчике. Сейчас сообщат...

– Какие у вас планы на сегодняшний вечер?

– Обычные, – растерялся я. – Придет жена, накормлю ее ужином. Затем сядем работать над романом.

– А если я попрошу отложить работу? Ведь надо и отдыхать. Короче, мы с Игорем приглашаем вас в ресторан.

– По какому поводу? – удивился я.

- Выздоровел ваш пациент. Полностью.
- Точно? – не поверил я.
- Есть заключение врачей. Они, кстати, Игорю форменный допрос устроили. К кому возил сына? Кто помог? Игорь не признался.
- Правильно. Пусть думают, что это они мальчика вылечили.
- Пусть, – согласился генерал. – Согласны?
- Да.
- Тогда к шести подошлю за вами машину. До встречи!

Генерал положил трубку. А я свою еще некоторое время держал в руках. И вот как это понимать? Мое внушение подействовало? Сомнительно. Тогда почему? В том времени я изучал тему. Читал, что медициной зафиксированы сотни случаев самопроизвольного исцеления больным раком людей. По какой причине это происходило, врачи не знали. Скорее всего, с тезкой вышло именно так. Бог услышал молитвы матери. Или «херувим» за мальчика похлопотал. В любом случае не моя заслуга. Только генерала в этом не убедить. Родителей Сергея – и пытаться не стоит. Я позвонил Лиле и объяснил ситуацию.

– А это точно милиция? – поинтересовалась жена. Ревнует она меня, куда денешься?

– Если приедешь вовремя, увидишь милицейскую машину, – сказал я.

Лиля приехала. Я ждал у подъезда, когда она появилась. Тут же подкатили и «Жигули» в милицейской расцветке. Все тот же лейтенант Синельников выскочил из автомобиля и отдал мне честь.

– Жди меня, и я вернусь, – сообщил я Лиле и нырнул в салон.

Синельников отвез меня на Толбухина в ресторан «Каменный цветок». Не поскупились милицейские начальники! Самый престижный ресторан в Минске и самый дорогой. Единственное место в городе, где имеется варьете. Места за столиками заказывают за месяц. Хотя для генерала МВД это, наверное, не вопрос.

Храмой встретил меня у дверей и проводил за столик. Дюжев при моем появлении встал. Мы обменялись рукопожатиями. Оба офицера были в штатском. Оно и понятно. В форме милиция в общественных местах не пьет. Мы расселись.

– Наливай! – приказал Дюжев Храмому. – У тебя рука легкая.

Подполковник свернул пробку с бутылки. Водка. Другого напитка милиция не признает. Коньяк в ее представлении пьют аристократы и дегенераты. Вино... Даже не смешно. После того как рюмки наполнили, Дюжев поднял свою:

– За вас, Сергей Александрович! За ваш писательский и целительский

талант!

– Стоп! – прервал я. – Насчет писательского согласен, а вот целительский отставим. То, что мой тезка поправился, не моя заслуга. Случайность.

– Не скажите! – не согласился генерал. – Мне Игорь рассказывал, как вы Ирину успокоили, а потом с сыном разговаривали. У него мурашки по коже ползли.

– Так было нужно, – объяснил я. – Способствует восприятию внушения. Меня этому обучили в армии. Спецназ ГРУ. При допросе «языка» требуется быть убедительным.

– Вот как! – покрутил головой генерал. Пусть крутит. Уличить меня во лжи невозможно. Силовые ведомства в СССР разобщены. Повсюду параноидальная секретность. Никто не знает, чем занимаются «соседи». Так что можно нести любой бред.

– Ладно, – продолжил генерал. – Скажем по-другому. Вас попросили, вы откликнулись. Сделали, что смогли. Результат есть. За это и выпьем. Согласны?

Я кивнул, и мы чокнулись. Затем закусили. Игорь разлил вновь. Официант притащил горячее. По моему предложению выпили за здоровье Сережи Храмого. Чтобы не болел и рос умным. Затем за женщин – стоя, разумеется. За мужчин – тех, у кого служба и опасна, и трудна, естественно. Застолье набирало обороты. Генерал отдавался ему с удовольствием, а вот подполковника что-то мучило. В конце концов он не выдержал и спросил:

– Сергей Александрович, вы говорили, что были там. – Он указал на потолок. – Что это означает?

Дюжев заинтересовался и, положив вилку, уставился на меня. Серые глаза будто выворачивали наизнанку. Сыскарь, точно. И что ответить? Дернуло же меня откровенничать!

– Я пережил клиническую смерть.

Генерал с подполковником переглянулись. А что, не вру. Почти.

– На учениях я был ранен осколками близко разорвавшейся гранаты. Меня перевязали и отвезли в госпиталь. Там отнесли в операционную. И в этот момент у меня остановилось сердце...

Это ложь, но наживку они уже проглотили.

– Я отделился от тела, воспарил под потолок и увидел себя, лежащего на столе. Врач делал мне массаж сердца. Я наблюдал за этим сверху, и мне было совершенно все равно, выживу или нет. Затем меня вынесло в соседнюю комнату. Там стояли шкафы. На одном из них сверху лежал плакат с рисунками о правилах оказания экстренной помощи. Он был

прорван посередине, видимо, поэтому его и сняли. Позже, когда я стал ходить, то нашел этот плакат. Чтобы его рассмотреть, мне пришлось встать на стул – шкаф высокий...

Я замолчал.

– Дальше! – поторопил подполковник.

– А потом меня втянуло в тоннель. В нем было темно. Я чувствовал, что меня куда-то несет. Затем вдали показался свет. Он приближался, меня вынесло из тоннеля, и яркий свет окружил меня. Я почувствовал умиротворение. Передо мной предстало светящееся существо. Оно сообщило, что мне еще рано на небеса. Что я должен вернуться и продолжать жить... – вдохновенно врал я. А что? Книга Моуди «Жизнь после жизни» в СССР пока не издана. Она противоречит единственно верному марксистско-ленинскому учению. Переведут еще не скоро. – В общем, так, Петр Фомич и Игорь Вячеславович. Бог есть и посмертная жизнь – тоже. Только она разная для каждого. Зависит от того, как вели себя здесь.

– А именно? – поинтересовался Храмой.

– Ничего особенного, – ответил я. – Там не любят самоубийц. А также предателей, подлецов, завистников. То же, что и мы. В Библии есть заповеди. Там все написано.

– М-да! – почесал Дюжий затылок. – Похожее я от матери слышал. И от бабушки. А если разные люди, не знающие друг друга, говорят одно и то же – значит это правда. Это я вам как старый сыскарь говорю. Вот что, Сергей Александрович! То, что вы сделали для нас, не забудется. Слово генерала. Понадобимся – обращайтесь! – Он сунул мне листок с номерами телефонов.

– Спасибо! – поблагодарил я, сунув листок в карман.

– Вам спасибо! – сказал генерал и поднял рюмку. – Ну, за правильную жизнь?..

Домой меня привезли в виде мебели. Я не учел, с кем сел за стол. Вернее, забыл. В том времени я знал: не умеющие пить в милиции не служат. Как-то в одной из командировок меня отвезли в поселок на милицейскую операцию. Она прошла успешно. Это потребовалось отметить. В поселке имелся спиртовой завод. Участковый сбегал и принес трехлитровую банку спирта «Прима». Они с сопровождавшими меня милиционерами выпили по стакану. После чего капитан-гаишник сел за руль и отвез меня в райцентр. Машину он вел уверенно. Если бы я махнул стакан спирта, то оказался бы в кювете...

Синельников и Храмой сдали меня на руки жене. После чего я узнал,

что она думает о советской милиции. Мои спутники этого не услышали, поскольку спешно отбыли. Меня раздели и уложили на диване. Тащить благоухающего перегаром мужа в постель Лиля не захотела. Я, впрочем, и не настаивал, поскольку сразу уснул.

Глава 16

В марте я забрал Лилю с завода. А вот нечего ей там делать! Денег у нас больше, чем тратим, а о стаже для пенсии можно не волноваться: 22 года всего. Побудет домохозяйкой – в СССР не возбраняется. Правда, если есть дети. Теоретически Лилю могли признать тунеядкой. Но для этого ее нужно выявить. Милиции что, больше заняться нечем? А если и выявит, я знаю одного генерала... Лиля без пяти минут член Союза писателей. «Маладосць» опубликовала подборку ее стихов, секция поэзии рекомендовала к изданию сборник. В будущем году книга выйдет, после чего одним официальным поэтом в БССР станет больше.

Работа над романом летела. После завтрака я диктовал, Лиля печатала. Ежедневная норма в десять страниц набиралась быстро. После обеда мы правили текст и откладывали странички для машинистки. Незачем тратить время на тупую работу. У нас что, нечем заплатить? К тому же редакции и журналы требуют первый экземпляр. Два-три раза отстукивать одно и то же? Нефиг, нефиг. Лучше проведем это время с пользой.

Мы и проводили. Ходили в кино, театр, музеи, не пропускали ни одной выставки. Навещали родню, благо число ее возросло. Я читал книги. Художественные редко – их я помнил по прошлой жизни. Копался в трудах историков русского Средневековья. В частности, перечитал Бориса Рыбакова. Впоследствии его много критиковали, но писал Борис Александрович душевно, с любовью к Руси. И предмет знал. Это вам не «заклепочник» с форумов моего времени.

В июле мы отправились в Пицунду – всей семьей. Мы с Лилей, отец и Маша. Семье Девойно путевки выделил Литфонд – бесплатно, конечно. Отцу с Машей пришлось покупать на месте – в Доме творчества имени Дмитрия Гулиа. В обмен директор попросил Девойно выступить перед отдыхающими. Популярность «Экстрасенса» докатилась и до Пицунды. Я не возражал – отдых того стоил. К слову, Домов творчества у Литфонда в этом времени пятнадцать. Переделкино, Комарово, Коктебель, Дубулты, Гагра... Хорошо жилось советским писателям! В моем времени они впадут в нищету. Какие Дома творчества? Там теперь правят бал другие...

Мы с Лилей прилетели в Адлер на самолете, отец с Машей отправились на «Волге». Им нужно было посетить родителей жены, показать им мужа. Тесть с тещей отца жили в Донецке. Там, где в моем времени будут рваться снаряды... Как вспомню – ножом по сердцу.

Реформировали СССР, дерьмократы! Чтоб вам на том свете до скончания времен во тьме гнить!

Из аэропорта мы приехали на такси. Заплатили 25 рублей. Подумаешь! Мне с одного спектакля больше капает. А вот Лиля поморщилась – не привыкла еще. В деревне за четверной билет надо пахать. Она не знает, что успешные люди в СССР не в состоянии потратить заработанные деньги. Не на что. Квартиры не продают, на автомобили очередь, за границу поехать – проблема. Выпускают не всех. Можно кутить в ресторанах, но я этого не люблю, Лилия – тоже.

Идеологический дебилизм в СССР зашкаливает. Хорошо зарабатывают не только деятели искусств. Хорошие рабочие – тоже. Но деньги с пользой потратить – проблема. Еда стоит недорого, товаров «народного потребления» не хватает. В стране переизбыток денег, и «связать» эту массу не удастся. Она накапливается на вкладах. В моем времени они сгорят в ходе гайдаровских реформ, оставив вкладчиков у разбитого корыта. А почему бы не выделять, скажем, всем желающим участки земли под дачи? Организовать строительство садовых домиков? Леса в СССР – завались! Денежная масса пошла бы в дело, лесопереработка (и не только она) получила бы толчок для развития. Но нет, нельзя! Народ «обуржуазится». Участки под дачи выделяют со скрипом. Дают крохотные наделы на бросовых землях. В той жизни у меня был знакомый, чьей организации выделили под дачный кооператив заброшенный карьер. За несколько лет люди превратили его в цветущий сад... А взять ограничения по размеру садовых домиков? По длине, высоте и ширине. В два этажа строить нельзя, печки ставить – упаси бог! Другой мой знакомый, сообразив, что по глубине ограничений нет, построил под садовым домиком бункер. Жилой. А что делать, если семья большая и в предписанных властью размерах ей тесно?..

Номер в Доме творчества был шикарный. Огромная комната, двуспальная кровать, богатая обстановка. Через день прибыли отец с Машей. Им номер выделили похуже – не лауреаты и даже не писатели. Но все равно глаза у родственников были по блюдцу. В номере – цветной телевизор, большой холодильник, ванная, лоджия... Сама комната просторная и светлая, мебель импортная, новая.

– М-да! – заключил отец. – Сколько отдыхал в санаториях, но такой роскоши не видел. Хорошо писателям!

Это смотря каким. Путевки в Пицунду дают не всем. Членов Союза писателей в СССР восемь тысяч. На всех мест не хватает, особенно в сезон. Но Девоино – лауреат премии Ленинского комсомола и к руководству

писательского Союза вхож. Потому и сумел притащить в Дом творчества родственников. А чем они хуже литераторов, накорябавших книжонку и живущих с этого всю жизнь? Александр Иванович и Маша – труженики. У отца полная грудь наград, две из которых – фронтовые. Успел он зацепить войну. Краешком, но хватило. Партизанский отряд, потом – Красная армия, наступление на Кёнигсберг. До города не дошел – словил осколок. Госпиталь, демобилизация по ранению, техникум... Маша в своем КБ – ведущий конструктор. Ей поручают проектировать самые сложные узлы. Об этом даже в заводской многотиражке писали.

В Доме творчества я работал – привычка. Я и в той жизни был трудоголиком. Но Лилю не припрягал – пусть отдыхает. Вставал в семь, традиционная пробежка, силовые упражнения, душ. К завтраку спускался свежим и бодрым. Затем девочки и отец уходили на пляж, я садился за «Эрику». К полудню набивал шесть-семь страниц. Затем шел обедать. Дневной сон с отдохнувшей Лилей – и пляж. Морские купания, горячее хачапури с холодным пивом, валяние на покрывале, подкидной «дурак», пара на пару. Отец играл виртуозно – на Северах наловчился. А что им делать темными вечерами в своих домиках-бочках? Но и меня голыми руками не возьмешь. Память хорошая, вышедшие в отбой карты помню. Так что навешивали друг другу «погоны» попеременно. Женщин не трогали – обидятся. Они игру воспринимают всерьез.

Ужинали мы или в столовой, или в летнем кафе неподалеку. В Доме творчества кормили вкусно, но хотелось разнообразия. Кафе было декорировано под горскую хижину, и пахло там одуряюще. Над стойкой висели пласты копченого мяса, мы его регулярно пробовали. А еще заказывали шашлык и ароматное абхазское вино. 30–40 рублей с компании за ужин – не деньги. Где-нибудь в Москве сдерут больше, да еще накормят непонятно чем.

По воскресеньям ездили в Пицунду, где затаривались замечательным вином. Продавал его старый абхаз – прямо из багажника «Волги». Я помнил его еще по той жизни, так же как вино. Подобного я даже во Франции не пробовал. Ароматное, ласкающее нёбо и язык, настоящее солнце в бокале. Трехлитровая банка за десять рублей? Дайте две! Жены покупали фрукты, местные сладости, какие-то сувениры. Побывали мы и в Сухуми, где смотрели на обезьян в питомнике. Одна из них, вернее, один попытался схватить Лилю сквозь прутья решетки. Приглянулась. Видно, такой самки в гареме недоставало. Над этим долго смеялись, больше всех – Лиля. Приятно, что твою красоту оценил даже обезьян. Съездили мы и к озеру Рица – на автобусе. Отец не решился гнать «Волгу» по горной

дороге. Та и вправду выглядела жутко. С одной стороны – гора, с другой – пропасть. Глубокая, дно еле видно. Женщины визжали. С озера привезли копченой форели. Ее продавали тайком: ловить запрещено. Но если поймали, почему бы не употребить? Форель замечательно шла к белому вину. В тот день мы опились и обожрались. А что, отдых.

По пути к Рице я глазел по сторонам. Красивые особняки, ухоженные участки, довольные люди. Земля плодородная, рядом море, курорт, отдыхающие... Живи и радуйся. Но через пятнадцать лет здесь начнется резня. Процветающая Абхазия скатится в нищету. Господи, чего им не хватало? Собрать бы всех этих националистов, погрузить на корабль и вывести в море. А там – торпедировать. Сколько из-за их бредовых идей людей сгинуло!..

В один из дней у меня случился затык – роман встал. По прошлой жизни я знал: лучше отвлечься. Я отправился на пляж, где нашел отца. Тот валялся на покрывале с бутылкой пива в руке.

– Где дамы? – поинтересовался я.

– Вон! – отец указал бутылкой на море. – Водный велосипед напрокат взяли.

Я присмотрелся. В метрах ста от берега в море болтались несколько катамаранов. Над сиденьями одного из них торчали соломенные шляпки – одна выше, другая ниже. Наши. Навестим красавиц! Я стащил футболку с шортами и нырнул в море. Выскочив на поверхность, пошел кролем. Горько-соленые брызги летели в рот, я фыркал и отплевывался. Приблизившись к катамарану, перешел на брасс. Сделаем девочкам сюрприз!

Водный велосипед болтался спинками к берегу, что облегчило мне задачу. Я осторожно вплыл между поплавками. Мелкие волны шлепали о них, так что меня не слышали. Я собрался обнаружить свое присутствие, как вдруг замер. Говорили обо мне.

– ...Иногда я его боюсь, – жаловалась Лиля. – Какой-то он не от мира сего. Вот откуда знает немецкий? Да еще так хорошо?

– Вправду знает? – заинтересовалась Маша.

– В совершенстве. В нашем романе действуют псы-рыцари. Так Сергей их диалоги по-немецки пишет – для достоверности. Перевод даем в сноске под страницей. Латинского шрифта в машинке нет. Я оставляю место, и он вписывает от руки. Причем сразу, не заглядывая в словарь. А перед этим проговаривает диалоги вслух. Ты о таком слышала?

– Ну-у... – протянула Маша. – Может, его в школе хорошо учили. Или в институте.

– Много тебя там научили? Я универ заканчиваю, а по-английски пару фраз не свяжу. А он как по бумажке шпарит. Откуда знает? В школе учил английский, я в аттестат посмотрела.

М-да, косяк. Ну, Лиля, ну, Штирлиц! Разнюхала... Немецкий я выучил в девяностые. Ходил на курсы и занимался дома. Память опять-таки хорошая. У нас в ту пору были добрые отношения с партнерами из Германии. Ездил к ним, вел переговоры. Немцы не говорили по-английски, а таскать с собой переводчика... Да и партнерам нравилось, когда говоришь на немецком.

– Знаешь, Лилька, – сказала Маша и, видимо, закинула ногу на ногу, поскольку катамаран качнулся. – С жиру ты бесишься. Живешь в роскоши, денег не считаешь, муж тебя любит. С завода забрал, чтоб в корпусе не кисла, любое желание выполняет. Тебе счастье выпало, а ты носом крутишь. Не куковала ты в девках!

– Извини! – смутилась жена.

– Не стоит! – хмыкнула Маша. – Я от твоего счастья и себе урвала. Ох, Лиля, это же просто сказка какая! Я в своем КБ много чего от баб слышала, но чтоб у кого такой муж... Он же со мной как с фарфоровой статуэткой – ласково и бережно. А как только узнал, что беременна...

– Это точно?! – воскликнула Лиля.

– Врач подтвердил. Задержка еще в Минске случилась. Это не факт, всякое бывает, но здесь повторилось. Александр Иванович меня к здешнему гинекологу свозил. Перед этим навел справки: кто лучший. Гинеколог и сказал: беременна. Правда, предупредил: будет кесарево. Возраст...

– Не страшно, – сказала Лиля. – Так даже лучше. Дали наркоз, очнулась – и уже мама.

– Так-то оно так, – вздохнула Маша. – Но шрам останется. Придется купальник менять.

– У тебя денег нет?

– Полно. Это я операции боюсь. А деньги... В сентябре дом сдают. Муж взнос за квартиру оплатил, сейчас о мебели думаем. Или из дома везти, или новую купить.

– Лучше новую! – посоветовала Лиля.

– Муж тоже так говорит. А мне неудобно: все за его счет. Заикнулась о своих, а он смеется: оставь на шпильки!

– Это у них фамильное! – хмыкнула Лиля. – Мой тоже говорит: «Что я за мужик, если жену не обеспечу?»

– Повезло нам, Лилька! – сказала Маша. – Мужья у нас – золото. Так

что сидим и молчим в тряпочку. Не то, не дай бог, уведут. Здесь хищницы пасутся: мужчин высматривают. К Александру Ивановичу уже подкатывались. Но узнали, что он не писатель, да еще сын путевки купил, и отстали. – Маша засмеялась. – Дуры! Мужу должность начальника гаража предложили. Оклад двести рублей плюс премия. Добавь пенсию – больше четырехсот рублей. Он это родителям сказал, так у тех глаза на лоб вылезли. Отец в шахте работал, но столько не получал. А шахтеры – люди богатые: жены не работают. Не у всех, конечно, но через одного. Родителям муж очень понравился. Культурный, образованный, богатый. Свой дом, «Волга», зарплата... И не жадный совсем. Моим старикам телевизор подарил цветной. Сами бы не купили. У отца пенсия хорошая, шахтерская, а вот у мамы – маленькая, всего семьдесят рублей. Она швеей работала. На двоих получается двести сорок рублей. Вроде ничего, но они сестре помогают. У той двое детей, растит одна. Муж у нее спился и умер. Сашенька пообещал родителям и холодильник купить – увидел, что у них старый. Сказал: выберет получше и отправит багажом. Если бы ты видела, как мои радовались! Мне так сказали: «Долго ты выбирала, дочка, но уж нашла так нашла!». Да и я так думаю. Ради него стоило в девках посидеть...

Маша внезапно всхлипнула, Лиля стала ее утешать. Я нырнул, отплыл в сторону и направился к берегу. Подслушивать нехорошо, но раз так вышло... За отца стоит порадоваться, да и за себя тоже. Будет у меня братик или сестричка. Не так, как в той жизни, – один как перст. Да и нам с Лилей пора детей заводить. Тесть с тещей плешь проели: «Что вы себе думаете? Квартира есть, денег хватает. Когда?» Здесь не принято, как в моем времени, откладывать детей на потом.

«Мы этим займемся! – пообещал я себе. – Прямо сегодня...»

* * *

По возвращении в Минск мне позвонили из Москвы.

– Вас включили в состав делегации для поездки в ФРГ на книжную ярмарку во Франкфурте, – сообщила дама, представившаяся секретарем председателя правления ВААП^[23]. – Это в октябре.

– С чего такая честь? – удивился я.

– Издательство S. Fischer Verlag из Франкфурта заинтересовалось вашим «Экстрасенсом». ВААП провел с ним переговоры, но немцы настаивают на присутствии автора. Хотят организовать ему встречу с

журналистами – с целью рекламы книге. Вы не против?

– Ни в коем случае! – поспешил я.

– Тогда приезжайте поскорее! Нужно оформить паспорта, получить визы, пройти инструктаж...

– Буду! – пообещал я.

Хлопоты в столице не заняли времени. Поездка осуществлялась централизованно, поэтому бюрократических препон было мало. Мне заполнили документы, приложили к ним фотографии, осталось расписаться и отбыть. Ах да, инструктаж. «Там шпионки с крепким телом, ты их в дверь – они в окно. Говори, что с этим делом мы покончили давно...» Высоцкий в своей песне этот процесс описал подробно. Меня особо предупредили, что не следует откровенничать с иностранными журналистами, которые по своей гнилой сущности склонны задавать советским писателям провокационные вопросы. По этому поводу мне следует побеседовать с главой делегации, председателем правления ВААП Борисом Дмитриевичем Панкиным. Тот сам в прошлом журналист, возглавлял «Комсомольскую правду», так что подскажет. Я заверил, что именно так и поступлю, после чего был отпущен.

Я навестил Дину Аркадьевну и сообщил ей новость. Она искренне обрадовалась. Какие все-таки люди в СССР! В той жизни у меня была покровительница в газете «Советская Белоруссия». Работала в отделе писем. Я приносил ей заметки, она советовала, как их лучше писать, пробивала публикации. Узнав, что я поступил в Литературный институт, провела меня по редакции и всем об этом объявила. Радовалась, как будто я ее сын. Дина Аркадьевна, по сути, – мой литературный агент. Энергичный, знающий и совершенно бескорыстный. И попробуй заикнуться о деньгах! Обругает и выгонит. Ей важнее, что о ней помнят: звонят и навещают...

– Что вам привезти из Германии? – спросил я.

– Костыли! – засмеялась она. – Что еще нужно инвалиду? Не забивай голову ерундой, Сергей! Командировочные вам дадут крохотные, будете на еде экономить, чтобы хоть мелочь какую родным купить.

Ну, это мы посмотрим...

Делегация собралась в Москве за день до отлета. Пять человек: сам Панкин, два писателя-фронтовика – их прозу немцы охотно переводили и печатали – молодой писатель Девойно и переводчик – молоденький паренек, назвавшийся Юрием Николаевичем, но которого с ходу все стали звать Юрой. Нам вручили паспорта с уже проставленными визами и билеты. Выдали и командировочные – по сто марок. М-да, не разгуляешься.

– Едем на пять дней, – просветил Панкин. – В обязательной программе

дискуссия с немецкими писателями, в которой примут участие наши уважаемые Григорий Яковлевич и Юрий Васильевич, и пресс-конференция Сергея Девойно по случаю выхода в Германии его книги «Экстрасенс». (Оба фронтовика глянули на меня с любопытством.) У меня будут переговоры с главным редактором издательства, возможно, понадобится участие кого-либо из вас. Об этом скажу на месте. В остальном вы свободные птицы. Ходите по ярмарке, гуляйте по городу...

– Не особенно разгуляешься! – хмыкнул Григорий Яковлевич. – На сотню-то марок.

– У всех в немецком издательстве выходят книги, – возразил Панкин. – Вашу долю аванса получите в немецких марках.

Фронтовики оживились, да и я мысленно порадовался. А Панкин-то молодец! Нет, ВААП, конечно, – грабительская организация. Из гонорара писателя, изданного за границей, забирает 75 процентов. Эту моду у нее переймут последователи в постсоветских странах. Но хоть что-то... Марки в Германии куда лучше чеков Внешторгбанка в СССР. В «Березке» на них можно кое-что купить, но, во-первых, не всё, во-вторых, выбор никакой.

– Гостиницу нам оплачивает издательство, – продолжил Панкин, – завтрак в цену включен. Обедом будут кормить на выставке, это мне обещали. Остаются ужины. Они за свой счет, хотя один прием для русских писателей издательство обещало. Если есть желание сэкономить, можно прихватить продукты с собой. – Панкин подмигнул. – И не только продукты. Таможенники трясти не будут – писательская делегация. С нашими уже поговорили, а в аэропорту Франкфурта нас проведут через вип-зал. Хотя набивать чемодан бутылками все же не стоит: и тащить тяжело, и звенят громко.

Все рассмеялись.

– Нам забронированы три номера. В одноместном живу я, остальные по двое. Думаю, кто с кем поселится, уточнять излишне.

Фронтовики глянули друг на друга и кивнули. Ясно. Мне – с переводчиком.

– Встречаемся завтра в аэропорту за два часа до отлета. Люди все взрослые, ответственные, так что, думаю, никто не опоздает. Всё.

Мы встали и потянулись к дверям.

– Сергей Александрович! – окликнул Панкин. – Задержитесь.

– Подожди меня! – шепнул я переводчику. Тот кивнул и скрылся за дверью.

– Меня просили проинструктировать вас насчет пресс-конференции, – сказал Панкин, когда мы остались одни. – Есть необходимость?

– Нет.

– Уверены?

– Не сомневайтесь! Родину не продам.

Он засмеялся.

– Я и не сомневаюсь, Сергей! Можно вас по имени?

Я кивнул.

– Мне кое-что о вас рассказывали, и эти отзывы очень лестные. Самородок, на редкость умный и самостоятельный для своих лет человек. Во время службы в армии награжден боевой медалью. Просто так их не дают. Я все верно сказал?

– Еще я вышиваю бисером и говорю по-немецки. Свободно.

– Насчет немецкого серьезно? – заинтересовался он.

– Не сомневайтесь, герр Панкин! – сказал я на языке Гёте. – Вполне в состоянии отвечать на вопросы журналистов.

– Не понял, но впечатляет, – кивнул Панкин. – Было бы здорово на пресс-конференции обойтись без переводчика. Молодое поколение советских писателей в совершенстве знает немецкий язык. Недоброжелатели заткнутся. Но я попрошу Юрия оценить ваш уровень. Не возражаете?

– Без проблем.

– Тогда до завтра!..

Юрий терпеливо ждал меня в коридоре.

– Слышал про таможеню? – спросил я.

Он закивал.

– Тогда затариваемся черной икрой и коньяком. Толкнем их в Германии и разживемся марками.

– Не могу, – потускнел он. – Вас, писателей, могут и не досмотреть, а я переводчик. Найдут контрабанду – конец карьере. У меня это первая поездка, испытательная.

Я на мгновение задумался. Можно, конечно, и одному, но мне с человеком пять дней жить в номере. И донос он может запросто написать – из зависти. Стану невыездным. А у меня на Германию планы...

– Сделаем так. Все лишнее сложим мне в чемодан. В Германии верну. Идет?

Он заулыбался.

– Держи! – Я сунул ему сто рублей. – Купишь четыре банки по полкилограмма. Выбирай самую свежую и держи в холодильнике. Но в морозилку не суй – вкус потеряет. Коньяк я беру на себя. Все. Встречаемся в аэропорту.

Он кивнул, и мы разбежались. Боялся Юрий напрасно. На таможне нас не досматривали, только проверили паспорта. Затем был перелет, в ходе которого мы с будущим соседом по номеру практиковались в немецком. В аэропорту Франкфурта нас встречали как вип-персон. В чемоданы заглядывать не стали. Проверка документов – и мы загрузились в ожидавший нас микроавтобус «Фольксваген». Быстрый переезд в город, отель.

– Сегодня отдыхайте! – просветил встречавший клерк. – Завтра в двенадцать ноль-ноль пресс-конференция герра Девойно. Дискуссия русских и немецких писателей через день. В одиннадцать я буду ждать вас в холле. Ауфвидерзеен.

Он убежал, а мы потянулись к стойке портье. Я пропустил вперед Панкина, фронтовиков. Они взяли ключи и направились к лифту. Я подождал, пока они скроются из глаз, и положил на стойку две марки.

– Позвать носильщика? – осведомился портье.

– Нет. Нужна информация. У нас с камрадом, – я кивнул на Юрия, – два килограмма свежайшей, вкусной русской черной икры. Еще два литра отличного армянского коньяка. Отдадим дешево. Не подскажите, кому? Ваши комиссионные – два процента.

– Пять, – сказал портье и смахнул марки со стойки. – И у вас заберут икру через час.

– Договорились! – сказал я.

Портье не соврал. Мы не успели распаковать вещи, как в дверь постучали. Я открыл. Передо мной стоял здоровенный немец с выпирающим брюхом.

– Здесь продают черную икру? – спросил он.

– Проходите! – Я отступил в сторону.

В номере я достал из холодильника банки и выложил их на стол.

– Можно? – Немец потянулся к одной.

Я кивнул.

Он снял крышку, рассмотрел содержимое, понюхал, а затем зацепил пару икринок кончиком ножа. Тот неизвестно как появился в его ладони. Бросив икринки в рот, гость покатал их на языке и раздавил зубами.

– Гут! Беру. Сто марок за банку.

– Это грабеж! – возразил я.

– Больше вам не дадут.

– Запросто. Икра, как вы поняли, свежайшая. Холодильник в номере есть, а мы приехали на пять дней. Пройдемся по магазинам, приценимся и найдем более выгодный вариант.

Он засопел.

– Сколько хотите?

– Сто пятьдесят.

– Сто десять.

– Сто сорок...

Сторговали по сто двадцать пять. Немец отсчитал деньги, бросил банки в пластиковый пакет и укатил. Коньяк его внимание не привлек.

– Так! – сказал я, раскладывая марки на кучки. – По двести пятьдесят на брата. Комиссионные портье – двадцать пять. В итоге...

– Мне хватит двухсот, – сказал Юрий.

– Почему? – удивился я.

– Это ты придумал с икрой. Ты провез ее через таможню. Наконец, продал ее дороже, чем я рассчитывал. Я бы и по пятьдесят отдал. Все равно выгодно.

– Ладно, – сказал я и забрал купюру из его стопки. – Передумаешь, скажи. Верну. Сейчас я навещу нашего благодетеля, а ты позаботься об ужине.

– Данке! – сказал портье, приняв двадцать пять марок.

– А что с коньяком? – спросил я.

– Увы, герр Девойно! – развел руками портье. – Русский коньяк здесь не знают. Вам вряд ли удастся его продать. Если б водка... Я сам бы купил.

«Вот ведь засада! – подумал я. – Не учел. В моем времени спрос был на коньяк...»

– Не подскажите магазин, где можно купить хорошие вещи? – спросил я. – Одежда, обувь и прочее. Желательно очень недорого.

Портье на мгновение задумался.

– Вас не смутит, что в этом районе живут турки?

– Не смутит, – успокоил я. – С турками мы дружим. «Перестреливаемся через границу», – добавил мысленно.

– Тогда записывайте адрес и как доехать. – Портье выложил на стойку лист бумаги и ручку.

«На границе турки ходят хмуро, – напевал я обратной дорогой. – Но мы им товар не отдадим...» В номере я сообщил грустную новость соседу.

– Ерунда! – сказал Юрий. – И без того получили больше, чем рассчитывали. Причем сразу.

– Тогда обратно не повезем! – подвел я итог и выставил на стол бутылку. – Отметим прилет.

Выпить мы не успели. В дверь постучали. За порогом стоял Панкин.

– Что я вижу? – сказал он, шагнув в номер. – Безобразия нарушаем?

Ого! – Он взял бутылку. – «Двин», любимый коньяк Черчилля. У вас отменный вкус, Сергей!

– Угощайтесь! – предложил я.

– Не здесь! – покрутил он головой. – В моем номере накрыт стол. Наши уважаемые писатели уже там. Берите бутылку и айда со мной. Еду оставьте. Жены нам в дорогу столько наготовили, что вдвоем не съесть. А нужно, не то испортится. Идем?

Отказываться мы не стали.

Глава 17

Провокационный вопрос задал корреспондент «Зюддойче цайтунг».

До его выходки пресс-конференция шла как по маслу. А с чего бы нет? В том времени я этих толковищ прошел тысячи. Причем участвовал в них по обе стороны барьера. Так что вопросы и ответы летали, как шарик в пинг-понге.

– Герр Девойно, вы так юно выглядите. Вам вправду двадцать три года?

– На самом деле восемьдесят. Просто у нас хорошая медицина.

Смех.

– Вот мой паспорт. Желающие могут взглянуть.

– А что вы думаете о свободе творчества в СССР?

– Я о ней не думаю, я ее осуществляю. Мой роман (на Западе нет такого жанра, как повесть, поэтому «Экстрасенс» – роман) о человеке, обладающем паранормальными способностями. Вы считаете, я писал его под диктовку комиссаров?

Смех... Шутка на грани фола, но Панкин, которому Юрий шепчет перевод, одобрительно кивает. На Западе советский человек должен казаться смелым и раскованным. Довольным выглядит и сидящий рядом со мной герр Циммерман, главный редактор издательства. Журналистам русский писатель нравится. Значит, и отчеты о пресс-конференции будут благожелательными.

– Вы так хорошо говорите по-немецки. Учили в школе?

– Самостоятельно.

– Почему?

– Хотел читать Шиллера в подлиннике. А также Гёте и Гейне. Немецкий язык красивый и богатый. Английский в сравнении с ним слишком прост. Выучил тысячу слов – и ты знаток.

Журналисты улыбаются. Любой нации льстит комплимент о ее языке. А тут еще сравнение с английским... Оккупантов в ФРГ не слишком любят. Отметились союзнички... И тут вылез этот Бильдерлинг. Он мне сразу не понравился. Неопрятный, сальные волосы, синий пиджак, обсыпанный перхотью. Презрительная ухмылка на кислой роже...

– Герр Девойно, вы не тот, за кого себя выдаете.

В зале, где шла пресс-конференция, установилась тишина.

– Почему? – поинтересовался я.

– Вы отлично говорите по-немецки, уверенно держитесь перед журналистами, вас не смущают острые вопросы. Вы пропагандист, специально подготовленный для того, чтобы обмануть общественное мнение Запада. Но со мной этот номер не пройдет.

Бильдерлинг победоносно посмотрел на коллег.

– А кто же, по-вашему, написал роман? – спросил я.

– Не знаю! – хмыкнул этот козел. – Но явно не вы.

Я ощутил, как изнутри поднимается раздражение. И голова побаливает после вчерашнего. Не стоило мешать коньяк с водкой... Я встал и вышел из-за стола.

– Не откажетесь подойти ко мне?

Бильдерлинг глянул настороженно.

– Не беспокойтесь, я не стану вас кусать.

Журналисты засмеялись. Бильдерлинг дернул плечами, но подошел. Операторы с камерами, ощутив запах сенсации, рванулись к нам.

– Присядьте! – Я подвинул ему стул. – Обопритесь о спинку, расслабьтесь.

– Зачем? – насторожился Бильдерлинг.

– Я вам кое-что покажу. Не волнуйтесь, это не больно.

Он хмыкнул, но подчинился. Я подождал, пока он перестанет ерзать, и извлек из кармана шарик на нитке. Привез. Как чувствовал, что понадобится.

– Смотрите на шарик, внимательно.

Спекся он скоро. Ну, так на нервах. Задать вопрос, идущий вразрез с ходом пресс-конференции, совсем не просто, кто бы что об этом ни думал. Журналисты – циники, но и они люди.

– Ваше тело отяжелело, веки ползут вниз. Вам тепло и приятно. Голова начинает вращаться на шее...

Сальная тыковка стала описывать круги. По аудитории будто прокатился вздох. Я спрятал шарик в карман.

– Вы в самом деле не верите, что я писатель, герр Бильдерлинг?

– Верю, – прошелестел ответ. – Но главный редактор велел так сказать.

– Зачем?

– Он не любит русских.

Понятно. Уж мы вас душили, душили...

– Вам хорошо, герр Бильдерлинг?

– Да.

– Тогда наслаждайтесь.

Я отступил и повернулся к аудитории. Та оторопело смотрела на

крутящего головой коллегу.

– Кто-нибудь еще сомневается, что я автор «Экстрасенса»?

Первой не выдержала журналистка, сидевшая в первом ряду. Она прыснула и зааплодировала. Спустя мгновение ее поддержали другие. Аплодисменты привели Бильдерлинга в чувство. Он очумело посмотрел на хлопающих в ладоши коллег, затем вскочил и выбежал из зала. Следом, смеясь и переговариваясь, потянулись и другие журналисты. Ко мне подошел Циммерман.

– Экселент, герр Девойно! Коллосаль! Это покажут в выпусках новостей всех телеканалов.

Он затряс мне руку.

– Небольшой скандал – лучшая реклама. Ведь так? – подмигнул я.

– Приятно иметь дело со знающим человеком, – улыбнулся он. – Вы удивили меня, герр Девойно.

– То ли еще будет, – пообещал я. – Не откажетесь уделить мне несколько минут, герр Циммерман? У меня к вам деловое предложение.

– Приватный разговор? – сощурился он. – Тет-а-тет?

– У меня нет секретов от моих товарищей.

– Несколько минут найду, – согласился он.

Циммерман, я и присоединившиеся Панкин с Юрой прошли в кабинет главного редактора. По пути председатель ВААП бросал на меня настороженные взгляды: дескать, что это еще за выходка? В ответ я делал невинное лицо.

– Слушаю вас! – сказал Циммерман, когда мы расселись.

– Вот! – Я вытащил из сумки и протянул ему несколько листов.

– Что это? – Циммерман взял листки.

– Синописис будущей книги. Я предлагаю издательству написать серию романов о мальчишке-маге. Сироте, который обучается в магической школе. Это сказка, изобилующая многочисленными приключениями.

– Думаете, будут покупать? – хмыкнул главный редактор.

– Не сомневаюсь. Но вы покажите синописис своим специалистам. Пусть они и определяют.

– Гут! – сказал он и положил листки на стол. – А сейчас я предлагаю пройти в ресторан, где для вас накрыт стол. После обеда нашим уважаемым авторам вручат конверты с их гонораром.

– Ты что вздумал? – сердито спросил меня Панкин по пути в ресторан. – Какой, к хрену, синописис?

– Держите! – Я достал из сумки листки. – Это второй экземпляр. Юрий переведет. Никакой антисоветчины. Сказка.

– Но почему сразу немцам? – спросил он, успокаиваясь. – Напечатал бы у нас.

– Этот мальчик живет в современном мире. Он сирота, которого обижают родственники. Поэтому он с радостью принимает предложение учиться на мага. В СССР это напечатают?

– М-да! – Панкин почесал в затылке. – Мальчик не советский?

– Немец.

– Тогда ладно. – Он прищурился. – Договор через ВААП?

– Разумеется! – подтвердил я. – Мне не нужны неприятности.

Он кивнул – договорились. Мое желание его не удивило. Писателю, чья книга сначала выходит за границей, положено 75 процентов гонорара, уплаченного иностранным издательством, а не 25, как в случае наоборот. Причем гонорар этот в валюте. В СССР его выдадут чеками Внешторгбанка. Немецкая марка – валюта первой категории, так что чеки будут соответствующие. В сети магазинов «Березка» за них без проблем можно купить даже автомобиль, причем по очень гуманной цене. Например, «Волгу» «ГАЗ-21» всего 1200 чеков. Это, конечно, хорошо, но марки на счету в немецком банке еще лучше. ВААП – хитрополая организация. Книги советских писателей, которые не издают на родине по идеологическим соображениям, она толкает на Запад, демонстрируя тем самым свободу творчества в СССР. Разумеется, речь не о Солженицыне и ему подобных. Писатели не в проигрыше. Гонорар в валюте приравнивает их к дипломатам и работникам внешнеторговых организаций в СССР, которые имеют вещи, недоступные простому человеку. Как там у Высоцкого? «Вон дантист-надомник, Рудик, у него приемник «Грюндиг». Он его ночами крутит, ловит, контра, ФРГ. Он там был купцом по шмуткам и подвинулся рассудком...»

В ресторане к нам присоединились писатели-фронтовики. Они успели погулять по ярмарке и щедро делились впечатлениями. Главным образом, об уровне немецкой полиграфии. Что есть, то есть. Взять те же альбомы с репродукциями художников. В моем времени в СССР их покупали за огромные деньги. Потому что официально практически не ввозили, а потребность была. Жидкий ручеек тек через выезжающих за границу советских граждан.

В ответ Панкин рассказал о пресс-конференции и о моей выходке с журналистом-провокатором. Я удостоился одобрительных взглядов. Приятно. После обеда нас вновь отвели на стенд S. Fischer Verlag, где Циммерман вручил писателям конверты с гонораром. Передавая мой, заговорщицки подмигнул. Причину я понял, пересчитав деньги. Аванс за

«Экстрасенса» составил 1500 марок. Три четверти достались ВААП, моя доля – 375. В конверте оказалось на сотню больше. Ясень пень – премия за удачную пресс-конференцию. Не расщедрился, фриц, но и на этом спасибо. Живем!

– Теперь бы с умом потратить, – вздохнул Юрий Васильевич, пряча свой конверт. – Цены тут у них...

– Мне подсказали хороший магазин, – влез я. – Качественные вещи по низким ценам. От выставочного комплекса ходит трамвай.

Фронтвики обменялись взглядами.

– Вам лучше вместе, – поддержал Панкин. – Сами знаете, провокации...

– Веди! – кивнул Григорий Яковлевич.

...Универмаг поражал взор. Огромные витрины, просторный холл, эскалаторы... Войдя внутрь, фронтвики и Юрий закрутили головами.

– Давайте поделимся! – предложил я. – Я говорю по-немецки, поэтому справлюсь один. Юрий, если нужно, вас сопровождает.

– Разберемся! – махнул рукой Григорий Яковлевич. – Моего немецкого хватит, чтобы купить штаны. Но поделиться стоит. Встретимся здесь... – Он глянул на часы. – В восемнадцать ноль-ноль.

Мы с Юрой кивнули. Фронтвики направились к эскалатору.

– Сергей! – повернулся ко мне Юра. – Посоветуй. Нужно купить подарок человеку, устроившему мне эту поездку.

– Мужчине, женщине? Возраст?

– Мужчина, за пятьдесят.

– Тогда бумажник, кожаный. Темно-коричневый или черный цвет. Стиль строгий и элегантный.

– Спасибо! – кивнул Юра и улетел. Я пробежался взглядом по указателям.

«Но вот я набрел на товары.

– Какая валюта у вас? – говорят.

– Не бойсь, – говорю, – не доллары!»

Высоцкий – гений. На каждую ситуацию в жизни найдутся стихи. Долларов у меня нет, но... В 90-е неизвестно откуда возникшие валютчики станут сипеть в людных местах: «Доллары, марочки...» Теперь бы «марочки» да с умом потратить...

К восемнадцати ноль-ноль все были в холле. Фронтвики и Юра держали в руках огромные, пухлые полиэтиленовые пакеты с логотипом магазина. А вот я – чемодан. Большой, пластиковый. Выглядел он солидно, хотя обошелся в смешную сумму. Ну, так торговаться надо уметь. У

чемодана оказался дефект – мелкий и не мешающий эксплуатации. Я его обнаружил и указал продавцу: дескать, браком торгуете. Изобразил гнев. Продавец позвал заведующего отделом. Турок рассыпался в извинениях и сбросил цену в несколько раз.

– Барахольщик! – сказал Григорий Яковлевич, ткнув в меня пальцем.

Все засмеялись. Покупатели-турки смотрели на нас во все глаза. Было видно, что подобное зрелище им внове. Европейцы не только зашли в их магазин, но и ведут себя по-хозяйски. А то. Это вам не немцы. У русских разговор короткий.

В отеле мы с Юрой, не сговариваясь, стали разбирать покупки, выкладывая их на кровати. Итак, что имеем? Шубка белая из искусственного меха – одна. В Германии такие носят исключительно турчанки – дешевка. Что сделаешь, нет у меня денег на норковую. В СССР и искусственная сойдет за последний писк. Тем более что к шубке прилагается белый берет из мохера и белые же сапоги. Последних в Минске вообще ни у кого нет – в СССР не выпускают обувь такого цвета. И из-за границы не завозят – непрактичная. Но нам на это плевать. Минск обзавидует. Это не все. Лиле предназначены белая «водолазка» и джинсовое платье-клеш без рукавов. Можно носить летом, а можно и зимой, поддев под него ту же водолазку. Теще и Маше по мохеровой кофте; первой – черного, второй – светло-коричневого цвета. Мужчинам семьи Девойно и отцу – джемперы с треугольным вырезом спереди. Акрил с добавлением шерсти, рисунок – разноцветные ромбы. У каждого – разный. Будут надевать по праздникам, вызывая завистливые взгляды соседей. Заграница... Самое смешное, что стоило все это недорого – синтетика. Плюс я потребовал и получил скидку за оптовую покупку. Послезнание рулит. Себе я выбрал джинсовый костюм и коричневые ботинки. В СССР буду выглядеть модно.

– Ого! – раздалось за плечом. Я повернулся. Юра смотрел на разложенное богатство во все глаза.

– Семья у меня большая, – сказал я.

– Сергей... – Он смутился.

– Деньги потратил? – сообразил я.

– Ага! – вздохнул он. – Оставил тридцать марок на всякий случай, а потом увидел кофточку...

– Девушке?

– Маме. Она меня одна растила. Отец умер, когда мне было четырнадцать.

Я достал из кошелька и протянул ему банкноту в 50 марок. Он

радостно зажал ее в руке.

– Я отдам! В Москве.

– Не нужно! – сказал я. – Заберу коньяк, и мы в расчете.

– Согласен! – обрадовался он. Еще бы. «Двин» в СССР стоит чуть более 20 рублей за бутылку. Поменять их на марки по курсу один к одному – неслыханная удача. Хотя Госбанк СССР считает иначе. Он за марку дает 36 копеек. Только кто ж ему по такой цене продаст? На черном рынке марка стоит 2,5 рубля, да еще попробуй найди. За нелегальную торговлю валютой в СССР статья – вплоть до расстрела...

Ужинали по-прежнему компанией. В этот раз закуска была скромнее – привезенная с собой колбаска и хлеб. Плюс вареные яйца. Жареных куриц съели вчера, спиртное почти все выпили. На столе стояли бутылка водки и «Двин». Коньяк, естественно, мой. Пить не хотелось, но Панкина следовало угостить – ему «Двин» нравится. С председателем правления ВААП нужно дружить.

За ужином мы просмотрели выпуски новостей. Пресс-конференцию и вправду крутили по всем каналам. Вертящий головой журналист вызвал восторг у фронтовиков.

– Так ему и надо, фашисту! – заключил Юрий Васильевич. – А то взяли моду через губу разговаривать. Забыли, кто на рейхстаге расписался.

– Кстати, Сергей, – сказал мне Панкин, – Циммерман звонил, просил передать тебе, чтобы завтра нашел его на выставке. Похоже, им твое предложение понравилось.

Вот что «Двин» животворящий делает! А ведь мог и не сказать. Телефон в номере только у Панкина. Фронтовики уставились на меня.

– Сказку хочу для них написать, – объяснил я.

– А-а... – протянул Григорий Яковлевич, и оба писателя утратили ко мне интерес. Сказки им неинтересны. Они остались на той на войне, так же как и другие представители «лейтенантской» прозы. На наших пядях и крохах. О том пишут и будут писать...

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы...[\[24\]](#)

Лучше не скажешь...

* * *

Циммерману на следующий день я вручил полиэтиленовый пакет с «Двином». Пакетом я разжился на ярмарке. Их раздавали в качестве сувениров на ряде стендов, чем наша делегация охотно пользовалась. В СССР это подарок, да еще какой!

– Здесь любимый коньяк Черчилля, – сообщил я удивленному немцу.

– Правда? – не поверил он.

– Можете заглянуть в «Британику». В статье о Черчилле это есть.

– Данке, – сказал он, – но я понимаю, что вы пришли сюда не за тем. – Он улыбнулся. – Перейдем к делу. Ваша идея вызвала споры у моих подчиненных, но я решил попробовать. «Экстрасенс» после беседы с журналистами пойдет хорошо, и можно надеяться, что новая книга автора вызовет интерес. Тираж небольшой, гонорар – две с половиной тысячи марок. Устроит?

– Да, – сказал я. – Но с одним условием. Со всего, что свыше этого тиража, – тридцать процентов автору от оптовой стоимости экземпляра. И мою долю перечислять в немецкий банк.

– А вы самоуверенны! – хмыкнул он. – На какой тираж вы рассчитываете?

– Два миллиона. Это в Германии. В остальных странах раз в десять больше.

– Однако! – охнул он.

А вот не стоит удивляться! В той жизни тираж «Гарри Поттера» исчислялся сотнями миллионов. Нет, я не собираюсь грабить английскую учительницу. Пусть пишет своего Поттера. Возможно, именно он и соберет эти миллионы. В той жизни я эту книгу даже не прочел. Пробовал, но не смог – скучно. Зато клонов российского разлива держал в руках тучу. Начитался по самое не могу. Вот и заимствую идею. Она, к слову, объектом авторского права не является.

– Не бойтесь неприятностей с ВААП? – спросил пришедший в себя главный редактор. Как мне показалось, с уважением.

– Нет. Их долю вы перечислите во Внешторгбанк, а своей я могу распоряжаться по собственному усмотрению. Ограничений на этот счет

нет.

– Вы неплохо подготовились к этому разговору, – заметил Циммерман. – Что ж, согласен. Только тридцать процентов для неизвестного автора – много. Могу предложить пятнадцать.

– После вчерашнего выпуска новостей я известный. Двадцать пять.

– Двадцать, – вздохнул он. – И это последнее предложение.

– Согласен.

– Когда будет рукопись?

– В феврале.

– Так скоро?

– Мы пишем вдвоем с женой. Она у меня редактор с дипломом университета.

Слово «диплом» произвело нужное впечатление. Немец. Образованных людей в Германии ценят. Это в СССР нужно учиться пять лет, чтобы получить зарплату в 90 рублей. В то время как рабочему платят в два раза больше. Мы условились подписать договор после того, как в издательство ознакомится с рукописью. На том и расстались.

У меня оставалось еще дело. Нужный адрес мне дали на стенде «Информация». Не все ж портье марками подкармливать. Девушка, правда, удивилась, но адрес нашла и выписала на бумажку. И вот я стою перед витриной, кроя себя матом. Дорвался до шопинга, идиот! О подарке хорошему человеку вспомнил, когда денег осталось совсем мало. Да еще вчера их раздавал... Спрашивается, зачем? Обошелся бы Циммерман и без коньяка.

– Могу вам чем-то помочь, герр?

Я повернул голову. Рядом стоял невысокий, худощавый немец. Немолодой. Волосы седые, но на вид вполне крепкий. Это кто?

– Я хозяин этого магазина, – сказал он, будто услышав вопрос. – Вы стоите перед его витриной уже пять минут. Желаете что-то приобрести?

– Желаю, – вздохнул я, – но денег не хватает.

– У вас странный акцент, – заметил он. – Англичанин?

– Русский.

– Вот как? – Брови его поползли вверх. – Что делает юный русский во Франкфурте?

– Я писатель. Немецкое издательство выпускает мою книгу.

– Гм, – сказал он. – Не хотите кофе?

– С удовольствием! – ответил я.

Мы вошли в магазин. На стенах и стеллажах его красовались образцы товаров. Очень необычные образцы. У не привыкшего к ним человека

вызовут оторопь. Но не у меня.

– Моя фамилия Байер, – сообщил немец, двигая ко мне по прилавку чашку. Кофе в нее он налил из блестящего агрегата – и себе тоже. – Зовут меня, как вы, наверное, догадались, Ганс. – Он рассмеялся. – А вы? Иван?

– Сергей. Фамилия – Девойно.

– Где вы живете в России? Москва?

– Минск.

– Вот как? – Он поставил свою чашку. – Был я в вашем городе. Признаться, это были не лучшие годы моей жизни.

– Плен? – догадался я.

– Я-я, – кивнул он. – Семь лет. С тысяча девятьсот сорок четвертого по тысяча девятьсот пятьдесят третий. Здравсуйте, гражданин начальник, – произнес он на ломаном русском.

Мы помолчали. Допили кофе.

– Кому вы хотели купить костыли? – спросил он.

– Одной фрау. Я ей обязан. Много мне помогала.

– Что у нее с ногами?

– На войне была медсестрой. Однажды их госпиталь обстреляла немецкая артиллерия. Прицельно... – Я запнулся.

– Не стоит проявлять деликатность, – сказал Байер. – Я знаю, что вермахт обстреливал русские госпитали. А вот Красная армия – нет. Что произошло с фрау?

– Осколок отрубил ей ногу ниже колена. С тех пор она ходит на протезе. Но у нас плохо их делают. Протез тяжелый и натирает культю. Дома она отстегивает его и пользуется костылями. Но они деревянные и неудобные. Эти, – я указал на витрину, – лучше.

– Понятно, – сказал Байер. – Что ж, герр Девойно. Я продам вам костыли со скидкой. За одну марку. Я капиталист и не могу бесплатно. – Он усмехнулся.

– Почему? – спросил я.

– В Минске к нашему лагерю приходили русские женщины. Они приносили еду. Мы знали, что сами они голодают и что у них есть дети. Но они все равно несли. Мы делали игрушки для их детей, какие-то мелочи, но это было крохотной платой за возможность выжить. Я до сих пор не знаю, почему они так поступали. После того что мы, немцы, сотворили на вашей земле... – Он вздохнул.

– Кем вы были на той войне? – спросил я.

– Врачом. Я не убивал русских, герр Девойно. Я их даже спасал. Иногда в наш госпиталь привозили раненых русских офицеров. Но о том,

что делали в России наши солдаты, я знаю. Поэтому не хожу на собрания ветеранов. Мне неприятно вспоминать... – Он помолчал. – В тысяча девятьсот пятьдесят третьем я вернулся в Германию. Разоренная войной страна, нищета. Платили мало. Но у меня был план. На войне я провел сотни ампутаций, поэтому знал: калекам понадобятся протезы. Их оплачивало государство, оно продолжает делать это и сейчас. Спрос постоянный. Протез со временем изнашивается, его нужно менять. Отличный бизнес! – Он усмехнулся. – В русском лагере я познакомился с замечательным инженером, рассказал ему об идее. Курт согласился стать моим компаньоном. Мы разработали модели легких и удобных протезов. К тому же они оказались дешевыми. Государство их охотно закупает. У нас с Куртом сеть мастерских. Недавно я передал дело сыну, оставив себе этот магазин. Жена моя умерла, и мне скучно сидеть дома. В магазин приходят калеки, мне интересно с ними общаться. Вот и русского писателя встретил. – Он улыбнулся.

– Спасибо, герр Байер! – сказал я.

– Не стоит, – махнул он рукой. – С удовольствием сделал бы вашей фрау протез. Но для этого ей нужно приехать сюда.

– Заочно не получится? – спросил я.

– Как вы сказали? Заочно? – Он задумался. – Если произвести точные замеры...

– По первой профессии я слесарь-инструментальщик, – сказал я.

– Гм! – Он окинул меня испытующим взглядом. – Можно попробовать. Подогнать по высоте труда не составит – опорная труба регулируется. Стакан для культи сделать с амортизирующими вставками. Поставить ремни для крепления на ноге... – бормотал он, подняв взгляд к потолку. – А что? Может получится. Вот! – Он вытащил из-под прилавка несколько листов. – Произведите все необходимые замеры и впишите данные в нужные клетки. Пришлите их мне. Адрес – внизу. Готовый протез вышлю по почте.

– Данке! – Я забрал листки. – В будущем году в издательстве S. Fischer Verlag выйдет моя книга. Аванс я уже получил. Со второй выплаты попрошу заплатить вам за работу. Выпишите счет.

– Не нужно, – сказал он. – Еще марка, и вы мне ничего не должны. Мне будет приятно помочь русской медсестре. Мы были по разные стороны фронта, но все же коллеги. И я не забыл русских женщин, носивших нам еду. Не могу отблагодарить всех, но пусть хоть одной станет легче. Я стар, герр Девойно, а с возрастом становишься сентиментальным. Вам это трудно понять.

«Отчего же!» – подумал я, но возражать не стал. Отсчитал немцу две марки и на прощание пожал руку. По-моему, он это оценил.

* * *

Последующие дни пролетели быстро. Фронтовики провели дискуссию с немецкими писателями – откровенно и жестко. Когда один из немцев вспомнил бомбардировку Дрездена, микрофон взял Григорий Яковлевич.

– Я помню это событие, – сказал, нахмурившись. – О нем сообщило Совинформбюро. В ту пору моя часть воевала в Германии. Знаете, какой была наша реакция? – Он помолчал. – Мы радовались. Потому что за нашими спинами лежали сожженные и разрушенные советские города. Могилы миллионов замученных немцами мирных жителей. Женщин, детей, стариков. Так что – да, радовались [\[25\]](#).

Зал на мгновение притих, а затем взорвался аплодисментами...

К микроавтобусу, отвозившему нас в аэропорт, я вышел с чемоданом, с примотанными к нему костылями.

– Это еще что? – удивился Юрий Васильевич. – Для кого?

Я сказал.

– Видишь, Гриша, – сказал фронтовик, – какую молодежь мы вырастили? А ты говорил: «Клоуны». Он свои марки не на шмотье для девок потратил, а на костыли для фронтовички. Помнишь, как сестрички нас вытаскивали?

Григорий Яковлевич смутился и ничего не ответил. Я почувствовал себя неловко. К счастью, подошел автобус, и мы стали рассаживаться.

В Шереметьево таможенники покосились на костыли, но досматривать не стали. Панкин им что-то сказал, и они увяли. Но все эти мелкие неприятности забила реакция Дина Аркадьевна.

– Ну, Сережа, ну, молодец! – радовалась она, опробовав покупку. – Такие легкие и удобные! И упор под локти. От старых у меня мозоли под мышками. Не знаю, как благодарить.

– Я вам и протез заказал, – сказал я.

– Как? – поразилась она.

– Нужно только обмерить ногу и заполнить форму. – Я показал листки. – Отправить это в Германию, там сделают. Готовый протез вышлют по почте. Подогнать, если что, можно на месте. Работу оплатит Красный Крест, – соврал я. – И костыли – тоже. Мы с ним договорились.

Про Красный Крест я придумал в пути. Не примет Дина Аркадьевна

подарок от немца. Гражданин СССР – человек гордый. В 90-е наши нищие старики – малолетние узники нацистских концлагерей будут выстраиваться в очереди за выплатами из Фонда взаимопонимания и примирения, вытряхнутого из Германии по инициативе белорусских дипломатов^[26]. Но к тому времени СССР уже не будет. Гордость умирает, когда есть нечего.

– Ну, Сережа! – покачала она головой. – Ну, орел! Тебе бы дипломатом работать.

– Писателем мне больше нравится, – сказал я и достал красочный проспект. – Ваш протез будет выглядеть так.

– С ним даже туфли можно носить! – удивилась Дина Аркадьевна. – А то мне надоело правые в шкаф складывать. Порознь ведь не продают. Все, Сережа, замеряй!..

В Минск я прилетел на самолете – не было желания тащиться поездом. Ну, и обломался – Лили не оказалось дома. Видимо, побежала по магазинам. А чего я хотел? Ждут меня только завтра, а позвонить я не догадался. Подумав, я решил не заморачиваться. Притащив чемодан в гостиную, я вытащил из него подарки и разложил на диване. Полюбовавшись, сходил в душ и прилег в спальне. Но едва смежил глаза, как щелкнул замок входной двери. Следом послышалось восклицание – мою обувь увидели в прихожей – и по полу прошлепали ножки.

– Сережа! Приехал!

Меня затискали и зацеловали.

– Вообще-то прилетел, – проворчал я. – А жены дома нет. Где, интересно, ходила?

Лиля сделала загадочное лицо.

– Ладно, – сказал я. – Подарки в гостиную.

Ножки унеслись, и через мгновение до меня долетел радостный визг. Я попытался уснуть, но не тут-то было. Буквально через минуту жена вновь объявилась в спальне, уже принаряженная. Причем надела она все – и платье, и водолазку, и шубку, и берет, и сапоги.

– Как? – спросила, крутнувшись передо мной.

– Чудо! – сказал я. – Снежная королева.

В ответ послышалось довольное гмыканье, жена исчезла, чтобы через пять минут явиться в новом наряде. Она перемерила все, включая джемпер тестя. Тот смотрелся на ней как платье на хиппи. Вслух произносить я этого не стал. Здесь «хиппи» – слово ругательное.

– Себе хоть что-нибудь купил? – спросила Лиля, закончив с примерками.

– Джинсовый костюм и ботинки. Они в шкафу. Примерять будешь?

– Потом, – сказала Лиля и прилегла рядом. – У меня для тебя тоже подарок.

– Какой?

– Он здесь. – Лилия погладила живот.

– Правда? – подскочил я.

– Только что от врача. Третий месяц, – улыбнулась она. – Доволен?

– Да! – сказал я.

– Ты будешь его любить?

– Буду! – пообещал я, перетаскивая ее к себе на грудь. – Его, ее или обоих вместе. Сколько бы там ни поместилось. Я вас всех буду любить. Зачем спрашивать?

– Я должна знать, – сказала она и вздохнула: – Жаль, шубку зимой не надену – живот не даст.

– Не было бы большего горя! – сказал я. – Другую куплю. Я люблю тебя, солнышко!

– И я тебя! – сказала она. – Хорошо, что я догадалась тогда пригласить тебя на танец. А вдруг бы постеснялась? Даже представить страшно.

– Не нужно представлять! – возразил я. – Это должно было случиться. Кстати, я договорился с немцами о новом романе. Сдать рукопись следует в феврале. Поможешь?

– Конечно! – Она потерлась носом о мою щеку. – Мог бы и не спрашивать.

– Но я должен знать, – вернул я ей ее же слова.

– Противный! – Она легонько ударила меня кулачком в грудь и тут же поцеловала ушибленное место. – Ох, Сережа! Я такая счастливая.

«Я – тоже!» – хотел сказать я, но промолчал. Потому что вспомнил про 1986 год. Про детей, попавших под радиоактивные осадки. Своих-то я сумею уберечь, но как быть с остальными?

«Сделаю! – пообещал я себе. – На уши встану, но извернусь. Даже если придется сбежать на Запад. СССР мне не спасти, да и хрен с ним! Детей жалко. Эти гребаные коммунисты погонят их на Первомайскую демонстрацию – прямо под радиоактивный дождик. Собрать бы этих начальников, дать им в руки лопаты – и на разрушенный блок. Пусть бы радиоактивный графит в жерло сбрасывали. А то солдатами заслонились...»

Сделав усилие, я прогнал эти мысли. Рано. Придет время, тогда и вспомним.

Глава 18

Следующий год начался с приятных событий. В феврале у меня появилась сестричка. Любовь, как назвали ее родители, родилась в результате кесарева сечения, что не сказалось на здоровье крохи и ее вздорном характере. Внимания к себе она требовала настоятельно, что выказывала громким ревом. Стихала только на руках. Отец с Машей измучились, но выглядели счастливыми. Над дочкой они тряслись. Мне позволили подержать на руках это крикливое чудо. Любаша восприняла это как должное. Снисходительно глянув на старшего брата, она улыбнулась, показав беззубые десны. Наблюдавшие за нами женщины засюсюкали и попытались ее забрать. Люба выразила несогласие громким ревом, и от нас отстали. Сестра так и уснула у меня на руках, после чего была транспортирована в кроватку.

– Чувствует родную кровь! – заключил по этому поводу отец. – Они с Сергеем и лицами схожи.

– А вот и нет! – возразила Маша.

Они заспорили; мы с Лилей слушали их и улыбались. Приятно видеть счастливых людей.

В мае на свет появился Тема – Артем Сергеевич Девойно. Извещенная телеграммой, из деревни прилетела теща – помогать дочке осваивать материнскую науку. Две женщины попеременно пеленали и купали малыша. Они носили его на руках и пели ему колыбельные. Теме это нравилось. Нрав у него, в отличие от тетки, оказался покладистым. Ночью сын спал, днем – тоже, а о себе напоминал, лишь когда хотел есть или нуждался в смене пеленки. При этом кряхтел как-то по-стариковски, вызывая тем самым умиление у окружающих.

В квартире поселились запахи молока и испачканных пеленок. Удивительно, но в этой атмосфере отлично работалось. А с пеленками и подгузниками справлялась стиральная машина. В той жизни ее у меня не было. Мы жили на съемной квартире, денег не хватало. Грязное детское белье жена сбрасывала в ванну, и я, вернувшись с работы, стирал его до двух часов ночи. Наутро, невыспавшийся, бежал в редакцию. Пару раз засыпал прямо за письменным столом...

Когда теща уехала, я получил наконец доступ к сыну. Носил его на руках и рассказывал сказки. Тема смотрел на меня серыми глазенками и благодарно внимал.

– Он же не понимает! – смеялась Лиля. – Маленький еще.

– Неправда! – возражал я. – Видишь, как смотрит? Он умный. В родителей пошел.

В июне Лиля защитила диплом. Государственная комиссия поставила ей «отлично». Кто бы сомневался? Во-первых, жена у меня умница, во-вторых – поэтесса, которая вот-вот вступит в Союз писателей. Члены комиссии это знали. Такими выпускниками факультет гордился. Лиля приехала домой радостная. Пересказала мне комплименты, услышанные от членов комиссии, покормила Тему, а потом взгрустнула.

– Ты что? – удивился я.

– Эти стихи написал ты...

– Мы с тобой, – возразил я. – Так же как это. – Я взял со стола номер «Нового мира». – Без тебя я бы не пробился. У нас с тобой все общее – даже сын.

Лиля засмеялась. Тема тоже заулыбался и выпустил молочный пузырь.

Роман «Сержант – князь» «Новый мир» опубликовал в мае. Наровчатов подстраховался и провернул две хитрые комбинации. Для начала он направил роман для одобрения в Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота. Ведь в романе резвился сержант-десантник. В ГлавПУРе роман согласовали без вопросов. Главный герой вел себя в прошлом, как надлежит советскому военному служащему и комсомольцу. В тексте это подавалось с долей иронии, но в ведомстве Епишева^[27] ее не заметили. Интеллект не являлся сильной стороной политруков. После ГлавПУРа Наровчатов отдал роман в Главлит. Там было прицепились к подробному описанию тактико-технических характеристик советского оружия. Этот элемент был введен мной осознанно. В моем времени пацаны, как подростки, так и убежденные седины, будут глотать эти куски, пуская слюни. Главлиту Наровчатов предъявил одобрение армии, и цензор увял. Военные знали, что ничего секретного в моих описаниях нет. Это оружие поставлялось на экспорт в десятки стран, и его характеристики разве что на заборах не красовались.

Еще роману предпослали предисловие. Написал его сам Рыбаков. Похвалив автора за отменное знание средневековой Руси – еще бы! по вашим книгам, Борис Александрович, учили! – он заметил, что сюжет романа – фантазия. Исправить прошлое – увлекательная идея. Однако история не знает сослагательного наклонения. «Вместе с тем такие книги полезны, – заключил Борис Александрович. – Они пробуждают у советских граждан интерес к прошлому».

Предисловие не помогло – роман вызвал споры. Слишком необычным

для этого времени выглядел сюжет. Критики упрекали автора за легковесный подход. Советовали учиться у классиков: Шолохова, Алексея Николаевича Толстого, Тынянова и других. Критикам возразил Пиккуль. Валентина Саввича самого за легковесность долбали. В спор вмешалась «Литературная газета». Автора романа пригласили к разговору. В беседе с критиком он выказал свое видение будущего исторической литературы. Если кратко, то звучало оно так: о прошлом нельзя писать скучно. Исторический роман должен пробуждать у читателей интерес и гордость за свою страну.

Возразить против этого было трудно, и критики увяли. Публикация в «Новом мире» и интервью в «Литературке» вывели меня в первый ряд писателей – тех, чье имя на слуху. Но куда больше радовала реакция читателей. В библиотеках за журналом записывались в очередь, в «Молодой гвардии» готовили книгу. Я получил предложение и от «Роман-газеты». На «Мосфильме», как сообщил Меньшов, планировали экранизацию романа. Владимир Валентинович при встрече со мной лучился. Съемки «Экстрасенса» прошли успешно. Киношники выезжали за границу, что для них – праздник. Возможность посмотреть мир, да и командировочные в валюте... На студии просмотрели рабочий материал. Как сообщил Меньшов, остались довольны. Режиссер работал над монтажом, премьера фильма ожидалась осенью.

Из Германии пришли хорошие вести: сказку приняли. В феврале в Минск прилетел переводчик. Звали его Гельмут Штайн. Русским Штайн владел в совершенстве. Неудивительно: мать Гельмута происходила из эмигрантов. В 1918 году ее родители уехали из России. Дочь они воспитали в любви к Родине, та перенесла это на сына. С пяти лет Гельмут читал Пушкина в оригинале. В Минск он прилетел скорее из любопытства, чем по работе – в моих пояснениях нужды не было. Поселился Штайн в гостинице «Юбилейная», где мы и встретились.

– Откуда вы знаете немецкую школу? – поинтересовался Гельмут. – Для писателя из СССР это странно.

– Общался с немецкими учениками, – соврал я. – Приезжали в Минск на «поездах дружбы».

А что, было. Даже Ангела Меркель, будучи школьницей, ездила в СССР. В поощрение за успехи в русском языке.

Переводчик кивнул. Поезда, ясен пень, отправлялись из ГДР, но школы-то одинаковые. Откуда знаю? В той жизни мои друзья-немцы любили вспоминать детство. Происходило это за рюмкой шнапса или кружкой пива. Немцы – нация сентиментальная. Они говорили, а я

слушал...

– Я переводил русских писателей, – продолжил Гельмут, – но ни с кем не работалось так легко. Текст ясный, трудных мест почти нет.

Ну, так для Германии писано. Лилю я особо предупредил: без заковыристых метафор! И переводчику легче, и читателю понятнее.

В Минске Гельмут не задержался. Нагрузившись сувенирами, отбыл во Франкфурт. На прощание мы выпили по рюмке бурякового, закусили салом – и то и другое привело Гельмута в восторг, – и я проводил гостя в аэропорт. К маю сказку сдали в набор. Летом роман «Курт – маленький маг» вышел из типографии. Об этом сообщил Циммерман, позвонив мне по телефону. Говорил с восторгом. Первоначально тираж книги определили в 10 000 экземпляров. В последний миг его увеличили втрое – сказалось мнение переводчика. Но и эти тысячи разлетелись в считанные дни. В книжных магазинах стояли очереди, типографии работали на полную силу. Новинкой заинтересовались за рубежом. S. Fischer Verlag вело переговоры с голландцами. На горизонте маячили англичане.

– Герр Девойно! – умоляющим тоном попросил Циммерман. – Очень нужно продолжение. Пожалуйста!

– Условия? – поинтересовался я.

– Тридцать процентов! Более того, мы готовы пересмотреть прежний договор в сторону увеличения вашей доли.

Кто б сомневался? При большом тираже себестоимость экземпляра снижается в арифметической прогрессии. Знай, подсчитывай прибыль! Почему бы не отстегнуть курочке, несущей золотые яйца?

– Сделаю, – пообещал я. – К Новому году.

– Я могу надеяться?

– Можете, – заверил я.

– Жду вас на выставке, – сказал Циммерман. – С ВААП я поговорю.

ВААП нарисовался сам. Мне позвонили из Москвы и попросили прибыть. Настоятельно. Я вылетел в столицу. Панкин встретил меня хмуро.

– Знаешь, каким тиражом вышла в Германии твоя сказка? – спросил, кивнув мне на стул. – Полмиллиона экземпляров! Данные на начало сентября.

– Это же замечательно!

– Как сказать... – Панкин побарабанил пальцами по столу. – Вот что, Сергей. Твою долю гонорара издательство переводит в немецкий банк. Хотя принято – во Внешторг. Обычно мы закрываем на это глаза. Немного валюты на подарки родным... Но в твоём случае – сотни тысяч марок. Не за горами миллион. Там, – он указал пальцем вверх, – этого не поймут. Тебя

сделают невыездным, и ты не сможешь воспользоваться этими деньгами. Так что совет: переводи марки во Внешторгбанк.

Ага, сейчас! Взамен мне выдадут гору чеков. И что дальше? Затариваться в «Березках»? Мне не нужно столько тряпья. Ну, куплю «Волгу» – себе и отцу, одежду и прочие ништяки родственникам. А дальше? Спекулировать дефицитом? Уголовная статья. Да и зачем? Советских денег у меня завались.

– Эти марки, Борис Дмитриевич, пойдут на благое дело.

– Перечислишь в Фонд мира? – оживился он.

Еще чего! Нет, Фонд – организация полезная. Но одно из направлений его деятельности – возведение памятников советским воинам за рубежом. Тех, которые будут сносить.

– У меня другой план.

– Поделись! – потребовал он.

Я рассказал.

– М-да, – качнул он головой. – Идея благородная, ничего не скажу. Но могут не понять.

– Это отчего? – возразил я. – Три года назад за рубежом создан Фонд Солженицына. Туда поступают гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Средства Фонда используются для помощи политическим заключенным в СССР и их семьям. Якобы. На самом деле – для вскармливания диссидентов, проще говоря, врагов. Моя сказка тоже издана за границей. Но гонорар за нее пойдет тем, кто защищал Родину, а не ее врагам. Это заставит прогрессивное человечество за рубежом сделать выводы в отношении Солженицына и проводимой им против СССР кампании. Проще говоря, мы макнем его мордой в грязь. Считаю это политически правильным.

– Хм! – Панкин внимательно посмотрел на меня. – Ты необычный парень, Сергей. Но не все так просто. Солженицын за рубежом в почете. Он боевой офицер, воевал. А затем подвергся политическим репрессиям.

– Не он один. Многим пришлось хуже. Рокоссовскому выбили зубы, ломали ребра, били молотком по пальцам ног. Мерецкову мочились на голову. Палачи из НКВД пытали генерала Горбатова... У этих офицеров было куда больше причин затаить злобу против СССР. Но они переступили через обиду и отважно сражались. Как тысячи других. В этой связи вопрос: кто из пострадавших от репрессий патриот, а кто – гнида болотная?

– Однако! – покачал Панкин головой. – Умно. И как там, – он вновь указал пальцем наверх, – до этого не додумались?

Как, как... В том времени в СССР ходил популярный анекдот.

Сообщение радио: «Сегодня в девять часов утра, после тяжелой и продолжительной болезни, не приходя в сознание... приступило к работе Политбюро ЦК КПСС».

– Помощь нужна? – спросил Панкин.

– Да, – сказал я. – Было бы неплохо получить от вас письмо с одобрением инициативы.

– Будет! – пообещал. – Но вначале напиши заявление на мое имя. Сообщи в нем, что собираешься сделать с марками.

Я кивнул. Мне протянули листок бумаги и продиктовали текст. Я внес в него маленькую правку. Вместо «гонорары, полученные за рубежом», вписал: «в Германии». Панкин не придавал этому значения. Вот и ладно. Гонорар за проданные в Германии книги я отдам. Он изначально предназначался для этой цели. Но подушку безопасности оставлю. Хрен знает, как все повернется. О том, что сказка планируется к изданию в других странах, Панкин не знает. И не будет знать.

– В Германию полетишь один, – сказал Панкин, спрятав заявление в ящик стола. – В этот раз делегации не будет. Заграничный паспорт у тебя есть, с визой поможем.

Я поблагодарил. Все ясно. Не подмахни я это заявление, хрен бы мне был, а не поездка. Мой знакомый в том времени говорил: «Бумага не палка, но опереться на нее можно». Заявление – индульгенция для Панкина. Случись что, он его предъявит и сделает большие глаза. «Девойно ехал, чтобы перевести деньги в Союз. Знать не знаю, почему сбежал. Вот же гад!»

Сбегать я не собирался. У меня в Минске жена и сын. В своем времени я читал байки о заграничных поездках в СССР. Дескать, выпускали группами и под контролем искусствоведов в штатском. Отчасти так. Но... Высоцкий к Марине Влади летал в сопровождении КГБ? В одиночку из СССР выезжали дипломаты, специалисты по внешней торговле, деятели искусства и многие другие. Невозможно проконтролировать всех. Поэтому поступали так. Человек съездил за границу и вернулся без проблем, значит, надежный. Дома остается семья – не убежит. Бывал за границей неоднократно – совсем наш. Главное, не болтать лишнего по возвращении. Как сладко живут на гниющем Западе и сколько у них сортов колбасы в магазинах...

В этот раз в Шереметьево меня досмотрели. Ничего лишнего не нашли. Нет, икра была – две маленькие баночки. Водка – одна бутылка, коньяк «Двин» – одна. Все по нормам. А зачем мне контрабанда? У меня в Германии счет в банке.

В аэропорту Франкфурта меня встретил сам Циммерман.

– Сувенир из загадочной России! – сказал я, вручая ему пакет с коньяком и икрой.

– Любите вы пошутить, Серж! – рассмеялся он. – Хотя ваш коньяк хорош. Я проверил, что его пил Черчилль.

– Мне нужно верить, – заметил я. – Я честный.

Циммерман заулыбался и потащил меня к машине. По пути я рассказал о своей идее.

– Вы – гений, Серж! – отреагировал Циммерман. – Никто из писателей не додумался отдать гонорар на доброе дело. И какой гонорар! Теперь немец, покупая книгу, будет знать, что жертвует на доброе дело. Вы знаете немецкую душу, – он погрозил мне пальцем. – Коллосаль! Продажи возрастут в разы.

«Только автору от этого ни горячо ни холодно, – подумал я, – денег он не увидит». Вслух этого я говорить не стал. У Циммермана свои интересы, у меня – свои.

– Вы не правы, – возразил я, – насчет «не додумался». Есть прецедент: Солженицын и его «Архипелаг».

– Это политика, – пренебрежительно скривился он. – Никто не знает, как пополняется этот фонд и как он расходуется. У нас будет прозрачно. В любой миг предоставим отчет и банковские документы. – Кстати, – Циммерман вручил мне чековую книжку. – Пока фонд не создан, купите себе чего-нибудь. Счет в вашем распоряжении.

– Данке! – поблагодарил я.

Бросив вещи в гостинице, я отправился к Байеру. Он ждал. Перед отъездом я позвонил ему из Минска, затем – из номера.

– Комплимент из Минска! – сказал я, вручая ему пакет.

– Благодарю! – сказал он, рассмотрев подарок. – Чувствуется, что вы русский. Водка и икра.

– Предпочитаете свиную рульку?

– Что вы! – засмеялся он. – В моем возрасте жирное есть вредно. У меня к вам просьба. Не могли бы подписать книги внучке? Она поклонница вашего таланта. Узнав, что прилетаете, рвалась познакомиться. Еле отговорил.

– Давайте! – сказал я, доставая ручку.

Байер извлек из-под прилавка «Экстрасенса» и «Курта». Я спросил имя внучки и подписал обе книги – сначала по-русски, затем по-немецки.

– Гут! – сказал Байер, прочитав. – Она будет в восторге. Еще никто в Германии не имеет автографа Девойно. Так что она первая. Подружки

умрут от зависти.

– Завтра у меня автограф-сессия на выставке, – сказал я. – Начало в десять часов. Пусть приходят.

Байер кивнул и спрятал книги.

– По телефону сказали, что хотите поговорить. О чем?

– О деле.

– Каком?

– Я предлагаю вам возглавить благотворительный проект.

– Хм! – пожевал он губами. – А подробно?

– Вы специалист по производству средств реабилитации для инвалидов. Изготавливаете костыли, коляски, протезы. Я хочу организовать подобное производство в Минске. Немецкое оборудование и на первых порах материалы. Затем, надеюсь, станем выпускать свои. Нужно подобрать номенклатуру оборудования, обучить специалистов из СССР и организовать поставки.

– Кто будет за это платить?

– Я.

– Вы так богаты?

– Мои книги хорошо продаются. На банковском счету – около семисот тысяч марок. К новому году будет миллион.

– Это хорошие деньги, – кивнул он. – Но их мало. Сколько у вас инвалидов?

– Точную цифру не знаю, но многие тысячи.

– Тем более, – сказал Байер. – Протез – не массовое производство, поэтому дорог. Много ручного труда. Вашей фрау его подгоняли?

– Да, – сказал я. – Но совсем немного. Мастер легко справился. Она в восторге. Протез легкий и удобный. Она стала больше ходить. Именно это навело меня на мысль изготавливать протезы по немецкой технологии.

– А что заставляет вас за это платить?

Взгляд Байера стал проницательным. Не прост старичок, ох не прост. Врать нельзя.

– Гражданину СССР нельзя иметь счет за границей, тем более с такой суммой. Мне уже предложили перечислить марки в советский банк. Их направят в бюджет, затем потратят на закупку какого-нибудь тряпья. Пусть лучше – на благое дело.

Он кивнул.

– Рад, что вы откровенны со мной. У вас кто-нибудь воевал?

– Отец. Дошел до Кёнигсберга, где был тяжело ранен. К счастью, не инвалид.

– Что ж, герр Девойно, – сказал Байер, – мне нравится ваш проект. Предлагаю обсудить детали за кружкой пива.
– Не откажусь, – поддержал я.

* * *

На следующий день я понял, как живет популярным артистам. За автографом писателя Девойно явилась толпа. Хвост очереди струился по залу, выползал из дверей и терялся на площади. Если бы не охрана, меня бы смяли. Охранники регулировали движение и не позволяли читателям задерживаться у стола, где сидел автор. Я работал, словно автомат.

– Намере? ^[28]

– Лизхен.

«Лизхен от автора». Подпись.

– Намере?

– Фриц.

«Фрицу...»

Через пару часов у меня стала отваливаться рука. Ситуацию спас Циммерман, выглянув из кабинета.

– Майн либен дамен унд херен! ^[29] – обратился он к читателям. – Герр Девойно устал. Столько желающих... – Он провел вдоль очереди рукой. – Позвольте нашему уважаемому гостю передохнуть и пообедать. После этого он продолжит.

К моему удивлению, очередь не взроптала. Никто не крикнул: «Да что это такое? Я тут два часа стоял!» Немцы дисциплинированно разошлись. Я нырнул в кабинет к Циммерману.

– Зачем вы это устроили? – набросился я на редактора. – Вы что, объявление по телевидению давали?

– Нет, – покачал он головой. – О вашей автограф-сессии было сообщено наряду с прочими мероприятиями. Но люди узнали и пришли. Это слава, герр Девойно. Так что примите ее как должное. Тем более что это идет на пользу продажам. Автограф-сессию снимали журналисты, завтра это появится в газетах. Все как нельзя лучше. Идемте в ресторан! Я приглашаю.

За обедом к нам присоединился Байер. Вчера я пообещал свести его с Циммерманом. Попросил отыскать нас на ярмарке. Он и отыскал. Заглянув в ресторан, Байер направился к нашему столику. Я представил его

Циммерману.

– Так вы и есть тот врач, с которым наш гость создает фонд? – обрадовался редактор. – Присаживайтесь, герр Байер! Нам есть что обсудить.

Разговор не затянулся. К концу обеда мы обо всем договорились. Благотворительный фонд «Дина» (название предложил я) возглавил попечительский совет из трех человек: меня, Циммермана и Байера. Последнего избрали председателем совета – единогласно. Кандидатуру предложил я, Циммерман кивнул. Байер заулыбался и расправил плечи.

– Завтра в одиннадцать пресс-конференция, – сказал Циммерман. – На ней объявим о создании фонда. Вас, герр Байер, прошу присутствовать.

– Натюрлих! – кивнул врач...

Его выступление на конференции сломало ход разговора. Журналисты явились в пресс-холл, чтобы поговорить с модным писателем. Расспросить о книге, поинтересоваться планами. Но Циммерман решил вначале объявить о фонде. Затем дал слово Байеру.

– Было время, когда мы и русские смотрели друг на друга сквозь прорезь прицела, – сказал тот. – Это были страшные годы. Миллионы погибших, разрушенные города... Русские солдаты, в помощь которым мы создаем фонд, сражались за свою Родину. Не они напали на нас, а мы – на них. В той войне они победили. Но, войдя в Германию, не стали мстить, хотя имели на это право. Они кормили гражданское население и давали ему работу. Я провел в русском плену восемь лет. Меня не били и не унижали, как, впрочем, и других немецких солдат. От нас требовали лишь восстановить нами же разрушенное. Когда мы сделали это, нас отпустили. Я до сих пор помню русских женщин, приходивших к лагерю и приносивших нам хлеб. У многих из них на войне погибли мужья и дети. Но они не испытывали к нам злобы. Наоборот, помогали нам выжить. Теперь мы можем вернуть русским долг. Я призываю всех честных немцев внести свой вклад в дело помощи инвалидам в СССР. Со своей стороны обязуюсь перечислить в фонд «Дина» пятьдесят тысяч марок.

Я едва усидел. Ну, дед! А я думал, что он из любви к делу.

– Издательство, в свою очередь, перечислит полмиллиона, – подхватил Циммерман. – Разумеется, частями, по мере продажи книги. Герр Девойно передает в фонд все полученные за нее гонорары. Это около миллиона марок. В дальнейшем сумма возрастет. Могу заверить, что средства фонда будут потрачены строго на уставные цели. Мы будем публиковать отчеты. Желаящим предоставим копии банковских документов. Призываю всех честных немцев присоединиться к нашему начинанию.

Новость взбудоражила журналистов, посыпались вопросы. О книге забыли. Лишь один журналист поинтересовался продолжением «Курта». Я сообщил, что оно непременно будет, и получил благодарный кивок. Остальная аудитория спрашивала о фонде. Почему его так называли? Я рассказал. История русской медсестры, которой немецкий врач сделал протез, аудитории понравилась. Так же как тот факт, что большинство голосов в правлении фонда будет принадлежать немцам. Именно они будут решать, как тратить средства. В зале установилась доброжелательная атмосфера. Так продолжалось с полчаса, пока не вылезла эта паскуда. Она только встала, как я почувствовал тревогу.

– Сусанна Кляйн, – представилась носатая брюнетка. – Корреспондент газеты «Зюддойче цайтунг».

– Очень приятно, – сказал я. – Как поживает герр Бильдерлинг?

Лица журналистов украсили усмешки. Прошлогодную пресс-конференцию не забыли.

– Спасибо, хорошо, – сказала Кляйн. – Сразу предупреждаю, я не собираюсь приближаться к вам, герр Девойно. Меня вы не загипнотизируете. Я не хочу крутить головой.

– Зря, – сказал я. – Вашему коллеге понравилось.

Аудитория засмеялась. Брюнетка зло зыркнула.

– Я так же, как мой коллега, придерживаюсь мнения, что вы, герр Девойно, проект КГБ. Книжки, которые выходят в Германии под вашим именем, написаны там. Поэтому они так популярны.

– Я передам «кей джи би» ваш комплимент, – кивнул я. – Там оценят. Можете рассчитывать на лучшее место на нарах. Плюс дополнительный сухарь к ужину.

Шутка на грани фолла, но аудитория ее оценила. Журналисты заулыбались.

– Вы мне угрожаете? – вскинулась девица.

– Завидую. Мне такого не перепадет.

В зале захохотали. Журналистское сообщество корпоративное. За коллегу, преследуемого властью, горячо вступится. Но над глупостью посмеются. Кляйн топнула ногой.

– Я знаю, что вы мастер вести дискуссию, герр Девойно. Вас этому хорошо обучили. Но я продолжу. Почему я придерживаюсь мнения, что вы проект КГБ? Три года назад СССР выслал писателя Солженицына. На Западе он создал фонд, куда поступают гонорары от издания его книги «Архипелаг ГУЛАГ». Эти средства идут в помощь советским гражданам, пострадавшим от политических репрессий. Это удар по имиджу СССР.

Неудивительно, что там встревожились. И вот появляется вы. Публикуете книгу, которая завоевывает сердца немецких читателей. Создаете фонд, куда направляете гонорары от своих книг. Но Солженицын отказался от гонораров за «Архипелаг», поскольку написал эту книгу на основе писем и рассказов бывших заключенных. Поэтому счел себя не вправе пользоваться этими деньгами. Вы же утверждаете, что писали сами. Я ни за что не поверю, что автор, положивший много труда на сочинение книги, с легкостью отдаст гонорар в какой-то мутный фонд. Который, по моему мнению, создан с одной целью – дискредитировать Солженицына и его борьбу против тоталитаризма в России.

Девушка окинула притихший зал победным взглядом и села. Млять! Умная, стерва! И что ответить? А надо. Вон как на меня смотрят.

– Во-первых, фрау...

– Фройляйн! – поправила журналистка.

– Фройляйн Кляйн, ситуация, когда советский писатель жертвует крупные суммы на благотворительные нужды, не редкость. В качестве примера могу привести Шолохова, который свою Нобелевскую премию отдал на строительство школы в станице Вешенская.

– Неудачный пример! – вскочила девушка. – Шолохов не писал «Тихий Дон». Он его украл.

– Так считает герр Солженицын и подобные ему. Почему – понятно. Их жалкая писанина не идет в сравнение с прозой Шолохова. Насчет «Тихого Дона» Шведской академией наук было проведено специальное исследование. Оно убедительно доказало авторство Шолохова. Кстати, еще в 30-е годы в СССР специальная комиссия, созданная правительством, разбирала донос, в котором утверждалось, что Шолохов украл рукопись у покойного писателя Крюкова. Комиссия пришла к аналогичному выводу. Тему закрыли. И вот сейчас вытащили это грязное белье. Почему – ясно. Солженицын использует любой повод для очернения СССР.

– У него на это есть основания! В России он подвергся репрессиям.

– Как тысячи других, фройляйн. В истории моей страны есть черные страницы. Как, впрочем, и в истории Германии. Здесь тоже существовали лагеря, куда помещали противников режима.

– Послевоенная Германия это осудила!

– И моя страна – тоже. После смерти Сталина начался пересмотр дел осужденных по политическим мотивам. Подавляющее большинство их реабилитировали. В том числе и Солженицына.

– Но он перенес тяжелейшие страдания! Когда я читала «Архипелаг», то не могла сдержать слез.

– Читатели моих книг, фройлян, говорили мне то же.
– Как можно сравнивать?
– Почему нельзя? Вы сами сказали, что «Курт» – ответ Солженицыну. Моя книга – сказка. Следовательно, и «Архипелаг» – тоже.

Аудитория оживилась.

– Солженицын написал «Архипелаг» на основе воспоминаний заключенных!

– В моей стране есть поговорка, фройлян. Она звучит так: «Никто так не врет, как очевидец». Ни один серьезный историк не воспринимает воспоминания как вызывающий доверия источник. Мемуаристам свойственно преувеличивать события и приукрашивать свое участие в них. Обратимся к биографии Солженицына. Его осудили за критику Сталина в письмах к другу. Сегодня это кажется дикостью. Но вспомним обстоятельства того времени. Шла война – тяжелая и кровопролитная. Офицер действующей армии в письме осуждает главнокомандующего. В реалиях того времени – вопиющая нелояльность, от которой до измены один шаг. Хочу обратиться к аудитории. Есть здесь люди, служившие в войну в рядах вермахта?

– Я! – поднял руку немолодой журналист. – Правда, не воевал. Не успел – американцы наступали быстро. Нас захватили врасплох.

– Но нравы и обычаи того времени знаете?

Немец кивнул.

– Что стало бы с немецким офицером, выскажи он в письме критику в адрес Адольфа Гитлера?

– Штрафной батальон, – ответил журналист, подумав. – Это в лучшем случае. В худшем...

Он вытянул руку и изобразил, как нажимает на спуск пистолета.

– Вот так, майн либен дамен унд херен. Разве Солженицын не знал, что письма военнослужащих просматривает цензура? Знал. Но апломб, который ему свойственен, заставил забыть об опасности. Солженицын считает себя мессией, призванной спасти мир. Это его право. Кто мы, чтобы судить этого великого человека?

По аудитории пробежал смешок.

– А теперь вернемся к его биографии. Солженицына не направили в штрафной батальон. К слову, максимальный срок пребывания в нем в СССР был установлен в три месяца. Штрафник, получивший ранение, освобождался от наказания. А вот в вермахте было не так. В штрафники отправляли бессрочно, по ранению не освобождали. Это штрих к так называемому «бесчеловечному» советскому режиму, который клеймит

автор «Архипелага». Пойдем дальше. Наказание Солженицын отбывал в привилегированных условиях так называемой «шарашки». То есть занимался научными исследованиями. Но там он поругался с начальством, которое, по его мнению, не ценило столь ценного работника. В результате был отправлен в обычный лагерь, где заболел раком. И вот этого с точки зрения советской власти врага стали лечить и вылечили. Поступили бы так в нацистской Германии?

Я обвел аудиторию взглядом. Ответом было молчание.

– После отбытия заключения Солженицын работал учителем в школе. Врага государства допустили учить детей! Как же так? Наверное, не все в СССР было так плохо. Затем Солженицына освободили от наказания, а впоследствии реабилитировали. Он пишет повесть «Один день Ивана Денисовича» о лагерных временах. Ее принимают к публикации в ведущем журнале страны, а потом и вовсе выдвигают автора на получение Ленинской премии – самой почетной в СССР. Скажу больше: получи Солженицын эту премию, мы бы имели в его лице горячего защитника советской власти. Но вышло иначе. Солженицын обиделся. В результате – «Архипелаг ГУЛАГ».

Я сделал паузу. Закончим.

– В какой-то мере вы правы, фройлян. Мой фонд – ответ Солженицыну. Я считаю, что он, как солдат, должен был позаботиться о камрадах. О тех, с кем ходил в бой, делил последний сухарь и глоток водки. И кому не повезло сохранить руки или ноги после тяжелого ранения. Солженицын выбрал иной путь. Раз так случилось, то я его заменю. Почему, спросите вы? Мой отец воевал. Сначала – в партизанском отряде. После освобождения Белоруссии был призван в Красную армию. Дошел до Кёнигсберга, где был тяжело ранен. Нет, он не инвалид. Но есть тысячи других, которым повезло меньше. В СССР их ценят и уважают. Лечат, делают протезы за счет государства. Но эти протезы хуже немецких. В этом отношении мы отстаем от Германии. Разумеется, я мог бы обратиться с письмом к правительству, указав на этот факт. Думаю, меня бы поняли. Но государственная машина крутится медленно, а время уходит. И я буду счастлив, если смогу облегчить нашим ветеранам их последние годы. У меня все.

Некоторое время в зале стояла тишина. Затем раздались хлопки. Я скосил взгляд. Немолодой корреспондент, поднявшись, бил в ладоши. Его поддержали – сначала робко, а потом все живее. Через мгновение аплодировала вся аудитория – стоя. Среди хлопающих я, к своему удивлению, разглядел и Кляйн. Нет, немцы – все же странная нация. Или я

плохо ее знаю?

Глава 19

Домой я поехал на машине. Где взял? Купил. У меня что, денег нет? Для чего машина? А образцы будущей продукции мне на горбу переть? Сначала из Франкфурта в Шереметьево, затем – в Минск? Даже появиться такое желание, рук у меня всего две. А надо шесть. Я не человек-паук. Так что я отправился в автохаус и приобрел новенький «Фольксваген Пассат В1» темно-синего цвета в кузове универсал. Модель была рейстайлинговая, с прямоугольными фарами и пластиковыми бамперами. В 1980-м ей на смену придет «В2», прозванная в Белоруссии за характерный корпус «крокодилом», а сам «Пассат» на долгие годы станет излюбленной иномаркой белорусов, особенно версия «В3» с двигателем «дизель». Почему? Машина простая, как грабли, самому не сложно отремонтировать. К тому же солярки в сельской местности завалились – вся колхозная техника на ней ездит. Сунул трактористу пузырь – и заливай полный бак. Качество? Сожрет немчура! Дизтоплива в 90-х воровали столько, что колхозам его стали отпускать красного цвета. Типа, побоятся красть, а милиция отследит. Ага. Чтобы потомки партизан да побоялись красного? К тому же у милиции свои «дизели». Они что, не люди? Проблему разрулили сами «Пассаты». У них начали выходить из строя топливные насосы. Солярка в колхозах грязная – как ее там хранят? Трактор-то скушает и не подавится, а вот нежный «немец»... Новый топливный насос стоил столько, что впору пить валидол. Так вот и рассосалось.

«Дизель» брать я не стал. В СССР его сложно отремонтировать, да и шумный. Это не BMW из моего времени, у которого мотор «шепчет». «Пассат» – бюджетный автомобиль, в этом времени, конечно. Это потом «Фольксваген» станет мудрить. Я выбрал самый мощный бензиновый движок объемом в 1,6 литра. Пуля! Сарказм, если кто не понял.

В магазине Байера я загрузил «Пассат» образцами, за которые честно заплатил. Дед попытался возразить, но я настоял. И без того развел его на пятьдесят тысяч марок. Я-то думал, что Байер возглавит фонд из любви к делу, а вышло вон как.

Затем я проехался по магазинам и взял курс на восток. «Пассат» бодро тащил меня по шоссе. Я не гнал. Во-первых, машина нагружена, во-вторых, новая. Мотор следует обкатать. Полицейских я не боялся – документы в порядке. Купчая на авто, страховка, транзитные номера, даже права есть. Загодя получил, и даже без блата. В 90-х мои друзья гоняли из-

за границы авто, показывая немцам комсомольский билет. Как выглядят советские права, «дойчи» не представляли. В Польше – и того проще. Дал полицаям по пачке «Мальборо» – и хоть танк гони. Вначале прокатывало. Позже немцы поумнели, а поляки стали корыстнее. Меньше десяти марок не брали...

К пограничному КПП Бреста я подкатил ближе к вечеру. Очереди не было – осень, туристский сезон кончился. Пограничник унес мой паспорт, подошел таможенник. Вид «Пассата», груженного до потолка, да еще со сложенными задними сиденьями, вызвал у него нездоровый азарт.

– Что везем?

– Образцы продукции, – сказал я.

– Какой?

Я поднял заднюю дверь и снял крышку с картонной коробки. У таможенника поползла вниз челюсть.

– Это что? – ткнул он пальцем.

– Протезы.

– Для чего?

– Чтобы ходить.

– Кому?

– Инвалидам. Для них же эти коляски и костыли.

– Я посоветуюсь, – промямлил таможенник и убежал с документами.

Обратно явился минут через пять. Перед ним топал пузан в форменном пиджаке и фуражке. Начальник, даже гадать не нужно. Пузан заглянул в ящик, потыкал пальцем в протезы и впал в задумчивость.

– Надо будет досмотреть, – выдал вердикт. – Тщательно.

Я мысленно выругался. Сейчас сломают образцы. Мне их людям показывать. И каким!

– Моя фамилия Девойно, – сказал я, – Сергей Александрович. Вам не сообщили?

– Что? – удивился таможенник.

– Насчет меня?

– Нет.

– Разгильдяи! – ругнулся я. – Бездельники! Ну, только приеду! Вот что, товарищ...

– Игорь Петрович, – подсказал пузан.

– Мне нужно позвонить. Вертушка у вас есть?

Он замотал головой. Разумеется, нет. «Вертушку», он же правительственный телефон, ставят большим начальникам. Пузан в эту категорию не входил.

– Можно по городскому, – согласился я. – Но придется набрать код Минска. Лучше вы сами. Служба есть служба, лучше убедиться лично. Наберете номер, ответит адъютант. Представьтесь, попросите соединить с генералом. Его зовут Петр Фомич. Обращаться лучше по имени-отчеству, у нас не любят званий. Спросите, знает ли он Девойно. Вот! – Я достал из кармана записку Дюжева и протянул ее таможеннику.

Пузан глянул на цифры, и лицо его вытянулось. Дюжев, по доброте душевной, вписал мне и номер «вертушки». Хороший такой, трехзначный. В местных реалиях – Олимп. Пузан завис. Я его понимал. Одна программа в мозгу требовала досмотреть багаж странного путешественника. Другая подсказывала: «Уймись! Тебе это надо? Парень явно из КГБ. Разговаривает подчеркнуто вежливо, но взгляд стальной. И шрам на лбу... Возвращается с задания, это к гадалке не ходи. Удостоверение не показал, так он же из-за границы едет. Туда корочки не берут. Наверняка агент. Добыл что-то секретное и везет в протезах. Если вытащить и рассмотреть... До конца жизни оленей в тундре пасти будешь. Позвонить генералу? Чтобы мной заинтересовались?»

– Обращаю ваше внимание, Игорь Петрович, – помог я, – документы у меня в полном порядке. На каждую вещь есть чек или купчая. Там, – я указал в сторону границы, – с этим строго. Я три таможи прошел, ваша четвертая. Если бы, не дай бог... У вас может возникнуть вопрос: за что купил? Вот! – Я вытащил из сумочки чековую книжку. – В Германии у меня счет в банке. Совершенно легальный.

Я подмигнул.

– Все в порядке! – тряхнул головой пузан и повернулся к подчиненному. – Оформи документы! Быстро!

От таможи я вырулил спустя полчаса. На окраине Бреста заправил машину. Бензин недавно подорожал, и литр 93-го стоил 20 копеек. Плохой это бензин, с тетраэтилсвинцом. Ядовитое вещество, вредное для людей и природы. И мотору оно не в радость. Однако плеснуть 72-й бензин я остерегся. Кто его знает, немца? В той жизни я начинал на «Жигулях». Они 72-й кушали и облизывались. Он без добавок. «Батя разберется, – решил я. – Он у меня автомобильный справочник, ремонтник и водитель в одном лице».

Я выбрался на шоссе, включил музыку и притопил педаль газа. Жаль, что магистраль Минск – Брест еще строят. Трасса М1 войдет в строй к Московской Олимпиаде. А то бы погнал. Соскучился по своим.

– Эти глаза напротив, и больше нет разлук, эти глаза напротив – мой молчаливый друг... – подпевал я Ободзинскому. Хорошие в этом времени

песни! После 90-х их вспомнят. Лучших нет. Эстрада постсоветского периода – это треш и угар. «Ацтой», как написали бы в Интернете. «Ты целуй меня везде, у меня свербит в... кой-где».

Спектакль, разыгранный на таможне, меня позабавил. Последствий я не опасался – с чего? Ну, позвонил бы таможенник Дюжеву. Что, замминистра отказался бы подтвердить, что знает меня? А что таможенник принял меня за агента, так его фантазии. Я такого не говорил. КГБ в СССР боятся до икоты. Страх этот иррациональный. Профессионализмом контора не блещет, особенно в национальных республиках. В той жизни у меня были знакомые среди комитетчиков. Общались за рюмкой чая. Они мне многое рассказывали. Хрущев, придя к власти, перетряс ведомство. Кого посадили, кого выгнали. Образовались вакансии. Их заполняли по партийному призыву. Идти в КГБ люди не хотели. Репутация у чекистов после хрущевских разоблачений была еще та. Поэтому брали любых – лишь бы подходил по анкете. Отсюда и «профессионализм». Не верите? Знаете, сколько диссидентов разоблачил КГБ БССР за 30 лет? ОДНОГО. Специально прописью написал. Да и диссидент тот... После развала СССР журналисты кинулись брать у него интервью. Выходили, плюясь. Не адекват...

При Сталине работали иначе. Мне об этом тоже рассказывали. В начале 50-х в минском автобусе кто-то буркнул: «Сталин – дурак!» Агент говорившего не видел – стоял далеко. К тому же утро, все едут на смену, транспорт набит. Но об услышанном агент доложил. Оперативники выяснили, между какими остановками прозвучало оскорбление вождя. Определили, на каких предприятиях может работать подозреваемый. Прошерстили состав утренних смен. Через неделю болтун сидел в КПЗ.

Один мой знакомый оперативник служил в крупном по белорусским меркам городе. Вспоминал: «Вызывает меня начальник. Спрашивает: «Когда ты, Филиппов, шпиона разоблачишь!» Отвечаю: «Скоро! Уже на подходе». Это «на подходе» длилось до ухода майора на пенсию...

В Минск я не поехал. Лиля с Темой в деревне. Отец взял отгулы и отвез невестку к родителям. Заодно и сам отдохнет. От Любаши он устает. Не привык, да и возраст... Детей нужно заводить молодым. Но что сделаешь, если так вышло?

В деревню я прикатил за полночь. Местные дороги в Белоруссии заасфальтированные, но узки и извилисты – не разгонишься. Дом тестя встретил меня темными окнами. Спят. Не глуша двигатель, я выбрался из машины, открыл ворота и загнал «Фольксваген» во двор, пристроив его за отцовской «Волгой». Двор у тестя большой, два «МАЗа» поместятся.

Выключив зажигание, я закрыл машину, затем – ворота.

Привлеченная шумом, во двор выглянула теща.

– Кто тут?

– Я, мама.

– Сярожа! – Она всплеснула руками. – А машина чья?

– В Германии купил. В ней подарки, но с ними завтра. Спать хочется.

– Ня трэба, – согласилась она. – Усе спяць. Пойдзем ў хату!

Я наскоро поужинал и завалился под бочок к жене.

– Это ты? – пробормотала она спросонья. – Приехал?

– Ага! – подтвердил я.

– Хорошо, – сказала она и пристроила голову на моем плече.

...Проснулся я от ласковых прикосновений. Кто-то гладил меня по щеке. Я открыл глаза – Лилия.

– Вставай, засоня! – сказала она, смеясь. – Девять часов. Там мужики вокруг машины ходят. Сейчас разбирать начнут.

Кто б сомневался? В том времени даже в Минске вокруг припаркованной иномарки собиралась толпа. Диковина. Что говорить про деревню?

– Где Тема? – спросил я, вскакивая.

– Спит. Ты его не трогай, – предупредила жена. – У него вчера животик болел.

Я быстро оделся, подошел к кровати и полюбовался на сына. Тема спал, раскинув в стороны ручки в зашитых рукавах распашонки. Это чтоб личико не царапал. Ноготки у него растут, и к вечеру под ними собирается тряпичный мусор. Приходится чистить. Я осторожно коснулся губами лобика сына и вышел во двор. Вацлав, отец и недавно вернувшийся из армии Толик топтались у «Пассата». Меня они встретили недовольными взглядами. «Чего так долго? Тут руки чешутся!» – будто говорили они.

– Сначала подарки! – сказал я, открыв дверцу прихваченным из дома ключом. – Начнем с маленьких. – Я вытащил пухлую сумку и отдал ее теще. – Здесь детские вещи. Розовые – для Любы, голубенькие – для Темы.

Теща с Лилей немедленно убежали в дом. Неудивительно. Рассматривать детскую одежду – любимое занятие женщин.

– Это – тебе! – Я протянул отцу чемоданчик с автомобильным инструментом. Тот взял его и немедленно открыл.

– Ух ты!..

В глазах Вацлава и Толика вспыхнула зависть. Тоже автоманышки.

– А это – вам! – Я вытащил из машины картонную коробку.

– Што там? – заволновался Вацлав.

– Бензопила «Штиль». Дрова пилить. – Я достал из коробки пилу. – Соберете сами. Там внутри шина, цепь и инструкция. Она на немецком, но есть рисунки и инструмент. Справитесь. – Я сунул пилу тестю. – Теперь смотрите. Вот сюда заливается бензин с маслом.

– Как в мотоцикл? – поспешил Толик.

– Именно. Только пропорция один к пятидесяти. Масло я привез, но годится и наше, моторное. Бензин можно и семьдесят второй. Сюда, – я ткнул пальцем в другую пробку, – льем масло для смазки цепи. С ним проще. Можно трансмиссионное, только выбрать пожиже. Держите! – Я отдал им пластиковые канистры. – Занимайтесь! А я умоюсь и позавтракаю.

Когда я вышел во двор, Вацлав держал в руках собранную и заправленную пилу. Я проверил натяжение цепи. В норме. Вацлав снисходительно улыбнулся, дескать, учить батьку будешь?

– Дальше просто. – Я взял у него пилу и поставил на землю. – Подкачиваем топливо в карбюратор, включаем зажигание и...

Я дернул за шнур. «Штиль» завелся со второго рывка. Мотор выплюнул сизый дымок и затрещал, распугивая кур. Я поднял пилу и снял ее с тормоза. Цепь заскользила вокруг шины, превратившись в полупрозрачную ленту.

– Дай! – умоляюще произнес Вацлав.

– Только осторожно! – предупредил я.

Ответом был гневный взгляд: «Опять отца учишь?» Некоторое время Вацлав любовался на скользящую цепь, затем закрутил головой.

– Пилить нечага, – проронил он сокрушенно.

– К Юзэфаўне идзице! – подсказала выбежавшая на шум теща. – Ёй дровы привезли, а пилиць некаму. Одна живе.

– Пойдзем! – согласился Вацлав и выключил пилу. – Толик, бяры козлы. У Юзэфаўны яны дрэнныя.

– Я с вами, – сказал я.

Тесть кивнул.

– А ты, Иванавич?

– Без меня справитесь, – отказался отец, – плотоядно разглядывая «Пассат». – Машину посмотрю.

– Только ничего не откручивай! – поспешил я.

Отец небрежно махнул рукой: дескать, о чем разговор, и мы пошли. Толик тащил козлы, я шел следом, а тесть вышагивал впереди, помахивая пилой. Выглядел он при этом как маньяк из американского фильма ужасов. По крайней мере, вид у него был, словно в предвкушении расчлененки.

Юзефовна жила неподалеку. У ворот старенькой хаты лежали бревна. «Ель и ольха», – определил я. Толик установил козлы, и они с Вацлавом взгромоздили на них первое бревно. Я в это время держал пилу. Ставить ее на землю Вацлав не захотел.

Привлеченная суетой, из калитки выглянула хозяйка.

– Папилим табе дровы, Юзэфаўна, – сказал Вацлав. – Нямецкай пилой. Он потряс отобранным у меня «Штилем».

– Ой, дзетачки! – всплеснула руками старушка. – Хай вам пан Езус дае.

Вацлав кивнул и завел «Штиль». Дальше было как в анекдоте. «Вжик!» – сказала пила. «Ни хрена себе!» – ответили мужики... Отпиленные колоды валялись на землю одна за другой. Я оттаскивал их в сторону. После пятого бревна Толик взмолился:

– Батька, дай!

Вацлав поколебался, с сожалением посмотрел на «Штиль» и выключил мотор.

– На!

Толик схватил пилу. Мы с Вацлавом загрузили бревно. Толик завел «Штиль». Вжик!..

Привлеченные шумом, вокруг стали собираться соседи. Скоро их набралось с небольшую толпу. Нет, о бензопилах здесь знают. В местном леспромхозе их используют для валки и разделки деревьев. Но тяжелая и громоздкая советская «Дружба» по сравнению с легким «Штилем» – это как «МАЗ» рядом с «Мерседесом». Да и нет «Дружб» в частном владении.

С дровами мы разобрались быстро.

– Суседзи паколяць, – сказал Вацлав Юзефовне, и та кивнула. Колоть легче. На это многие подпишутся. Помогать соседям здесь правило. Католики.

Нас обступили мужики. Выключенный «Штиль» пошел по рукам. Вацлав провожал его ревнивым взглядом.

– Зяць прывез, – объяснил, завладев пилой вновь. – 3 Нямятчыны.

– Добры у цябе зяць, – вздохнул стоявший рядом мужик.

– Дачка, – не согласился тесть.

– Чаму дачка? – удивился мужик.

– Не было бы яе, не было бы зяця, – философски заметил тесть и кивнул нам: – Пайшли!

Во дворе я сразу почувствовал неладное. Капот «Пассата» был открыт, из него торчала нижняя часть тела отца. Я рванулся вперед. Блин! Снятая головка блока цилиндров лежала на расстеленной тряпке, а отец задумчиво

рассматривал обнаженные внутренности мотора. Автоманьяк хренов!

– Ты что? – возмутился я.

– Надо же знать, как его ремонтировать, – объяснил отец, выползая наружу.

– Зачем ремонтировать? Машина новая.

– Все новое со временем становится старым, – философски заметил этот автоманьяк. Блин, еще один на мою голову! – Кстати, сделано хорошо. Хон в цилиндрах отличный, прослужит долго. Только «Волга» все равно лучше. Прочнее.

– Как знаешь, – злорадно произнес я. – Я-то собирался подарить «Фольксваген» тебе. Но если не нравится...

– Ты это вправду? – заволновался отец.

– Разумеется, – сказал я. – Зачем мне иномарка? Во дворе поставишь – значок с радиатора скovyрнут мигом. Или зеркало открутят. А у тебя – гараж.

– А сам ездить на чем будешь? – спросил отец и предложил поспешно: – Могу «Волгу» отдать.

– Старая.

– Десять лет всего! – обиделся отец. – Она твой «Фольксваген» переживет.

Это точно. На века делали. Но «Волгу» я не хочу: ни новую, ни старую. Бензина жрет много. Сарказм.

– Куплю себе «Жигули» в «Ивушке»^[30]. Чеки у меня есть.

– Ладно, – кивнул отец. – Но я продам «Волгу» и куплю тебе гараж. «Жигули» нельзя бросать во дворе. Колеса снимут или дворники. А то и вовсе угонят.

– Договорились! – сказал я. – А тестю возьмем мотоцикл с коляской. Чеков хватит. А то он в очереди третий год стоит...

– Гроши атдам! – поспешил Вацлав.

– Не нужно, – сказал я. – У меня их много. А скоро будет еще больше. У вас Виталик в армии. Вернется, надо будет одеть.

Тесть посмотрел на «Фольксваген» и кивнул. Вот и ладно. А то неловко. Отцу авто подарил, а тестю нет. Машина Вацлаву не нужна. Куда в деревне на ней ездить? А вот мотоцикл – самое то. Работа, рыбалка, в лес по грибы – везде пройдет. И в эксплуатации дешев. Где будет брать для него бензин Вацлав, мне объяснить?

– Гэта трэба замачыць! – потер руки тесть.

– Идите! – засуетился отец. – Я скоро. «Голову» на место прикручу – и сразу. Десять минут.

Мы ополоснули руки под умывальником и вошли в дом. Навстречу нам вышла Лиля с Темой. Сына успели переодеть в немецкие ползунки и шапочку. Во рту у него торчала соска – тоже немецкая.

– Иди к папе! – сказала Лилия и передала мне Тему. Тот выплюнул соску и заулыбался. Я осторожно прижал к себе маленькое тельце. Господи, как же я его люблю! А еще Лилию, отца, сестричку, родителей жены, Машу... Как хорошо, когда ты не один в мире!

* * *

В Минск мы отправились назавтра. За рулем «Фольсвагена» сидел я – машина принадлежит мне. Здесь, чтобы передать авто другому водителю, требуется доверенность. Без нее никак – оштрафуют. Отец согласился скрепя сердце – не терпелось опробовать подарок. Успеет. Хорошо, что он не стал допытываться, почему я отказываюсь от иномарки. Нельзя мне. И без того в Союзе писателей косо смотрят. Без году неделя в писателях, а уже крутой. Печатается в Москве, деньги гребет лопатой. Откуда знают? Так я в Союзе писателей на комсомольском учете состою. Взносы плачу – один процент с гонораров. Трудно высчитать? За границу стал ездить, а это для многих – мечта. Узнают про иномарку – возненавидят. Их даже у мэтров нет. В той жизни я бы не утерпел, похвастался. И нарвался бы на обструкцию. Мне даже «Волгу» не простят. Вот возьмут и не примут Лилию в Союз писателей. Ее книга, наконец, вышла. Так что только на «Жигулях» – скромненько и со вкусом.

Лилию с Темой я посадил к отцу – так безопаснее. Водитель он опытнее, а машина – крепче. «Волга» шла первой, я – следом. Этот порядок мы заранее согласовали. Иномарка вызовет любопытство гаишников, начнут тормозить. Нам это зачем?

Ехали мы не спеша. Не отводя взгляда от дороги, я складывал в голове строки будущего письма. «Уважаемый Петр Миронович!..»

В моем времени из Машерова лепили икону. Его гибель вызвала массу пересудов. Многие, в том числе дочь, считали, что Петра Мироновича убили. Глупость. Машеров никому не мешал. Его недолюбливали в Москве – это правда. Но не за успешное руководство республикой, как многие считали. Машеров считался человеком своего предшественника – Кирилла Мазурова. Именно тот рекомендовал Петра Мироновича на пост первого секретаря ЦК компартии Белоруссии. А Мазуров поссорился с Брежневым. На заседании Политбюро посмел возразить против очередной висюльки

для бровастого. Подобного в кремлевском серпентарии не прощали. Мазуров вылетел на пенсию. Гнев Брежнева в отношении его лег и на Петра Мироновича. 25 июня 1978 года Брежнев приезжал в Минск вручать городу Золотую Звезду Героя. Четыре года, между прочим, ехал. Минск наградили еще в 1974 году. Кадры вручения показывали по телевизору. Я видел, как Петр Миронович суетится вокруг генсека, хлопоча лицом. Все без толку. Брежнев уехал в тот же день. Ему не понравились ни концерт после торжественной церемонии, ни банкет.

Машеров – человек системы. Он произносит набившие народу оскомину идеологические мантры, клянется в верности КПСС. Но у него есть важное отличие от других руководителей. Он патологически честный человек. Такие же люди и в его окружении. Многие из них, так же как и сам Машеров, партизанили или воевали на фронтах. Уровень коррупции в БССР минимальный. За нее жестоко наказывают. Эта тенденция сохранится и после смерти Петра Мироновича. В 80-е я работал в милицеской газете. Как-то освещал процесс над женой министра. Та работала преподавателем в техникуме и брала взятки. Арестовали, взяли явку с повинной. И министр тут же слетел с поста.

Машеров прост и доступен. Он может приехать в колхоз, снять туфли, надеть сапоги и взять в руки косу. Делает это не для публики – ему просто нравится. После косьбы он разговаривает, окруженный колхозниками. И попробуй охрана что-то вякнуть! Он им скажет... Машеров не боится людей. Он живет ради Белоруссии. Для него любая беда страны – боль. Когда в 1977 году в Крыжовке столкнулись два поезда и погибло много людей, он плакал. Когда в 1972 году взорвался цех радиозавода, Машеров бросил дела в Москве и прилетел в Минск. Ночь провел на месте катастрофы. А потом поехал на телевидение и лично рассказал о беде. Доживи Петр Миронович до аварии на ЧАЭС, он отменил бы в республике первомайские демонстрации. И плевать ему, что скажут в Москве! Люди дороже. Машеров сделал бы все, чтобы уберечь страну от радиоактивных осадков.

Но сначала нужно его спасти. Жить Петру Мироновичу осталось менее двух лет. Его смерть в автокатастрофе – печальная закономерность. В 1970 году в ДТП погиб заместитель председателя Совета министров БССР Ковалев. В 1976 году – Председатель Президиума Верховного Совета БССР Сурганов. Завершит список Машеров. Все ДТП как под копирку. Автомобиль Киселева врезался в военный грузовик, Сурганова – в автобус, Машерова – в «ГАЗ», груженный картошкой. Правительственные авто носятся по дорогам как сумасшедшие. Руководители сидят рядом с

водителем – на самом опасном месте. Они не пристегнуты – ремней безопасности здесь нет. В СССР их сделают обязательными лишь в 1979 году – да и то на передних сиденьях. Без ремней при столкновении на скорости в 120 километров в час шансов выжить нет.

Для того чтобы Машеров ко мне прислушался, нужен ЖЕСТ. Фонд помощи инвалидам войны подходит для этого как нельзя лучше. Машеров оценит, он воевал. А там можно напроситься на доверительный разговор...

Возможно, есть и другой способ предотвратить аварию на ЧАЭС, но я его не знаю. В другой ипостаси к Машерову лучше не соваться. Писателя, даже успешного, он пошлет лесом. Петр Миронович – человек резкий. Мне нужно завоевать его доверие. Поэтому действуем, как решили. «Как сын ветерана Великой Отечественной войны, считаю своей обязанностью помочь людям, которые не щадили своей жизни ради спасения Родины. Недавно у меня появилась такая возможность...»

Глава 20

Позвонили мне спустя неделю после отправки письма. К телефону подошла Лиля.

– Тебя! – сказала, протягивая трубку.

Я взял.

– Здравствуйте, Сергей Александрович! – раздался в наушнике приятный мужской голос. – Меня зовут Владимир Павлович. Я помощник Петра Мироновича Машерова.

– Добрый день! – сказал я. – Слушаю.

– Мы получили ваше письмо. Я доложил о нем Петру Мироновичу. Он заинтересовался. Все обстоит так, как вы пишете?

– Ручаюсь за каждое слово.

– И образцы... продукции у вас?

– В гараже у отца.

– Тогда сделаем так. Вы отвезете их на Минский протезный завод. Адрес: Одоевского, десять.

– Знаю, – сказал я.

– Директору я позвоню. Подготовьте все к показу. Завтра в девять утра Петр Миронович заедет посмотреть. Успеете?

– Без вопросов, – заверил я.

– Позвоните мне, как справитесь. Мой телефон...

Положив трубку, я записал номер и стал накручивать диск. Отец оказался на месте. Я рассказал ему о разговоре.

– Сам Машеров? – не поверил он.

– Именно.

– Ох, сынок! – вздохнул он. – Ты даешь! Времени совсем мало – третий час дня. Будь дома. Сейчас подъеду.

Прилетел отец спустя двадцать минут. Учитывая расстояние – гнал. Хорошо, что гаишнику не попался. Хотя в этом времени они нормальные, к водителям попусту не цепляются. Хорошо еще, что, поставив на учет «Фольксваген», мы загрузили образцы в машину. Ждали.

Отец подкатил к подъезду. Я увидел машину через окно и выбежал из квартиры. Лилия успела меня поцеловать. Новость потрясла ее не меньше, чем отца. О своих планах родственникам я сообщил заранее. Удивительно, но мое желание помочь инвалидам не вызвало отторжения. Быть богатым в СССР неприлично. Это в моем времени перед миллионерами станут

пресмыкаться и лизать им зад. Здесь представление другое. Получил много денег – помоги другим. Но одно дело знать о планах, другое – увидеть их воплощение.

От улицы «Правды» до Одоевского мы домчались в один миг.

– К директору! – сообщил я вахтеру на проходной.

Тот очумело глянул на «Фольксваген» и открыл ворота. На заводе нас ждали. Не успел «Фольксваген» притормозить перед заводоуправлением, как из его дверей выбежал немолодой человек в костюме и галстуке. Слегка встрепанный.

– Вы Девоино? – спросил нервно.

– Да, – сообщил я. – А вы – директор?

– Меня зовут Виктор Петрович, – закивал он. – Мне только что позвонили. Вы привезли образцы?

– В машине, – сказал я. – Куда несем?

– Мне в кабинет. – Он завертел головой. – Сейчас. Хацкевич! – окликнул он проходившего мимо молодого рабочего. – Помогай!

В четыре руки мы оттащили коробки на второй этаж. Отец вернулся за инструментами и костылями. Я тем временем вытаскивал из коробок образцы протезов и раскладывал их на столе. Директор не удержался и взял один.

– Вот это да! – воскликнул он восхищенно. – Легкий какой! И красивый. Откуда?

– Из ФРГ. Планируется производить их на вашем заводе.

– Да ну? – не поверил он. – Выделят фонды?

– Все за счет немцев. Ваша задача: организовать производство и подготовить персонал. Намечены и командировки в Германию.

– Что нужно сделать? – вытянулся директор. На лице его читались восторг и надежда.

– Предлагаю поставить два стеллажа. На одном разместить немецкую продукцию, на другом – нашу. Так сказать, для сравнения. Рекомендую наши образцы выбрать потяжелее. Для наглядности.

– Понял! – кивнул директор. – Хацкевич! Дуй в цех! Ходыко, Миронова и Базилевича сюда! Живо!

Рабочий выскочил в дверь. Пришел отец с инструментами и костылями. Мы с ним на пару стали собирать коляски. Их я привез две. У одной ручной привод через рычаги, вторая обычная. У Байера имелись и другие образцы, но «Фольксваген» не резиновый. Пусть хоть эти освоят.

Тем временем явились рабочие. Директор отдал им соответствующие распоряжения. Спустя короткое время в кабинет втащили два стеллажа.

Вид у них был обшарпанный – видимо, взяли прямо в цеху.

– Покрасить! – распорядился директор.

– Не стоит! – вмешался я. – Краска не успеет высохнуть. Лучше обернуть материей. Найдется?

– Можно взять простыни в медицинском отделении, – предложил один из рабочих.

– Давай! – согласился директор. – Главврачу я сам позвоню. Проследи, чтобы дали новые.

К семнадцати часам стеллажи выглядели как в аптеке. Закончив с колясками, мы с отцом расставили по полкам протезы. Директор и рабочие активно помогали. Рядом с «немецким» стеллажом я пристроил коляски и костыли. Окинул композицию придирчивым взглядом. Сойдет.

– Можно позвонить?

– Пожалуйста! – кивнул директор.

Я набрал номер помощника.

– Владимир Павлович? Это Девойно. Готово.

– Так быстро? – удивился он. – Передайте трубку Виктору Петровичу.

Директор подтвердил мое сообщение. Затем выслушал ценные указания и положил трубку на аппарат.

– Руки дрожат, – признался нам. – Сам Машеров! Я его никогда не видел вблизи. Не приезжал. Не то у нас предприятие.

– Не переживайте! – успокоил я. – Петр Миронович нормальный человек. Хотя территорию на вашем месте я бы убрал.

– Да, да! – засуетился директор.

– Мы будем завтра в восемь.

– Лучше в семь! – попросил директор. – Вдруг Машеров придет раньше? А я не знаю, что ему говорить.

Я кивнул. Мы с отцом спустились во двор. У «Пассата» толпились зеваки. Советское производство, млять! Работы нет?

– Немцы! – зашелестело при нашем появлении. Мы не стали опровергать. Сели в машину и вырулили на улицу.

– Говоря «мы», ты имел в виду меня? – спросил отец за воротами.

– Да. Ты против?

– Наоборот. Собирался попросить. Хочу увидеть Машерова.

– Тогда заезжай завтра за мной. На служебной «Волге». Не надо дразнить начальство «Фольксвагеном». И надень награды – все, что у тебя есть.

– Понял! – кивнул отец...

Назавтра в шесть тридцать он был у моего подъезда. На отце костюм,

белая рубашка с галстуком, на пиджаке – награды. Красавец! Я тоже надел костюм, но галстук повязывать не стал – не люблю. Я сел рядом с отцом, и мы тронулись.

Проходная встретила нас свежепокрашенными воротами. Двор за ними будто вылизали. Чистый асфальт, побеленные бордюры и стволы деревьев. Знакомо.

Отец приткнул «Волгу» в уголке, и мы направились в заводууправление. Моросил дождь. Директор обнаружился в кабинете. По лицу было видно, что спал он плохо.

– Сергей Александрович! – попросил он. – Расскажите мне об этом. – Он указал на немецкий стеллаж. – А то спросят, а я ни бум-бум.

– Расскажу, – согласился я. – Кстати... – Я достал из сумки рекламные буклеты. – Здесь технологический процесс в картинках...

Лекция шла нервно. В кабинет то и дело вбегали люди, Виктор Петрович давал им указания, они убегали, но на смену им являлись другие. Знакомая картина: приезд начальства. Но совсем не похоже на мое время. Никакой службы безопасности, рамок металлодетекторов, заранее составленных и утвержденных списков присутствующих, контроля документов. Руководители СССР не боятся покушений. А вот в Европе иначе. Терроризм набирает силу. В Германии свирепствует второе поколение RAF^[31]. Убиты генеральный прокурор, президент крупного банка и председатель Союза промышленников. В Италии «Красные бригады» похитили и застрелили председателя совета министров Альдо Моро. Но в СССР считают, что к нам эта зараза не проникнет – граница на замке. Правильно считают. Знакомый болгарин говорил: «Русскую границу только комар-самка перелетит. Комар-самец мудьями зацепится...»

Машеров ходит на работу пешком. Живет в трехстах метрах от здания ЦК в малоквартирном доме, построенном для руководства республики. В квартире Машерова на полу в кухне лежит обыкновенный линолеум, да и обстановка не роскошная. Мне это рассказывали люди, побывавшие у первого секретаря в гостях. Некоторые деятели искусств Белоруссии живут богаче. Сопровождает Машерова телохранитель. Идет в пяти шагах за спиной. А первый секретарь здоровается со встречными...

Машеров приехал без десяти девять. Сначала в ворота влетела милицейская «Волга», затем всплыла черная «Чайка». К тому времени все мы были внизу. Все – это мы с отцом, директор, главный инженер и прочее начальство числом в шесть душ.

Первым из остановившейся «Чайки» выскочил поджарый мужчина в костюме. Телохранитель. Он открыл пассажирскую дверцу справа от

водителя. Машеров вышел и направился к нам. Шагал он легко и стремительно.

– Здравствуйте, товарищи!

Он по очереди пожал нам руки.

– Показывайте!

– Прошу! – Директор указал на дверь. Та будто сама собой открылась. Подсуетился Виктор Петрович, приставил человека. Телохранитель рванулся вперед. Правильно, а вдруг засада? Сарказм.

Мы поднялись в кабинет директора. Машеров с ходу направился к стеллажам.

– Ножные протезы, – подскочил директор. – Сделаны из металла и пластмассы. Легкие, удобно крепятся на культю.

– А наши? – спросил Машеров.

– Вот!

Директор снял с соседнего стеллажа протез. Машеров взял его правой рукой, немецкий левой, прикинул вес.

– Ясно. Почему наш такой тяжелый?

– Делаем по техническим условиям, – доложил директор. – Металл, кожа, дерево. Как везде в СССР. Технология не менялась со времен империалистической войны.

– Что ж вы ко мне не обратились? – упрекнул Машеров.

– Не знали про достижения немцев, – вздохнул директор. – Они к нам не ездят, мы к ним – тоже. Если б товарищ не привез... – Он указал на меня.

– Вы, значит, Девойно? – Машеров посмотрел на меня. – Совсем еще юноша. Как додумались?

– В прошлом году был на книжной ярмарке во Франкфурте. Немцы издавали мою книгу. В Москве у меня есть знакомая – инвалид Отечественной войны. Попросила купить ей костыли. Вот такие. – Я взял прислоненные к стеллажу образцы. – Я зашел в специализированный магазин. Купил. Увидел протезы. Моя знакомая жаловалась, что ей тяжело ходить. Спросил немца: может ли сделать? Тот согласился. Дал мне рисунки, где следовало указать размеры. В Москве я обмерил ногу Дины Аркадьевны, результаты отослал во Франкфурт. Там сделали протез и отправили в Москву. Пришлось слегка подогнать, но он оказался по ноге. Легкий, удобный. Дине Аркадьевне нравится, она стала много ходить. Тогда я подумал: почему только ей? Есть ведь и другие инвалиды?

– Немцы с чего решили помочь?

– Совесть мучит.

– Принимать от них... – сморщился Машеров. – Ладно, я понимаю, купить. А то ведь станут трубить: помогаем нищим!

– Не станут, – возразил я. – Во-первых, люди не те. Во-вторых, в основе фонда – мои гонорары. Так будет и впредь. А что до помощи... В Китае говорят: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей».

– Ишь, какой! – сощурился Машеров. – Молодежь... Не воевали вы, не видели... Мы сами сможем позаботиться о наших инвалидах.

Что ж раньше не телились? Тема инвалидов в СССР, считай, запретная. У нас передовое общество строителей коммунизма, советские люди – гармонично развитые. Так что нечего. Мы лучше неграм в Африке денег подкинем – пусть больше убивают друг друга. А что ветераны мучаются, наплевать. В том времени у меня были знакомые инвалиды. Одному повезло по гуманитарной программе съездить в Германию. Там ему сделали ножной протез. Он был счастлив! И ему завидовали другие...

– Понадобятся миллионы марок, – сказал я. – Это, – я указал на стеллажи, – стоит недешево.

Машеров поскущел лицом. Валюту республике выделяют в Москве. А там спросят: «Почему вам? И в других республиках инвалиды есть». Правильно скажут, между прочим. Но в масштабах страны понадобятся большие деньги. А валюты в СССР мало, да и негры в приоритете. Вопрос забюрократят и положат под сукно.

– А вы что думаете, товарищи? – повернулся Машеров к остальным.

Товарищи вразнобой, но дружно сообщили, что с молодежью они согласны.

– Можно попробовать в качестве эксперимента, – предложил я. – Что мы теряем? Не получится – заберу деньги и перечислю их правительству республики.

– Давайте дальше смотреть! – подумав, кивнул Машеров.

Он перешагивал все. Опробовал костыли, прокатился в инвалидных колясках. Я не преминул сообщить, что они проходят в кабину лифта. А вот наши – нет. Из-за этого инвалиды просят квартиры на первых этажах. Дать такие не всегда получается, приходится искать варианты обмена.

– Уговорили! – заключил Машеров, встав с коляски. – Будет вам постановление бюро ЦК. Что нужно от нас? – Он посмотрел на меня.

– Во-первых, точное число инвалидов, нуждающихся в протезировании, – загнул палец я. – А также в колясках и костылях. Во-вторых, пригласить немцев в Минск. Они должны оценить фронт работ, производственные помещения, номенклатуру поставляемого оборудования,

уровень персонала. Потребуется обучить наших специалистов в Германии. Все расходы берет на себя фонд. От государства денег не нужно.

– Ты государство не обижай! – Машеров ткнул меня пальцем в грудь. – На инвалидов деньги найдем. Хотя – молодец! – Он хлопнул меня по плечу. – Не каждый отдаст деньги на благородное дело. Что, вправду сын фронтовика?

– Вот он! – Я указал на отца. Тот, волнуясь, шагнул вперед. Машеров бросил оценивающий взгляд на его награды.

– Где воевали?

– В отряде Василия Захаровича Коржа, затем – в Пруссии, – ответил отец. – Там ранили.

– Неплохо, как вижу, воевали, – заключил Машеров. – А работали еще лучше. Теперь понятно, в кого сын. Спасибо! Замечательного человека вырастили!

Он пожал отцу руку.

– Подробности – помощнику! – кивнул мне. – До свидания, товарищи!

Все той же легкой походкой он вышел из кабинета.

– Фух! – Директор ослабил узел галстука. – Кажется, получилось. Что дальше, Сергей Александрович?

– Изучайте образцы. – Я указал на стеллажи. – Можете даже разобрать. И ждите делегацию из Германии...

Обратной дорогой мы с отцом молчали. Я прикидывал в уме предстоящий разговор с помощником, отец смотрел на дорогу. Когда «Волга» притормозила у подъезда, я взялся за ручку двери.

– Сережа! – окликнул меня отец. Я посмотрел на него. Глаза у отца были влажные. – Я тобой горжусь!

* * *

Постановление бюро ЦК компартии Белоруссии вышло через неделю. У Машерова работали быстро. Никакой Девойно в постановлении не упоминался. Совету министров дали поручение рассмотреть вопрос о реконструкции протезного производства в республике за счет привлечения средств из внебюджетных источников. О Германии – ни слова. Ничего особенного – стиль документов этой поры. В тексте – общие слова, конкретика подразумевается.

Но вопрос был на контроле ЦК, и дело закрутилось. Во Франкфурт ушло приглашение. Байер приехал с помощниками. Поселили немцев в

гостинице «Юбилейная». К тому времени я обзавелся новеньким «ВАЗ 2106», купленным за чеки. Отец сдержал слово: продал «Волгу» и приобрел мне гараж. Даже с ямой. Не близко к дому, но и не далеко – на троллейбусе пять остановок. Я встретил немцев в аэропорту и отвез в гостиницу. На завтра был выходной день, и я устроил гостям экскурсию по городу.

– Это мы строили! – сказал Байер, когда мы проезжали мимо здания КГБ. – И эти дома – тоже.

После экскурсии я отвез немцев в гостиницу. Мы пообедали в ресторане. Бесплатно. Немцев принимали за счет правительства – насчет этого Машеров распорядился. После обеда Байер попросил меня отвезти в одно место. Изучив план города, ткнул пальцем. Улица Розы Люксембург. Я удивился, но повез. Мы ехали мимо невысоких домов, как вдруг Байер указал рукой на сквер:

– Здесь!

Я остановил «Жигули», и мы вышли. Байер закрутил головой, осматриваясь.

– Здесь стоял наш госпиталь. – Он указал рукой. – А там хоронили умерших от ран. Я понимаю, почему вы снесли кладбище. Но хорошо, что на его месте разбили сквер. Не стали застраивать.

Я промолчал. Не застроили, потому что не дошли руки. У советской власти отношение к кладбищам пренебрежительное. Они и свои сносят на раз. Байер некоторое время стоял неподвижно. Как я понял, молился. Затем сел в машину, и я отвез его в «Юбилейную».

В понедельник мы отправились на завод. Немцы дотошно ознакомились с производством. По их лицам было видно, что они о нем подумали.

– Есть проблема, – сказал Байер в кабинете директора. – Большинство ваших мастеров немолоды. Сомневаюсь, что они смогут освоить новые технологии. У нас бы уволили и набрали молодых.

Я перевел это директору.

– Не надо сомневаться! – обиделся Виктор Петрович. – У нас отличные мастера! Освоят!

Короче, договорились. Немцы улетели, вскоре пришло приглашение из Германии. Делегацию сформировали большую. Пришлось включить представителей правительства (на фиг нужны, но без них никак – застопорят процесс), директора, главного инженера... Советский Союз. В загранкомандировки лезут нахрапом. Хрен с ними, лишь бы дело стронулось.

Не так быстро, как хотелось, но оно пошло. В Минск прибыли вагоны с оборудованием и материалами. Вернулись обученные специалисты. Под руководством прилетевших немцев шел монтаж и наладка новых станков. Меня рвали на части. Переводчики МИДа не знали технического немецкого и имели смутное представление о производстве. Пришлось их заменить. Я ходил на завод, как на работу. Писать забросил. Хорошо, что с продолжением «Курта» успел. Перед советскими издательствами у меня обязательств не было. Я вставал в шесть, завтракал и ехал на протезный завод. Возвращался поздно вечером. Умывался, ужинал, тетешкал Тему и ложился спать. Лиля относилась с пониманием. Повезло мне с женой!

В июле завод дал первую продукцию – протезы и костыли. Коляски местная промышленность не потянула. Просты-то они только на первый взгляд... Посоветовавшись с Байером, я решил первую партию купить. Деньги были. Продажи «Курта» росли, немцы активно жертвовали в фонд. К моему удивлению, подключились и немецкие ветераны войны. Байер объяснил это так:

– Они помнят, как воевали с вами. После Восточного фронта Западный считали курортом. «Томми»^[32] не солдаты. А вот русские – да. Сильного противника уважают.

Выглядел Байер довольным. Заказы шли через его фирму. Фонд объявил конкурс, и лучшие условия предложил сын Байера. Все законно. Конверты с предложениями вскрывали публично, перед прицелами камер. Но в том, что дедушка проинструктировал сына, сомневаться не приходилось. Став во главе фонда, Байер-старший получил доступ к стратегической информации. Объем поставок, серьезность заказчика, содействие властей. Типичный инсайд. С этим здесь еще не борются. После поймут... Цену оборудования и материалов поставщики предложили практически одинаковую. Только проигравшие добавили к ней стоимость страховки. Байер-младший этого делать не стал. Зачем? Деньги для оплаты в Германии, распоряжаются ими немцы, да и Советский Союз – страна серьезная. Короче, сэкономил. При голосовании за поставщика дедушка демонстративно воздержался, что и отразили в протоколе. Жук! Взнос Байера в фонд «Дина» оказался инвестицией, а не пожертвованием. Свои пятьдесят тысяч марок он отобьет влет. Пусть. Это как раз тот случай, когда все довольны. Фонд – низкой ценой, поставщик – прибылью, я – скоростью выполнения заказа.

Демонстрировать наши успехи решили на практике. Я позвонил помощнику Машерова, тот идею одобрил. Мы связались с Домом ветеранов в Николаевщине. Предложение там восприняли на ура.

Инвалидов привезли в медицинское отделение завода. Им сделали и подогнали протезы. Тем, у кого ноги ампутированы по самый пах, вручили коляски и показали, как ими пользоваться. И вот наступил решающий день. Ранним утром колонна машин стартовала от проходной. В Николаевщину отправилось заводское начальство и я на «Жигулях». Домчались быстро – асфальт. В Николаевщине нас ждали. Директор Дома ветеранов выбежал нам навстречу.

– Где нам встретить Петра Мироновича? – спросил севшим голосом. Лицо его шло пятнами от волнения. – Во дворе или в доме? Не подскажете?

– Лучше во дворе, – предложил я. – Погода стоит хорошая, тепло. Да места больше, чтобы продемонстрировать новые протезы. Инвалиды смогут?

– Насчет этого не сомневайтесь! – успокоил директор. – Удерживать придется. Они словно помолодели. Чуть ли не прыгают от радости.

– Вот пусть и попрыгают! – предложил я. – Не удерживайте. Петру Мироновичу понравится.

Директор убежал. Очень скоро из дверей повалили обитатели дома. К нам подходили здороваться. Жали руки, благодарили. Меня даже обнимали. Как-то узнали, кто был инициатором проекта. Я чувствовал себя неловко – делали-то другие. Так и сказал.

– Но придумал ты! – возразил седой ветеран с медалями на пиджаке. В доказательство он ткнул меня в грудь коричневым от табачного дыма пальцем. – И денег дал. Я тридцать лет на железяке ковылял, культю в кровь стирал, боялся лишний раз в туалет сходить. И никому до этого дела не было. Зато сейчас – вот! – Он раскинул руки и отбил каблуками дробь. Медали на пиджаке отозвались звоном. – Танцую, гуляю, вчера даже по грибы сходил. Забыл, когда их в последний раз собирал. А вчера шел по лесу и, поверишь ли, плакал. Спасибо, сынок! – Он потряс мне руку.

– Петра Мироновича поблагодарите! – сказал я. – Без него ничего бы не вышло.

– Само собой! – кивнул ветеран. – Миронович – человек хороший. Наш, из партизан. О людях думает.

Окружившие нас ветераны закивали. Вот и славно!

Машеров приехал к десяти. Во двор Дома ветеранов влетела милицейская «Волга» с мигалкой, следом – знакомая мне «Чайка». За ней – второй автомобиль ГАИ. Петр Миронович вышел из машины и направился к нам.

– Здравствуйте, товарищи! Приехал посмотреть, как вы живете.

– А вот как! – выскочил вперед седой ветеран. Он раскинул руки и,

топоча каблуками, прошелся в танце вокруг первого секретаря. – А теперь – смотри! – Он задрал штанину и продемонстрировал протез. – Ногу мне еще в сорок четвертом отрезали, когда блокаду прорывали. Осколок попал, грязь, гангрена... Еле спасли. Тридцать лет с лишком на костылях ковылял, а сейчас, видишь, танцую. Миронович, дорогой наш человек! – Он обнял Машерова. – Спасибо тебе!

– Что я?.. – попытался возразить Машеров, но ему не дали. Ветераны окружили его и дружно загомонили, высказывая благодарность. Глаза у Машерова влажно блеснули. Внезапно сквозь окруживших первого секретаря людей протолкался безногий в инвалидной коляске.

– Миронович! Посмотри!

По его знаку ветераны расступились. Инвалид, работая рычагами, стал нарезать круги по асфальту.

– Видишь! Не коляска, а самолет. Куда хочу, туда и еду. Раньше меня возили. Теперь и тебя могу прокатить. Садись! – Он хлопнул ладошкой по сиденью перед собой.

Ветераны засмеялись. Машеров присоединился. К нему подскочил директор дома.

– Петр Миронович, приглашаем вас к столу! Чай, пирожки, печенье. Поварили столько всего наготовили!

– Идемте! – загомонили ветераны.

Машеров развел руки, показывая, что не в силах устоять, затем повернулся и дал знак охране оставаться во дворе. Сам же, увлекаемый ветеранами, скрылся в здании. Следом потянулось заводское начальство. Я остался во дворе – так нужно. Осмотрелся. Так. Гаишники кучкуются у своих «Волг», курят. У «Чайки» Машерова стоят трое. Пожилой водитель, уже знакомый мне охранник и мужчина лет сорока в строгом костюме при галстуке. Судя по тому, как разговаривают с ним остальные, начальник. Вот ты-то мне и нужен.

Я направился к троице. При виде меня они смолкли.

– Здравствуйте! Меня зовут Сергей Александрович Девоино.

– Знаю! – кивнул главный в этой компании.

– Вы начальник охраны Петра Мироновича?

Мужчина построжел лицом и сказал:

– Да.

– Можно вас на пару минут? – Я указал рукой в сторону.

Главный поколебался и кивнул. Мы отошли метров на двадцать.

– Слушаю.

– Как вас зовут?

– Николай Иванович.

– Тут такое дело, Николай Иванович. Посмотрел я на «Чайку» Петра Мироновича, и кое-что мне в ней не понравилось.

– Что? – насторожился он.

– Нет ремней безопасности. Я бывал за границей. Там они везде. Без них не ездят.

– Вы о привязных ремнях? – догадался он. Ну да, в СССР их называют так. Николай Иванович задумался и, видимо, решил, что со мной можно. – Предлагали их установить. Однако Петр Миронович против. Стесняют движения.

– Идемте, покажу!

Мы прошли к моим «Жигулям». Я открыл дверцу и взялся за ремень безопасности.

– Как видите, эластичный. Три точки крепления. В обычном состоянии практически не ощущается. Но стоит машине попасть в ДТП... – Я дернул за ремень, и тот зафиксировался. – Инерционный механизм. Купил в Германии, установил сам. Такие ремни спасают пассажиров и водителя даже при столкновении на больших скоростях.

Николай Иванович вновь задумался. Блин, он еще колеблется!

– Киселев, Сурганов и генерал Беда погибли в автомобильных авариях, – подсказал я. – Все не были пристегнуты. Правительственные машины носятся на большой скорости...

Руководитель охраны спал с лица. Проняло. Наконец-то! Если Машеров погибнет, твоей карьере конец.

– Где ж взять такие ремни? – тоскливо спросил он.

– У меня есть. – Я открыл багажник и извлек три картонные коробки. – С Петром Мироновичем ездят водитель и охранник. Так что хватит на всех. Держите! Установить не составит труда. Любой слесарь в гараже справится.

– Спасибо!

Он потряс мне руку, забрал коробки и побежал к «Чайке». Спустя минуту трое мужчин увлеченно разглядывали их содержимое. Ну вот, дело, считай, сделано. Думаю, Николай Иванович сумеет уговорить Машерова. Он в этом кровно заинтересован. Значит, у Петра Мироновича появляется шанс. А потом я через помощника выйду на Николая Ивановича или Петра Мироновича и намекну им про четвертое октября 1980 года. Не знаю пока, что скажу, но придумаю.

...Машеров уехал спустя час. На прощание его обнимали и просили заглядывать еще. Он улыбался, жал ветеранам руки. Я наблюдал за этим со

стороны. Как же он не похож на руководителей моего времени! Какой красивый и солнечный человек! Даже смотреть на него удовольствие.

Машерова наконец отпустили, и он в сопровождении «Волг» ГАИ отбыл. Следом потянулось заводское начальство. Все выглядели довольными. Я присоединился к общему чаепитию позже, но успел услышать, как Машеров благодарил их. Значит, дело на мази. Моей помощи больше не требуется, можно вернуться к литературе. Соскучился...

«Жигули» катили по шоссе, разрезавшему сосновый бор. Светило солнце, в салон через опущенное стекло врывались запахи смолы, хвои и разогретого асфальта. Навстречу попадались грузовики с затянутыми брезентом кузовами. Зерно везут. Конец августа, уборочная заканчивается. «Жигули» взяли подъем и помчались по ровному участку дороги. Внезапно впереди показалось скопление машин. Что там? Я подкатил ближе. На правой стороне путь преграждали «Жигули» ГАИ с включенными маячками. Перед автомобилем топтался гаишник с жезлом. Я затормозил.

– Проезжайте! – Гаишник указал жезлом на обочину встречной полосы.

Я высунул голову в окно.

– Что случилось?

– Проезжай, тебе сказали!

С чего он такой нервный? Я пожал плечами и включил первую скорость. Вырулил на противоположную обочину и медленно покатыл, объезжая затор. Скосил взгляд вправо. Авария. Легковой автомобиль на полной скорости врезался в «МАЗ», груженный зерном. Тот выезжал со второстепенной дороги. От удара «МАЗ» развернуло, зерно из кузова высыпалось и почти полностью закрыло таранивший грузовик автомобиль. Было видно, что его разгребали, вытаскивая пострадавших. Следы крови на асфальте, в стороне лежат два тела с закрытыми какими-то тряпками лицами. Рядом толкуются гаишники. Курят, и лица у них какие-то потерянные. Стоп! Из груды зерна выглядывают характерные задние фонари. «Чайка»... Машеров? Сейчас? Не может быть!

Я остановил «Жигули», выскочил из машины и подбежал к милиционерам. Так... У одного из тел на ногах тупоносые ботинки со стоптанными с правой стороны каблуками. Я обратил на них внимание еще в Николаевщине – бросались в глаза. Ботинки носил водитель Машерова...

– Товарищи!

– Что вам? – повернулся ко мне капитан. Лицо его не предвещало ничего доброго.

– Я еду из Николаевщины, где мы принимали Машерова. Это его

машина? – Я указал на торчавший из груды зерна багажник. – Скажите, Петр Миронович жив?

– Проезжайте, гражданин! – рявкнул капитан. – Живо! Не задерживайте движение!

Его лицо сказала мне больше, чем слова. Я вернулся к «Жигулям» и сел за руль. Отъехав с километр, затормозил на обочине. Вышел из машины и сел прямо на песок. Как же так? Я вроде бы все продумал и сделал. Выходит, мое вмешательство в события может изменить историю не только в лучшую сторону? Машеров погиб годом раньше, но обстоятельства аварии как под копирку. Только тогда «Чайку» засыпало картошкой. Господи, почему? Что я сделал не так?

Не знаю, сколько я так просидел. Меня привел в чувство визг тормозов. На противоположной стороне стоял «ГАЗ». Водитель, выскочив из кабины, бежал ко мне. Я встал.

– Што здарылася?

– Люди погибли, там! – Я указал рукой за спину. – Авария.

– Знакомы хто?

– Да! – кивнул я. – Машеров.

– Ё!.. – выдохнул он. – Як жа цяпер?

Он сокрушенно покрутил головой.

– Закурить есть? – спросил я.

– Зараз!

Он полез в карман и достал смятую пачку «Астры». Я вытащил одну сигарету и сунул в губы. Водитель чиркнул спичкой и поднес мне огоньку. Я втянул в себя ядовитый дым. В горле будто наждаком продрало. Я закашлялся и бросил сигарету.

– Спасибо.

– Можа, яшче чаго?

– Не нужно. – Я покрутил головой. – Еще раз спасибо. Поеду.

Водитель кивнул и пошел к машине. Я сел в «Жигули» и включил зажигание. Автомобиль стронулся с места и покатил по шоссе. Дорога плыла перед глазами. «Успокойся, Сергей, – уговаривал я себя, – ты же циник. Взрослый мужик. Не стоит так убиваться. Машеров был обречен. Годом позже, годом раньше... Да, не вышло с ним, но цель остается неизменной. Нужно подумать, как ее достичь. Ты сможешь!»

Горячий воздух, врываясь в салон, осушал мокрые щеки. Только он не успевал, поэтому влага капала на белую рубашку, оставляя на ней темные следы...

Глава 21

Академик Александров^[33] с любопытством посмотрел на перешагнувшего порог кабинета посетителя. Гость был молод («Лет тридцать», – определил Александров), чуть выше среднего роста, худощав. Хотя, если точнее, жилист. Широкие плечи, подтянутый живот и продолговатое, мужественное лицо. Последнее впечатление усиливала белая нитка шрама на лбу. Одет гость был в модный костюм и белую рубашку, но без галстука.

Посетитель поздоровался, спокойно дал себя рассмотреть, затем, повинувшись приглашающему жесту руки Александрова, прошел к столу и сел, положив при этом перед собой тоненькую папку. Держался он при этом уверенно, чуть ли не по-хозяйски, и Александров почувствовал приступ раздражения. Теперь он сожалел, что поддался уговорам и согласился принять этого странного человека. Что нужно от президента Академии наук модному писателю? От сотрудников Института атомной энергии, который он возглавлял, Александров слышал восторженные отзывы о книгах гостя. Сам академик их не читал и не испытывал такого желания. Было бы на что время тратить!

Однако хозяину следовало быть вежливым, и Александров кивнул посетителю. Дескать, говори, раз пришел.

– Спасибо, что согласились принять, – сказал гость. – Я не займу у вас много времени, Анатолий Петрович. Все, что я хотел вам сообщить, – здесь. – Он придвинул Александрову папку.

Тот взял и раскрыл. Внутри лежало несколько машинописных листов. Александров надел очки. Первая же фраза заставила его похолодеть.

«26 апреля в 1.23 по Московскому времени на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС произойдет авария, которая станет крупнейшей в истории человечества техногенной катастрофой...»

Александров торопливо бросил взгляд на календарь и облегченно вздохнул – сегодня 10-е апреля. В то же мгновение он ощутил злость. Что за дурной розыгрыш! Александров рассерженно глянул на посетителя.

– Пожалуйста! – попросил гость. – Прочтите до конца. Там всего три странички.

Александров подумал и обратил взгляд к тексту. Ладно, он прочтет. А уж потом скажет этому писаке все, что он о нем думает. Кого он вздумал разыгрывать? Александров не хотел признаваться даже самому себе, что

после первой фразы он не выпустит текст из рук при любых обстоятельствах.

Читал он долго. Несколько раз возвращался к началу, затем продолжал, пока текст не закончился. В течение этого процесса настроение академика менялось. Он не мог определиться в своих чувствах. С одной стороны, это был бред. Реакторы РБМК^[34] исключительно надежны. Взорваться они не могли. Александров знал это хорошо, поскольку был научным руководителем проекта. С другой стороны... Сведения об особенностях конструкции реактора и термины в тексте были исключительно точны. «Выбег... ксеноновое отравление... положительный паровой коэффициент реактивности...» Такое мог сочинить только специалист, причем из числа допущенных к государственным секретам. Но более всего впечатляло описание последствий аварии. Количество выброшенных в атмосферу радиоактивных веществ, площадь загрязнения и более всего – число жертв. Тех, что погибли сразу, и тех, что умерли впоследствии.

– Кто это написал? – спросил Александров.

– Я, – спокойно ответил гость.

– Вы физик?

– Нет. У меня нет даже законченного высшего образования. Учился в политехническом, но ушел, не завершив второй курс. Специальность – технология обработки металлов давлением. – Гость усмехнулся.

– Тогда откуда?..

– Оттуда. – Гость указал пальцем на потолок. – Считайте это откровением свыше.

– Ну, знаете ли!.. – возмутился Александров.

– Анатолий Петрович! – вздохнул посетитель. – Я понимаю ваше раздражение. Пришел какой-то чужак и морочит вам голову. Но я не морочу. Это, – он ткнул пальцем в листки, – обязательно случится. И вы можете это предотвратить. А теперь подумайте вот о чем. Если вы не вмешаетесь и авария случится... Как после этого вы сможете смотреть людям в глаза?

Александров от возмущения задохнулся. Наглец! Как этот тип смеет?

– Спасибо, что приняли и выслушали. – Гость встал. – До свидания.

Он вышел из кабинета. Александров еще некоторое время сидел, невидящим взглядом скользя по разложенным перед ним листкам. Затем встряхнулся и взял со стола небольшой телефонный справочник. Пролистав страницы, нашел нужный номер. Набрал междугородний код и нужные цифры.

Ответили почти сразу.

– Слушаю, – раздался в наушнике мужской голос.

– Здравствуйте, Виктор Петрович. Александров беспокоит.

– Рад слышать вас, Анатолий Петрович! – ответил невидимый собеседник. – Чем можем быть полезны Академии наук?

«У него хорошее настроение», – отметил Александров.

– Хочу спросить, Виктор Петрович. У вас планируется остановка реактора?

– Да, – подтвердил собеседник. – Четвертый энергоблок, в ночь на двадцать шестое апреля.

Александров ощутил, как по его позвоночнику пробежал холодок.

– Эксперименты собираетесь проводить?

– Как принято. В этот раз с режимом выбега ротора турбогенератора. Холодок стал злее.

– С вашего разрешения я хотел бы поучаствовать в эксперименте.

– Что-то случилось? – насторожился собеседник. – Написали кляузу?

– Никто ничего не писал, – успокоил его Александров. – Требуется проверить одну гипотезу об оперативном запасе реактивности. Вмешиваться в процесс я не буду. Просто поприсутствую.

– А что сами? – удивился собеседник. – Прислали бы сотрудника.

– Не забывайте, что я директор Института атомной энергии и руководитель этого проекта, – раздраженно произнес Александров. – Мне интересно.

– Извините, Анатолий Петрович! – поспешил собеседник. – Просто удивился. Не так часто нас посещают такие люди. Разумеется, мы с удовольствием вас примем. Кстати, двадцать шестого выходной день. Организуем рыбалку на Припяти. Знаете, как клюет?

– Ничего не нужно, – сказал Александров. – Это рабочий визит. Я прилечу в Киев днем двадцать пятого апреля и улечу завтра. У меня не так много времени.

– Договорились! – согласился собеседник. – Встретим в аэропорту, домчим с огоньком. Чуть больше ста километров от Киева. Соскучиться не успеете.

– Вот и хорошо, – сказал Александров и положил трубку. Затем снял другую. – Верочка! – сказал в микрофон. – Двадцать пятого апреля я улетаю в Киев. Вернусь двадцать шестого. Оформи командировку и позаботься о билетах на самолет.

В Минск я возвращался на поезде. Хотелось оценить случившееся и определить дальнейшую линию поведения. В вагоне мне хорошо думается. Идеи нескольких романов как в той, так и в этой жизни, пришли под перестук колес.

В узком двухместном купе я оказался один. Да и в вагоне многолюдья не наблюдалось. Четверг. В командировку ехать поздно, на выходные – рано. А вот в другие дни поезд Москва – Минск забит до отказа. Я сдал проводнику билет, получил постель, застелил полку и улегся, взбив подушку под головой. Итак...

После гибели Машерова я оправился не скоро. Но потом дела затянули. Вопреки моим опасениям, сотрудничество с немцами не притормозили. То ли ореол погибшего руководителя республики распространился на проект, то ли благодарственные письма инвалидов повлияли, но нам фактически дали карт-бланш. Мне выдали служебный заграничный паспорт, немцы проставили в нем постоянную визу, и я ездил в Германию, как в Москву, – по своему желанию и в любое время. Очень скоро о фонде «Дина» стало известно в узких кругах. Советские газеты о нас не писали (как же, помощь от идеологических врагов. Нельзя!), телевидение нас не снимало, но сарафанное радио работало. Инвалиды со всего СССР забрасывали Минск письмами. И плевать было им, на чьи деньги делают протезы. Письма слали и в Москву, там слышали. В Минск приехали серьезные мужики с оборонных заводов. Я передал им цельнотянутую в Германии техническую документацию на коляски. В Минске их производство наладить не удалось. Велозавод сотворил какое-то монструозное угребище, которое мог привести в движение лишь чемпион мира по тяжелой атлетике. А вот у авиастроителей получилось. Их коляски вышли даже лучше прототипов – легкие и надежные, хотя и не такие красивые, как немецкие. Спрос на них был огромным. Коляски заказывали клиники, госпитали, санатории. Инвалиды – само собой. Радовались все, в том числе и оборонщики. Коляски им засчитывали в товары народного потребления, тем самым сняв с директоров головную боль. За выпуск этих товаров в СССР спрашивали строго. А что может производить «МиГ»? Детские самолетики? А тут нехитрая конструкция из трубок и шестерок. Для авиазавода – семечки. Открыл цех и клепай.

С костылями было и вовсе просто – штампуй хоть в колхозной мастерской. Через пару лет организовали и выпуск материалов для протезов. Фонд «Дина» переориентировался на обучение специалистов и поставки оборудования. Часть его закупили за государственные средства. К 1983 году потребность в фонде исчезла, и его упразднили. Остаток средств

по моему предложению перечислили Советскому комитету ветеранов войны. Сумма вышла значительной. В результате меня, Байера и Циммермана наградили орденами «Знак Почета». Вручили их в торжественной обстановке.

– Никогда не думал, что коммунисты наградят меня орденом, – сказал мне Байер. – Интересно: что напишут по этому поводу наши газеты? Наверное, сочтут меня советским агентом.

Он рассмеялся. На газетчиков Байеру было плевать. Фонд принес фирме сына солидную прибыль, а тут еще СССР заслуги оценил. Было с чего радоваться.

В 1984 году умерла Дина Аркадьевна – инфаркт. Она так и не прислушалась к рекомендациям врачей поменьше курить. На ее похороны пришло много людей. Знаменитые и не очень писатели, редакторы – как главные, так и рядовые. Я и не подозревал, что у нее столько друзей. Многие из провожавших Дину Аркадьевну мужчин плакали, я был в их числе. Перед гробом покойной несли подушечку с наградами. Их у Дины Аркадьевны оказалось немало. В основном – юбилейные медали. Но был и орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и орден Трудового Красного Знамени.

С ликвидацией фонда исчезла и обязанность переводить ему гонорары. Марки вновь потекли на мой счет. Их было много. «Курт» и его продолжения пользовались спросом как в Германии, так в других странах. Джулиан Роулинг я, конечно, не затмил, даже не приблизился к ее успеху, но суммарный тираж книг серии исчислялся миллионами экземпляров. Соответствующими были гонорары. Я получал их без посредничества ВААП – заключил с издательством договора напрямую. ВААП промолчал. Ему было не до меня. Шла пятилетка великих похорон. Генсеки, один дряхлее другого, всходили на Олимп, чтобы уже вскоре попасть в рубрику «Великая скорбь». Глядя на этот цирк, страна плевалась. Избрание Горбачева встретили с облегчением – молодой.

В 1985 году в Германии вышел пятый «Курт». Три последних написали мы с Лилей. Вернее, она одна. Я только набрасывал план книги, разбивал сюжет по главам, а затем проходил по уже готовому тексту. Лиля писала слишком академично, без огонька, свой язык у нее был суховат. Зато правильный и простой. Переводчики радовались. На обложках книг красовались фамилии двух авторов, чем Лиля очень гордилась. Тесть – особенно. О том, что его «дача – письменница, якую друкуюць у Няметчыне» знали не только в деревне, но и в районе.

Мы переехали в пятикомнатную квартиру на проспекте Любимова, то

есть неподалеку от прежнего дома. Поменялись. В придачу к своей «трешке» я дал новенький «ВАЗ», купленный за чеки в «Ивушке». Прошло на ура. За машину в СССР в 80-е можно было выменять отдельную квартиру, а тут всего лишь доплата. Так что бывшие владельцы пятикомнатной очень радовались. За «ВАЗ» и «трешку» мне предлагали четырехкомнатную «сталинку» на проспекте Ленина, но я отказался. Помнил, во что превратится центр Минска в моем времени. Потоки автомашин, забитые «тачками» дворы... Пусть там понторезы живут. Мы – люди сельские.

В новой квартире имелся просторный холл, большая кухня, пять изолированных комнат и кладовая на лестничной площадке. Теперь и у Лили был свой кабинет. По утрам в квартире слышался стрекот электрических пишущих машинок. Их я привез из Германии. Пишущий блок этих машинок представлял своеобразную «ромашку», которая легко менялась. В результате можно было использовать разные шрифты, что избавляло от необходимости вписывать в русский текст от руки немецкие или английские слова. В одной из «ромашек» мы перепаяли пару букв и получили белорусский язык. Удобно. А хорошо послужившая нам «Эрика» отправилась в резерв. Время от времени я ею пользовался, но не с литературными целями.

Большая квартира семье требовалась. В 1981 году у нас с Лилей родилась Ядя, в 1983-м – Станислав. Дети росли разные. Увалень Артем, лопотушка Ядя и гиперактивный Стас. Ботинок младшенькому хватало от силы на месяц. Вся эта компания носилась по комнатам, кричала, прыгала, лезла куда не нужно и поэтому требовала неусыпного присмотра. Хорошо, что поблизости имелись ясли-сад, куда мы отводили малышня по утрам. Это давало возможность поработать. Вечером в доме становилось шумно. Утомонить эту ораву можно было лишь показом мультиков. Из Германии я привез видеомagnetофон JVC и стопку кассет VHS, на которые записывал советские мультфильмы. Иностранцы из-за границы принципиально не вез – незачем уродовать детскую психику. На просмотры к нам приходили дети соседей по площадке, нередко – с родителями. Видеомagnetофоны в СССР были редкостью. Сам факт, что картинку с телевизора можно записать, а потом просмотреть, казался чудом.

С «Жигулей» я пересел на «Волгу» – отец уговорил. Свой «Фольксваген» он ценил, но к «Волге» испытывал любовь. Зависти я не боялся. Лиля стала членом Союза писателей, с соседями мы дружили. Наш подъезд был спроектирован для многодетных семей. Двухкомнатные и трехкомнатные квартиры в нем объединили в одну, вследствие чего

получившиеся пятикомнатные вышли не по-советски просторными. Ничто так не сплавивает женщин, как общие заботы. Детей в подъезде обитало множество. Лиля отдавала соседкам вещи, из которых наша тройка уже выросла. А если учесть, что те платица и ботиночки были импортными, да еще практически новыми, желающих с нами дружить набиралось много. У нас постоянно одалживались – как продуктами, так и деньгами. В довершение я съездил на завод силикатных изделий и поговорил с директором. В результате во дворе нашего дома появился сказочный городок с избушкой на курьих ножках, песочницами, качелями, каруселями, шведскими стенками и прочими прибабасами. Завод провел это по статье «оказание шефской помощи многодетным семьям». А то, что у директора в квартире появился импортный телевизор... Он человек не бедный, всегда может сказать, что в комиссионке купил. Городок вышел красивым, его даже по местному телевидению показали. У директора взяли интервью. Тот говорил в камеру, сияя от удовольствия, – оценили. Радости нашей малышни не было предела. В глазах их родителей я выглядел правильным мужиком – богатым, но не жадным. Из тех, что живут сами и дают жить другим. Так что я смело оставлял «Волгу» у подъезда. Бдительные старушки-соседки отгоняли от нее любителей чего-то открутить или отковырнуть.

– А ну отойди! – кричали они из окошек. – Это нашего писателя машина. Счас милицию вызову!

Летом я отвозил семью в деревню. Малыши ждали этого с нетерпением. В деревне жили корова, кабан, куры и собака с кошкой. Их можно было погладить, а котят даже подержать в руках и уложить спать в кроватку. С нетерпением ждали внуков и бабушка с дедушкой. Вацлав таскал их на себе, а Ядю вовсе не оставляя ни на миг, чем эта хитруня вовсю пользовалась. Дочка до умиления походила на Лилю, чем и объяснялась привязанность деда.

– Як маці разумная будзе, – утверждал Вацлав. Вид у него при этом был такой, что желание спорить пропадало.

Разрушать этот уютный мирок не хотелось отчаянно. Я понимал, что визит к Александрову может кончиться плохо. В своем времени я о нем много читал. Блестящий ученый и очень порядочный человек. Не стеснялся критиковать существующие порядки, при нем Академия наук отказалась исключать из своих рядов Сахарова. Александров был единственным, кто мог воспринять мое предупреждение всерьез. Ядерная энергетика – его любимое детище. Аварию на ЧАЭС в том времени он воспринял как личную трагедию. Оставил пост президента Академии наук, заявив, что

после Чернобыля кончилась его творческая и обычная жизнь. В том, что он предпримет все меры, я не сомневался. Но вот только удастся ли ему предотвратить аварию? И чем это обернется для меня? Звонить в КГБ Александров не станет – не тот человек. Но вот другим рассказать сможет. Пойдет слух о необычном предупреждении. А в КГБ к слухам прислушиваются...

«Что сделано, то сделано, – наконец решил я. – Дальше – как выйдет. У Лили есть доверенность на получение моих гонораров, в том числе и в Германии. Завещание составлено в ее пользу. Если возьмут в оборот – закошу под дурака. Я же писатель, откровения слышу. Грохнут – не беда. В этом времени я уже одиннадцатый год. С учетом прожитых ранее лет мне семьдесят три. Хороший срок для мужчины. Многие до такого не доживают...»

Успокоенный этой мыслью, я уснул.

* * *

Из Шереметьева Александров приказал везти себя в институт. Несмотря на выходной день, домой не хотелось. В самолете он немного поспал, но голова все равно гудела. 83 года...

В аэропорт Борисполь его провожал директор АЭС. Дорогой они молчали. Когда объявили посадку, директор взял Александрова под локоть.

– Как думаете, меня снимут? – спросил тоскливо.

«Скажи спасибо, что не посадят!» – едва не выпалил Александров, но вовремя одернул себя.

– Вашей вины в происшествии нет, – сказал, успокоившись, – и персонала – тоже. Поведение реактора в критических ситуациях не изучено до конца, соответствующих методик не имеется. В отчете упомяните, что я присутствовал при эксперименте, и сошлитесь на мое мнение. Если потребуют подтверждения, я его дам.

– Спасибо! – Директор затряс его руку. – Век не забуду!

Александров высвободил кисть и пошел к трапу. Московский «Ту» подогнали прямо к зданию аэровокзала.

В своем кабинете в институте Александров некоторое время сидел, поглядывая на брошенный в кресло портфель. Папка с предупреждением странного посетителя лежала внутри. Александров помнил его почти наизусть. До поездки в Чернобыль он и специалисты института просчитали возможность взрыва реактора по предложенному сценарию. Разумеется,

листки в руки им Александров не дал. Начнут спрашивать: откуда? Поставил задачу и попросил просчитать. Ничего путного из этого не вышло. На Ленинградской АЭС в 1975 году случилась похожая авария, но там ситуация была иной. В Чернобыле останавливали реактор, в Ленинграде его запускали. В Ленинграде сработала аварийная защита, в Чернобыле ее отключили. И если бы Александров не потребовал включить...

А вот результаты аварий оказались схожими. И в Ленинграде, и в Чернобыле оказались разрушены или повреждены тепловыделяющие сборки и каналы. Неприятно, но не смертельно. Александров помнил, что произошло в переданном ему предупреждении. И отдавал себе отчет: только его присутствие на четвертом энергоблоке помогло спасти страну от страшной катастрофы.

Некоторое время он колебался. Нехорошо сдавать доверившегося тебе человека. С другой стороны, Девойно не просил молчать. А если он обладает знаниями и о других катастрофах? Сколько людей можно спасти! Не говоря об ущербе народному хозяйству.

Александров взял со стола маленькую книжечку – телефонный справочник, полистал. Затем придвинул вертушку и набрал три цифры.

– Да, – раздался в наушнике мужской голос.

– Здравствуйте, Владимир Иванович!

– И вам доброго здоровья, Анатолий Петрович! Работаете?

– Так же как вы.

– Да уж! – пожаловался собеседник. – Ни выходных, ни проходных.

– Найдете для меня пару минут?

– Разумеется, – сказал собеседник. – Приезжайте. Мне тут еще долго сидеть.

Александров вызвал дежурную машину. До Старой площади его довезли быстро. В здание № 4 пропустили сразу, академик поднялся на нужный этаж. Приемная секретаря ЦК была пуста – выходной день, и Александров прошел в кабинет. Увидев его, Долгих^[35] встал из-за стола и шагнул навстречу.

– Рад видеть вас, Анатолий Петрович!

Он пожал руку ученому.

– А я вас, – сказал академик, возвращая рукопожатие.

– Присаживайтесь!

Они разместились за приставным столом.

– Про аварию на Чернобыльской АЭС слышали? – перешел к делу академик.

– Было в утренней в сводке, – кивнул Долгих. – Но там вроде ничего особо страшного?

– Да, – подтвердил Александров. – Но могло быть. Взгляните!

Он достал из сумки папку и передал Долгих. Тот взял, раскрыл и некоторое время сосредоточенно читал. Затем отложил листки.

– Это прогноз вашего института?

– Нет, – сказал Александров. – Эти листки принес мне писатель Девойно. Слышали о таком?

Долгих покрутил головой.

– А я слышал. Мои сотрудники его книгами зачитываются. Упросили принять автора. Девойно принес эти листки мне десятого апреля. Попросил сделать все, чтобы предупредить страшную аварию.

– Он физик-ядерщик?

– У него даже высшего образования нет.

– Хм. – Долгих взял листок. – Я не специалист, но, по-моему, написано со знанием дела.

– По-моему – тоже, – кивнул Александров. – А я, знаете ли, академик. Скажу сразу: не отправься я в Чернобыль, вот это, – он ткнул пальцем в листки, – непременно бы произошло. И с описанными здесь последствиями.

– Не приведи бог! – Долгих изменился в лице. – Вы уверены?

– Да.

– Тогда откуда...

Долгих не договорил фразы, но Александров понял.

– Я задавал Девойно этот вопрос. Он ответил, что получил откровение свыше.

Долгих хмыкнул.

– Я ученый, физик, поэтому не верю в откровения, – кивнул Александров. – Но факт остается фактом: Девойно знал об аварии. Причем все. Время – с точностью до минуты, обстоятельства происшедшего, механизм поведения реактора. Это говорит о том, что ему доступно знание из будущего.

– Фантастика какая-то, – покрутил головой Долгих.

– Увы, реальность, – не согласился Александров. – Хотя Девойно известен именно как автор фантастических романов. Почему я к вам пришел, Владимир Иванович? Чернобыльская АЭС не единственная в СССР. Есть гидростанции и масса других опасных объектов. В случае аварии на них могут погибнуть люди, страна – понести экономический ущерб. А теперь представьте, что есть человек, который об этих авариях

знает наперед. И их можно предупредить.

– Хм, – сказал Долгих. – Резонно. Он согласится помочь?

– Сам искал со мной встречи.

– Спасибо, Анатолий Петрович! Я это оставлю? – Долгих указал на листки.

Академик кивнул, и они распрощались. Долгих собрал листки, сложил их в папку, снял трубку телефона и набрал номер.

– Здравствуй, Костя! – сказал ответившему абоненту. – На месте? Можешь зайти? Жду!

Спустя полчаса в его кабинет вошел высокий, подтянутый мужчина в строгом сером костюме. Долгих встал из-за стола и направился к гостю. Где-то посередине кабинета они встретились и обнялись.

– Целую жизнь не виделись! – сказал Долгих, отступая.

– В прошлом году, – уточнил гость.

– Так это мельком, – махнул рукой Долгих. – Все в работе. Не заметил, как шестьдесят один стукнул. Жизнь, считай, прошла.

– Рано печалишься, – хмыкнул гость. – Сам крепкий, как молодой огурец. И седины почти нет.

– Порода такая, – согласился Долгих. – Сибирская. Присаживайся, Константин! Кое-что расскажу.

Гость выслушал его, не прерывая.

– Что скажешь? – спросил Долгих, закончив.

– Похоже объявился Оракул, – сказал Константин.

– Какой оракул?

– У нас его так кличут. Разреши? – Он потянулся к телефону. Долгих кивнул. Гость снял трубку и набрал номер. – Дима? Наведи справку об одном человеке. Фамилия Девойно, имени и отчества не знаю. Но он писатель, известный, живет в Минске. Как выяснишь, позвони мне по номеру. – Он продиктовал цифры.

– Телефон знаешь, а не звонишь! – упрекнул его Долгих, когда гость положил трубку.

– Не хочу отрывать от дел секретаря ЦК, – сказал Константин. Долгих покачал головой. – Хотя ты прав, Владимир Иванович. Не хочу звонить из нашего гадюшника. Заинтересуются, почему? О наших отношениях там не знают. Пронюхают, начнут делать расклады: кто и под кем. Ну их!

Долгих согласно кивнул.

– Так что с этим Оракулом? – спросил нетерпеливо.

– Это случилось в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, – начал гость. – Я тогда еще в подполковниках бегал. Позвонили из Ростова,

попросили помощи. В городе Шахты коммунист повесился. Расследование показало, что вроде бы доведение до самоубийства. Этот Чикатило получил письмо, прочел его и сунул голову в петельку.

– А что в письме?

– Всего два предложения. «Мы о тебе знаем все. Посмеешь тронуть хоть одного ребенка, повесим на собственных кишках!»

– Однако! – покачал головой Долгих.

– Стали разбираться. Чикатило работал воспитателем в профессионально-техническом училище. На адрес училища, к слову, и пришло письмо. Выяснилось, что этот «воспитатель» лип к мальчикам, а в городе имел второй дом, куда водил проституток. Тут местный горком и увял. А до этого кулаком стучали, требовали: «Найти и наказать!» – Константин усмехнулся. – Письмо было отправлено из Москвы, поэтому я привез его с собой: вдруг были похожие?

– И?

– Выяснилось, что были. Отпечатаны на той же машинке «Эрика», как в шахтинском случае, но никаких отпечатков пальцев автора. Отправлены из московского почтамта к нам на Лубянку. Ты про маньяков слышал?

– Убийцы? «Мосгаз»?

– Не только. За последние годы их разоблачили тринадцать. И всех с помощью Оракула.

– Даже так?

– Именно. Представляешь, приходит в адрес Комитета письмо. В нем имя, фамилия, иногда и отчество серийного убийцы. Указано, где живет и где предположительно прячет улики. Остается арестовать и раскрутить.

– Пытались выяснить, кто писал письма?

– Нет. Во-первых, он предупредил: начнем искать – ляжет на дно. И хрен что больше от него получим. Во-вторых, зачем? Добровольный агент, поставляет ценнейшую информацию... В управлении, которое этими убийцами занималось, на него буквально молились. Знаешь, сколько людей благодаря Оракулу получили досрочные звания или были повышены в должности? Кое-кто даже орден схватил. А начальник управления в заместители председателя пробился. – Константин усмехнулся. – Так что письмо у меня забрали и велели о нем забыть. Но я запомнил.

Он помолчал.

– Единственное, что Оракул просил, так это сообщать о задержании и осуждении маньяков. И даже указал где – в журнале «Советская милиция». Очень грамотно: в общедоступной печати писать о маньяках нам бы не позволили. А «Советскую милицию» разрешено выписывать только

сотрудникам МВД и их помощникам. Партийные, советские и комсомольские органы – само собой. Эти болтать не будут.

– Так он из милиции? – удивился Долгих.

– Кое-кто у нас тоже поначалу так думал, – усмехнулся гость. – Но потом сообразили. Во-первых, если из милиции, то почему сливает информацию смежникам? Во-вторых, стиль писем. Не пишут так милиционеры. Другие слова, обороты речи. Чувствовалось, что за письмами стоит очень умный человек с большим жизненным опытом.

Зазвонил телефон. Долгих снял трубку, послушал и протянул ее гостю.

– Ага! – сказал тот невидимому собеседнику и некоторое время сосредоточенно слушал. – Понял, – сказал наконец. – Дальше не копай. Отбой! – Он положил трубку и повернулся к Долгих. – Писателей Девойно в Минске два. Одного зовут Сергей Александрович, второго, вернее, вторую – Лилия Вацлововна. Муж и жена. Наш соответственно Сергей. Дима позвонил коллегам в Минск, выяснилось, что Девойно они знают.

– С чего?

– За границу часто ездит. Такие под присмотром.

– А что он делает за границей?

– Книги издает. Целых шесть штук в Германии напечатали. А гонорары за эти книги Девойно отдал в фонд помощи инвалидам. На эти деньги был полностью реконструирован Минский протезный завод. Это начинание еще покойный Машеров благословил. А еще благодаря Девойно в СССР стали делать легкие и удобные инвалидные коляски, костыли под локти. Меня на такой коляске, кстати, в госпитале на процедуры возили. А потом и костыли взял, когда раны затянулись. Помню, порадовался: наконец сделали что-то путное! А это, оказывается, наш фигурант посодествовал.

– Это ж какие у него гонорары? – удивился Долгих.

– Миллионы марок. И все отдал.

– Наш человек! – сказал Долгих. – Советский. Ты, Костя, его не трогай.

– И не собирался! – хмыкнул Константин. – Обидеть писателя? Сейчас? У нас же гласность и перестройка, мать их! Вони будет – не отмоешься. Да и зачем? Человек он, по всему видно, хороший, людям старается помочь. Аварию вон предотвратил. Да с него пылинки сдувать нужно! Его только за маньяков орденами следовало обвешать, как новогоднюю елку. Нет, Владимир, я к нему даже не подойду. Говорить будешь ты.

– Как?

– Позвони и пригласи на беседу. Сам. Телефон его я запомнил. Приемной не доверяй. Не то начнут гадать: с чего это секретарь по тяжелой промышленности ищет писателя? Что может их связывать? Сам знаешь, какие времена.

Долгих кивнул.

– А как приедет, звякни мне. Очень хочу познакомиться с этим человеком!

– Думаешь, сообщит что-то важное? – спросил Долгих.

– Сомневаешься? А это что? – Константин двинул по столу папку. – Человек со средним образованием мало того что знает об аварии наперед, так еще описывает ее так, что академик удивляется. За этим парнем что-то стоит. Или кто-то. Я даже представить не могу, каким образом он прозревает будущее. Но от мыслей по этому поводу дух захватывает...

Глава 22

Ночь на 26 апреля я провел без сна. Сидел у транзистора, ловя «голоса». В том времени, насколько я помнил, об аварии на ЧАЭС они сообщили еще до утра. Вернее, не о самой аварии, а о выпадении радиоактивных осадков в Европе. Первыми тревогу забили шведы. Их там нехило приложило, прямо из штанов выскакивали. По этому поводу в СССР даже анекдот появился: «Слышали? В Чернобыле памятник Петру I устанавливают. С надписью: «Отсель грозить мы будем шведу»...

Мне было не до анекдотов. Предстояло понять: помогло мое обращение к Александрову или я пролетел мимо? Ведь академик мог мне не поверить или не суметь предотвратить катастрофу. Он не главный человек в СССР, да и лет ему много...

«Голоса» молчали. Нет, триндеть-то они триндели, но все о своем, демократическом. О радиации – ни слова. С рассветом я взял ДП-5 и спустился во двор. Откуда у меня армейский дозиметр? Военные подогнали. Я выступал перед солдатами в одной из минских частей и попросил одолжить на время. Дескать, пишу роман о ядерном апокалипсисе на другой планете, поэтому прибор нужен для изучения правдоподобности поведения героев. Дали без звука. В армии меня любят. Мало кто в СССР пишет военно-исторические приключения. И пусть сюжеты моих книг фантастические, но главные герои – военные. А армию здесь пропагандируют. Пишут книги, снимают фильмы – например, «В зоне особого внимания», «Ответный ход». Фильмы получаются неплохие, а вот книги... Авторы их скованы сонмом дебильных ограничений. То нельзя, это не моги. Зато в фантастическом сюжете преград нет. Резвись – не хочу. Поэтому и читают.

Снаружи моросил дождь – все как в моем времени. Я это хорошо помнил. В свою новую квартиру в том времени мы въехали 25 апреля 1986 года. Стоял теплый весенний день. Мы открыли окна, наслаждаясь погодой. А на завтра пошел дождь. Была суббота, но я отправился в редакцию. Мы проводили «прямую линию» с министром связи. Позже мне рассказали, что в этот день радиационный фон в Минске скакнул до полутора миллирентген. Если учесть, что ДП-5, несмотря на его кондовость, десятую долю миллирентгена ловит, представление я получу.

Собрав прибор, я нацепил наушники и двинулся вдоль дома, поводя щупом над землей. Дозиметр молчал. Нет, время от времени в наушниках

щелкало, но на это не стоило обращать внимания. Обычный фон. Я помнил, как в них трещало на зараженной земле. В том времени я несколько раз ездил в командировки в «зону». Писал репортажи, брал интервью. Естественно, опробовал дозиметр. Мне за те поездки даже удостоверение ликвидатора выдали. А спустя тридцать лет вычеркнули из списков. Их периодически сверяли, каждый раз требуя заново предоставить документы. В последний раз мне заявили, что сведения о моих командировках утеряны. Из-за этого у меня отобрали добавку к пенсии. Мизерную, но все же... Еще ранее белорусских ликвидаторов лишили практически всех льгот. Заявили, что, дескать, жирно живут, народу это не нравится. А что мешало «народу» в 1986–1987 годах проявить сознательность и, так сказать, грудью встать на защиту страны? В военкоматах добровольцев встречали с распростертыми объятиями. Только их не было – «народ» тихарился по углам. Зато после стал возмущаться. Самым тяжким для моих друзей-ликвидаторов стало лишение их бесплатных лекарств. К тому времени многие были на пенсии и тяжело болели. Лекарств требовалось много, и стоили они дорого...

– Что гэта ты робишь, Александрович?

Я оглянулся. Сосед. И вот не спится человеку в выходной день! Деревня, привыкли рано вставать.

– Радиацию замеряю, Иванович.

– Чаму?

– Да вот говорят, при строительстве домов в бетон добавляют гранитный щебень. А тот, дескать, радиоактивный.

А что? Ходила в моем времени такая мулька. После Чернобыля радиацию где только не искали. Паниковал народ.

– И як? – заинтересовался сосед.

– Нет тут никакой радиации. Смотри! – Я подошел к соседу и указал на шкалу. Стрелка лежала на нуле. – Врут.

– Вучоны ты чалавек, Александрович! – уважительно заявил сосед. – Я бы не втямил проверить.

– Да уж! – согласился я, и отправился к себе. На пороге меня встретила Лиля.

– Ты куда ходил? А это что?

– Дозиметр, – объяснил я и потащил ее в кухню. Начнем разговаривать в прихожей – разбудим детей. – Понимаешь, мне тут по секрету сказали, что в Чернобыле на атомной электростанции произошла авария. Был выброс радиации, которую разнесло ветром. Решил проверить. Только нет ничего. Скорее всего, врут. Но детей на улицу не выпускай на всякий

случай. Да и дождь там. Мульттики им поставь, займи чем-нибудь. А я подремлю.

– Ночь из-за этого не спал? – догадалась Лиля. – Слушал «голоса»?

Я кивнул.

– И что сказали?

– Про станцию – ничего. А так – клеветают.

Лилия засмеялась. Мы попили чаю, я собрал дозиметр. Перед этим пришлось показать жене, как прибор работает – любопытная она у меня. А затем я завалился на диван в кабинете. Разбудил меня звонок из Москвы...

Сказать, что я охренел, означало не передать всей гаммы чувств, что я испытал, взяв трубку. Ожидалось всякое, но чтобы секретарь ЦК КПСС лично связался с молодым писателем и пригласил его для разговора к себе... Поэтому поначалу я говорил заторможенно. Спыхватился только в последний момент.

– Владимир Иванович, можно вопрос?

– Да, – раздалось в наушнике.

– Что в Чернобыле?

Собеседник ответил не сразу.

– Были неприятности, – сказал, будто взвешивая слова. – Но того, о чем вы предупреждали, не произошло. Анатолий Петрович своевременно вмешался. Он лично выезжал на станцию. Жду вас в следующую субботу в десять часов утра. Успеете?

– Да! – заверил я.

– Тогда до встречи.

В наушнике запиликали короткие гудки. Я положил трубку и некоторое время тупо смотрел перед собой. Затем вскочил и пустился в пляс. Получилось. Получилось, мать вашу! Йес! Александров – форева! В восемьдесят три года отправиться на станцию и навести там шороху... Я думал, что он ограничится звонком. Уважаю! Можно сказать, преклоняюсь.

На шум в прихожую выбежали дети. Увидев танцующего папу, поняли это как приглашение к игре. Спустя несколько секунд я превратился в лошадку под управлением трех наездников. Причем отпускать лошадку на волю всадники явно не собирались. Они ведь давно встали, позавтракали, посмотрели мульттики, затем вновь покушали, а папа все это время нагло дрых. Непорядок! Пусть отдувается!

От детского плена меня освободила Лилия.

– Дождь перестал, – сообщила она расшалившейся компании. – Пойдем на улицу?

После слова «улица» меня сразу бросили. Во дворе интереснее. Там

карусели с качелями, песочница, домик на курьих ножках и многое другое. А еще друзья-приятели из других квартир. Мы в четыре руки одели детей, и Лиля их увела. А я отправился в кабинет, где нашел нужную мне папку.

Привычка вести досье появилась у меня еще в том времени. В настоящей журналистике без этого никак. Многие этим пренебрегали, в результате мучились поиском информации. В век Интернета на досье и вовсе забыли. Дескать, «Гугл» в помощь. «Гугл» он, конечно, гугль, но, во-первых, в Интернете не все есть. Во-вторых, искать в нем информацию нужно уметь. Для начала знать ключевые слова. А где их взять, если содержание поиска представляешь смутно? В том времени я отслеживал интересные мне публикации в Интернете, копировал их и распределял по тематическим папкам. В итоге насобирал два терабайта информации. Как же она помогала в работе! Например, когда в СМИ вдруг всплывала незнакомая политическая фигура, журналисты бросались искать о ней сведения. Находили вершки. Обычно то, что этот деятель хотел о себе сообщить. А я поднимал архив, обнаруживал давние цитаты, высказывания, мнения руководителей и подчиненных. Поэтому публикации нашего журнала отличались достоверностью и глубиной анализа. Когда информации много, переварить ее – дело техники.

Здесь Интернета нет, поэтому я собираю вырезки из газет и журналов. Их, к слову, можно за небольшую сумму заказать в Союзпечати. Подпишись и укажи тему. Настригут из непроданных изданий, поставят штамп с датой и названием издания, засунут в конверт и вышлют. В том времени я этой услугой активно пользовался. В этом – тоже.

О Долгих я не помнил практически ничего. Ну, был такой товарищ в ЦК. Мелькал на общем фоне, в первые ряды не лез. Ушел на пенсию еще до развала СССР. Но не пропал. За пару лет до своего ухода я видел в новостях, как Путин награждает Долгих орденом. Вроде бы по случаю девяностолетия. Из этого следовало, что Владимир Иванович – человек умный и толковый. Ушел вовремя. Это не Лигачев, которого выпихивали из власти, а тот кричал: «Чертовски хочется работать!»

Вырезка из газеты с официальной биографией Долгих кое-что прояснила. Секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро. Бывший директор Норильского горно-металлургического комбината. Затем возглавил Красноярский крайком КПСС. Оттуда стартовал в секретари ЦК. Отраслевые. Курирует тяжелую промышленность и энергетику. Теперь понятно, почему Александров пошел именно к нему. Что нужно от меня Долгих, тоже ясно. И я бы на его месте заинтересовался. Звонок молодому писателю объясним. Есть информация, которую лучше знать одному. Что

ж... В 90-е я зарабатывал, как мог. Тогда в независимой Беларуси одно за другим открывались посольства. Приезжавшие к нам дипломаты ничего не знали о стране пребывания. И у коллег родилась светлая мысль – писать для них аналитические обзоры. Формировать из них своеобразный журнал по важнейшим направлениям. Политика, экономика, культура, религия – современное состояние и тенденции развития. Посольские ухватились за идею обеими руками. Подписка на журнал им обходилась в сто долларов за месяц. Для них – копейки, для нас – огромные деньги. В редакции я получал тридцать долларов в месяц. Работали мы с душой, число подписчиков неофициального журнала постоянно росло. Через год дипломаты въехали в тему, нужда в нас отпала. Но навыки я не растерял.

Если Долгих нужна информация, я ее дам – полно и обстоятельно. И на этом распрощаемся. Дальнейшее от меня не зависит. Кто я в политических раскладах? Пылинка... Мне и так удалось прыгнуть выше головы. Главная цель моего пребывания в этом мире выполнена. Катастрофа в Чернобыле не произошла. Теперь поживу для себя. Так думал я, не представляя, насколько заблуждаюсь...

* * *

В здание ЦК меня пропустили без проблем. Милиционер на вахте сверил фото в паспорте с оригиналом, вложил в него корешок пропуска и подсказал, как разыскать нужный кабинет. В портфель заглянул для проформы. Что там смотреть? Пара белья, чистые носки и носовой платок, мыльно-рыльные принадлежности. Ну, и тонкая папочка с бумагами. Стандартный набор командированного. Или того, кто готов оказаться в камере. Последней возможности я не исключал. Поэтому Лиле сказал, что, возможно, задержусь. Дескать, читатели жаждут общения с любимым писателем. Она только головой покачала: что-то я зачастил в Москву. Может, любовницу завел? Я заверил, что никакой любовницы у меня не имеется. Нет в мире женщины, способной изгнать из моего сердца милый колосок. Говорил искренне, поэтому был отпущен.

Долгих в кабинете оказался не в одиночестве. Вместе с ним из-за стола встал худощавый мужчина за пятьдесят. Строгое лицо, заметно тронутый сединой «ежик» и цепкие, льдистые глаза. Все ясно. Видали мы такие.

– Знакомьтесь! – сказал Долгих после обоюдных приветствий. – Это мой давний друг... – Слово «друг» он выделил интонацией, тем самым давая понять, встреча неофициальная: – Концевой Константин

Константинович.

– Совсем как Рокоссовский! – заметил я.

– Куда мне до Рокоссовского? – улыбнулся Концевой. – Тот маршал.

– А ваше звание? – поинтересовался я.

Концевой обменялся с Долгих взглядами. Тот кивнул.

– Генерал-майор, – ответил Концевой.

– Тоже неплохо, – заметил я и процитировал слова из популярной песенки Хиля: – «Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом, лучшей работы я вам, сеньоры, не назову!»^[36]

Долгих с Концевым заулыбались. Вот и замечательно. Контакт прошел, атмосфера потеплела. Для предстоящего разговора самое то.

– Присаживайтесь, Сергей Александрович! – Долгих указал на стул за приставным столом.

Я последовал приглашению. Принимающая сторона устроилась напротив.

– Вы, наверное, теряетесь в догадках, зачем вас пригласили? – начал Долгих.

– Не теряюсь, – возразил я. – Не бином Ньютона. У вас побывал Александров и рассказал о моем визите. Вам стало интересно: откуда я знал про Чернобыльскую АЭС?

– Не только про нее, – внезапно встрял Концевой. – Про маньяков в КГБ вы писали?

– Я.

– А письмо Чикатило?

– И ему.

– Знаете, что он повесился?

Я кивнул.

– Как вы узнали?

– Позвонил с почтамта в училище, где он работал. Попросил позвать к телефону Чикатило. Там ответили, что он умер, и рассказали как.

– Зачем вы это сделали?

– В моем времени этот гад замучил пятьдесят шесть детей.

– Сколько? – ахнул Долгих.

– И что значит «в моем времени»? – ухватил главное генерал.

– Потому что в реальности мне семьдесят три года, хотя по паспорту – тридцать два. Я умер в две тысячи шестнадцатом году, прожив не слишком долгую, но весьма насыщенную жизнь. Работал журналистом, писал книги. После смерти мое сознание пожилого человека непонятным образом перенеслось в меня же, но двадцатилетнего. В тот миг я лежал в больнице с

производственной травмой. – Я коснулся пальцами шрама на лбу. – Как это произошло, я не знаю. Бог ли этому поспособствовал или неизвестное науке явление, но это случилось. Чем я и воспользовался. Не повторил ошибок, совершенных в прежней жизни. Сочинил несколько хороших книг. В той жизни успеха в литературе я не имел. Здесь получилось. Ну, и с серийными убийцами помог. Чернобыль, опять-таки.

Концевой с Долгих вновь обменялись взглядами.

– Про маньяков откуда знаете? – спросил генерал.

– Писал о них цикл статей.

– И их напечатали? – не поверил Долгих. – Целый цикл? И Главлит пропустил?

– К тому времени Главлита уже не было. Так же как СССР.

– Что?! – Долгих привстал.

– Сиди, Володя! – Концевой положил ему руку на плечо. – У меня есть основания верить товарищу. Информацию он поставлял точную, да и зачем ему врать? Так, Сергей Александрович? – Он повернулся ко мне. – Расскажите нам?

– Вот! – Я достал из портфеля и выложил на стол папку. – Все здесь. Но я не знал, что вас будет двое, поэтому экземпляр один.

– И хорошо, что один, – пробурчал генерал, раскрывая папку. – Такие вещи вовсе положено писать от руки.

Не обращая внимания на требовательный взгляд Долгих, он впился глазами в текст. Прочитанные страницы передавал другу. Читали они долго. Было что. Предоставленную мне неделю я использовал по полной. Обзор вышел обстоятельным. Политика – внутренняя и внешняя, экономика, национальные отношения, культура... Развал СССР и блока социалистических стран, сдача ГДР, НАТО у наших границ. А еще резня на национальных окраинах, рухнувшая экономика, лихая приватизация, олигархи, бандитские 90-е... Работая над обзором, я как будто переживал все вновь. Эмоции зашкаливали. Я гнал их, но они прорывались. И вот теперь передавались читающим. По лицу Концевого бегали тени, но это было единственным, что он себе позволил. А вот Долгих не сдерживался. Несколько раз выругался, а однажды даже хватил кулаком по столу.

– Это правда? – спросил он, положив на столешницу последний листок.

– Память у меня не идеальная, – сказал я. – Могу ошибиться с точной датой. Но основные события изложены точно. Ручаюсь.

– Спасибо, Сергей Александрович! – сказал генерал. – Не могли бы вы подождать в приемной? Нам с Владимиром Ивановичем нужно поговорить.

– А я позвоню в буфет и попрошу принести вам чаю, – подключился Долгих. – Вы ведь прямо с поезда?

Я кивнул.

– Тогда прошу.

Я взял портфель и вышел в пустую приемную. Минут через пять в нее заглянула официантка с подносом. Помимо чая на нем красовалась тарелка с бутербродами и вазочка с конфетами. Я с удовольствием перекусил. Бутерброды с ветчиной и вареной колбаской оказались на редкость вкусными, конфеты – само собой. Да и чай наверняка цейлонский. В ЦК не бедствуют. Это в стране положение с продовольствием аховое. Даже в Москве проблемы. И в Минске...

Совещались у Долгих долго. Официантка успела забрать использованную посуду, а я – вволю полюбоваться на Старую площадь из окна. Наконец дверь в кабинет отворилась, в приемную выглянул Концевой. Выглядел он слегка встрепанным.

– Сергей Александрович, прошу!

В кабинете я понял, что друзья пришли к единому мнению. Уж больно целеустремленными выглядели их лица.

– Хочу спросить, – сказал генерал, едва я сел. – Вы знаете, как этого можно избежать?

Он постучал указательным пальцем по папке.

– Нет, – отбоярился я. – В своем времени я не входил во власть. Как работает она в СССР, знаю понаслышке.

– Не лукавьте! – покачал головой Концевой. – Не поверю, что вы об этом не думали. Иначе этого, – он вновь постучал по папке, – мы бы не увидели. Вы человек мыслящий, с широким кругозором. По тексту чувствуется.

– Вам интересны рассуждения дилетанта?

– Говорите! – поощрил меня генерал.

– Тогда позвольте!

Я взял папку, открыл текст на нужной странице и подчеркнул ногтем одно слово. После чего протянул листок Концевому.

– ГКЧП? – удивился он. – У вас же он провалился.

– Разумеется, – кивнул я. – Во-первых, замутили его поздно – страна ушла вразнос. Во-вторых, переворот возглавили алкоголики-комсомольцы. Объявили путч и напились. Действовали они вяло и нерешительно. В-третьих, ни в коем разе нельзя было привлекать армию. У нее другие функции. Зачем, спрашивается, вводить в город танки? Народ пугать? Ну, напугали... После того как танки задавили троих, Москва восстала. Люди

кинулись возводить баррикады. Ведь есть дивизия имени Дзержинского и другие части внутренних войск, которые обучены бороться с массовыми беспорядками. Хватит за глаза.

Концевой посмотрел на Долгих.

– МВД, – пробормотал тот.

– Вы сказали про опоздание, – сказал генерал. – Оптимальные сроки для переворота, на ваш взгляд?

– До первого октября тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года.

– Почему?

– В этот день Горбачева изберут Председателем Президиума Верховного Совета. Он официально займет высший пост в государстве. И его отстранение станет незаконным. А вот сейчас он всего лишь руководитель КПСС. Если партию распустить...

– Но-но! – встрепенулся Долгих.

– погоди, Владимир! – вмешался Концевой. – Продолжайте, Сергей!

– Если нет партии, то нет и Горбачева. Он станет никем – как внутри страны, так и за рубежом. Реальная власть перейдет в руки Верховного Совета и правительства. Или вы думаете, что коммунисты горой встанут за любимого вождя? – Я усмехнулся. – В моем времени даже не рыпнулись. Закрыли кабинеты и отдали ключи. Нынешняя КПСС – это не та партия, которая выиграла войну. Паразитическая прослойка, ненавидимая народом.

Долгих засопел.

– Пусть так, – кивнул Концевой. – Хорошо, взяли власть. А что дальше? В стране голодно, не хватает самых необходимых товаров. И это положение ухудшается. В чем и обвинят новое руководство. Начнутся бунты. Что делать?

– У нас есть оружие.

– Предлагаете подавлять бунты силой?

– Нет. Есть тысячи танков, самолетов и вертолетов, которые нам не нужны. Ближайшие тридцать лет нам не с кем воевать. В моем времени это оружие порежут на металлолом. А ведь оно стоит денег! И немаленьких. Оружие нужно продать – с дисконтом и на льготных условиях. Можно по бартеру, меняя на продовольствие или на товары массового спроса. Купят. В мире полно стран, которым требуются танки и самолеты. И нужные нам товары у этих стран тоже есть. В Аргентине – зерно и мясо. Индия и Пакистан производят отличный текстиль. В странах Африки добывают алмазы. Вариантов множество. Просто ими не занимались. Оружие мы поставляли дружественным режимам практически даром. После этого нас посылали далеко. Хватит! Оружие – это товар, востребованный и

дорогостоящий. Пусть покупают! На пару лет хватит. К тому времени оживится сельское хозяйство. Стоит убрать от колхозов партию, разрешить им хозяйствовать самостоятельно, вернуть истинный смысл паев... Говорить я могу долго.

– А вы напишите! – предложил Концевой. – У вас это хорошо получается.

– Нужна машинка.

– В приемной, – сказал Долгих. – Бумага там же.

– Один экземпляр! – напомнил генерал.

И я написал. Просидел в приемной несколько часов. Периодически из кабинета выглядывал Концевой, забирал готовые листы и уходил. Дважды официантка приносила нам чай и бутерброды. Перед ее появлением я переставал писать, закрывал машинку чехлом и прикидывался посетителем. На этом настоял генерал. Кабинеты партийных функционеров не прослушиваются, это категорически запрещено. А вот официантку могли завербовать. Зачем ей знать лишнее?

Я настолько разошелся, что по собственной инициативе сочинил обращение ГКЧП к советскому народу. Концевой, прочитав, одобрительно хмыкнул, а Долгих поморщился. Ну, так я там КПСС приложил. А Владимир Иванович – секретарь ЦК.

– Спасибо! – сказал Концевой, хлопнув ладонью по моей писанине. – Вопросов у нас больше нет. Поезжайте домой. С билетом помочь?

– У меня есть, – сказал я. – На «единичку».

– Тогда до встречи!

– То есть? – насторожился я.

– Вы ведь не откажетесь помочь?

– Не откажусь, – подтвердил я. Куда мне из лодки? Того, что я тут сочинил, на лет пятнадцать хватит. Строгого режима. Причем это в лучшем случае. Если узнают Горбачев и его клика... Это на словах они демократы. А так прихлопнут и не поморщатся. Те еще господа-товарищи.

– Еще раз спасибо.

Мы обменялись рукопожатиями и расстались. Время не поджимало, и до отхода поезда я успел купить гостинцы жене и детям. Дома, конечно, все есть, но приехать с пустыми руками... Не поймут. Если у вас есть дети, то знаете.

Глава 23

1986 год завершился спокойно. Все шло как в моем времени. Народ толпился в очередях за водкой и колбасой, Горбачев с Раисой Максимовной ездили по стране и за границу. Трындели про перестройку, гласность и плюрализм. Гладкие, сытые, разодетые, они лучились от довольства. Тот факт, что в каком-то Мурманске мясо людям продавали по талонам раз в месяц, их не волновал. А вот строительство дачи в Форосе – да. Этот дворец обойдется стране в миллиард долларов. Ну, так для демократов строят. Это вам не прежние генсеки, которых устраивала дача в Ливадии.

Москва меня не беспокоила. В первое время я чуть ли не каждый день ждал звонка, но его все не было. Наконец мне это надоело, и я махнул рукой. Концевой с Долгих могли передумать и отказаться от замысла, оценив его сложность. В конце концов, мне ничего не обещали. Ну и ладно. Переживем.

Осенью в газетах промелькнуло сообщение: Долгих освобожден от должности секретаря ЦК в связи с переходом на другую работу. На какую, стало известно вскоре. Владимира Ивановича избрали первым заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Его предшественника, Кузнецова, наконец-то отправили на пенсию. Ну так за 80 человеку, наработался. Трижды исполнял обязанности председателя Президиума – после смерти Брежнева, Андропова и Черненко. Впору в Книгу Гиннесса вносить. Когда в 1985 году партийная клика делила власть, должность председателя Президиума отошла к Андрею Андреевичу Громыко. «Мистеру Нет», как звали его за рубежом, сейчас 77. Жить ему осталось чуть более двух лет. На его фоне 62-летний Долгих кажется юношей. Понятно, что вся работа ляжет на плечи Владимира Ивановича, и он этим воспользуется. В том времени, насколько я помнил, первым заместителем Громыко стал Демичев. Тоже секретарь ЦК по промышленности и кандидат в члены Политбюро. На какие пружины нажал Владимир Иванович, чтобы изменить расклад, я не представлял, но ход оценил. Верховный Совет по Конституции – высший орган власти в стране. Издает указы, имеющие силу закона, может объявить войну или ввести военное положение. Это сейчас всем заправляет КПСС, а ее генсек уже нацелился на кресло председателя Президиума. Думает, как сковырнуть Громыко. Долгих он считает неопасным. Пусть и дальше так и думает.

Я насторожился, но ничего не происходило. Шел месяц, другой, третий... Страна отметила Первомай, пережила лето, затем посмотрела по телевизору парад на Красной площади по случаю 70-летия Октябрьской революции. Звонок раздался в конце ноября.

– Твой самолет через два часа, – сказал Концевой. – Билет заказан. Не опоздай.

– А что так долго? – не удержался я.

– Скоро только кошки плодятся, – вздохнул генерал. – И без того едва успели. Поспешай, Сергей! Дел неуворот.

– Буду, – сказал я и положил трубку. Началось, значит. Странно, но я был на удивление спокоен. Даже рад. Хотя переворот мог кончиться плохо. В случае удачи результат тоже неизвестен. Но я хотя бы попытаюсь изменить известную мне историю. В той жизни у меня такой возможности не было.

* * *

В актовом зале Центрального телевидения в Останкино было шумно. Собравшиеся руководители редакций и ведущие журналисты горячо обсуждали последние новости. Те ошеломили. Еще вчера программа «Время» сообщила об отбытии Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева и его супруги в зарубежную поездку. На протокольных кадрах Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна прощались у трапа самолета с провожавшими их товарищами. А утром грянуло. Диктор Анна Шатилова с каменным выражением лица зачитала сообщение о переходе власти страны в руки никому не известного Государственного комитета по чрезвычайному положению, сокращенно – ГКЧП. Одновременно это самое положение в стране вводилось – указом Президиума Верховного Совета СССР. Временно, до созыва чрезвычайной сессии Верховного Совета. Граждан страны призывали не поддаваться на провокации и заниматься созидательным трудом. Одновременно сообщалось о перестановках в руководстве страны. Свои посты потеряли председатель КГБ Чебриков, министры внутренних дел Власов и обороны – Язов. Их сменили не только известные журналистам, но и совершенно незнакомые люди. К числу последних, например, принадлежал новый председатель КГБ генерал Концевой. А вот генерала Варенникова, возглавившего Министерство обороны, многие журналисты знали.

Обсуждалась и внезапная болезнь Председателя Президиума

Верховного Совета Громыко. Указы, вводившие в стране чрезвычайное положение, и о назначении новых руководителей подписал его первый заместитель Долгих. Журналисты-международники в разговорах между собой понимающе щурились: болезнь «дипломатическая». Но более всего поражало сообщение о роспуске КПСС. Если отставками и назначениями, пусть даже внезапными, удивить журналистов трудно – и не такое видели, то ликвидация «руководящей и направляющей силы» бросала в оторопь. Среди документов, зачитанных диктором, было и заявление ГКЧП по этому поводу. В нем каждое слово било, что называется, под дых. «Некогда передовой отряд советского общества превратился в паразитическую прослойку, живущую исключительно для себя...» «Они построили себе роскошные дачи, создали распределители, куда поставляются специально изготовленные для них продукты питания. В то время как во многих городах люди не в состоянии купить детям молока...» «Если сыновья Сталина защищали страну и один из них даже отдал за нее жизнь, то отпрыски современных руководителей не знают, как надевать сапоги. В их представлении защищать Отечество должен кто-то другой...» В сообщении говорилось о новой даче Горбачева в Форосе, называлась сумма, в которую она обойдется стране. От цифры дух захватывало: 880 миллионов рублей! Да за эти деньги жилой микрорайон можно построить – и не один. Сообщалось о количестве нарядов, пошитых для Раисы Максимовны в специальном ателье в период пребывания ее мужа в должности генерального секретаря, приводилась сумма потраченных ею на драгоценности денег. И то и другое ужасало. В заключение шел однозначный вывод: «КПСС и ее руководство утратили доверие народа. В ряде республик партийный билет, так же как должность, давно можно купить. В сегодняшней ситуации сохранение этой паразитической структуры с ее морально разложившимся руководством представляет опасность для страны».

Собравшиеся в зале прекрасно осознавали: все, что сказано в этом заявлении, правда. Но, с другой стороны, так было всегда. Или, по крайней мере, в последние десятилетия. Как же без партии?

Журналисты, успевшие проехаться по улицам Москвы, делились впечатлениями. Государственные учреждения взяты под усиленную охрану внутренними войсками. Кое-кто разглядел за решетчатыми оградами силуэты БТР. Кто-то произнес слово «путч». Оно вылетело и запорхало по залу.

Наконец открылась боковая дверь, и в зал вошли три человека. Двоих из них сразу узнали. Председатель Гостелерадио СССР Аксенов и

генеральный директор Центрального телевидения Шабанов. А вот третий человек аудитории был незнаком. Молодой мужчина лет тридцати пяти, стройный и подтянутый. И одет он был не в костюм с галстуком, как другие, а в серый пуловер с воротником-стойкой. Верхняя пуговица пуловера расстегнута, виднеется воротник голубой рубашки. Еще на госте были синие джинсы и коричневые ботинки. Станный наряд для такого собрания.

Аудитория притихла. Троица прошла к сцене и расселась за приготовленным для них столом. При этом незнакомец с улыбкой посмотрел на растревоженный зал. Аксенов встал, и собравшиеся притихли.

– Здравствуйте, товарищи! – произнес председатель Гостелерадио. – Думаю, вы в курсе последних событий. Многие теряются в догадках: как нам теперь работать? Мы попросили разъяснения у Государственного комитета по чрезвычайному положению. Он прислал своего представителя. Позвольте представить: Сергей Александрович Девойно.

Мужчина в пуловере встал и поклонился.

– Прошу, Сергей Александрович!

Гость выбрался из-за стола и подошел к краю сцены.

– Позвольте! – В зале вскочила женщина с лицом интеллигентной общественницы. – Вы писатель Девойно? Тот самый?

– Именно! – подтвердил гость.

– Я читала ваши книги, – сказала женщина. – Некоторые не по одному разу. И не могу понять: как вы оказались среди путчистов?

Зал загудел.

– Киреева! – вскочил Аксенов.

– Не нужно, Александр Никифорович! – остановил его Девойно. – Вопрос задан, и я на него отвечу. Простите, не знаю, как вас величать, – повернулся он к активистке.

– Светлана Викторовна.

– Хочу спросить вас, Светлана Викторовна. Давно брали в руки Конституцию СССР?

– Ну... – Киреева замялась.

– Вижу, что давно, – заключил Девойно. – Что ж, помогу. Статья 2. Цитирую: «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов». Точка. Государственный комитет по чрезвычайному положению создан

постановлением Президиума Верховного Совета СССР – высшего органа власти в стране, который обладает для этого всеми необходимыми полномочиями. О каком путче речь?

Киреева замялась, но тут же нашлась:

– А как же КПСС? О ней тоже есть в Конституции!

– Есть, – согласился Девойно. – Статья 6. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу».

– Вот! – подняла указательный палец женщина.

– А последний пункт этой статьи гласит, – невозмутимо продолжил «путчист»: – «Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР». То есть, согласно статье 2, Верховный совет имел право распустить КПСС. Он сделал это потому, что партия не выполнила свои конституционные обязанности. Она перестала служить народу. Зато присвоила себе властные полномочия и руководила страной в нарушение Конституции. Как это руководство у нее получалось, вы знаете. Страна, обладающая самыми большими посевными площадями и самыми богатыми черноземами в мире, закупает зерно за границей. Во многих городах СССР родители не в состоянии купить детям молока: его или нет в продаже, или быстро разбирают. В связи с этим мне припоминается один эпизод. Как-то весной мы с коллегами-писателями отправились в районный центр на встречу с читателями. На подъезде к городу увидели завязший в поле трактор. Он сидел в земле по самую кабину. Мы поинтересовались у местных жителей, что за чудо? Нам рассказали. Оказывается, райком партии требовал от председателя колхоза начать сев. Тот ответил, что рано, земля еще не просохла. Но райком категорически приказал начать. Тогда председатель выгнал в поле трактор и посадил в грязь у самой дороги для того, чтобы партийные руководители могли подъехать и убедиться лично.

Девойно помолчал.

– Для меня этот трактор стал символом партийного руководства страной. Почему в райкоме требовали от председателя начать сев? Они что, лучше разбирались в сельском хозяйстве? Отнюдь. Им хотелось отчитаться о скорейшем завершении весеннего сева и получить одобрение вышестоящего руководства. А то, что зерно ляжет в холодную почву и там сгниет, партийное руководство не волновало. За неурожай ответит председатель. И так везде. Дать указание и не нести за это ответственность – вот стиль партийного руководства. Оно давно живет для себя, наплевав на

нужды народа. К счастью, в стране нашлись люди, которые вспомнили, под каким лозунгом наши деды и прадеды совершили Октябрьскую революцию. На их транспарантах было написано: «Вся власть – Советам!» А вот лозунга «Вся власть – партии!» не было. Ведь так, Светлана Викторовна?

– Но с Раисой Максимовной вы поступили нехорошо, – не сдалась Киреева. – Зачем было сообщать о ее платьях?

– Отвечу, – кивнул Девойно. – Вы присаживайтесь, Светлана Викторовна, а то мне неудобно. Стоите передо мной, как школьница перед учителем.

Аудитория заулыбалась. Киреева села.

– Насчет Раисы Максимовны. Вы знаете, что Великобританией правит королева Елизавета II. Утверждают, что она каждый день меняет платье. Раиса Максимовна перещеголяла королеву. В ходе визита Горбачева в Мурманск за день сменила два.

Зал хохотнул. Жену Горбачева журналисты, как, впрочем, многие в СССР, недолюбливали.

– А теперь вспомним, кто такая Елизавета II и кто – Раиса Максимовна. Королева – глава государства. На ее содержание парламент Великобритании выделяет значительные средства. Да и она сама женщина не бедная. Так что может себе позволить. Кстати, если кто не знает, в прошедшую войну Елизавета, будучи наследницей престола, в восемнадцать лет добровольно вступила во Вспомогательную территориальную службу Великобритании и в чине лейтенанта служила водителем санитарного автомобиля. Ее подданные сыты и одеты. У них нет проблем с молоком, и с остальными продуктами – тоже. В стране – бесплатное образование и здравоохранение. Рабочим строят государственное жилье. Если здесь есть специалисты по Великобритании, пусть подтвердят.

– Так и есть! – раздался из зала голос.

– А теперь вернемся к Раисе Максимовне. Что она сделала для страны? Ну, кроме того, что удачно вышла замуж?

Аудитория засмеялась.

– Щеголять нарядами в то время, как большинство наших женщин не могут купить себе нормальное платье, а их дети голодают... Для меня это – за пределами морали. Впрочем, подобное неудивительно. Вы знаете, как Горбачев стал генеральным секретарем?

В зале оживились. Ожидалось что-то интересное. И Девойно эти ожидания не обманул.

– У Горбачева не было единодушной поддержки в Политбюро. Его могли не избрать. Тогда бывший председатель КГБ СССР Чебриков организовал переброску сторонников Горбачева в Москву военными самолетами. А вот прилет его противников – Романова и Щербицкого – искусственно затормозил. Романов так и не смог вылететь из Каунаса – он в это время отдыхал в Литве, а Щербицкий – из Лос-Анджелеса, где находился с визитом. Для первого не смогли расчистить полосу от снега – это для члена Политбюро! – а у второго вдруг резко «загулял» экипаж самолета. Благодаря этому Горбачев и пришел к власти. Вот он и есть реальный путчист, уважаемая Светлана Викторовна!

Аудитория загомонила.

– Кстати, Александр Трофимович, – повернулся Девойно к Аксенову. – Было бы неплохо рассказать об этой истории телезрителям. Григорий Васильевич Романов и Владимир Васильевич Щербицкий готовы ответить на вопросы журналистов.

– Сделаем! – кивнул Аксенов.

По залу будто ветерок пробежал. Если такие политические «зубры», как Романов и Щербицкий, встали на сторону заговорщиков, то у них серьезная поддержка на местах. Девойно будто услышал.

– Среди членов КПСС и ее руководителей немало достойных людей. Честных, болеющих за страну патриотов. Их опыт и знания будут востребованы. Роспуск КПСС не означает запрета коммунистической партии. Если сторонники коммунистических идей пожелают создать ее заново, препятствий не возникнет. Только эта новая партия будет действовать строго в соответствии с советскими законами. Так же как и прочие партии.

– Простите! – В зале встал седой мужчина. – Означают ли ваши слова, что в стране вводится многопартийность?

– Означают, – кивнул Девойно. – И ничего страшного в этом нет. В ряде социалистических стран Европы, например в ГДР, действуют несколько партий. Это совершенно не мешает нашим немецким друзьям строить социализм. Наоборот. Любая монополия, в том числе на власть или идеологию, ведет к загниванию. Об этом еще Маркс писал. Цель моих товарищей по ГКЧП вернуть принципы, ради которых наши предки совершили Октябрьскую революцию. Потому что гласность, перестройка и плюрализм, провозглашенные Горбачевым и его кликой, – всего лишь ширма. Декорация, за которой укрывается желание устроить себе сладкую жизнь за счет народа. Больше так не будет. Депутатов в советы всех уровней станут избирать на альтернативной основе, а не назначать в

партийных кабинетах. Партии, которые появятся, будут выдвигать своих кандидатов и бороться за их избрание. Но окончательное слово останется за народом. Он, и только он, вправе решать, кто достоин править страной.

Гость помолчал.

– Александр Трофимович попросил меня разъяснить политику ГКЧП в отношении средств массовой информации. Это нетрудно. Вы должны сообщать людям обо всем, что происходит в стране. Объективно, честно и правдиво. Ни о чем не умалчивая.

– Позвольте! – вскочил молодой журналист. – В Москве строят баррикады. Если я это сниму, сюжет поставят в эфир?

– Почему бы нет? – пожал плечами Девойно. – Но я не зря упомянул об объективности. Начнем с того, что множественное число в отношении баррикад неуместно. Есть всего лишь одна. Ее возводят у входа на Старую площадь под руководством бывшего секретаря Московского горкома партии Ельцина. Борис Николаевич, как мы знаем, человек темпераментный.

В зале оживились. Недавнее резкое выступление Ельцина на пленуме ЦК КПСС, последовавшее затем его покаяние и отставка с поста секретаря горкома были еще свежи в памяти.

– Он мобилизовал часть работников аппарата ЦК и некоторых своих сторонников, – продолжил Девойно. – Сейчас они таскают мебель из здания ЦК и перегораживают въезд на Старую площадь, обещая не пропустить проклятых путчиков к самому дорогому, что есть у партии, – ее имуществу.

Аудитория засмеялась.

– Никто, впрочем, не собирается им мешать. Пусть таскают. Разумеется, это следует показать по телевидению. Взять интервью у Бориса Николаевича и его сторонников. Но одновременно спросить простых москвичей, что они думают об этом цирке.

В зале вскочило сразу несколько человек.

– Извините, товарищи! – Девойно сложил руки перед собой. – Я понимаю ваш интерес, но не хочу отнимать хлеб у председателя ГКЧП Владимира Ивановича Долгих. В двадцать два часа, сразу по окончании программы «Время», он даст большое интервью для советских и иностранных журналистов. Прямой эфир. Мне обещали, что технических затруднений не возникнет.

Гость оглянулся на стол. Аксенов кивнул.

– А теперь я с вашего разрешения откланяюсь. Очень много работы.

Девойно соскочил со сцены и направился к выходу. Его проводили

аплодисментами.

– Шестидесятыми повеяло, – сказал своему соседу седой журналист, который спрашивал про многопартийность. – Помнишь? Тогда тоже все надеялись на возвращение ленинских принципов.

– Угу! – мотнул головой тот. – Надеялись, надеялись, пока кукурузник не ткнул нас мордой в стол.

– Работалось тогда хорошо, – вздохнул седой. – Легко, свободно. Какие фильмы снимали, какие передачи выходили! Тот же «КВН». Как смотрел его народ! А передачу взяли и запретили. Может, вернут? Как думаешь?

– Вернут, – сказал собеседник, слегка подумав. – Мне этот парень понравился. Это не партийный чиновник, застегнутый на все пуговицы. Если путчисты привлекают таких, как он... Пусть у них получится!

Глава 24

Стоять было зябко. Ноябрь в Москве и без того не теплый, а тут еще дул ветер и с неба сыпалась снежная крупа. Люди, дежурившие у баррикады, преграждавшей въезд на Старую площадь, ежились, втягивали головы в плечи, пряча в поднятые воротники стынувшие уши, и пританцовывали, надеясь согреться. Некоторые пытались укрыться за вытащенными на дорогу канцелярскими шкафами. Только напрасно: ледяной ветер доставал и там. Все чаще и чаще то один, то другой защитник срывался с места и бежал в здание ЦК – отогреться. Их не останавливали даже окрики старших. Да и сами старшие периодически уходили в тепло. Разве что не бежали, а шли степенно, демонстрируя стойкость.

А еще было скучно. Нет, начиналось весело. Под энергичные призывы Бориса Николаевича люди тащили из кабинетов ЦК письменные столы, шкафы, стулья. Летели на пол вытряхнутые из ящиков бумаги, с полок сметались папки. На робкие попытки хозяев возразить Ельцин громогласно возвещал:

– Партия в опасности, а вы про какие-то бумаги! Не пропадут. Лучше помогайте!

Многие откликнулись. Вместе с пришедшими товарищами волокли столы и принимали на руки тяжелые шкафы. Людей обуяло злое и деятельное веселье. Они им покажут! Ишь, чего вздумали: партию распустить! Не пройдут! Но пассаран!

Баррикаду, преграждавшую въезд на площадь, соорудили быстро. Выглядела она, правда, жидко. Не то что танк, грузовик сметет без труда. Но это был символ сопротивления. Некогда деды и прадеды москвичей сооружали подобные баррикады на улицах, препятствуя продвижению царских войск. Так они боролись с самодержавием. В той борьбе возмужала партия. Она совершила революцию, выстояла в окружении враждебных буржуазных государств, победила в самой страшной в истории человечества войне. Теперь партию предстояло защитить от внутренних врагов. Об этом говорил Ельцин. Он взгромоздился на стол и обратился к единомышленникам с речью:

– Те, кто издал указ о роспуске партии, совершили государственный переворот, – вещал Борис Николаевич. – Но СССР – это не Латинская Америка, где можно безнаказанно заварить путч. Вдохновленные нашим

примером, трудящиеся СССР восстанут и сметут горстку изменников. Западные радиостанции передают обращение Горбачева. Михаил Сергеевич назвал ГКЧП хунтой и призвал советских людей защитить завоевания Октября. После того как с путчем будет покончено, Михаил Сергеевич вернется в страну. Нет хунте!

Он вскинул кулак.

– Нет хунте! Нет хунте! – стали скандировать собравшиеся.

Все это снимали журналисты, иностранные и советские. После того как Ельцин слез со стола, его окружили и засыпали вопросами. Щуря свинные глазки, Борис Николаевич отвечал. А затем ухватил за рукав журналиста центрального телевидения.

– Тебя как звать?

– Дмитрий, – ответил журналист.

– Ваши покажут это? – Ельцин обвел рукой площадь.

– Конечно! – кивнул журналист. – Без проблем.

– Видите, товарищи! – повернулся Ельцин к единомышленникам. – Телевидение тоже за нас. Вся страна узнает. Пойдем, Дима, перекусим! – Он обнял журналиста за плечи и кивнул остальным: – Вас, товарищи, тоже покормят.

Ельцин не соврал. Спустя какое-то время из здания ЦК вышли официантки с подносами. Бутерброды, горячий чай – все это расхватили вмиг. Жуя вкуснейшую колбасу и запивая ее сладким чаем, люди на площади ощущали гордость. Не испугались, пришли. А хунта... Ей не устоять перед гневом народа.

К полудню журналисты рассосались, и стало скучно. Поначалу среди собравшихся ходили слухи. Кто-то уверял, что к Старой площади подтягиваются войска. Хунта приняла решение расправиться с восставшими. Новость всколыхнула людей. Одно дело таскать столы и выкрикивать лозунги, другое – стоять под прицелом пушек. В том, что «хунта» пришлет танки, «знатоки» не сомневались. Начавшуюся панику пресек Ельцин. Он велел двум молодым инсургентам разведать обстановку. Те сбегали и принесли известие: никаких танков нет. Так же как и войск или чего-то подобного. Столица живет обычной жизнью.

– Не поддавайтесь на провокации, товарищи! – подвел итог Ельцин. – Армия не пойдет против народа.

От вождя тянуло спиртным. Уловив запах, люди вздыхали. Сто граммов никому бы не помешали. Только где взять? При Горбачеве водку и вино стали продавать по талонам. Вроде бы и правильно: зачем спаивать народ? С другой стороны, иногда хочется.

Во второй половине дня к холоду добавился голод. Запас продуктов в здании ЦК кончился. Подвоз новых, как объяснил Ельцин, блокировала «хунта». Добровольцы вызвались сходить в магазин. Из них сформировали команду и снабдили деньгами. Добровольцы ушли и не вернулись.

– Хунта перехватила! – объяснил это Ельцин. – Потерпим, товарищи! Я позвонил верным людям, обещали помочь. Подвезут.

Однако не подвезли. Тоже, наверное, «хунта» помешала. Хотя многие в этом сомневались. Уж больно радостными выглядели добровольцы, собираясь в поход. Слиняли. Их примеру готовились последовать другие. Ельцин, почувствовав это, приказал: за баррикаду – ни шагу! Опасно. «Хунта» не дремлет. Он поручил старшим присматривать за людьми. Теперь все мерзли и скучали. Кое-кто даже мечтал о появлении танков. В этом случае можно слинять – под шумок.

Словно в ответ на эти мысли, в отдалении послышался гул моторов. «Танки!» – пронесся по площади слух. Сразу несколько человек метнулись к ЦК. Вскоре из дверей здания показался Ельцин. Нетвердо ступая, он подошел к баррикаде и оперся на стол.

– Больше мужества, товарищи! – обратился к собравшимся. – Они не посмеют. Танкисты не станут давить людей.

Но это были не танки. К баррикаде подтянулась колонна армейских грузовиков. Каждый из них тащил на прицепе полевую кухню. Когда грузовики встали, из кузовов посыпались солдаты. Одни, подгоняемые прапорщиком, отцепили кухни и подкатили их ближе. Другие вытащили из кузовов столы и выставили их параллельно баррикаде. Затем стали носить ящики и коробки. В считанные минуты на столах горками возник нарезанный хлеб, стопки разовых пластмассовых тарелок и таких же стаканчиков. В завершение солдаты подтащили проволочные ящики с бутылками. Те зазывно позвякивали. Закончив, солдаты ушли. У столов и кухонь осталось несколько человек в белых куртках и колпаках. Одни встали у столов, другие откинули крышки котлов и стали мешать в них черпаками на длинных ручках. Над площадью поплыл аппетитный запах. Многие сглотнули слюну. В этот миг перед баррикадой возник молодой человек в куртке и джинсах.

– Здравствуйте, товарищи! – сказал он и улыбнулся. – Меня зовут Сергей Девойно. Я писатель и член Государственного комитета по чрезвычайному положению. Нам стало известно, что здесь мерзнут и голодают наши советские люди. Непорядок. Товарищи поручили мне накормить и согреть вас. Прошу! – Он указал на столы.

– Не слушайте его! – вскинулся Ельцин. – Еда наверняка отравлена.

– Вы так думаете? – поднял бровь Девойно и обернулся к столам: – Нигматулин, сооруди-ка порцию!

Невысокий солдат у стола схватил тарелку и протянул ее повару. Тот зачерпнул половником в котле и плюхнул в нее горку каши. Нигматулин воткнул в кашу пластмассовую ложку, приложил пару кусочков хлеба и поднес писателю.

– И это! – Девойно щелкнул себя по горлу.

Солдат сунул ему в руки тарелку и вернулся к столу. Там вытащил из ящика бутылку, сорвал с нее пробку-бескозырку и наполнил легкий стаканчик прозрачной водкой. Поднес Девойно. Тот принял, опрокинул жидкость в рот, крикнул и тут же заел теплой кашей.

– Гречневая, с мясом, – сообщил напряженно следящим за ним восставшим. – Вку-у-сная. С утра не ел – все некогда было. Присоединяйтесь, товарищи! Да, совсем забыл! – Он хлопнул себя ладонью по лбу. – Среди вас есть женщины. Как интеллигентный человек, я не могу предлагать им водку. В котле одной из кухонь – глинтвейн. Горячий. Лучшее средство согреться на морозе. Думаю...

Он не договорил.

– Глинтвейн? Где глинтвейн?! – раздался крик. На стол баррикады влезла женщина, спрыгнула на мостовую с другой стороны и подбежала к писателю.

– Там! – указал он рукой.

Женщина метнулась к кухне. Солдат в белой куртке налил ей в стаканчик темной жидкости. Дрожащей от холода рукой женщина поднесла его ко рту. Глотнула, закрыла от удовольствия глаза, затем приложились вновь...

– Девочки! Настоящий глинтвейн! Я такой за границей пила.

Эти слова будто прорвали плотину. Через столы полезли люди. Другие, сообразив, стали оттаскивать мебель в сторону. В образовавшиеся проходы хлынула толпа.

– Осторожно, товарищи, не толкайтесь! – увещевал голодных Девойно. – Водки и каши хватит всем. Мужчины, будьте джентльменами. Женщин – вперед!

Подбежавшие солдаты помогли навести порядок. К столам с едой выстроились очереди. Конвейер заработал. Каждому, подходившему к столу, совали в руки тарелку с кашей и стаканчик с водкой. Женщинам наливали глинтвейн. Люди отходили в сторону, пили и набрасывались на еду. Опорожнив посуду, занимали очередь вновь. Этому не препятствовали: водки и каши у представителей ГКЧП хватало.

Откуда-то появились журналисты. Они фотографировали и жужжали кинокамерами. Портативные камкордеры в СССР только начали выпускать, поэтому телевидение для новостных выпусков использовало старые технологии. В этой суете никто не заметил, как к Борису Николаевичу подошли двое. Один без замаха ткнул ему кулаком под дых. Второй подхватил обмякшего главаря. Нежно придерживая его за плечи, они увели Ельцина в темноту. Вожака хватились спустя время.

– Где Ельцин? – закрутил головой один из старших.

– Ушел, – ответил неприметный на вид мужчина лет тридцати.

– Куда? – изумился старший.

– Не знаю, – сказал неприметный. – Отдыхать, наверное. Сказал: «Я ухожу» – и все.

– Ну и хрен с ним! – прокомментировал один из инсургентов. По нему было видно, что очередь к столам он занимал не однажды. – Кричал: «Путч! Хунта!» А какая это хунта, если они о людях заботятся? Горячей еды подвезли, выпивки. И стоять не запрещают. Я этого писателя спрашивал, что дальше? Собираются нас разгонять? Он ответил, что ГКЧП на нас начхать. Можем стоять хоть до посинения. К одному из наших жена пришла. Говорит: весь день «голоса» слушала. Никто, кроме нас, против ГКЧП не выступил. Люди работают, занимаются делами, а мы дурня празднуем. Эх!

Инсургент махнул рукой и отошел. Пока слышавшие эти слова обсуждали новость, столы и кухни перед баррикадой убрали. Грузовики уехали. Вместо них к площади подрулил «Икарус». Открылись дверцы, и из автобуса посыпались мужчины и женщины в военной форме. Двое из них надели на плечи ремни аккордеонов. Вперед вышел стройный майор.

– Уважаемые товарищи! Вас приветствует Академический ансамбль песни и пляски Советской армии имени Александрова. Нам сказали, что вы здесь мерзнете и скучаете. Это неправильно. Так не должно быть в советской стране. Давайте же веселиться! Музыка!

Он дал знак аккордеонистам. Те растянули меха. Вперед выскочили плясуньи и закрутились на асфальте. К ним подлетели танцоры. Скоро уже вся площадь плясала и пела. Скука и холод отступили. Мысли о «хунте» – тоже...

* * *

– Мы ведем свой репортаж со Старой площади, где сегодня утром

появилась баррикада, сооруженная людьми, недовольными решением ГКЧП о роспуске КПСС. Протестующих набралось пару сотен. Они простояли здесь световой день. Замерзли и оголодали. И тогда им, по распоряжению ГКЧП, привезли горячую пищу и согревающие напитки.

Журналиста с микрофоном на экране сменили кадры раздачи еды. Голос продолжил за кадром:

– Ведь это наши советские люди. Пусть они не согласны с решением Президиума Верховного Совета, это, однако, не означает, что их нужно бросить на произвол судьбы. Чтобы протестующие не скучали, на площадь приехали артисты Академического ансамбля песни и пляски имени Александрова.

На экране вновь возник журналист с микрофоном.

– За моей спиной танцующие люди. Никто не собирается прогонять их со Старой площади, как это сообщили западные информационные агентства. Здесь нет военных и милиции. Люди веселятся...

В этот миг к журналисту подлетела женщина. Чмокнув его в щеку, она засмеялась и скользнула в сторону.

– Вот так... – Журналист растерянно потер щеку. – Тут говорят: «Путч! Путч!» Но вы сами все видите. Если это и путч, то он какой-то неправильный...

Сюжет кончился, Владимир Иванович посмотрел на меня.

– Не постановка, – ответил я на его вопросительный взгляд. – Дама сама выскочила. Они же там все выпившие. В Останкино хотели вырезать этот эпизод, но я настоял.

– Правильно! – сказал Концевой. – Получилось искренне. Неправильный путч. – Он усмехнулся. – Вот и название для истории. Ты это хорошо придумал с выпивкой и едой, Сергей! И с ансамблем. Где, кстати, одноразовую посуду брали?

– В «Аэрофлоте».

– Поблагодари всех, кто помогал! – сказал Долгих. – От моего имени. Ансамбль – особенно. Что там сейчас?

– Разошлись, – сказал Концевой. – Чего зря стоять? Им подсказали, люди восприняли. Сейчас солдаты затаскивают мебель обратно, мои люди закрывают и опечатывают кабинеты. Ельцин – во внутренней тюрьме. Как с ним быть? Сажать нельзя – визгу не оберемся, выпустить – боязно. Опять что-нибудь завернет. Не человек, а ядерная бомба. Огромной разрушительной силы.

– Отправьте его послом, – подсказал я. – В Буркина-Фасо.

– Почему именно в Буркина? – удивился Владимир Иванович.

– Далеко от СССР. Взрывная волна не добежит.
Концевой засмеялся и погрозил мне пальцем.
– А если серьезно, пусть там спивается потихоньку.
– Злой ты человек, Сергей! – покачал головой Концевой.
– Наоборот, добрый. Не видели вы, как он, будучи Президентом России, дирижировал оркестром в Германии. Пьяный, естественно. Вся страна от стыда сгорала. Его повесить мало, а мы цацкаемся.

– Ладно, – хлопнул ладонью по столу Владимир Иванович. – Подумаем. Люди собрались? – Он посмотрел на меня.

Я кивнул:

– Идем!

Мы вышли из кабинета, двинулись коридором и остановились перед дверью, ведущей в зал заседаний Верховного Совета.

– Народу много? – спросил меня Долгих.

– Журналистов – с сотню. Дипломатов раз в пять больше. Одних американцев человек десять прибыло во главе с послом.

Долгих поморщился.

– Иди! – сказал Концевой. – Объявляй. Я за кулисами постою.

Я вышел на сцену и пробрался к микрофону, установленному посередине стола президиума. Остановился и окинул взглядом зал. Легкий шумок, царивший в зале, стих. Я физически ощутил на себе взгляды сотен глаз. Хотя, каких сотен! Сейчас на меня смотрят миллионы. Центральное телевидение ведет прямую трансляцию. Сигнал передают за границу. Можно сказать, весь мир притянут к телевизионным экранам. В западных столицах гадают: что случилось в этом таинственном СССР? Очередной переворот в высших эшелонах власти или нечто кардинально меняющее расклад сил в мире? Гадайте!

– Уважаемые товарищи! Леди энд джентльмены! Я – Сергей Девоино, член Государственного комитета по чрезвычайному положению, буду вести эту пресс-конференцию. Приглашаю в зал первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Владимира Ивановича Долгих!

Владимир Иванович вышел на сцену и направился к столу. Первыми вскочили с мест журналисты, следом стали вставать дипломаты. Причем американцы делали это с явной неохотой. Ничего, скоро запрыгаете! Владимир Иванович сел и сделал знак аудитории. Все опустились в кресла.

– Слово товарищу Долгих!

Пока Владимир Иванович читал текст, я не сводил взгляда с сидевших в первом ряду американцев. Выражение их лиц менялось – с презрительно-

настороженного до недоверчиво-удивленного. Ну, так слова, которые сейчас произносил Долгих, западали им в душу. «Возвращение к подлинному народовластию, то есть к демократии... Выборы в Советы всех уровней исключительно на альтернативной основе... Многопартийность. Отмена уголовного наказания за частное предпринимательство, антисоветскую пропаганду и агитацию, тунеядство... Свобода печати и упразднение Главлита... Расширение прав собственников коллективных предприятий, возрождение производственных кооперативов и разрешение на занятие частной деятельностью... Разоружение...»

Удивляйтесь! Мы это сделаем, господа! А вы нам заплатите. За каждый выведенный из Восточной Европы танк, взвод, батальон, дивизию. За объединение Германии и освобождение социалистических стран от идеологической и военной опеки. Вы еще не знаете, во что это вам выльется. А вот я знаю. В той жизни читал воспоминания ваших престарелых политиков. Они хвастались, как развалили СССР, и называли суммы, которые были готовы за это заплатить. Я запомнил. Так что заплатите до последнего цента. И еще будете радоваться, что выиграли холодную войну. Празднуйте! В том времени тоже так было. Пыжились, надували щеки. Пока Россия не вспомнила, что она ядерная держава и у нее есть собственные геополитические интересы. Мы будем с вами дружить, просто душить в объятиях. Нам требуются кредиты и субсидии. Нужно накормить людей и модернизировать промышленность. А дальше... В экономике, так же как в политике, важно знать, по какому пути идти. Что выбрать и на чем сосредоточить усилия. Мир движется к этому пониманию долго, ощупью. А вот мы уже знаем...

Горбачева можно списывать в утиль. Запад его поддержал, надеясь ослабить СССР. Однако ГКЧП предложил больше. Широкомасштабные реформы в экономике и политике и это волшебное слово – «демократия». Генсека выбросят на свалку истории. Ничего личного, только бизнес...

Окончание пресс-конференции аудитория встретила аплодисментами. Стоя. Причем азартнее всех аплодировали не журналисты, а дипломаты. Не все, конечно. Были и кислые лица. Главным образом, смуглые и «загорелые». Звиняйте, хлопцы, но сало кончилось. Режьте друг друга за свой счет.

Довольные, мы с Владимиром Ивановичем вышли в коридор и наткнулись на хмурых Концевого с Варенниковым.

– Что? – насторожился Долгих.

– Мятеж. Военно-политическая академия имени Ленина, – произнес Концевой.

– Не здесь! – сказал Владимир Иванович...

* * *

– Моя вина! – доложил Варенников в кабинете Долгих. – Занимался войсками и упустил учебные заведения. Академии распустили на каникулы, оставив только дежурные группы преподавателей, курсантам в училищах велели сидеть в казармах. На этом успокоились. Зря. Двое сволочей из ГлавПУРа, прикинувшись овечками, организовали мятеж. Сейчас они под замком, но напакостить успели. В академию доставили курсантов из Балашихи, завезли оружие. В основном стрелковое, но есть гранатометы, в том числе автоматические. Боеприпасов – море. Мы это зевнули. Командир части, выделившей оружие, арестован, его ждет трибунал. В академии, по нашим данным, не менее роты вооруженных курсантов. С десятков офицеров – та самая дежурная группа. Среди офицеров есть прошедшие Афганистан. Оборона организована грамотно. В окнах – пулеметы и гранатометы. На переговоры мятежники не идут. Требуют распустить ГКЧП и вернуть власть партии. Поначалу мы не восприняли это всерьез. Думали, объясним людям, что они заблуждаются, и они сложат оружие. Говорили по телефону, в здание нашего представителя они впустить отказались. Слушать не стали. В конце концов, я им сам позвонил. Послали. Меня, министра обороны!

Варенников раздул ноздри.

– Ваши предложения? – спросил Долгих.

– Силовое подавление мятежа.

– Каким способом?

– В лоб штурмовать нельзя – кровью умоемся. Здание академии как оборонительный объект ничего из себя не представляет, но оружия там много. Если пойдем в лоб, потери будут большими. Поэтому подгоним танки и расстреляем издалека. В Кантемировской дивизии подготовлен сводный отряд, ждут только приказа.

– По-другому нельзя? – сморщился Владимир Иванович.

– Я вызвал Управление «А», – сказал Концевой. – Они заняли позиции вокруг училища. Но...

– Что?

– Офицеры не хотят идти в бой. Это ведь не дворец Амина. В академии наши люди. Ладно бы офицеры – те знали, на что шли, но рота пацанов... За что их убивать?

Долгих забарабанил пальцами по столу.

– Не надо крови! – сказал я.

Все трое уставились на меня.

– Нужно отправить парламентаря. Дать ему документ, гарантирующий амнистию всем, кто сложит оружие.

– Они изменили присяге! – нахмурился Варенников.

– Их обманули. Наверняка те из ГлавПУРа наплели им про путч и пообещали поддержку других частей. Они не знают, что остались одни. Или не хотят этому верить. Надо убедить. Послать человека, умеющего говорить. Оптимально – члена ГКЧП.

– Это кого? – вздохнул Концевой.

– Я пойду.

Три взгляда прожгли меня.

– Думаете, не справлюсь?

– Хм! – сказал Концевой. – Это мысль. Убеждать ты умеешь. Только там не дураки засели. Увидят, что перетягиваешь на свою сторону, возьмут и пристрелят.

– Танки, и только танки! – бросил Варенников.

– погоди, Владимир Валентинович! – Долгих посмотрел на меня. – Ты вправду хочешь этого, Сергей?

Я кивнул. Хочу. Нет, не так. Должен. В моем времени мятежа военных не было. И баррикады у ЦК – тоже. Мое вмешательство изменило ход событий не совсем в лучшую сторону. Раньше времени погиб Машеров. Теперь под каток угодили курсанты. Молодые, полные надежд и устремлений. Можно, конечно, утешить себя мыслью, что я кого-то спасал. Жертв маньяков, чернобыльцев... Подбить баланс и успокоиться. Но люди – не цифры в таблице. Каждый из них несет в себе мир – яркий и неповторимый. А мы по нему – из пушек...

– Согласен! – сказал Долгих. – Сделай это, Сергей! Только будь осторожен. На рожон не лезь. Увидишь, что не соглашаются, уходи. Я не хочу выказать твоей семье соболезнования.

– Не придется, – сказал я. – Парламентарей даже фашисты не расстреливали...

* * *

Белый флаг у меня забрали у входа. Встретивший меня капитан сунул его курсанту в бронежилете и каске. Мы вошли в холл академии. М-да...

Баррикада из столов и шкафов. Массивная и правильно выложенная. С ходу не преодолеешь. В импровизированных бойницах торчат головы в касках. Стволов не видно, но направить их на врага – дело секунд. Если штурмующие ворвутся с главного входа – умоются кровью. Затем – курсанты. Это даже мне ясно.

– Туда! – показал капитан.

Узким, ломаным проходом мы миновали баррикаду и поднялись по лестнице. Меня завели в широкую дверь и оставили в приемной под наблюдением. Дежуривший в приемной курсант держал автомат на изготовку. Предохранитель снят. Хорошо, что палец не на спусковом крючке.

Капитан скользнул в кабинет и через минуту выглянул.

– Заходите!

Я последовал приглашению. В кабинете было накурено. За большим столом сидели восемь офицеров. Я присмотрелся. Два полковника, три подполковника, майор и два капитана. В числе последних – мой проводник. Генералов не видно. Значит, руководство академии не при делах. Или трусило, или проявило осторожность. Это хорошо. С генералами трудно. Они уверены, что знают истину в последней инстанции, и любят ее изрекать.

– Здравия желаю, товарищи! – поздоровался я.

– И тебе не кашлять! – отозвался полковник со шрамом на щеке. Остальные промолчали. Значит, меченый у них главный. – Проходи, присаживайся. – Он указал на свободный стул.

Я не заставил себя упрашивать. Некоторое время мы разглядывали друг друга. Я видел себя их глазами. Штатский, одет легкомысленно – в джинсы и пуловер. Сверху – куртка, сейчас расстегнутая. Это меня проверяли насчет оружия. Выгляжу несолидно. Это кого ГКЧП им прислал? Не уважает, что ли?

Я, в свою очередь, составлял мнение о присутствующих. Семеро выглядели вполне нормально. Офицеры как офицеры. Лица насторожены, но в них проглядывает неуверенность. Нормально, сработаемся. А вот один из полковников мне не понравился. Глаза блестят – явно пьяный. Лицо кривит презрительная гримаса. Слишком молод для такого звания – лет тридцати пяти. Щегольски подогнанный мундир, звезды на погонах не обычная фурнитура, как принято, а шитье. Один мой знакомый в той жизни говорил: «Если полковник вышивает на погонах звезды, то он очень хочет стать генералом»... Этот уже не станет.

– Ты кто? – нарушил молчание меченый.

– Сергей Александрович Девойно. Писатель и член ГКЧП.

– Девойно?! – воскликнул один из подполковников. – Я вспомнил вас. Несколько лет назад у нас была читательская конференция, и вы приезжали к нам в гости. Слушателям очень понравилось. Долго обсуждали потом. Хорошие у вас книги.

– Рад слышать.

– Ладно, писатель! – хмыкнул меченый. – Ты сюда не на встречу с читателями пришел. Наверное, предложить что-то хочешь. Что нужно путчистам?

– Путч – это у вас.

– С-сука! – Полковник с вышитыми звездами выхватил пистолет. «ПСМ». Генеральская игрушка, калибром 5,45. Плоский и легкий. Но если выстрелить в упор...

– Угомонись! – рявкнул на него меченый.

Несостоявшийся генерал ругнулся, но пистолет спрятал.

– Путчисты – те, против кого народ, – сказал меченый.

– А вы, значит, считаете, что он за вас?

– Конечно! – взвился обладатель «ПСМ». – Воинские части по всей стране отказываются подчиняться ГКЧП. Люди выходят на улицы. Скоро народ сметет этот путч...

Я засмеялся. Несостоявшийся генерал от неожиданности умолк и свирепо уставился на меня.

– Вы не слушаете радио и не смотрите телевизор?

– Нечего там смотреть! – буркнул обладатель «ПСМ». – Одна пропаганда.

– В академии не было электричества, – вздохнул меченый. – С двух часов. Включили только перед твоим приходом. Так что не слушали и не смотрели.

А вот это уже косяк. Наш.

– Тогда – последние новости. На всю страну случилось только два очага сопротивления ГКЧП. Первый – на Старой площади. Порядка двухсот человек под руководством Ельцина вытащили из здания ЦК мебель и устроили баррикаду. Простояли у нее день. Оголодали и намерзлись. По распоряжению ГКЧП им подвезли горячую еду и согревающие напитки. Ансамбль имени Александрова развлекал их танцами. Люди поели, потанцевали и разошлись по домам. Мебель уже оттащили обратно. Второй очаг – это вы. Здесь дело серьезнее, поскольку появилось оружие. Поэтому отношение соответствующее. Два генерала из ГлавПУРа, заварившие этот мятеж, арестованы и уже в тюрьме.

Полковник с вышитыми звездами дернулся. Все ясно: их порученец.

– Арестован и командир части, снабдивший вас оружием и боеприпасами. Он, так же как генералы, предстанет перед трибуналом. Вокруг академии сосредоточены специальные части. Вам что-нибудь говорит название «Управление «А»?»

Меченый спал с лица. Знает. Добавим:

– Но даже их не хотят бросать в бой. Зачем терять преданных офицеров? Есть предложение подогнать танки и раскатать вас из пушек. И хрен бы с вами, если ума нет. Но здесь курсанты. Пацаны. Вот их жалко. Поэтому ГКЧП предлагает сложить оружие и разойтись. В этом случае трибунала не будет. Происшедшее сочтут недоразумением. Вот!

Я вытащил из кармана сложенный лист и протянул его полковнику. Тот развернул его, пробежал глазами и протянул соседу. Лист пошел по рукам.

– Этому можно верить? – спросил меченый.

– Там подпись первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета и гербовая печать. Вам мало?

– Достаточно! – согласился полковник. – Ладно, предположим, согласны. А что дальше? Мы ведь политруки, а вы партию распустили. Снимай погоны – и на стройки народного хозяйства?

– Это он вам сказал? – Я ткнул пальцем в несостоявшегося генерала. Тот насупился и раздул ноздри. – В ГлавПУРе напели? Чем вы занимались в армии, товарищ полковник? Ну, кроме разъяснения решений КПСС?

– Воспитывал личный состав.

– Вот! – Я поднял вверх палец. – Так что были заместителями по политической части, станете по воспитательной. И все дела.

Меченый посмотрел на офицеров. Те закивали головами. Один вышитый подполковник словно столб проглотил.

– Что застыл, гнида?! – вдруг рявкнул меченый. – Это ведь ты прибежал с посланием из ГлавПУРа. Наплел, что все восстали против ГКЧП. Что скоро придут войска и подавят путч. От нас требуется только поддержать. За что всех повысят в звании и наградят. Вон они, награды! – Полковник ткнул пальцем в окно. – Калибром в 120 миллиметров. А к ним «Управление «А» в придачу. Ты видел, как эти парни работают? Я был во дворце Амина после штурма. Охрану будто косой выкосили – никто не уцелел. Самого Амина грохнули в баре. Кровищи там было – не пройти. Бл..! Сука паркетная!

– А-а-а! – внезапно завопил порученец и выхватил «ПСМ». На меня глянул черный зрачок ствола. Краем глаза я увидел, как, пытаясь помешать, вскочили меченый и другие офицеры. В следующий миг в грудь будто

палкой ударили. С размаху и изо всей силы.
Больно... Темнота...

Эпилог

– Нюхай!

Маринка протягивает мне одуванчик. Тычусь носом в желтый пух, поднимаю голову и изображаю неземное удовольствие. Маринка смеется. Дедушка забавный. И нос у него сейчас в желтой пыльце. Маринка кладет одуванчик на лавочку и убегает рвать остальные. Потом примется плести венок. Она это любит. Из-за этого я не трогаю одуванчики на газоне, хотя Лиля ругается, что развел сорняки.

В мае 2017 года после длительных холодов наконец-то пришло тепло. Греет солнце, в кронах деревьев орут птицы. Или поют? Не важно. Благодать.

Я выжил. Меченый сообразил. Если готовится штурм, то в порядках осаждающих обязательно дежурят «Скорые помощи». Меня бегом вынесли наружу, и подскочившая карета отвезла меня в Склиф. Позже врач сказал: опоздай она хотя бы чуть-чуть... В Склиф доставили и вышитого полковника. Его отделили сами мятежники. Били с душой, едва отобрали. Других жертв не было. Путчисты сложили оружие и разошлись. Их не судили – Долгих сдержал слово.

Что еще? СССР нет. Спасти его не представлялось возможным. Центробежные устремления в стране набирали силу, остановить их можно было лишь кровью, этого не захотели. История повторилась, но в другом варианте. Не было резни на национальных окраинах, штурма телевидения в Вильнюсе, чеченских войн – как первой, так и второй. Развод произошел мирно – по чехословацкому образцу из моего времени. Так что теперь у нас СНГ. Но не Содружество, а Союз Независимых Государств. Пять президентских и две парламентские республики. Общий рынок, валюта, единая внешняя и оборонная политика, свободное передвижение людей, капиталов и товаров. Вторая экономика мира. Первая, естественно, США. Догнать их вряд ли получится. Для этого нужно работать, как янки.

Остальные республики СССР ушли. Их не удерживали. Баба с возу – коню легче. Пусть теперь их Евросоюз и арабские шейхи кормят. Выходит, не сытно. К нам едут. Работают дворниками, водителями троллейбусов, няньками, подсобными рабочими... Наши на такие вакансии не зарятся. Лодыри. Ну, это я ворчу.

Американцы на нас дуются – дескать, обманули. Они-то надеялись, что мы ляжем под них. Счас! Но мы дружим. Через губу, но оружием не

бряцаем. Воевать с нами бояться. Армия СНГ – лучшая в мире, это все признают. Кроме США. Хотя в тиши кабинетов и они – тоже. И оружие в СНГ передовое. В этом времени не гробили военно-промышленный комплекс, не растаскивали предприятия по частям. Советские наработки сохранили и приумножили. Наше оружие нарасхват, продаем не меньше американцев. Прибыльное дело.

В мире два центра силы. Из-за этого меньше войн. Не было «Бури в пустыне», «Арабской весны» и прочего. Саддам Хуссейн умер в постели, а не на виселице, ИГИЛ не появилась, «Аль-Каиду» придушили. Так что башни Всемирного центра в Нью-Йорке стоят. НАТО сидит тихо и от границ СНГ держится в отдалении. Можно ведь и огрести.

Страны бывшего социалистического лагеря с нами дружат. Не дураки. Упускать такой рынок! Так что едут с визитами, подписывают договора. Русский язык в школах учат. Не из любви к нам, а сугубо из прагматических соображений. Образование у нас дешевле, да и работу найти проще. Зарботки в СНГ не уступают европейским.

У нас рыночная экономика, поэтому есть богатые и бедные. А вот олигархи не проросли – питательной среды не было. Госсобственность не раздавали, масштабную приватизацию не проводили. Состояния зарабатывались трудом, поэтому миллиардеров в СНГ мало. И держатся они скромно. Яхты-линкоры не покупают, собак на международные выставки в личных самолетах не возят. Пусть только попробуют! Общественное мнение затопчет вмиг. Здесь перед богачами не стелются.

Теперь о себе. После «неправильного путча» я некоторое время жил в Москве. С роспуском КПСС в идеологии образовался вакуум, его следовало заполнить. Да и другие консультации требовались. Этим и занимался. Литературу забросил, а вот Лиля – нет. Восемнадцатого «Курта» заканчивает. Многие уже не помнят, что серию начинал другой автор. «Курт» по-прежнему популярен, чем Лилия гордится. Критики пишут: «Вышла из тени мужа». Как будто я ее там прятал.

Когда ситуация успокоилась, я вернулся в Минск. Еще при СССР мы купили в Тарасове дом. Тот был ветхим, зато участок большим. Дом снесли, на его месте построили коттедж. В нем и живем. Пятикомнатную квартиру отдали Артему – у него двое мальчиков. Старшенький у меня врач, хирург. Кандидат медицинских наук, между прочим. Ядя – программист. Способности к математике у нее прорезались в школе. Поступила в университет, там же нашла мужа. Парни за ней цугом бежали, но дочка сделала правильный выбор – мамина кровь. Красотой Игорь не блещет, зато голова! У него софтверная компания – лучшая в СНГ. Их

разработки даже американцы покупают. Ядя с семьей живет на соседней улице, Маринка – их дочь. Утром приводят, вечером забирают. Им удобно, а нам в радость.

А вот младшенький у меня как в сказке. В смысле балбес. Хоккеист. Наверняка слышали. Стас Девойно, чемпион мира и Олимпийских игр. Обормот. Успел жениться и развестись. И ведь предупреждали насчет девиц, которые вокруг спортсменов вьются! Не послушал. Теперь дуется на родителей – они оказались правы. Или стыдится. Полгода носу не кажет. На днях в Интернете проскользнула информация: Стаса видели с неизвестной девушкой. Красивой. Но это журналистам она неизвестная, мы с Лилей ее хорошо знаем. Надеюсь, у Даши получится. Нам она нравится.

Пять лет назад не стало отца. Ушел тихо, во сне. Маша после его смерти ударилась в религию, из церкви не вылезает. Еще помогает сестре растить внучек. Любовь – журналистка, работает у меня в холдинге. Не потому, что сестра, а потому, что репортер классный. Перо у нее крепкое, мужское. Блатных я и в том времени на работу не брал. Ну, это я забежал вперед.

После путча я не написал ни одной книги – как ножом отрезало. Чтобы не скучать, открыл газету. Деньги были. В немецком банке за мной числились миллионы марок. К ним добавились рубли. После ГКЧП на книжный рынок СССР хлынула иностранная литература. Наш «Курт» попал в тренд – таких книг советский читатель не знал. Миллионные тиражи, такие же гонорары... Мы с Лилей вмиг стали состоятельными людьми. Я не скупился. Открыл корреспондентские пункты в столицах государств СНГ, затем – за рубежом. Дело пошло. Я знал, какая газета будет востребована, как ее делать и кого пригласить. Спустя год у нас было полмиллиона подписчиков, через три – пять миллионов. После этого тиражи поползли вниз – пришел Интернет. Я к этому готовился, поэтому старт взял вовремя. Новостной сайт с неприязнительным названием «Портал» скоро стал популярным. Новости, аналитика, светская жизнь, торговая площадка, форумы, социальная сеть... Через пять лет на нас работали две тысячи человек. Рентабельность бизнеса составляла сотни процентов. Основной доход давала торговая площадка, где продавали от спичек до «БелАЗов». Да и новости приносили деньги. Реклама на «Портале» была эффективнее, чем на телевидении. Ко мне зачастили с предложениями продать бизнес или хотя бы взять в долю. Американцы, англичане, китайцы... Я посылаю их лесом. Из-за этого цена только росла. Скоро она стала исчисляться миллиардами. Заволновались в руководстве СНГ. «Портал» стал ведущим СМИ на постсоветском пространстве.

Остальные ели из наших рук. В смысле делали свои сюжеты и писали статьи, отталкиваясь от нашей информации. Пресс-секретари глав государств по утрам клали на стол боссам обзоры сообщений «Портала». Влияние его на умы стало огромным. Меня пригласили в Высший Совет СНГ. Когда я вошел в зал заседаний, меня встретили взгляды восьми человек. Председателя Высшего Совета и семи его членов. Пятерых президентов и двух глав парламентов. Многие знакомы еще по прежней жизни. Здесь они тоже у власти. Как это получилось? Спросите чего-нибудь легче!

– Мы не можем допустить, чтобы такое СМИ перешло в руки иностранного владельца, – сообщил мне председатель Высшего Совета Долгих. – Поэтому предлагаем продать его государству.

– Десять миллиардов рублей или пять миллиардов в пересчете на доллары, – озвучил Назарбаев. – Равными долями в течение десяти лет.

– Американцы дают тринадцать, – хмыкнул я. – И сразу.

– Мы рассчитываем, что вы патриот, – с металлом в голосе произнес Путин.

– Тогда забирайте даром, – сказал я.

– То есть? – удивился Долгих.

– Я сам собирался передать «Портал» государству – только позже. Но если нужно сейчас...

– Почему вы отказываетесь от денег? – спросил Назарбаев.

– Мне они не нужны, а моим детям вредны.

Главы государств переглянулись.

– Но у меня будут условия.

– Какие? – насторожился Путин.

– Сделка не разглашается, по крайней мере пока. Пусть все продолжают думать, что ресурс частный.

– Зачем? – поинтересовался Назарбаев.

– Так мы сохраним влияние на умы зарубежных пользователей. Частным СМИ они доверяют больше.

– Разумно, – согласился Путин. – Согласен.

Остальные кивнули.

– Второе. Я остаюсь пожизненным руководителем «Портала». Если решу уйти, то выберу преемника. И его утвердят. Не хочу, чтобы пришлый варяг развалил компанию.

– Насчет варяга вы зря, – сказал Долгих. – Сами хотели просить вас остаться.

– И последнее. Прибыль от «Портала» направляется на социальные

нужды. Строительство клиник, школ, детских садов, оснащение их необходимым оборудованием. Определять, какие объекты финансировать, будем мы.

– Не доверяете Совету? – сощурился Путин.

– Отнюдь, – возразил я. – Но мне будет приятно, если деньги «Портала» пойдут на конкретные дела, а не растворятся в бюджете. Моим сотрудникам это прибавит мотивации.

– Думаю, можно принять, – сказал Владимир Иванович. – Но с одним условием. Финансирование будет распределяться равными долями среди государств СНГ. Любое из них в случае нехватки средств, скажем, для возведения особо значимого объекта, может попросить партнера уступить его долю с возвратом таковой на будущий год.

– Или добавить средств из своего бюджета, – заметил Лукашенко и подмигнул мне.

– Согласен, – сказал я.

На том и порешили.

В 2012 году Союз отметил 25 лет «Неправильного путча». Торжеств по этому поводу не было – ГКЧП стал катализатором распада СССР. Высший Совет СНГ ограничился заявлением, в котором констатировал неизбежность перемен и своевременность принятых мер. Коммунисты провели демонстрации протеста. Они и в этом времени – вечно вчерашние. А вот телевидение и печать событие отметили. Для журналистов ГКЧП открыл дорогу к свободе. Первый канал союзного телевидения организовал ток-шоу в прямом эфире. Пригласили меня. Я прилетел. Меня провели в кабинет для гостей, где я увидел Концевой. Постаревшего и поседевшего, но по-прежнему стройного и подтянутого. Мы обнялись.

– Давно не видел тебя, Сережа! – сказал Константин Константинович, отступив. – Или ты теперь Сергей Александрович и никак иначе?

В глазах его прыгали веселые огоньки.

– Для вас, конечно, Сергей, – сказал я. – Другим тоже можно, но предпочитают по отчеству.

– Так ты же большой человек, – кивнул Концевой. – Медиамагнат, в Высший Совет СНГ вхожий. Нашими и иностранными президентами рукопожатый.

– Хватит издеваться! – буркнул я.

Он захохотал.

– Присаживайся, Сергей! Там интересно.

Я последовал приглашению. Передача уже шла. Юркий и ловкий на язык ведущий расспрашивал какого-то лысого, обрюзгшего типа. Тот

поносил ГКЧП. Уверял, что если бы не «путч», СССР удалось бы сохранить. КПСС никогда бы не позволила развалить страну. Что путчисты совершили переворот сугубо из меркантильных целей – рвались к богатству. В доказательство привел мою фамилию. Члена ГКЧП, ставшего миллиардером.

– Кто это? – спросил я.

– Ярослав Олегович Жинко, секретарь ЦК компартии России, – сказал Концевой. – Не узнаешь?

Я покрутил головой.

– Это он стрелял в тебя в академии.

– Здорово изменился.

– Внешне. А внутри та же гниль.

– Лично меня за попытку выступить против путча жестоко избили, – вещал Жинко. – Месяц пролежал в больнице. Затем судили. Приговорили к семи годам. Кроме того, меня, боевого офицера, воевавшего в Афганистане, лишили воинского звания и заслуженных кровью наград.

– И все это за попытку протестовать? – уточнил ведущий.

– Именно! – подтвердил Жинко.

– Ваша позиция понятна, – сказал ведущий. – Но мы собрались здесь, чтобы услышать разные точки зрения. Я приглашаю в студию бывших членов ГКЧП – генерала армии в отставке Константина Константиновича Концевого и руководителя медиахолдинга «Портал» Сергея Александровича Девойно. Прошу!

Стоявшая позади камер и невидимая телезрителям женщина подняла транспарант «Аплодисменты». Зрители захлопали. Мы с Концевым встали и вошли в студию.

– Присаживайтесь! – Ведущий указал нам на места за столом. – Вы, Константин Константинович, и вы, Сергей Александрович, слышали, что сказал наш гость? – Он указал на Жинко.

Мы кивнули.

– Меня это удивило, – сказал ведущий. – До сих пор считалось, что переворот тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года прошел мирно. Не было крови и пострадавших. А вот наш гость утверждает обратное. Он прав?

– Отчасти, – сказал Концевой. – Но в целом врет.

– Я попрошу! – вскинулся Жинко.

– О чем ты можешь просить? – усмехнулся Концевой. – Боевой офицер... Собираясь сюда, я поинтересовался, кого пригласили в студию. Привык, знаете ли, знать, с кем имею дело. Навел справки. Вот! – Он

достал из кармана и протянул ведущему сложенный листок. – Выписка из личного дела этого типа. Взгляните. Не был он в Афганистане. Дальше Ташкента не залетал. Служил в ГлавПУРе под крылом у своего папеньки-генерала. Типичный паркетный шаркун. Будешь возражать? – Он посмотрел на Жинко.

Тот опустил голову и пробормотал что-то невнятное.

– Теперь о том, кто и за что его бил. После объявления режима чрезвычайного положения в Москве случился вооруженный мятеж. Об этом не сообщали, поэтому многие не знают. Как все произошло? Два генерала из ГлавПУРа, один из которых – папенька этого типа, решили поднять армию против ГКЧП. В воинских частях их слушать не стали. Тогда они отправили этого, – Концевой указал на Жинко, – в военно-политическую академию имени Ленина. Ему удалось обмануть офицеров. Он убедил их, что по всей стране воинские части отказываются подчиняться ГКЧП. Нужно только поддержать. В академию привезли курсантов и оружие...

Концевой помолчал.

– Нам не составляло труда подавить этот бунт. Достаточно было подогнать танки и раскатать здание из пушек. Такое предложение было. Но в академии, кроме офицеров-мятежников, находились курсанты. Полторы сотни пацанов. Тогда Сергей Александрович Девойно вызвался стать парламентаром. Взял белый флаг и пошел к академии. В вас когда-нибудь целились из боевого оружия? – Он глянул на ведущего.

Тот покрутил головой.

– Мне довелось испытать это в Афганистане. Очень неприятное, скажу вам, ощущение. Будто в глаза смерти заглядываешь. На Сергея смотрели десятки стволов. Но он даже не замедлил шаг. Прошел в здание, поговорил с офицерами. Убедил их сложить оружие. И тогда вот этот, – Концевой указал на Жинко, – выстрелил в Сергея из пистолета. В безоружного, в упор. – Генерал сделал паузу. – Чтоб вы представляли: даже фашисты обычно не расстреливали парламентаров. Случаи были, но редкие. А вот у воспитанника КПСС рука не дрогнула. Сергея спасли чудом – пуля прошла рядом с сердцем. Так что кровь при перевороте была. Только пролил ее не ГКЧП. А вот этого, – Концевой указал на Жинко, – отметили обманутые им офицеры. Еле живым из их рук вырвали. Возможно, зря. И судили его не за протест против ГКЧП, а за покушение на убийство. Дали семь лет. По моему разумению, мало. Следовало пятнадцать. Да из тех семи он отсидел едва половину – вышел по амнистии. Я ничего не забыл?

Концевой посмотрел на Жинко. Тот вдруг вскочил и выбежал из

студии.

– На воре и шапка горит, – прокомментировал это генерал. – Теперь о целях переворота. Мы хотели спасти СССР. К сожалению, не получилось. Народы устали от волюнтаризма КПСС и не хотели подчиняться центру. Пришлось пойти на развод. Похожее случается между супругами. Устанут друг от друга и разведутся. А спустя время осознают: вместе им лучше. Так произошло и с бывшими советскими республиками. И что? Кто от этого потерял? Уровень жизни в СНГ не уступает европейскому, социальные гарантии – как в Германии и Швеции. У граждан две проблемы: как похудеть и где припарковать автомобиль.

Женщина за камерами подняла транспарант. Студия заплодировала.

– Теперь о миллиардере Девойно, – продолжил генерал. – Смешно слышать, что Сергей Александрович поддержал ГКЧП с целью стать богатым. К тому времени он уже был миллионером, причем долларовым. Его книги издавались за рубежом огромными тиражами. Сергей мог уехать за границу и переждать там тяжелые времена. Но он не только остался в стране, но и активно содействовал перевороту. Едва не погиб. Затем помогал проведению реформ. Мог сделать отличную карьеру. Ему предлагали пост министра, но он отказался. Ведь так?

Концевой посмотрел на меня. Я кивнул – было. В Беларуси даже звали вице-премьером – с перспективой стать первым. Еле отбился.

– Свой медиахолдинг он создавал сам, без чьей-либо помощи. Не брал кредитов, не просил содействия. Просто работал. В результате возник бизнес, на который стали облизываться за рубежом. Американцы предлагали за «Портал» тринадцать миллиардов долларов. А Сергей Александрович передал его государству безвозмездно. Вот такой «путчист».

Студия вновь захлопала. В этот раз без указания ассистента.

– Вы просто поражаете нас откровениями, – покачал головой ведущий. – Готовясь к передаче, мы изучили материалы, в том числе биографии приглашенных лиц. Ничего из того, что вы нам поведали, в них нет. Я имею в виду Девойно.

– Сергей Александрович очень скромный человек, – усмехнулся Концевой. – Вы вот знаете, что он Герой Советского Союза?

– Что? – поразился ведущий.

– Награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1988 года. Номер 12777 в списке Героев. К слову, Сергей Александрович стал последним, удостоенным этого звания. Я мог бы многое рассказать о моем друге. К сожалению, не могу. Сведения

секретные. Сомневаюсь, что их когда-либо обнародуют. Замечу лишь, что тысячи, если не миллионы людей на нашей планете обязаны Девойно не только благополучием, но и самой жизнью. Поэтому я сделаю так, – Концевой встал. – Мне семьдесят восемь лет, Сергею – на двадцать меньше. Я генерал армии, а он – сержант запаса. Тем не менее я кланяюсь ему в ноги. – Он согнулся в поклоне. – Спасибо тебе, Сергей! От всех нас.

Студия вскочила и бешено заплодировала. Сама. Я встал и обнял генерала.

– Зачем? – шепнул ему на ухо.

– Пусть знают, – таким же шепотом ответил он. – Мне недолго осталось. Уйду – забудут. Надо, чтоб помнили. Чтобы ни одна гнида более не вякнула по твоему адресу. Борьба не окончена, Сергей. И мы с тобой по-прежнему на передовой...

Тем же вечером, открыв «Портал», я увидел на главной странице звезду Героя Советского Союза. Большую, в правом углу. Ниже стояла ссылка на видеозапись передачи. Я открыл Википедию. В статье обо мне добавилась информация о награде. А на моем фото кто-то прилепил к пиджаку звезду Героя. Я выругался, набрал пароль и убрал безобразие с главной страницы. В Википедии – тоже. А утром увидел все это вновь. Я поехал в офис и собрал заместителей.

– Прекратите заниматься херней! – сказал, стукнув кулаком по столу. – Жополизы! Уволю!

– Не надо ругаться, Сергей Александрович! – улыбнулся Никифоров, мой заместитель. – Никто не лижет. Ребята просто горды. Успешных компаний в мире много. Но ни одну из них не возглавляет такой человек. Вчерашняя передача всех просто убила. Смотрели не по одному разу. Что мы? Число посещений «Портала» побilo все мыслимые рекорды. Форумы кипят. Все спорят, что вы такое сделали, что вам поклонился генерал армии, бывший председатель КГБ СССР?

– И какие версии? – поинтересовался я.

– Самая популярная, что вы инопланетянин, который прибыл на Землю, чтобы спасти нашу цивилизацию.

– Неплохо! – оценил я. – Пусть так и остается.

– А на самом деле? – спросил Никифоров. Заместители оживились и уставились на меня.

– Цыц, золотая рота! – озлился я. – Не слышали про секретность?

– Но Сергей Александрович... – протянул Никифоров.

Вот не боятся они меня. Совсем. Распустились.

– Ничего особенного я не сделал. Просто оказался в нужное время в

нужном месте. Причем даже не по своей воле.

– Но генерал... – начал Никифоров.

– Он пожилой человек. В его возрасте люди становятся чувствительными и сентиментальными. Все, коллеги! Звезду Героя с главной страницы убрать! Гордость гордостью, но это моя награда. И мне решать, где ее показывать. Статью в Вики можно оставить. Закончили!..

– Маринка! Сергей! Идите есть!

Лиля. Не заметил, как время обеда подошло. Маринка, подсакивая, бежит к бабушке. Поесть она любит.

– Сейчас, дорогая!

Достаю смартфон. Надо проверить. Не «Портал» – там все в порядке. Утром заглядывал, просто по привычке. Холдинг тянет Саша Никифоров, мой первый зам. Я в офис не езжу. Старый стал, ленивый. Вру. Саше пора привыкать к самостоятельности. Закончится год – выдвину преемником. Давно пора. А то обидится и сбежит. Где я такого найду? А сам буду косить газоны и писать мемуары. Имею право – старейший житель планеты, как-никак. 125 лет. Подать, что ли, заявку в Книгу рекордов Гиннесса? Три раза «ха-ха».

Вбиваю в поисковую строку браузера «Писатель Сергей Девойно». Интернет выбрасывает миллионы ссылок. «Сергей Девойно – медиамагнат»... «Девойно – руководитель «Портала»... Страница, другая, третья... Вот и «писатель Лилия Девойно». Десять, двадцать, тридцать страниц... Любят Лилю читатели. А вот писателя Сергея Девойно в Сети нет. Забыли. Ну, хрен с ним!

Примечания

1

Самообеспеченность, самодостаточность.

Московский государственный институт международных отношений.

Психиатрический диспансер в Минске.

Василий Песков, журналист «Комсомольской правды» в 1964 г.

Братья Анатолий и Валерий Аграновские, самые известные журналисты той поры. Анатолия называли «журналистом номер один».

Река в Беларуси.

Поэт, классик белорусской литературы. Дебютировал в 16 лет, а всего прожил 25.

Ложь (*нем.*).

Метрика – свидетельство о рождении. В 50-е годы в СССР в случае отсутствия у ребенка официального отца в соответствующей графе ставили прочерк.

В СССР – отдел борьбы с хищениями социалистической собственности. В его юрисдикцию входила борьба со взяточниками.

Автором это не выдумано, так и было.

Квят – цветок по-польски.

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР. Осуществляло цензуру печатных произведений.

Идем! Я у председателя «уазик» одолжил (белорус.).

Свадзьбу гдe думаетe играть? В Минске? (белорус.)

А как это у тебя нет родни? (*белорус.*)

Ухватом (белорус.).

Центральный дом литератора.

Лечебно-трудовой профилакторий. Исправительное учреждение, куда по решению суда направляли злостных алкоголиков. При этом пребывание в ЛТП судимостью не считалось. В Беларуси действуют до сих пор.

Евгений Иванович Скурко (Максим Танк) с 1966 по 1990 г. возглавлял
Союз писателей БССР.

В то время улица, сейчас – проспект.

То же самое, что «ходок» по-русски. В белорусском языке это слово имеет уничижительный смысл.

ВААП – Всесоюзное агентство по авторским правам. Обладало монопольным правом на публикации произведений советских писателей (а также – композиторов, художников и т. д.) за рубежом.

Стихи Константина Симонова.

Автор знает, что эти слова произнес другой писатель, в другое время, но тоже перед немцами. И их реакция была аналогичной.

Инициатором создания этого Фонда стал тогдашний министр иностранных дел Беларуси П. К. Кравченко.

Епишев А. А. возглавлял ГлавПУР с 1962 по 1985 г.

Имя (нем.).

Дорогие дамы и господа! *(нем.)*

Белорусский аналог «Березки».

«Фракция Красная Армия» – немецкая леворадикальная террористическая организация.

Презрительное прозвище британских солдат.

Александров Анатолий Петрович, крупный советский физик, в ту пору – президент Академии наук СССР. Трижды Герой Социалистического Труда. Один из основателей советской ядерной энергетики.

РБМК – реактор большой мощности канальный. Именно такой взорвался на Чернобыльской АЭС.

Долгих Владимир Иванович. В ту пору секретарь ЦК КПСС. Курировал тяжелую промышленность и энергетику.

С этой песней случился скандал. Эдуард Хиль исполнил ее на официальном концерте по просьбе Юрия Гагарина. Присутствовавшие на концерте генералы обиделись, и ГлавПУР на год отлучил Хиля от гастролей. Но Гагарин заступился, сказав, что это песня про итальянских генералов. После этого петь ее разрешили.